

НИК БАРОН

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ВЛАСТЬ И ПРОСТРАНСТВО

Автономная Карелия
в Советском государстве, 1920–1939

**Уполномоченный по правам человека
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина»

**Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

NICK BARON

SOVIET KARELIA
POLITICS, PLANNING
AND TERROR IN STALIN'S
RUSSIA, 1920-1939

LONDON AND NEW YORK
ROUTLEDGE
TAYLOR & FRANCIS GROUP
2007

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

НИК БАРОН

ВЛАСТЬ И ПРОСТРАНСТВО

Автономная Карелия
в Советском государстве, 1920–1939

Москва
2011

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-36; 63.3(2)6-4
Б24

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер д'Анкокс (*Hélène Carrère d'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Барон Н.

Б24 Власть и пространство. Автономная Карелия в Советском государстве, 1920–1939 / Н. Барон ; [пер. с англ. Е. В. Мухиной]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. — 400 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1521-9

Ник Барон, преподаватель российской и восточноевропейской истории XX в. и исторической географии в Ноттингемском университете (Великобритания), используя недавно рассекреченные документы партии, а также государственных и правоохранительных органов, прослеживает развитие советской Карелии в межвоенный период.

Приход Сталина к власти внес изменения в отношение к национальным окраинам (перифериям) — государственная граница с внешним миром закрылась, и значительная часть территории республики была отдана под трудовые лагеря ГУЛАГа, которые контролировались НКВД–КГБ.

В книге также пойдет речь о политических отношениях между Москвой и региональными лидерами Карелии, территориальном, экономическом и демографическом развитии региона, массовых репрессиях против местного населения, начавшихся в 1937 г.

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-36; 63.3(2)6-4

ISBN 978-5-8243-1521-9

© Authorised translation from the English language edition published by Routledge, a member of the Taylor&Francis Group
© Российская политическая энциклопедия, 2011

СОВЕТСКАЯ КАРЕЛИЯ

В 1920 г. Ленин утвердил план преобразования Карелии, российской территории, граничащей с Финляндией, которая должна была стать примером советской автономной области. Он хотел показать, чего можно достичь с помощью социалистической политики национальностей и экономического планирования, а также убедить другие страны следовать этому примеру. Приход Сталина к власти внес изменения в отношение к национальным окраинам (перифериям) – если ранее ключевым фактором образцового развития Карелии была поддержка местной автономии, то теперь государственная граница с внешним миром закрылась и значительная часть территории республики была отдана под трудовые лагеря ГУЛАГа, которые контролировались НКВД (впоследствии КГБ).

Используя недавно рассекреченные документы партии, а также государственных и правоохранительных органов, автор прослеживает развитие советской Карелии в межвоенный период. Кроме того, в книге пойдет речь о политических отношениях между центральной властью в Москве и региональными лидерами, которые менялись на протяжении этого времени, о территориальном, экономическом и демографическом развитии региона, а также о массовых репрессиях против местного населения, начавшихся в 1937 г.

Ник Барон преподает российскую и восточноевропейскую историю XX в. и историческую географию в Ноттингемском университете (Великобритания). Он автор книги *The king of Karelia: Col P. J. Woods and the british intervention in North Russia, 1918–1919* (2007), соедитор книги *Homelands: war, population and statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924* (2004) и сборника документов «Советская лесная экономика. Москва–Север. 1917–1941 гг.» (2005). В настоящее время Ник Барон работает над историей советской картографии.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен многим людям за доброту, помощь и вдохновение, которое они мне дарили, пока я писал исследование.

Это библиотекари Грэхем Дикс и Нигель Харвер из Бейковской библиотеки (перемещенной в европейский ресурсный центр) Бирмингемского университета (Великобритания), Кэрол Мензис из славянской и восточноевропейской секции Бодлианской библиотеки (Оксфорд), Ирину Такала и ее коллег из Национальной библиотеки республики Карелия (Петрозаводск), сотрудников Российской государственной библиотеки (РГБ) им. Ленина, Государственной публичной исторической библиотеки (Москва) и Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург). Также выражаю благодарность сотрудникам славянского и восточноевропейского отделений Британской библиотеки, славянского и балтийского отделений Нью-Йоркской публичной библиотеки и Батлеровской библиотеки при Колумбийском университете (Нью-Йорк).

Сотрудники Карельского государственного архива новейшей истории и Национального архива Республики Карелия не только содействовали мне в поиске материалов, но и устраивали щедрые и обильные застолья. Я также благодарен сотрудникам архива управления ФСБ по Карелии (хотя там обошлось без угощений). В Москве меня поддержали сотрудники Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики и Архива внешней политики Российской Федерации. Огромное спасибо директорам Российского государственного военного архива (Москва), Российского государственного архива военно-морского флота (Санкт-Петербург) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга за полезные советы. Выражаю особую благодарность Брюсу Абрамсу из архива секретариата округа Нью-Йорк и сотрудникам Бахметевского архива Колумбийского университета (к сожалению, в связи с ограниченным объемом книги большую часть найденного там материала пришлось исключить из окончательной версии).

Хотелось бы особенно отметить историков Илью Соломича из Петрозаводска – его дружба и советы очень меня поддержали, а также поблагодарить Юрия Килина, Ирину Такала, Светлану Яловищину,

Льва Суни и Елену Дубровскую. Среди финских коллег я очень обязан Марку Кангаспуру и его инновационному исследованию национальной политики в Карелии, Пеке Кауппале, чья докторская диссертация, посвященная советской истории Карелии, стала исходной точкой моей работы. Спасибо Антти Лейне, Сари Аутио и Марку, которые сопровождали меня в моих многочисленных поездках в Петрозаводск. В Манчестере разобраться в тонкостях финской политики мне помогал Кирси Валимаки. Московские специалисты Олег Хлевнюк и Павел Полян поделились со мной знаниями о начальном периоде советской истории и сведениями о российских архивах. В Великобритании мне очень помогли сотрудники и студенты Центра российских и восточноевропейских исследований (ЦРВЕИ) Бирмингемского университета, участники цикла семинаров о советской индустриализации в Бирмингеме, Питер Гатрелл из Манчестерского университета и мои коллеги по школе истории при Ноттингемском университете.

Также хочется поблагодарить за помощь во время подготовки книги Екатерину Андрееву, Пола Остина, Эдда Бекона, Джона Барбера, Александра Чубарьяна, Джулиан Купер, Сару Девис, Майкла Гелба, Владимира Гимпельсона, Марка фон Хагена, Тапио Хеминена, Джеймса Харриса, Джона Ерл Хайнеса, Питера Холкиста, Рейно Керо, Ярмо Кескинена, Ауво Костияйнена, Сергея Кроленко, Василия Макурова, Жореса Медведева, Морин Перри, Александра Прокопова, Гарри Шукмена, Элисон Стеннинг, Сергея Веригина и покойного Дерека Ветсона. Ученые Марк Бессин, Питер Гетрелл, Андреа Грациози, Маркку Кангаспуру, Гис Кесслер, Юрий Килин, Эрфон Рис, Джереми Смит, Илья Соломич, Ирина Такала и Тимо Вихавайнен великодушно поддерживали меня в процессе написания книги. Замечания Тэрри Мартин, Марка Харрисона и Дэниса Шоу, касающиеся сигнального экземпляра, помогли усовершенствовать работу. Отдельно хочу поблагодарить Боба Девиса, который был со мной на протяжении всего проекта. Безусловно, вся ответственность за любые ошибки в книге лежит только на мне.

Некоторые из материалов, представленных в этой книге, легли в основу следующих статей: *Conflict and Complicity: the Expansion of the Karelian Gulag, 1923–1933* (*Cahiers du Monde Russe*. № 42 (2–4). 2001. P. 615–648); *Production and Terror: the Operation of the Karelian Gulag, 1933–1939* (*Cahiers du Monde Russe*. № 43 (1). 2002. P. 139–180); *Stalinist Planning as Political Practice: Control and Repression on the Soviet Periphery, 1935–1938* (*Europe-Asia Studies*. № 56 (3), 2004. P. 439–462); «Карельская АССР» (Rees E. A. *Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941*. London, 2002. P. 116–148). Другая моя работа, посвященная советской Карелии, появилась в журнале *Ab Imperio* (*Kritika. Journal of Historical Geography // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*) и в работе «Советская власть – народная власть?» (под. ред. В. Тимо. СПб., 2003); в сборнике «Россия и ее регионы в XX веке: терри-

тория, расселение, миграции» (под ред. О. Б. Глезер, П. М. Поляна. М., 2005); *La frontiere communiste de L'europe. De la revolution d'Octobre a la destalinisation* (S. Coeur., S. Dullin. Paris, 2008). Я благодарен редакторам и читателям этих журналов и книг за критику и советы, которые помогли мне улучшить анализ тем, поднятых в данной работе.

Я вдвойне обязан Совету по экономическим и социальным исследованиям Великобритании (СЭСИ). Начав работу над историей советской Карелии как партнер по исследованиям ЦРВЕИ (Бирмингем) в проекте «Экономическое развитие и отношения центр — регион в советской административно-командной экономике» (ведущие исследователи д-р Е. А. Рис, проф. Р. В. Дейвис), я через год получил грант от СЭСИ, который позволил мне продлить исследование еще на три года (два из которых я провел в России). Я также благодарен Международной ассоциации по содействию сотрудничеству с учеными новых независимых государств (ИНТАС) за финансирование совместного итальянско-французско-российского проекта «Список источников для исследования советской истории и общества» (2000–2003 гг.). В проект меня пригласил Андреа Грациози, что дало мне время для дальнейшего исследования лесной промышленности Карелии. Большая часть найденных тогда документов была опубликована в уже упоминавшемся сборнике «Советская лесная экономика. Москва–Север. 1917–1941 гг. Один из моих соредакторов отвечал за идентификацию и отбор документов, которые я ранее не использовал в исследованиях, поэтому я цитирую их по прежним публикациям. Все остальные тексты взяты из архивов. Позже британский Совет по искусству и гуманитарным наукам и Ноттингемский университет предоставили мне оплачиваемый отпуск, и я, наконец, закончил работу, чему до этого мешала груда студенческих курсовых и масса административных обязанностей.

Я благодарен Линде Дэйвс за точные и оригинальные рисунки карт, Елене Усачевой из Национального архива Республики Карелия за идентификацию и воспроизведение иллюстраций для этой книги, Питеру Соудену и Тому Бейтсу из издательства Routledge за профессиональное редактирование.

С теплотой вспоминаю Татьяну Хабарову, принимавшую меня в Москве. Очень благодарен гостеприимным жителям Петрозаводска Валерии Михалко, Андрею Резникову, Вале и Але Витухновским, Анатолию Доспехову и его жене. Огромное спасибо Нине Николаевне Калитиной, выдающемуся искусствоведу, сделавшей время, проведенное мной в Санкт-Петербурге, незабываемым. Спасибо Биллу Фишмену, члену Социального общества истории, моему наставнику и другу еще со школьных лет, проведенных в восточном Лондоне. Особенную и глубокую благодарность я испытываю к моей матери Делорес Барон и жене Лене.

Эта книга посвящена памяти моего отца, Александра Барона (1917–1999).

ПРИМЕЧАНИЯ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ

При царском режиме самой большой территориальной единицей в России считалась губерния, что идентично современному понятию «область». Следующей по величине единицей был уезд, затем волость, округ (погост). После большевистской революции благодаря реформе, которая описывается в главе 2, появилась трехступенчатая система: область, или край (оба термина обозначают регион), затем район и деревня (сельсовет). Я стараюсь сохранять российские термины, чтобы избежать путаницы, но для минимизации повторений иногда также использую английские аналоги.

ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Один погонный метр (сухой срубленной древесины, длина ствола, включая кору) = приблизительно 1,3 куб. м (1,7 куб. ярда);

Одна куб. сажень = приблизительно 9,7 куб. м (12,7 куб. ярдов);

Одна десятина = приблизительно 1,1 га (2,7 акра);

Одна верста = приблизительно 1,07 км (0,7 мили);

АРХИВНЫЕ ССЫЛКИ

Ссылки на архивные материалы даны следующим образом:

Архив (используется сокращение, см. библиографию). Фонд. Описание. Дело. Лист, например, КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–299. Л. 1. Когда есть отдельная папка или коробка, я включаю ее в первую половину номера дела (пример выше, папка 142).

СОКРАЩЕНИЯ И АКРОНИМЫ

АКССР	Автономная Карельская советская социалистическая республика
АССР	Автономная Советская Социалистическая Республика
ББО	Беломорско-Балтийское объединение (ОГПУ–НКВД)
ББВМ	Беломорско-Балтийский водный маршрут
Белбалтлаг	Беломорско-Балтийский исправительный трудовой лагерь (ОГПУ)
Беломорстрой	Администрация строительства Беломорканала (ОГПУ)
Чекист	сотрудник ВЧК, позже ГПУ–ОГПУ–НКВД
Коминтерн	Коммунистический Интернационал (международный коммунистический комитет)
ЭКО	Экономический отдел (НКВД)
ЭКОСО	Экономическое совещание
ФКП	Финская коммунистическая партия
ГЭС	Гидроэлектростанция
ГЭП	Гидроэлектропроект (НКТП)
Главэнерго	Главное управление энергетикой (НКТП)
Главсевбумпром	Главное управление целлюлозно-бумажной промышленности северного района (Наркомлес)
Главсевлес	Главное управление лесозаготовок, сплава и лесного хозяйства (Наркомлес)
ГОЭЛРО	Государственный план электрификации России
Горком	Городской комитет
Госплан	Государственный плановый комитет
ГПУ	Государственное политическое управление (региональная политическая полиция, 1922–1934 гг.)
ГУГБ	Главное управление государственной безопасности (центральный аппарат НКВД, с 1934 г.)

ГУЛАГ	Государственное управление лагерей (ОГПУ–НКВД, с 1930/1931 гг.)
ГУМЗ	Главное управление мест заключения (под контролем НКВД, 1922–1930 гг., затем при Наркомюсте)
Исполком	Исполнительный комитет
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
Карелбумтрест	Карельский бумажный трест
Карелэнерго	Карельский энергетический трест
Кареллес	Карельский трест лесной промышленности
Карплан	Карельская плановая комиссия
Колэнерго	Кольский энергетический трест
Кондострой	Строительная организация Кондопоги (строительство на начальном этапе ГЭС и целлюлозно-бумажной фабрики, 1920-е гг.)
КПК	Комиссия партийного контроля (подчинялась ЦИК)
КТК	Карельская трудовая коммуна
Ленлес	Ленинградский трест лесной промышленности
Леспромхоз	Лесное промышленное хозяйство
ЛВО	Ленинградский военный округ (район)
Нарком	народный комиссар
Наркомфин	Народный комиссариат финансов
Наркоминдел	Народный комиссариат иностранных дел
Наркомюст	Народный комиссариат юстиции
Наркомхоз	Народный комиссариат жилищно-коммунального хозяйства
Наркомлегпром	Народный комиссариат легкой промышленности
Наркомлес	Народный комиссариат лесной промышленности
Наркомместпром	Народный комиссариат местной промышленности
Наркомнац	Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомобороны	Народный комиссариат обороны
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
Наркомпуть	Народный комиссариат путей сообщения
Наркомсобес	Народный комиссариат социального обеспечения
Наркомторг	Народный комиссариат торговли
Наркомтруд	Народный комиссариат труда

Наркомвоенмор	Народный комиссариат по военным и морским делам
Наркомвнешторг	Народный комиссариат внешней торговли
Наркомздрав	Народный комиссариат здравоохранения
Наркомзем	Народный комиссариат сельского хозяйства
НКТП	Народный комиссариат тяжелой промышленности
НКВД (1) (до декабря 1930 г. республиканский)	Народный комиссариат внутренних дел
НКВД (2) (с июля 1934 г. всесоюзный)	Народный комиссариат внутренних дел
Обком	Областной комитет
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление (центральная политическая полиция, 1923–1934 гг.)
Онегтрест	Онежский металлургический завод
Оргбюро	Организационное бюро ЦК
ОРПО	Отдел руководящих партийных органов (партийные кадры)
ОТП	Отдел трудовых поселений (ГУЛАГ ОГПУ–НКВД)
Политбюро	политическое бюро ЦИК
Политотдел	политический отдел
ППО	первичная партийная организация
Рабкрин	Рабоче-крестьянская инспекция
Райком	районный комитет
Ревком	Революционный комитет
РВС	Революционно-военный совет
РСФСР	Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
Северолес	Северный трест лесной промышленности
Севзапэкосо	Северо-западное экономическое совещание
Севзаплес	Северо-западный трест лесной промышленности
Севзалстрой	Северо-западный строительный концерн
Севзаптранслес	Северо-западный трест транспортной лесной промышленности (Наркомпуть)
СИЗО	Следственный изолятор (в ГУЛАГах)
СЛОН	Соловецкий (ранее Северный) лагерь особого назначения (ОГПУ, 1920-е гг.)
Совнархоз	Совет народного хозяйства

Совнарком	Совет народных комиссаров
Сунастрой	Сунское строительное управление (отвод реки и строительство дамбы у Кондопоги, 1930-е гг.)
ЦИК (Карелия/Союз)	Центральный исполнительный комитет (законодательство)
ЦК	Центральный Комитет ВКП(б)
ЦКК	Центральная Контрольная Комиссия
ЦСНХ	Центральный Совет Народного Хозяйства
УГБ	Управление государственной безопасности
УНКВД	Управление Народного Комиссариата Внутренних Дел
УСЛОН	Управление соловецкого лагеря специального назначения (ОГПУ)
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (политическая полиция, 1918–1922 гг.)
ВСНХ	Высший Совет Народного Хозяйства
ВКП	Всероссийская (с 1924 г. Всесоюзная) Коммунистическая Партия (большевиков)
ВОХР	военизированная охрана (ГУЛАГов)
ВРК	Военно-Революционный Комитет
ВЦИК	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
«Желлес»	Лесозаготовительный трест Мурманской железной дороги

«...Центр или точка сосредоточения — место жертвоприношения, место, где накопленная энергия, которой нужен выход, должна, в конечном счете, взорваться. Каждый период, каждый способ производства, каждое обособленное общество создает свой центр. ...Что отличает современное общество в этом вопросе? Только то, что центр теперь стремится быть абсолютным. Таким образом, вольно или невольно, появляется претензия на политическую рациональность (государственную или «городскую»). Представители техноструктур, проектировщики, должны оправдать эту претензию. При выполнении своих задач они не приемлют диалектику. И действительно, центрированность такого порядка отвергает все периферийные элементы с обычным для данного периода насилием. Такая центрированность (точнее, централизация) добивается своей цели — объединения, — не позволяя излишнему философствованию увести себя от стратегической задачи. Вопреки противостоянию сил (настроенных, с одной стороны, нетерпимо, а с другой — лояльно к властям) — центр продолжает эффективно концентрировать богатство, знания, информацию и “культуру”.

...Поэтому взаимодействие между центром и периферией неоднозначно. Это мобилизует вашу логику и диалектику, следовательно, оно вдвойне продумано. Если вы используете только логику, формальную или прикладную, налицо изучение проблемы лишь с одной стороны, диалектика забыта. Правда, никогда не удастся избежать противоречий. Если каждый станет применять только диалектику, т. е. теорию противоречий, в результате все равно придет к логике, к последовательности и слаженности. Истина в том, что ни один подход не является обязательным. Централизация может породить прикладную логику (стратегию), а может привести к полной утрате идентичности».

А. Лефевр
(*The production of Space. Oxford, 1991. P. 332–333*)

ВВЕДЕНИЕ

Летом 1915 г. Генеральный Штаб Российской Империи начал работу по расширению недавно построенной железнодорожной линии от Петрограда на Петрозаводск и через центральную и северную Карелию до Мурманска, находящегося на арктическом побережье Кольского полуострова. Так как российские порты в Черном и Балтийском морях были блокированы немцами, потребовалось новое место для беспрепятственного импорта товаров и продовольствия из западных стран – участников альянса. Также возникла необходимость переправлять эти грузы в глубь страны для нужд осажденной армии по новой железнодорожной линии.

Сама схема не была оригинальной. За двадцать лет до этого министр путей сообщения Сергей Витте предложил проложить железную дорогу, чтобы стимулировать освоение территории и природных ресурсов Карелии и Кольского полуострова. Несомненно, он мечтал о переоценке экономического значения северо-западной периферии царской империи. Его идея, однако, провалилась из-за придворных интриг и нехватки средств¹.

Теперь армия должна была как можно быстрее воплотить в жизнь этот план. Военные изучали старые записи, в срочном порядке печатали новые карты и проекты, проводили ревизию оборудования и мобилизацию рабочей силы. Более 10 тыс. военнопленных направили на строительство в северные территории. Вербовщики привлекли еще более 60 тыс. рабочих со всех уголков империи и из-за рубежа. Татары и китайцы, сибиряки и жители Средней Азии работали бок о бок, кирками и лопатами прокладывая путь сквозь скалы, густые леса, через реки. Это была единственная железная дорога в Карелии, территория которой полгода была топкими болотами, промерзавшими в

¹ Juntunen A. Power and the railway // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность / под ред. С. Б. Кореневой, А. В. Прохоренко. СПб., 1996. С. 272–275. См. также: Labry R. La Ligne Mourmane. Son trace, son importance economique, les richesses minerals de la region qu'elle traverse. Petrograd, 1919. P. 8–9.

остальную часть года. Чем дальше на север, тем с большим упорством приходилось бороться с каменистой почвой и вечной мерзлотой².

Работы особенно осложнялись в зимний период, когда приходилось строить при свете факелов и костров. Примитивные условия жизни, плохая еда, суровый климат, а также полярная ночь, особенно в самой северной части дороги, истощали людей, отбивали желание работать и способствовали бунтам, жестоко подавлявшимся начальством.

Но арктическое лето также таило в себе трудности. Среди рабочих было несколько сотен мусульман из Средней Азии. Согласно обычаю в течение святого месяца Рамадана правоверные должны соблюдать пост до заката. К сожалению, в 1915 г. Рамадан выпал на полярный день. В течение первых 15 суток солнце не садилось³. Рабочие-мусульмане ничего не ели и довели себя до истощения. По словам французского инженера, это была «трагическая ситуация»⁴.

Эта книга о конфликте между позицией государства и местными особенностями, стратегией модернизации и повседневной реальностью, запланированными целями и средствами их реализации, непредвиденными обстоятельствами в процессе освоения пространства и устойчивостью окружающей среды, между человеком и природой. Данная работа направлена на исследование некоторых из этих конфликтов в контексте развития Карелии в 1920–1930-х гг.

Книгу можно также воспринимать как аллегорию на актуальную в российской истории тему: разрушительное воздействие государственных планов, нацеленных на достижение прогресса. Во время строительства Мурманской железной дороги военные власти все-таки продемонстрировали способность к компромиссу: они оперативно эвакуировали мусульманских рабочих на юг, где несколько часов летней темноты позволяли им соблюдать пост без риска умереть от голода. Главной темой этой работы является сталинский режим, который в своем стремлении объединить государство, обеспечить неограниченную власть и модернизировать страну перед угрозой войны противостоял серьезным региональным конфликтам, возникавшим

² Kandaouroff P. Le chemin der Fer de Mourmansk / *Revue de Genie Militaire*. № 60. 1927. P. 260. Надо заметить, что, по мнению Юнтунена, число рабочих достигало 140 тыс. чел. См. также: Nachtigal R. Die Murmanbahn: die Verkehrsanbindung eines kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen (1915–1918). Grunbach, 2001.

³ Рамадан в 1915 г. пришелся на период с 19 июля по 13 августа (первый быстрый закат пришелся на 28 июля).

⁴ Kandaouroff P. Le Chemin der Fer de Mourmansk. P. 262.

как следствие государственного управления. Подобные мятежи регулировались отнюдь не компромиссами, а все более радикальными реакциями и репрессиями.

Советские пространственные концепции и стратегии отразили общую радикализацию в межвоенный период. При Ленине периоды международного революционного экспансионизма чередовались с централизацией государства. Впоследствии программа Сталина о построении социализма в одной стране способствовала закрытию советского пространства, которое распространяло всю энергию революции внутри страны, где центр стремился к созданию унитарного государства. Этой стратегии, в терминологии Лефевра «прикладной логики», мешали многочисленные противоречия, образовавшиеся из отношений центр – периферия – фундаментального элемента строительства современного государства⁵. Стоит заметить, что стратегия сталинского развития в межвоенный период затрагивала цели реформирования, средства его достижения и влияние на неразбериху и конфликты, а по интенсивности и масштабности эту политику можно вполне оправданно назвать тоталитарной.

Московские политики изменяли границы, передвигали на карте населенные пункты, истощали природные и человеческие ресурсы для сиюминутных целей, подавляли старые культурные традиции и заменяли их гибридными мутациями, запрещали живые языки и стремились придумать новые алфавиты из различных диалектов и литературу из традиций устного народного творчества. Со временем презрение режима к региональным особенностям помешало ему воплощать свои идеи, во избежание огромных человеческих и материальных затрат. Сначала подобные беспорядки противоречили легитимным основам государства, а затем разрушили советскую систему. Сталинизм был не моделью эффективной модернизации, а патологией современности.

Стоит сосредоточиться на пространственных источниках, форме и влиянии сталинской стратегии развития в межвоенный период. Несомненно, что все более закрытый и унитарный советский режим с его нетерпимостью к альтернативным пространственным теориям был не столько выражением собственной тоталитарности, сколько фактором, ее определяющим.

Исследование пространственного развития Советской Карелии в межвоенный период выявит обоснованность и этой гипотезы, и ряда

⁵ Lefebvre H. The Production of Space. Oxford. 1991. P. 333. О «высоком модернизме» см.: Scott J. C. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve Human Condition have Failed. New Haven, London. 1998. См. также: Centre and Periphery. Spatial Variation in Politics / ed. J. Gottman. Beverly Hills, 1980.

других предположений, о которых речь пойдет ниже. Это не история региона, хотя данное исследование имеет отношение к историографии территории, так же как и к советскому регионализму и отношениям центр – регион в эти годы⁶. Скорее можно сказать, что исследуются противоречия в советской политике по отношению к Карелии, то, как изменения во власти и оппозиции мешали ее реализации. Также пойдет речь о воздействии пространственной теории на региональное, политическое, экономическое и демографическое развитие. Особо акцентируются следующие темы: роль государственной границы, теория и методы изменения региональных границ, использование ресурсов, создание транспортной сети и местоположение промышленных объектов, статус, структура и роль территориальных экономических систем в общем разделении труда, перенос поселений, в особенности с помощью принудительных трудовых лагерей, развитие механизмов и методов политического контроля, истоки, характер и последствия репрессий.

В книге история Советской Карелии рассматривается с 1920 г., когда была учреждена Карельская автономия в пределах ее региональных

⁶ Советская Карелия в межвоенный период была темой нескольких важных монографий: по национальной политике: Kangaspuro M. *Neuvosto-Karjalan Taistelu itsehallinnosta: nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankaytossa 1920–1939*. Helsinki, 2000 (с кратк. излож. на англ. яз.); по экономическому развитию: Autio S. *Suunitelmallous Neuvosto-Karjalassa, 1928–1941: paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa*. Helsinki, 2002 (с кратк. излож. на англ. яз.); по культурной политике: Ylikangas M. *Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940*. Helsinki, 2004. См. также: *Rise and fall of Soviet Karelia* / ed. A. Laine, M. Ylikangas. Helsinki, 2002. Литературы о советском районировании и отношениях центра – периферии в этот период на удивление мало. См.: *Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941* / ed. E. A. Rees. London, 2002. См. монографии Fainsod M. *Smolensk under Soviet Rule*. London, 1959; Hughes J. *Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy*. Cambridge, 1991; Hughes J. *Stalinism in a Russian Province: a Study of Collectivization and Dekulakization in Siberia*. Basingstoke, 1996; Kuromiya H. *Freedom and Terror in the Donbas: a Ukrainian-Russian Borderland, 1870s – 1990s*. Cambridge, 1998; Harris J. R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, 1999. Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as Civilization*. Berkeley, 1995 (рассматривает региональное развитие и историографию). Последняя литература о советской политике национальностей также имеет отношение к этой теме, см. гл. 2, сноску 18 этой работы. Я даю ссылки на другую литературу в кн.: Baron N. *Soviet Karelia, 1920–1937. A study of Space and Power in Stalinist Russia* (Дисс. ... д.ф.н.). University of Birmingham, 2001. P. 11. сноска 25.

границ, и охватывает период вплоть до 1939 г., когда разрушительные силы революции частично сконцентрировались на территориальной экспансии и завоеваниях. Не затрагивается тема истоков и хода советско-финской войны, ее дипломатии, политики или демографических перемещений, которые являются предметом отдельного исследования⁷. В хронологические границы данной работы также не входит пересмотр статуса Советской Карелии и ее территории в 1940 г.

НОВЫЕ УЧЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ

Недавно я писал о новом направлении в историческом исследовании России и Советского Союза, которое я называю «новой пространственной историей»⁸. Оно не образует область историографии, которая могла бы характеризоваться единой концептуальной структурой или методологическим аппаратом. Интерес к взаимодействию человека и пространства, а также определенная роль культурологических пространственных методов объясняет интерес историков к пространству через новую призму восприятия, образуя, таким образом, область, отличную от традиционной исторической географии. Диапазон интересов новой пространственной истории широк, он охватывает пространственное строительство, а также ее применение на практике в контексте геополитики, этнических государств и повседневной жизни⁹. Именно в таком ключе написана данная работа, как «культурный» анализ развития советского административного, экономического и политического пространства через региональное планирование и политику.

Основываясь на теории структуризации, можно предположить, что пространство существует как в материальном мире, так и в сознании, другими словами, имеет онтологический и эпистемологический статус, т. е. существует масса возможностей для разработки концепций развития пространства¹⁰. В любых отношениях во власти пространственная дей-

⁷ См. Килин Ю. Карелия в политике советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 166–244; Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г. Финляндия во Второй мировой войне. Ленинград, 1989; van Dyke C. The Soviet Invasion of Finland, 1939–1940. London, 1997.

⁸ Baron N. New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2007. № 55 (3). S. 374–400.

⁹ Для подробной тематической библиографии см. мое эссе из предыдущей ссылки.

¹⁰ Для теории структуризации см.: Bourdieu P. *The Logic of Practice*. Cambridge, 1995; Giddens A. *The Constitution of Society. Outline of a Theory*

ствительность, сформулированная управляющим органом наряду с идеологией и приоритетами политики (идеи и цели частично определены концепцией пространства), определяет необходимые преобразования. Пространственная политика (местоположение промышленных объектов, демографическое переселение, определение границ и т. д.) приводит к материальным преобразованиям и определенным изменениям (которые могут отвечать или не отвечать намерениям, учитывая обстоятельства, мощности и противоречивые действия окружающих), что в свою очередь меняет представления о пространстве и его дальнейшем развитии.

Поэтому необходимо изучать географический контекст принятого решения и примененной политики, творческую роль исторических деятелей, их интуицию и знания, исторически развивающуюся структуру пространства, включая его маркеры (границы), формы (центр и периферия, государство и область) и векторные признаки (расстояние и направление)¹¹. Такой подход показывает, что реформирование пространства при сталинизме было исторически и географически особенным, т. е. началось с российского или советского «специального пути развития»¹². Подход также демонстрирует бесполезность анализа сталинского режима классическим методом, принятым в традиционной политологии. Сталинизм в межвоенный период был революционной системой (хотя периодически удавалось добиться стабилизации элементов), и может быть изучен только как процесс с учетом его целей и развития.

В данной работе предлагается рассмотреть сталинизм в межвоенный период как динамичную систему, которую характеризуют следующие тенденции:

of Structuration. Cambridge, 1984; Lloyd C. The Structures of History. Oxford, 1993; Thrift N. On the Determination of Social Action in Space and Time // Environment and Planning. Society and Space. 1983. Vol. 1. P. 23–57.

¹¹ Эта тема с акцентированием внимания на Финляндии и Карелии обсуждается в: Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Chichester, 1996.

¹² Политика нацистов в территориальном управлении Германии см.: Peterson E. N. The Limits of Hitler's Powers. Princeton, 1969. Отношения пространства и террора продолжались при обоих режимах. Но все же я считаю, что сталинский террор 1930-х гг. был частью динамичной экспансии в узких границах, в то время как репрессии нацистов оказались результатом государственного расизма, их экспансия была направлена на завоевание жизненного пространства (Lebensraum). Конечно, российское «особое» положение между востоком и западом – уже давно предмет споров российских философов, западников и славянофилов («евразийцев»). См.: Tolz V. Russia. London, 2001. См. также: Baron N. New Spatial Histories.

1) установить полную изоляцию от внешнего мира (т. е. преобразовать пограничные периферии в закрытые области);

2) установить полный административный и политический контроль над перифериями, отменив право на территориальную целостность или автономию (т. е. оставить лишь те региональные подразделения и структуры, которые будут способствовать оптимизации административного контроля из центра);

3) установить полный культурный контроль над перифериями, отменив право на национальную самобытность (т. е. ввести недифференцированную нормативную политическую культуру);

4) установить полный контроль над производством, распределением и использованием ресурсов (т. е. навязать региональную специализацию в пределах общего разделения труда);

5) установить полный контроль над переселением и составом населения.

По-видимому, сталинский режим в период формирования не нашел иного способа, кроме насилия, для преодоления противоречий между усилением периферий (по стратегическим причинам) и концентрацией власти в руках центра (по политическим причинам). Конфликт центр – периферия возник во всех сферах деятельности, так что жесткое управление было вполне обосновано, а введение корректирующих санкций против нарушения режима обязательно. Произвольное использование насилия, которое мы можем оправданно назвать режимом террора, стало особенностью государственной политики и не имело никакой иной цели, кроме укрепления тиранического характера диктатуры. Поэтому можно выделить еще две тенденции развития сталинизма:

6) установить господство центральной власти в определении правил, их произвольном пересмотре и проведении кампаний против нарушителей;

7) совокупной (хотя и не обязательно непрерывной) радикализации политики и увеличения насилия.

Эта динамическая модель помогает преодолеть дихотомию в историографии, которая так долго ослабляла концептуальные нововведения в советской истории. Сфокусированность на школе так называемых тоталитарных историков подтолкнула самую популярную историографию – и некоторые серьезные исследования – к утверждению ненадежной методологии неограниченного волюнтаризма. В то же время акцент на значимости структуры может привести к безликому функционализму. Ни один из подходов не способен отобразить взаимодействия между человеческой деятельностью и обстановкой, в которой она происходит и которая характеризует исторические события.

СТРУКТУРА РАБОТЫ

Эта книга состоит из шести хронологически расположенных глав. В главе 1 рассматривается история карельской территории с начала XIV в. до революции 1917 г., при этом рассматриваются три темы, которые анализируются на протяжении всей работы: значение государственной границы, развитие региональных границ и форм, роль экономических и демографических сил и потоков в формировании пространства и территории. Глава 2 – это анализ карельской периферии в первое десятилетие советского правления, сфокусированный на изменяющейся роли ее международной границы, определении региональных границ и регулировании административных, политических и экономических отношений с центром.

В главе 3 речь идет о том же периоде, но акцент сделан на борьбе советской Карелии за свою экономическую автономию, в особенности с точки зрения налоговой политики, планирования развития, а также политических и демографических ограничений амбиций. Что касается вопросов региональной автономии, территориальной власти и населения, прослеживается появление и развитие Соловецкого трудового лагеря, расположенного на островах в Белом море недалеко от карельского побережья, и его расширение на материке.

В главе 4 исследуются пространственные принципы, политические и экономические реалии, которые управляли выполнением первой пятилетки (1928–1932 гг.) в Карелии, с углубленным анализом консолидации и централизации экономической организации и контроля. В главе 5 анализируются конкурирующие концепции пространства, которые повлияли на разработку плана второй пятилетки для Карелии (1933–1937 гг.), местное лоббирование и решения центра, определившие область и характер ее реализации. В этих двух главах прослеживаются перемены в политических взаимоотношениях Карелии с центральной властью, ее экономическое и демографическое развитие и роль ГУЛАГа в этих процессах. В главе 6 рассматриваются истоки, развитие и последствия массовых репрессий как в управленческом аппарате республики, так и в трудовых лагерях, где они приобрели катастрофический масштаб.

В последней части (заключении) дается оценка тому, до какой степени каждая из вышеперечисленных гипотез отражает стратегию развития советского режима в межвоенный период, и предлагается новый экспериментальный способ анализа сталинского тоталитаризма, переосмысленного с точки зрения его пространственной динамики. Хотелось бы, чтобы данное социологическое исследование советского пространства, политики и практики на примере одной области способствовало лучшему пониманию того, каким был сталинизм в межвоенный период, а также побудило историков к новым исследованиям пространства и развития отношений центр – периферия.

ГЛАВА 1

«НЕРАЗВИТАЯ, ОТСТАЛАЯ И УГНЕТЕННАЯ ПЕРИФЕРИЯ»: ИСТОРИЯ КАРЕЛИИ

Карелия, по-фински Карьяла, – территория между Белым морем и Финским заливом. Это местность, покрытая большим количеством озер, болот и хвойных лесов; впервые финно-угорские племена поселились здесь в конце первого тысячелетия, они назывались карельцами (ранее они не являлись местным населением)¹.

Область, о которой пойдет речь, Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика (Карельская АССР), существовала с 1923 по 1940 г. в определенных географических границах, ее территория составляла 146 900 кв. км, но накопившиеся за столетия на границе двух исторически враждебных цивилизаций противоречия бросают вызов геометрии и картографии². Геологически и климатически Карелия является частью финно-скандинавского горного массива. Географический ландшафт Карелии – субарктическая тайга, дальше на севере Кольского полуострова простирается скалистая тундра. Этнически, лингвистически и культурно-исторически финно-угорское население Карелии занимает промежуточное положение между финским и славянским этносами³. В этой главе анализиру-

¹ См. Кочуркина С. И. Древняя Корела. Ленинград, 1982; Кочуркина С. И. Корела и Русь. Ленинград, 1986; Карелы Карельской АССР / под ред. А. С. Щербина. Петрозаводск, 1983. С. 9–17.

² Общая площадь, включающая водную поверхность, по данным 1937 г. (Карельская АССР получила Кандалакшу в 1938 г.). БСЭ. 1-е изд. 1937. Т. 31. С. 509–510 и карта на С. 516.

³ Изучение географии, этнографии и лингвистики Карелии является сложным комплексным процессом. См.: Baron N. Soviet Karelia, 1920–1937. P. 18 (прим. 4); Sihvo H. Karelia: History, Ideals, Identity. Karelian History from the Finnish Point of View // Karelia and St. Petersburg. From Lakeland Interior to European Metropolis / ed. E. Varis, S. Porter. Joensuu, 1996. P. 11–25; Sihvo H. Karelia: Battlefield, Bridge, Myth // Finland: People, Nation, State / ed. M. Engman, D. Kirby. London, 1989. P. 57–72; M. Engman. Karelians Between

ются комплексное территориальное развитие региона, меняющиеся пространственные роли и взаимоотношения, которые определили его политическое, экономическое и демографическое развитие.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ФОРМА И СТАТУС

С начала XIV в. Карелия как разделенная и спорная пограничная область играла роль «двойной периферии» относительно антагонистических центров. В 1323 г. Швеция и Новгород подписали Нотебургский мирный договор (в России – Ореховецкий, по названию города Ореховец, по-фински – Пакинасаари), который утверждал разделение карельских земель на две равные части с северо-востока на юго-запад (рис. 1.1). Эта граница, проложенная сквозь дремучие леса, разделяла отдельные деревни и родственников, живущих далеко друг от друга, но она имела прогрессивное культурное, религиозное и лингвистическое значение⁴.

В течение последующих двухсот лет российские центры – Новгород, а затем Москва – не стремились помочь православным жителям Карелии разрешать пограничные конфликты или восстановить потерянную после шведских и финских вторжений территорию на востоке. Все же к началу XVI в. население Карелии составляло 100 тыс. человек, она имела развитую экономику, богатую культуру; духовная жизнь сосредоточивалась в не менее чем 70 монастырях. Это была отдаленная область, а российские правители по-прежнему стремились к объединению государства⁵. Затем, в 1550 г., началась новая война между Россией и Швецией. Она продолжалась 70 лет, основа-

East and West // *Ethnicity and Nation-Building in the Nordic World* / ed. S. Tagil. London, 1995. P. 217–245. См. также: Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness*. Более глубокие исторические исследования: *Pohjois-Karjalan Historia* / ed. A. V. Kononen, H. Kirkinen, V. Saloheimo. В 3 т. Joensuu, 1975–1980; *История Карелии с древнейших времен до наших дней* / под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Маркурова и др. Петрозаводск, 2001; *Очерки истории Карелии* / под ред. В. И. Вернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагуров. В 2-х т. Петрозаводск, 1957–1964 гг. Др. работы цит. ниже.

⁴ См также. Kirkinen H. *Karjala Idan Kulttuuripiirissa*. Bysantin ja Venajan Yhteyksista Keskiajan Karjalaan. Helsinki, 1963 (с кратк. излож. на нем. яз.); Martin J. *Medieval Russia, 980–1584*. Cambridge, 1995. P. 125–126; Lind J. H. *The Legacy of the Russo-Swedish Peace Treaty of 1323: Confessional Conflicts in the Border Region* // *The Dividing Line. Borders and National Peripheries* / ed. L.-F. Landgren, M. Hayrynen. Helsinki, 1996. P. 233–240.

⁵ Kirkinen H. *Karjala idan ja lannen valissa I. Venajan Karjala Renessanssiajalla (1478–1617)*. Helsinki, 1970. (с кратк. излож. на фр. яз.).

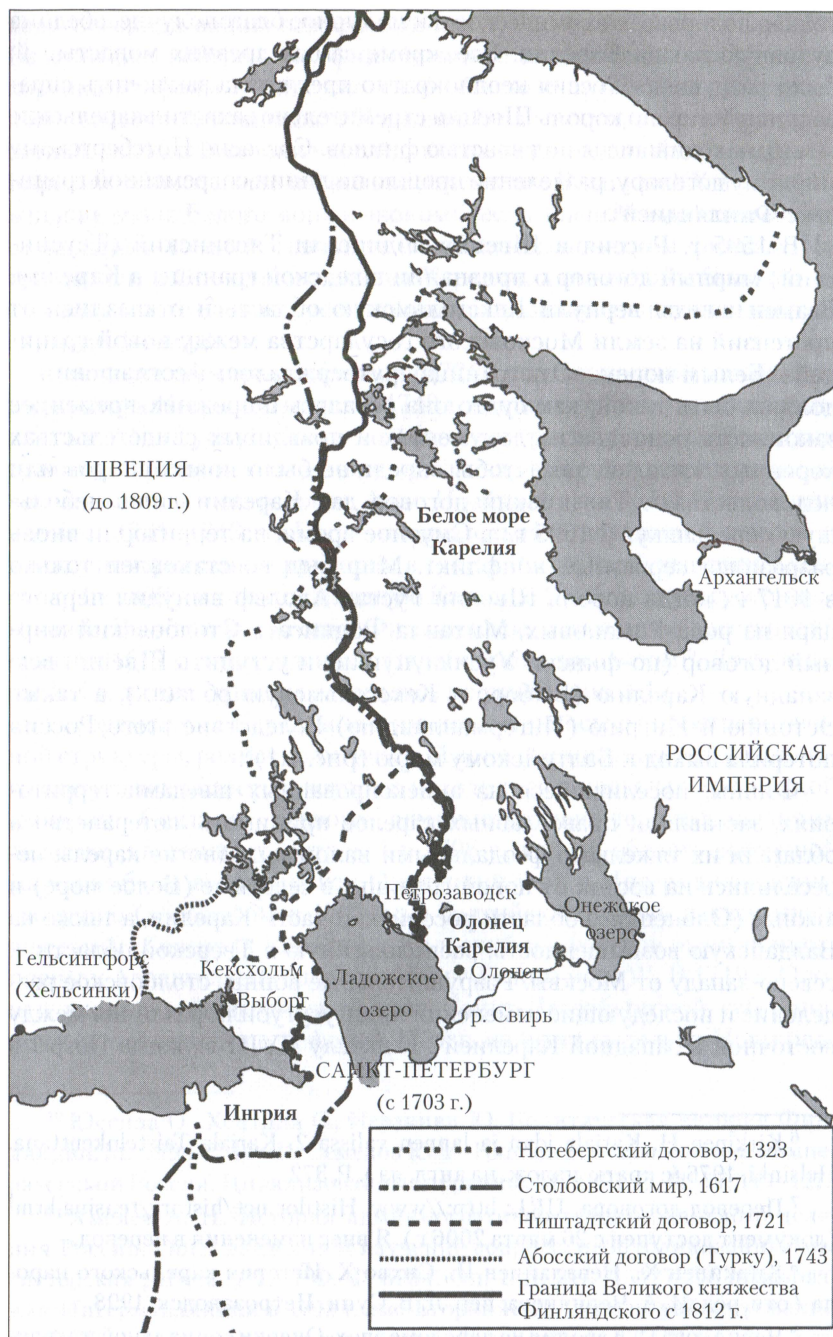

Рис. 1.1. Изменение границ Карелии с XIV по XX в.

тельно подорвав экономическое и культурное благополучие, обеднив духовную жизнь Карелии. Все, кроме самых древних монастырей, было разрушено. Россия неоднократно предлагала заключить справедливый мир, но король Швеции стремительно захватил карельские земли, находившиеся под властью финнов. Согласно Нотебургскому мирному договору, разделение прошло по линии современной границы с Финляндией⁶.

В 1595 г. Россия и Швеция подписали Тявзинский (Теусинский) мирный договор о признании шведской границы в Карелии. Взамен шведы вернули Кексгольмскую область и отказались от претензий на земли Московского государства между новой границей и Белым морем. «Эта граница, – утверждалось в соглашении, – должна быть такой, как будто она осталась с прежних времен, ее законность основана на документах и правдивых свидетельствах коренных жителей, так, чтобы впредь не было новых споров или недовольства»⁷. Тявзинский договор дал Карелии лишь небольшую передышку. С 1605 г., в Смутное время, на территории вновь разразился серьезный конфликт. Мир был восстановлен только в 1617 г., когда король Швеции Густав Адольф вынудил первого царя из рода Романовых, Михаила, подписать Столбовский мирный договор (по-фински Усикаупунки) и уступить Швеции всю западную Карелию (Выборг и Кексгольмскую область), а также Эстонию и Ингрию (Ингерманландию) Вследствие этого Россия потеряла выход к Балтийскому морю (рис. 1.1)⁸.

Финны, поселившиеся на аннексированных шведами территориях, заставляли православных карелов принимать лютеранство и облагали их тяжелыми феодальными налогами. Многие карелы переселились на восток от новой границы: в северные (Белое море) и южные (Олонецкие) области российской части Карелии, а также на Валдайскую возвышенность, расположенную в Тверской области, к северо-западу от Москвы. Разрушительные войны, столбовское разделение и последующие изменения лишь усугубили различия между восточной и западной Карелией⁹. К началу XVIII в., когда Петр I в

⁶ Kirkinen H. Karjala idän ja lännen valissa 2. Karjala Taistelukenttänä. Helsinki, 1976 (с кратк. излож. на англ. яз.). P. 372.

⁷ Перевод договора. URL: <http://www.Histdoc.net/history/teusina.html> (документ доступен с 26 марта 2006 г.). Я внес изменения в перевод.

⁸ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / отв. ред. И. А. Чернякова; пер. Л. В. Суни. Петрозаводск, 1998.

⁹ Чернякова И. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

ходе Северной войны отвоевал западную Карелию вместе с южным Балтийским побережьем, финноязычное лютеранское население и коренные карелы имели уже мало общего с православными жителями восточной и западной Карелии. В частности, они говорили на разных языках. В течение последующих двух столетий в российской Карелии появятся еще несколько диалектов. В начале XX в. карелы, жившие возле Белого моря и экономически значительно зависевшие от западных соседей, говорили на диалекте, понятном финнам. Но три диалекта Олонецкого района Карелии, для которых было заимствовано много слов из русского языка, оказались непонятны ни русским, ни финнам.

Ништадский мирный договор (1721), подтвердивший завоевания императора Петра, сменился в 1743 г. мирным трактатом, подписанным в г. Або (Турку). Согласно Абоскому трактату, русско-шведская граница передвигалась дальше на запад, включая территории, завоеванные при императрице Анне Иоанновне в южной Финляндии в войне 1741–1743 гг. После окончательного поражения шведов и вхождения финской территории в состав Российской империи Александр I в 1809 г. включил западную Карелию (Выборгскую губернию) в новое Великое княжество Финляндское, тем самым восстановив границу 1617 г., утвержденную Столбовским договором¹⁰. До середины XX в. линия границы оставалась прежней (рис. 1.1).

Со временем в Карелии многое переменялось: от пространственной структуры, роли и политической ориентации до территориального статуса тех областей, которые находились в пределах Российской империи. Согласно первому административно-территориальному делению, введенному Петром I в 1708 г., южная область восточной Карелии была включена как Олонецкий уезд в Ингерманландскую губернию (образована в 1702 г. из балтийских земель, захваченных шведами). Северная Карелия и Кольский полуостров были прикреплены к Архангельску (порт на берегу Белого моря)¹¹. В 1719 г. Олонец входил в Новгородский уезд Санкт-Петербургской губернии, пока из последней по реформе 1727 г. не была выделена Новгород-

¹⁰ Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 16–21; Семенов Ю. И. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997. С. 71–77, 110–127.

¹¹ Хмелев А. Н. История административно-территориального деления России. Опыт введения и изучение вопроса, неопубликованная магистерская работа // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 217. Л. 127. Об образовании Ингерманландии в 1702 г. см.: Егоров К. Д. Основы районирования РСФСР // Вопросы экономического районирования СССР: Сб. мат. и ст. (1917–1929 гг.) / под ред. Г. М. Кржижановского. М., 1957. С. 175.

ская губерния. Она подразделялась на провинции, одна из которых также называлась Новгородской, а Олонецкий уезд (с центром в Лодейном Поле) вошел в ее состав. В течение 1760-х гг. Олонецкий уезд получил статус провинции, включавшей три уезда: Олонецкий, Вытегорский и Паданский¹². Десятилетие спустя Екатерина II пыталась рационализировать пространственную организацию в своем указе «Учреждения для управления губерний» (7 ноября 1775 г.). Как отмечал российский историк В. О. Ключевский: «В то время как границы старой губернии были определены частично географическими и частично историческими факторами, новая система территориального разделения имела статистическую основу»¹³. В 1784 г. Олонецкая провинция наряду с 50 другими составила территориальные объединения с новым управлением (губернии или наместничества). Даже после того как в Олонецкое наместничество включили район Кемь у Белого моря, его население составляло лишь 206 100 человек, что было значительно ниже нормы (300–400 тыс. жителей) для административной единицы этого уровня¹⁴. Наместничество состояло из восьми уездов: Кемский, Петрозаводский, Повенецкий, Олонецкий, Лодейнопольский, Вытегорский, Каргопольский и Пудожский. Каждый уезд подразделялся на волости и округа.

В 1782 г. город Петрозаводск, расположенный на Онежском озере, перерос Олонец по населению и экономической значимости и стал административным центром Олонецкой провинции, а после реформы 1784 г. – губернским городом Олонецкого наместничества. Появление на карте новых административных единиц, округов и районов расселения основного населения и гарнизонных пунктов, таких как Петрозаводск, и городов с меньшим количеством населения, увеличили значение региональных и местных центров и способствовали дальнейшей миграции и товарообороту с городами каждой территориальной единицы. На севере Архангельское наместничество включило всю территорию Карелии у Белого моря с границей по Онежскому озеру, Соловецкому и Кольскому уездам.

Административное деление, введенное Екатериной, было временно отменено ее преемником Павлом, который распустил Олонецкое наместничество, распределив его территории между Архангельском и Новгородом. Не учитывая сложившиеся торговые связи местных

¹² Хмелев А. Н. История административно-территориального деления России. С. 140–148.

¹³ Kluchevskii V. O. A history of Russia. London, 1931. Vol. 5. P. 48–49.

¹⁴ Хмелев А. Н. История административно-территориального деления России. С. 57–58.

поселений, губернатор Архангельска включил Повенец в Кемский уезд, а Пудож – в Онежский. Государственные крестьяне из Повенца обратились в Сенат, т. к. новый уездный центр Кемь находился в 300 верстах от их деревень, а Архангельск – более чем в 800 верстах. Расположение административного центра и рынка имело первостепенное значение для торговли изделиями ремесленников и мехами. Повенецкие крестьяне просили передать себя под управление Олонецкому уезду. Сенат согласился на включение Повенца и Пудож в Новгородскую губернию, но в 1802 г. Александр I вернул границы территорий, отмененные Павлом. Олонецкое наместничество было восстановлено в прежних пределах, за исключением Кемского уезда, который остался под юрисдикцией Архангельска по просьбе населения¹⁵. Разделение российской Карелии между Олонецким и Архангельским наместничествами сохранилось вплоть до образования автономной советской Карелии в 1920 г. (рис. 1.2).

Очевидно, что в начале XIX в. крестьяне Повенца хорошо знали, каковы расстояния между их округами и местными центрами, а также имели некоторое представление о высших инстанциях (губернское правление и Сенат). Однако нет никаких доказательств того, что они имели знания об империи или о своем местоположении в ней¹⁶. К началу XIX в. по многочисленным просьбам из центров и периферий специальное ведомство начало составлять подробную карту империи, учитывая все административные единицы – от столицы государства до самой отдаленной деревни. Существует документ под названием «Подробное росписание Российской империи», датируемое примерно 1820-ми гг.¹⁷. Оно разделено на геометрическую сетку, каждый квадрат которой содержит геральдическую символику и схематичную карту губернии. В центре каждого квадрата находится большой круг с информацией об общей площади губернии (пространства) в квадратных милях и численности населения (например, Олонецкая губерния: площадь 3945 кв. миль, 250 тыс. жителей). В круге содержатся также название административного центра, отдаленность от Москвы и Санкт-Петербурга в верстах, сведения о гражданском населении и краткая история (Петрозаводск: 1090 верст от Москвы, 457

¹⁵ Хмелев А. Н. История административно-территориального деления России. С. 63, 74.

¹⁶ Благодаря одному дореволюционному исследованию выяснилось, что меньше половины деревенских детей знают название уезда, в котором живут. Цит. по: Brooks J. When Russian Learned to Read. Princeton, 1985. P. 55–56.

¹⁷ Эта карта находится в частных руках. Она используется в качестве обложки журнала *Ab Imperio*.

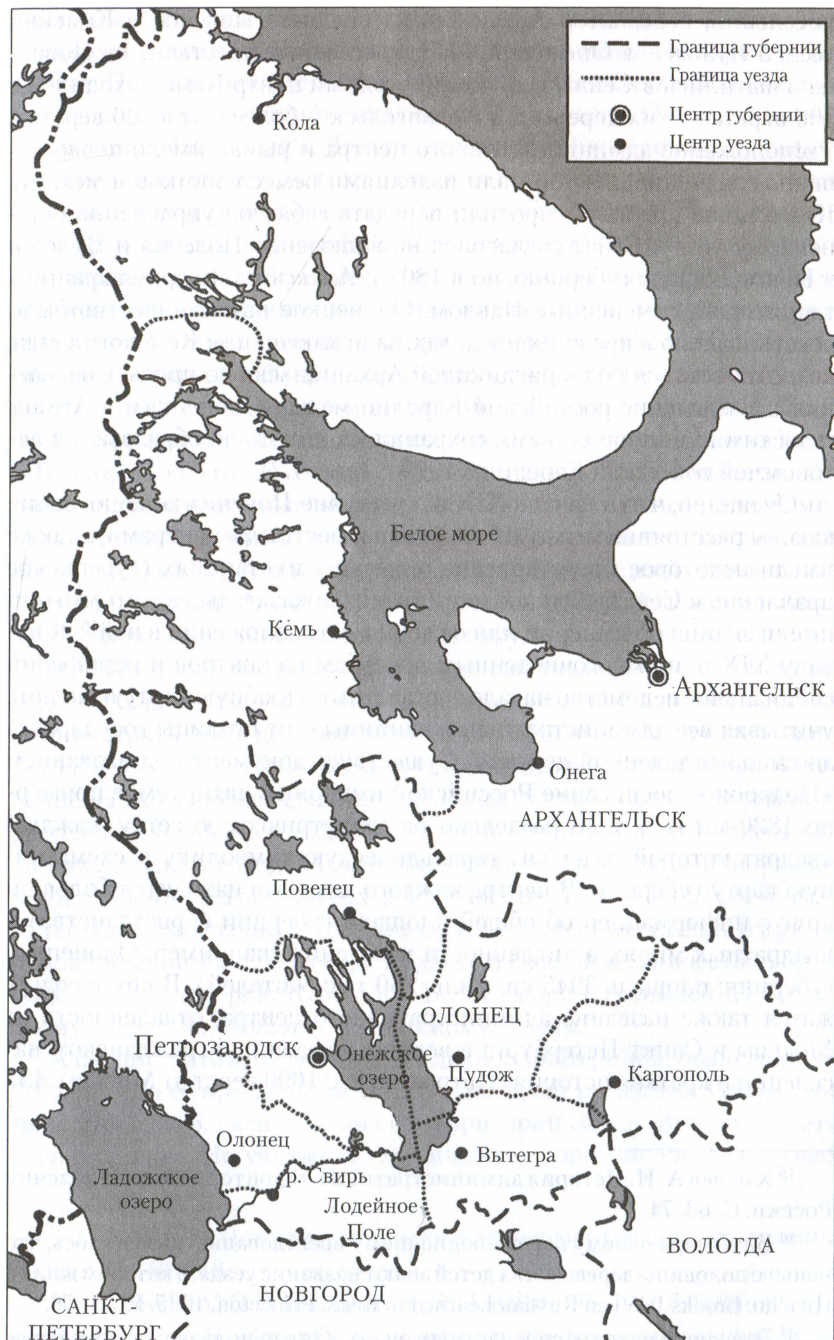

Рис. 1.2. Олонецкая и Архангельская губернии, XIX – начало XX в.

от Санкт-Петербурга, 3000 жителей, «город образовался из фабрики, построенной Петром I»). Из каждого центрального круга идут несколько пунктирных линий к меньшим кругам, содержащим названия уездных городов, отдаленность от Москвы и Санкт-Петербурга (например, Повенец: 1375 верст от Москвы, 516 от Санкт-Петербурга). Вдобавок, над каждой линией указано расстояние между центром периферийной области и центром губернии (Повенец – Петрозаводск 165 верст, Повенец – Пудож 294 верст). Таким образом, можно быстро узнать статус любого административного центра в сравнении с вышестоящими или нижестоящими городами, а также расстояние между ними (географическое расположение городов отмечено условно, но расстояние до Москвы или Санкт-Петербурга указано верно).

Определенные детали и информационная полнота этой «карты» нашли отражение в официальной картографии. Уже в XVIII в. картографы, обычно иностранцы, рисовали региональные карты Российской империи, но их точность была относительной. По словам М. В. Ломоносова, они часто «помещали Астрахань на Кольский полуостров, а Кронштадт в Онежское озеро»¹⁸. В середине 1820-х гг. военный топографический институт, образованный в 1812 г., опираясь на работу финских картографов, представил первую полную и точную карту европейской части России масштабом три версты к дюйму (1:126000)¹⁹. Постепенно складывались современное пространственное сознание и формы его реализации в преддверии советских стратегий пространственной организации, которые являются главной темой этой работы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Начиная со средних веков население восточной Карелии подвергалось феодальному налогообложению и трудовой или воинской повинности правителями и вассалами Новгорода и Москвы. Уже с XV в. большой укрепленный монастырь на Соловецких островах занимался деревообработкой, производством соли и рыболовецким промыслом вдоль берегов Белого моря, нанимая на эти работы как местных крестьян, так и российских поселенцев²⁰. К концу XVI в. карельские ра-

¹⁸ Gerasimov I. A Short History of Geographical Science in the Soviet Union. 1976. P. 62.

¹⁹ Папковский П. П. Из истории геодезии, топографии и картографии в России. М., 1983. С. 66.

²⁰ Борисов А. М. Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII веках. Петрозаводск, 1966.

бочие производили более 18 тыс. тонн соли ежегодно. Монастырь вел активную торговлю со Швецией, пока в 1629 г. митрополит Новгородский не запретил вести дела с отступниками²¹. Позднее, при строительстве Петром I новой столицы на реке Неве, южные районы российской Карелии, богатые лесами, торфом, минералами и рудой, превратились в источник сырья и место сосредоточения промышленности. С западного берега Онежского озера поставлялись топливо, дерево для судостроения и другие стройматериалы, оружие и другие изделия из металла, изготовленные на новом литейном заводе²². В XVIII в. развитие промышленности способствовало тому, что большая часть населения карельского Олонца стала работать на российское государство²³. К 1788 г. в Петрозаводске, первоначально возникшем из основанного Петром завода, насчитывалось 41 492 фабричных крестьянина и 4464 представителя купечества, дворянства и чиновничества²⁴.

Олонецкий край был богат природными ресурсами, но его жители не могли оценить экономического потенциала родной земли из-за постоянной нехватки продуктов сельского хозяйства. Один путешественник в 1792 г. заметил:

«Ситуация в Петрозаводске... очень благоприятна для внутренней и внешней торговли. Галеоны и другие большие мореходные суда могли бы закупать дерево, меха, рыбу, мрамор и изделия из металла, произведенные местным населением для Санкт-Петербурга и Балтийского побережья. Но невозможно говорить о развитии торговли, пока не будет решен вопрос о нехватке хлеба, который приходится импортировать (летом из Санкт-Петербурга и Новой Ладogi, зимой из Вологды и Каргополя). Именно это вынуждает купцов и землевладельцев жить в сельской местности среди крестьян, добывая пропитание»²⁵.

Другой путешественник, побывавший в Олонецкой губернии почти пятьдесят лет спустя, отметил, что отсутствие дорог препятствует торговле и значительно поднимает стоимость поставляемого хлеба

²¹ Kirkinen H. Venajan Karjala Renessanssiajalla (1478–1617). P. 340.

²² Балагуров Я. А. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. Петрозаводск, 1955; Глаголева А. П. Олонецкие заводы в первой четверти XIX века. М., 1957.

²³ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII–XIX вв. Петрозаводск, 1962.

²⁴ Озерецковский Н. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 191–192.

²⁵ Там же. С. 166–167.

и зерна. Как результат – много мужчин из южных деревень Карелии ежегодно отправляются на заработки на фабрики Санкт-Петербурга или Риги. Почти 9 тыс. крестьян имели государственный паспорт (который необходим для поездки), примерно такое же количество ежегодно уезжало по временным билетам, выданным властями волости²⁶.

Экономическая отсталость области также означала, что демографический рост в ней значительно отставал от среднестатистических показателей (табл. 1.1). В 1788 г. в Олонецком наместничестве проживало 226 966 человек (202 105 крестьян, 12 208 крепостных и 12 653 свободных граждан)²⁷. К 1838 г. население Петрозаводска увеличилось до 47 645 крепостных и 6652 свободных граждан, т. е. ежегодный прирост составил 0,33%. Во всей Олонецкой губернии количество жителей выросло до 239 054 человек, что составило 0,1% прироста населения (20 885 государственных крепостных, 12 969 крепостных и 17 697 свободных граждан)²⁸. Но необходимо учитывать, что в период, когда демографический рост в Олонецкой губернии был значительно ниже общенационального показателя, население региона страдало от непрерывных эпидемий и голода середины XIX в.²⁹ Действительно высокий темп прироста населения в Олонецкой губернии в течение 1850-х гг. был обусловлен притоком мигрантов, уезжавших из других областей империи из-за бушующей там холеры и неурожаев.

Сохранилось мало сведений о национальном составе Олонецкой губернии в конце XIX в. В отчете 1883 г. говорится, что русские составляли 58% населения, карелы – 15%, а финны – всего 1%³⁰. Ко времени первой переписи в 1897 г. карелы составляли до 17% от общего количества жителей. В основном, они проживали в северо-западной части Повенецкого уезда, на северо-востоке Петрозаводского и в Олонецком уездах³¹.

²⁶ Опыт описания Олонецкой губернии / под ред. К. Бергштрессера. СПб., 1838. С. 16, 92.

²⁷ Озерецковский Н. Путешествие по озерам. С. 191–199.

²⁸ Опыт описания Олонецкой губернии. С. 31; Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1942. С. 40–41.

²⁹ См. Moon D. The Russian Peasantry, 1600–1930. The World the Peasants Made. London, 1999. P. 27–34.

³⁰ Иванов А. Олонецкий сб. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1886. С. 25.

³¹ Семенов В. П. Россия. Полное географическое описание. СПб., 1900. Т. 3. Озерная область. С. 106–107.

Также значительная часть карелов проживала в Кемском уезде Архангельской губернии. В основном они населяли внутренние районы; побережье Белого моря было почти полностью заселено русскими (включая многочисленных старообрядцев, которые пришли в северные леса в поисках убежища в конце XVII в.)³². Однако сохранилось мало данных об экономической и демографической ситуации в этой области. В 1897 г. население Кемского уезда составляло 35 392 человека (около половины из них — карелы). К 1907 г. их стало 42 242³³. Прибрежные районы жили за счет доходов от рыбной ловли, а также лесозаготовок, в том числе и на экспорт. Сельские жители запада Карелии оказались почти полностью изолированными от внешнего мира и зарабатывали себе на жизнь торговлей мехами и изделиями ремесленников с северной Финляндией³⁴. Этим частично объясняется схожесть местных диалектов с финским языком.

Профессор финского языка Хельсинкского университета Маттиас Александр Кастрен обнаружил в ходе исследования южной Карелии в 1839 г., что карелы, населявшие побережье Белого моря, имели мало общего с финнами. Он писал: «Едва я попал в карельскую область, передо мной открылся совершенно новый мир». Для него пересечение границы означало шаг назад. Традиции народного творчества восточной Карелии, сформировавшие эпос «Калевала» (обработанный и изданный выдающимся исследователем Элиасом Лённротом в 1835 г.), имели много общего с утраченной финской мифологией. Националист по убеждениям, Кастрен со свойственным ученым энтузиазмом стремился доказать, что восточные карелы были предками финнов. Граница между ними порождала враждебность: факты финского разбоя часто упоминались в преданиях российских карелов³⁵.

³² Про старообрядцев см.: Чернякова И. Карелия на переломе эпох. С. 229–244; Crummey R. O. The Old Believers and the World of Antichrist: the Vyg Community and the Russian State, 1694–1855. Madison, 1970.

³³ Homen T. East Karelia and Kola Lapmark, Described by Fobbish Scientists and Philologists. London, 1921. P. 178. В более ранней публикации говорится, что в 1865 г. карельское население Кемского уезда составляло 16 705 чел., см.: Путешествие преосвященного Никанора по Карелии. Архангельск, 1895. С. 1.

³⁴ Homen T. East Karelia and Kola Lapmark. P. 240–247; Stora N. Ostkarelische Wanderhandler als Kulturvermittler in Finnland // Jahrbuch für Volkskunde und Kulturgeschichte. 1889. № 32. S. 34–43.

³⁵ Отрывки из книги М. А. Кастрена были переведены на рус. яз. в: Этнографический сб. СПб., 1858. Вып. 4. С. 251–262. Историю Калевалы см.

Прирост населения в Олонецкой губернии, 1788–1897 гг.

Год	Население	Средний прирост	Среднестатистический уровень прироста по России	
			Хромов	Мун
1788	226 996	–	–	
1838	239 054	0,1	1,51 (1800–1838)	0,93 (1795–1833)
1851	263 409	0,75	0,89	0,67 (1833–1850)
1858	287 354	1,25	0,77	0,63 (1850–1857)
1870	296 392	0,26	1,25	
1883	327 043	0,76	1,66	1,14 (1857–1897)
1897	366 715	0,82	1,36	

Источники: (а) Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С. 191–192; (б) Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб., 1838. С. 31; (в) Россия. Полное географическое описание» / под ред. В. П. Семенова. СПб., 1900. Т. 3. «Озерная область». С. 90; (г) Хмелев А. Н. История административно-территориального деления России. Опыт введения и изучение вопроса» (неизданный МС) // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 217. Л. 162; (д) Иванов А. Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1886. С. 25; (е) высчитано из таблиц 1 и 4, приложение. Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX–XX вв., 1800–1917 гг. М., 1950. С. 434–436, 452. Нужно отметить, что эти таблицы не содержат сведений о Финляндии, Хиве и Бухаре; (ж) таблицы 1.3–1.4. Мун Д. Российское крестьянство, 1600–1930 гг. Лондон, 1999. С. 21, 27. Эти значения касаются территории первой переписи подушного налога (1719), добавлена также Донская область.

КАРЕЛИЯ В НАЧАЛЕ XX в.

В 1897 г. численность населения российской Карелии (Олонецкий, Петрозаводский, Повенецкий и Кемский уезды) составляла приблизительно 210 тыс. человек³⁶. Хотя государственная перепись не касалась этнографического состава населения, данные об исполь-

во вступ. ст. к: Kirby W. F. Kalevala. London, 1985; Bosley K. The Kalevala. Oxford, 1989.

³⁶ Согласно официальным данным за 1897 г., в четырех уездах Олонецкой губернии и Кемского уезда население составляло 214 947 чел., см.: Покровская И. П. Население дореволюционной Карелии по материалам переписи 1897 года // Вопросы истории Европейского Севера: межвуз. науч. сб. / под ред. И. И. Кайварайнена. Петрозаводск, 1974. С. 94; Т. Гомен приводит цифру 181 475 чел. (за 1897 г.), к 1907–1908 гг. население резко увеличивается – до 216 983 чел. См.: East Karelia and Kola Lapmark. P. 125–126.

зуюмом языке указывают на то, что 59% жителей этой территории говорили по-русски, 36% – по-карельски, 4% – по-вепски (сходен с олонекским диалектом карельского языка, в дальнейшем еще больше русифицировался), а 1% – по-фински. Карельско-российский языковой барьер, по существу, совпадал с этнической границей (рис. 2.3). Таким образом, можно сказать, что эти числа приблизительно отразили национальный состав карельского региона в то время³⁷.

Прочитав работы Кастрена, финские интеллигенты создали в своем воображении романтический идеал Карелии. Теперь население региона воспринималось как источник древних национальных знаний: Карелия стала основным мотивом национальной культуры и катализатором политического ирредентизма. (Движение возникло в Италии. Видимо, автор имел в виду движение за присоединение пограничных территорий. В данном случае, Карелии к Финляндии. – *Прим. пер.*)³⁸. Все больше радикальных националистов призывало к созданию «Великой Финляндии», с включением в ее состав не только карелов, но и всех финно-угорских народов Российской империи вплоть до Урала³⁹. «Повторное открытие» финнами Карелии в первом десятилетии XX в. побудило многих (при финансовой поддержке финских лесоторговцев и карельских купцов-эмигрантов)

³⁷ Покровская И. П. Население дореволюционной Карелии. С. 103. Т. Гомен приводит иные данные: 51% русскоговорящих, 43% карелов, см в: East Karelia and Kola Lapmark. (P. 126, 130). К изданию приложена карта. П. Кауппала и М. Витухновская располагают другими сведениями: 5 % русскоговорящих, 48% карелов. Сведения взяты ими из финской редакции книги Гомена и др.: Ost-Karelien am Vorabend der Grossen Russischen Revolution. Immobiler Staatsmonopolismus und Innere Einmauerung // Aufbruch der Gesellschaft im Verordneten Staat. Russland in der Spätphase des Zarenreiches / hg. H. Haumann, S. Plaggenborg. Frankfurt / Main, 1994. S. 45.

³⁸ Sihvo H. Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaihteita autonomian aikana. Helsinki, 1973; Wilson W. A. Folklore and Nationalism in Modern Finland. Bloomington, 1976. P. 141–142, 148–155; Wilson W. A. Sibelius, the Kalevala and Karelianism// The Sibelius Companion / ed. G. D Goss. Westport, 1996. P. 43–60; Northern light. Realism and Symbolism in Scandinavian Painting, 1880–1910 / ed. K. Varnedoe. New York, 1982. P. 108–121. См. также: Paasi A. The Construction of Socio-Spatial Consciousness. Geographical Perspectives on the History and Contexts of Finnish Nationalism. // Nordisk Samhällsgeografisk Tidskrift. 1992. № 15. P. 79–100.

³⁹ Kosonen K. Kartta ja kansakunta. Suomalainen lehdistokartografia sortovuosien protesteista Suur-Suomen kuvin, 1899–1942. Helsinki, 2000 (с кратк. излож. на англ. яз.). P. 113–200.

начать миссионерскую деятельность у восточной границы с целью духовного и культурного развития «отсталых» карелов до уровня современных финнов⁴⁰.

После 1905 г. православная церковь начала серьезную борьбу против этих миссионеров, посылая своих священников, создавая избы-читальни и воскресные школы с обучением на русском языке⁴¹. Черносотенцы вели антифинскую пропаганду. По их мнению, финны стремились «отделить карельскую периферию от православной России» посредством «офинения» (термин автора. – *Прим. ред.*), т. е. их обращали в лютеранство, поощряли продвижение «еврействующих» (термин автора. – *Прим. ред.*) политических партий в России⁴². Российские националисты опасались, что финны строили железнодорожные пути вдоль восточной границы, чтобы «посеять в регионе идею западного национального сообщества»⁴³. Если бы не вторжение черносотенцев, как написано в одной из брошюр 1914 г., «граница недружелюбной финской культуры могла бы быть передвинута дальше на восток, что поставило бы под вопрос столь успешную русификацию соседней Карельской Олонецкой губернии»⁴⁴. Скорее, это был не просто конфликт между российскими и финскими культурами, а спор о границе, территориальном статусе и политической власти.

Ни финские проекты о карелах и национальной специфике (или о территории, или лесных ресурсах), ни российская власть не смогли изменить двойной периферийный статус региона. Российская Карелия при царском режиме совсем не была «неразвитой, отсталой и

⁴⁰ О финском национализме см.: Островский Д. Как финны думают сделать карел финнами? Петрозаводск, 1908. О финской деятельности см.: Churchill S. The East Karelian Autonomy Question in Finnish-Soviet Relations, 1917–1922. (Канд. дисс. ...) University of London, 1967. P. 39–79.

⁴¹ Дубровская Е. Ю. Противоборство панфинизма и русского великодержавия в Карелии // Вопросы истории европейского Севера (проблемы общественно-политической истории XIX–XX вв. / под. ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск, 1991. С. 55–62; Vitukhnovskaia M. Cultural and Political Reaction in Russian Karelia in 1906–1907. State Power, the Orthodox Church and the “Black Hundreds” Against Karelian Nationalism // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2001. № 48. S. 24–44.

⁴² Новые данные о панфинской и лютеранской пропаганде в Беломорской и Олонецкой Карелии. 1907. С. 1.

⁴³ Панфинская пропаганда (по финским источникам). СПб., 1909. С. 18. См. также: Polvinen T. Die finnischen Eisenbahnen in den Militarischen und Politischen Planen Russlands vor dem Ersten Weltkrieg. Helsinki, 1962. S. 280.

⁴⁴ Православная Карелия: очерк. Петроград, 1914. С. 85.

угнетенной периферией», как утверждали советские лидеры. Помимо производства пиломатериалов здесь располагались предприятия по обработке древесины (некоторые из них финансировались из столицы Великобритании), целлюлозно-бумажная фабрика, рудники и металлургические заводы⁴⁵. Но с точки зрения Санкт-Петербурга Карелия все еще была отдаленной, отсталой территорией, имеющей мало общего с остальной империей. Большевицкая революция и независимость Финляндии позволили пересмотреть условия договора о дружбе.

⁴⁵ См. напр., дисс., опублик. Объединенным бюро Ленинградской области и городского партийного комитета 25 июня 1933 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 7. и юбилейный доклад Совнаркома Карелии в 1935 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 456. Д. 14. Л. 137. О дореволюционной промышленности Карелии см.: Homen T. East Karelia and Kola Lapmark. P. 230–247.

ГЛАВА 2

«ЦЕНТР СКАНДИНАВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА, ГРАНИЦА КРАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АМБИЦИИ, 1920–1928 гг.

Впервые российская Карелия была объединена в одну административную область 7 июня 1920 г. На следующий день советский российский законодательный орган, Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), издал резолюцию. Там говорилось, что в Олонецкой и Архангельской областях, где проживают карелы, следует создать «региональную единицу» (областное объединение) под названием Карельская трудовая коммуна (КТК), которая будет «бороться за социальное освобождение карельских рабочих»¹. Недостаток точных директив, формулирующих политическую цель новой области, ее административный статус и границы территории, был следствием противоречий, существовавших в молодом советском государстве, различия целей и напряженных отношений между идеологией и велением времени. В этой главе пойдет речь о формировании и пространственной конфигурации советской Карелии с точки зрения внешней государственной границы, региональной структуры и ее роли в российском пространстве.

КРАСНАЯ ФИНСКАЯ МОДЕЛЬ КАРЕЛЬСКОЙ АВТОНОМИИ

Идея сформировать Советскую Карельскую автономную область появилась в Стокгольме в конце 1919 или в начале 1920 г. Она принадлежала финскому социалисту-эмигранту Эдварду Гюллингу. Он родился в 1881 г. в Куопио (центральная Финляндия), в преуспевающей буржуазной семье. Большую часть детства и юности Гюллинг провел в загородном поместье. Он стал истинным патриотом и остро переживал нищету и массовую миграцию сельского населения. После

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920. 53. № 232.

обучения в Финляндии и Германии в 1909 г. он защитил докторскую диссертацию по аграрной экономике в Хельсинкском (Гельсингфорском) университете, затем начал там преподавать. Помимо этого занимался проблемами статистики и демографии. С 1905 г. Гюллинг активно участвовал в работе финской социал-демократической партии – редактировал журнал о сельских районах. Он являлся членом парламента Великого княжества с 1908 до конца 1917 г., пока новое советское правительство не предоставило Финляндии независимость². Гюллинг был умеренным политиком, гуманным и практичным человеком и считал себя «социалистом правого крыла». Он верил, что мирная парламентская реформа – лучшее средство для достижения национального согласия и социального прогресса³. Поэтому считал финское восстание коммунистов в январе 1918 г., вслед за которым последовала гражданская война, пагубной ошибкой. Однако Гюллинг согласился занять пост министра финансов в сформированной социалистической администрации, как член правительства провел переговоры с советской Россией о взаимной помощи, пересмотре границы и уступке Восточной Карелии (см. ниже). В начале апреля, когда красные финны были близки к поражению, этот «самый мирный из людей» согласился возглавить революционные войска. В то время его более радикальные товарищи бежали из страны, чтобы перегруппировать силы в Петрограде⁴. Гюллинг возглавил последнюю оборону Выборга (Выбури), средневековой шведской крепости в западной Карелии, но финская белая армия взяла город, тем самым обеспечив победу консервативных сил, после чего Гюллинг был вынужден скрываться.

Вместо того чтобы последовать за финскими коммунистами в Россию, Гюллинг укрылся в Швеции, где разработал план по переселению почти 15 тыс. сосланных красных финнов в российскую Карелию⁵. В начале 1920 г. он рассказал о своих идеях Юрьё Сироле, одному из тех финских социалистов, которые выехали в Петроград

² Pogorelskin A. E. Edvard Gylling and the Origins of Karelian Fever // L.-F. Landgren. *The Dividing Line*. P. 262–266.

³ О финской социал-демократии и начале карьеры Гюллинга см.: Hodgson J. H. *Communism in Finland. A History and Interpretation*. Princeton, 1967. P. 1–80.

⁴ Upton A. F. *The Finnish Revolution. 1917–1918*. Minneapolis, 1980. P. 491.

⁵ Советский историк М. М. Коронен заявляет, что в Советскую Россию уехало 6–10 тыс. красных финнов. Об этом см.: Коронен М. М. В. И. Ленин и Финляндия. Л., 1983. С. 248–249.

в апреле 1918 г. В то время Сирола работал в Москве, управлял недавно основанной коммунистической партией Финляндии (КПФ)⁶. Гюллинг предложил создать советскую Карелию на тех же принципах, что и Петроградскую коммуну, предоставив региону автономию в экономике, образовании и в решении внутренних дел. В ее территорию должны были войти земли между финской границей на западе и Онежским озером и Белым морем на востоке вплоть до Северного Ледовитого океана. Это стало бы местом, где, как он писал:

«...часть финского населения могла зарабатывать, развивая экономически-производительный потенциал области и получая военную подготовку для защиты границы. Не вовлекая в процесс советскую Россию, Карелия могла бы заниматься революционной агитацией. Появление образцового общества на границе Финляндии могло подготовить идеологическое основание для финской революции»⁷.

Идея Гюллинга была сформулирована в духе марксизма. Он предлагал свою кандидатуру на пост главы региона, чтобы гарантировать выполнение Карелией «подлинной революционной стратегии» для Северной Европы и устранение мелкобуржуазного сепаратизма со стороны местного населения. Ведь еще во времена Гражданской войны 1918–1920 гг. и интервенции Карелия потребовала независимости как от России, так и от Финляндии⁸. В другом письме Гюллинг развил свою мысль: автономия Карелии принесет пользу не только советской российской обороне и финскому социализму, но послужит делу «мировой революции», т. к. сформирует ядро скандинавской со-

⁶ О КПФ (учреждена в августе 1918 г.) см.: Paastela J. Finnish Communism under Soviet Totalitarianism. Helsinki, 2003; Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969.

⁷ Письмо, без даты (начало 1920 г.), в переводе на рус. яз. АВП РФ. Ф. 135. Оп. 4. Д. 6–24. Л. 20–20об, также опублик. в: Шумейко Н. В. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 г. Первый всекарельский съезд Советов, 11–18 февраля 1921 г.: протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 257–259.

⁸ О карельском национализме во время Гражданской войны см.: Churchill W. The east karelian autonomy question in finnish-soviet relations, 1917–1922; Дубровская Е. Ю. Из истории подготовки Ухтинского съезда представителей Карельских волостей // Вопросы истории европейского Севера / под ред. А. И. Афанасьевой, М. А. Мишенева. Петрозаводск, 1998. С. 63–72; Baron N. The King of Karelia. Col. P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memoir. London, 2007. Н. 6, 7.

ветской республики, которая могла бы «диктовать свои условия капиталистической Западной Европе», монополизировав лесную промышленность⁹.

Намерения Гюлинга относительно пространственной ориентации Карелии в Скандинавии, ее «центральности» в революционной географии Севера и его оппозиция стремлению местного населения к самоопределению, были явно националистическими¹⁰. В июле 1921 г. Гюллинг объявил на Четвертом конгрессе КПФ: «Вы правы, считая мое предложение (относительно финского правления в Карелии) националистическим. Но если мы будем стимулировать национализм, это поможет революции... Пока это революционный национализм, мы должны его поддерживать»¹¹. Многие члены конгресса одобрили такую позицию, разделяя его националистические предположения о карельской идентичности и мнение об изменении спорной границы¹².

⁹ Пер. с нем. яз. из письма Werte Genosse, без даты (начало 1920 г.), АВП РФ. Ф. 135. Оп. 4. Д. 6–24. Л. 24–26.

¹⁰ О пространственных масштабах финского национализма см.: Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York, 1996. О национализме и политике национальностей Гюлинга в Карелии см.: Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan Taistelu Itsehallinnosta; Кангаспуру М. Взлет и падение красных финнов // Север. 1997. № 11–12. С. 114–123; Кангаспуру М. Карелия на перекрестке панфинизма и русификаторства в 20–30-х годах // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России / под ред. А. А. Попова. Сыктывкар, 1996. 29–39. См. также: Соломеш И. М. Панфинизм и Советская Карелия: была ли «Великая Финляндия» мечтой «красных финнов»? Там же. С. 18–22.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2:1921. Д. 17. Л. 208. Цит. также в: Кангаспуру М. Финская эпоха советской Карелии // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на северо-западе России в 1920–1950-е годы / под ред. Т. Выхавайнена, И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 125.

¹² Не все финские социалисты разделяли позицию Гюлинга, см.: Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование Карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923 гг.) // Общественно-политическая история Карелии «XX» века: очерки и статьи / под ред. Л. И. Валулинской и др. Петрозаводск. 1995. С. 24–49. Куллерво Маннер, бывший лидер финских социал-демократов, а с 1918 г. член левой фракции КПФ верил, что Карелию надо оставить карелам, полностью советизировать и включить в состав России как буферное государство на границе с Финляндией, пока финские коммунисты сосредоточивали свою деятельность в самой Финляндии, см.: VI Съезд КПФ, июль–август 1921 г. //

В августе 1918 г., например, на встрече с олонецкими карелами (которые пять месяцев назад отбились от белофиннов, также стремившихся «освободить» их) Сирола объявил, что после победы мировой революции «Карелия и Финляндия вновь объединятся в едином братстве рабочих»¹³.

План Гюллинга относительно Карелии заинтересовал советского лидера Владимира Ленина, который в мае 1920 г. вызвал Эдварда в Москву, чтобы обсудить идею. Сирола, также присутствовавший на встрече, был настроен скептически: в Карелии слишком мало промышленных рабочих, и большинство из них русские. Однако Гюллинг был более оптимистичен, уверяя Ленина, будто автономия простимулирует экономическое и демографическое развитие области и поднимет местное население на борьбу за «культуру и укрепление советской власти»¹⁴.

План Гюллинга получил поддержку народного комиссара (наркома) иностранных дел Г. В. Чичерина, понимавшего, что карельская автономия улучшит мнение финнов о новом социалистическом государстве. Красная армия выступала против автономии, считая защиту границы своей основной задачей¹⁵. Администрация Олонецкой губернии также была против автономии, которая означала бы расчленение региона. Ленин, однако, уже занял твердую позицию по этому вопросу¹⁶. Во-первых, Гюллинг вдохновил его своей уверенностью. После их встречи советский лидер написал: «Сегодня я встретил интеллигентного человека с высшим образованием, который произвел особенно благоприятное впечатление. Он может стать хорошим премьер-министром в любой стране»¹⁷.

РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2–1921. Д. 17. Л. 213–214. Об Отто Куусинене и его финском интернационализме см. ссылку 40.

¹³ Churchill W. The East Karelian Autonomy... P. 311.

¹⁴ Конечно, он имел в виду финскую культуру. Отчет о встрече: Сирола И. Воспоминания о Ленине // С Лениным вместе. Воспоминания. Документы. Петрозаводск, 1977. С. 62–63.

¹⁵ См. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства, 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 39–46.

¹⁶ 18 мая 1920 г. Политбюро согласилось на образование КТК и учредило комитет при наркоме внешней политики М. Ф. Владимирском, чтобы управлять проектом // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 79. Л. 3. 1 июня Владимирский получил приказ передать декрет об образовании КТК во ВЦИК для ратификации, Оргбюро Сталина назначало революционного комиссара Карелии (ревком) с согласия Зиновьева, Чичерина и Владимирского // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 85. Л. 1; более ранние декреты: Ф. 17. Оп. 163. Д. 71. Л. 3.

¹⁷ Цит. по: Tuominen A. The Bells of the Kremlin. An Experience in Communism. Hanover, London, 1983. P. 282.

Во-вторых, национализм Гюллинга был вполне совместим с большевистской национальной политикой. Действительно, Карелия могла послужить примером того, как это будет выглядеть на практике¹⁸. В-третьих, у Ленина были обширные стратегические и политические планы. Весной 1920 г. советская Россия должна была срочно заключить мир с Финляндией (одним из государств-интервентов), чтобы противостоять Польше¹⁹. Финская сторона уже не раз покидала переговоры, после того как советская Россия предложила перемирие в августе 1919 г.²⁰ 10 мая (за четыре дня до этого поляки заняли Киев) Чичерин написал Ленину о «чрезвычайной важности в этот момент избежать финского нападения». Он доказывал Политбюро (ЦК российской коммунистической партии), что Россия должна как можно скорее возобновить мирные переговоры, чтобы «обуздать» финский шовинизм²¹. Наделив 7 июня Карелию автономией, Ленин позволил финскому правительству сделать шаг по пути к национализму, не уступив при этом основной территории. Несколько дней спустя в Дерпте (Юрьев, Тарту) возобновились советско-финские переговоры. 17 июня советский посол Я. А. Берзин сообщал Ленину, что теперь финны «скорее всего, легко смирятся с судьбой Карелии»²².

Хотя финское правительство подозревало, что основание Карельской трудовой коммуны (КТК) было в лучшем случае пустым обеща-

¹⁸ О большевистской национальной политике см.: Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Cambridge, 2001; Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005; Smith J. *The bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. London, 2001. Мартин разворачивает широкую дискуссию, где «признает, что нации связывают политические границы, что может использоваться Советским Союзом для увеличения советского влияния за рубежом» (313). Он подчеркивает, что «советская политика национальностей никогда не была главной целью внешней политики» (9). Как мы увидим, именно решение Гюллинга определило роль, пространство и развитие советской Карелии.

¹⁹ О роли Карелии в советско-финских отношениях в течение 1918–1920 гг. см.: Jääskeläinen M. *Die Ostkarelische Frage. Die Entstehung Eines Nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu Seiner Verwirklichung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920*. Helsinki, 1965. S. 227–246.

²⁰ О перспективах советского мира см.: Холодовский В. М. *Финляндия и Советская Россия, 1918–1920 гг.* М., 1975. С. 180–193.

²¹ Чичерина также беспокоила возможная интервенция Великобритании в Прибалтику. Политбюро, 11 мая 1920 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 64. Л. 7.

²² АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. Д. 103-1. Л. 7–9.

нием, а в худшем – циничной дипломатической уловкой, после двух лет колебаний оно также желало мира. Не учитывая мнения консерваторов и ультранационалистов, финны согласились на советское предложение о перемирии, настояв на приложении к соглашению. В этом приложении содержалось формальное утверждение прав автономной Карелии и местного населения²³. Дерптский мирный договор с советским приложением-декларацией «О самоуправлении восточной Карелии» (частично основанный на стратегии Гюллинга) был подписан 14 октября 1920 г.²⁴

КАРЕЛИЯ КАК СОВЕТСКАЯ ПОГРАНИЧНАЯ ОБЛАСТЬ

Мы поддерживаем потребности государства,
а государство отвечает за границы.

*(В. И. Ленин, VII Всероссийский съезд РСДРП(б),
апрель 1917 г.)*²⁵

Границы показывают пределы государственной власти, защищают целостность страны, определяют идентичность основной территории и обеспечивают социальные гарантии для граждан. Идеологическая цель государства, пространственная ориентация и политические приоритеты определяют характер этих границ²⁶. Карелия всегда

²³ Об отношении Финляндии к мирному договору см.: Paasivirta J. Finland and Europe. The Early Years of Independence, 1917–1939. Helsinki, 1938. P. 221–227. Об отношении Советского Союза см.: Холодовский В. М. Финляндия и Советская Россия. С. 180–193, 199–235.

²⁴ Полный текст договора и приложений см.: Mazour A. G. Finland Between East and West. Westport, 1956. P. 209–226. Российская сторона сохранила двусмысленный правовой статус декларации. Финны решили объяснить это перспективой будущих отношений, а с 1921–1924 гг. пыталась с помощью Лиги Наций и Гаагского Трибунала заставить Россию неукоснительно выполнять обязательства по договору. Россия заявляла, что декларация всего лишь содержала информацию о правах Карелии, полученных в 1920 г., но никак не гарантировала их соблюдение или дальнейшие уступки. Аргументы Финляндии см.: La Question de la Carelie Orientale (Fevrier, 1922). Helsinki, 2002. В личном письме от 8 апреля 1921 г. Берзин признался Чичерину, что «позиционировал декларацию на последнем пленарном заседании мирной конференции как чисто информационную, мы отчасти правы. Стоит и дальше придерживаться этой линии» // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 250–53399. Л. 5.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1969. Т. 31. С. 435.

²⁶ См. также: Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness.

играла большую роль в российских международных отношениях. В обзоре Олонецкой губернии за 1886 г. говорится: «До объединения Финляндии с Россией Петрозаводский и Повенецкий округа имели стратегическое значение: во время войн со Швецией... здесь размещались российские войска». В течение большей части XIX в. губерния граничила с Великим княжеством Финляндским (при наличии всего одной таможни)²⁷. В 1918 г. независимость Финляндии придала западной границе Карелии новый, государственный статус. Но пока большевистская внешняя политика и стратегия построения государства, в особенности его отношение к национальным меньшинствам на периферии, находились в состоянии формирования, нельзя было точно определить значение границы, ее статус и неизменность.

Революция, интервенция и Гражданская война: роль государственной границы

В первое время после удачного переворота в октябре 1917 г. Ленин и его последователи мало думали о конституционной структуре или пространственной форме нового советского государства. Их приоритетами являлись обеспечение большевистского контроля и координация центров власти. Революционеры не видели других причин для потенциального ограничения власти. Они предполагали, что победа в России вызовет ряд пролетарских восстаний по всей Европе, будет образовано новое политическое пространство, качественно отличающееся от традиционных национальных или имперских форм территориальной государственности. 31 декабря 1917 г. советские лидеры разрешили финскому буржуазному правительству воспользоваться правом на самоопределение в соответствии с большевистской доктриной национальностей и Декларацией прав народов России от 3 ноября 1917 г. Они были уверены, что финны скоро сами захотят объединиться с новой республикой рабочих, появившейся на востоке от них²⁸. «Для нас важно не то, где проходит государственная граница, – ответил Ленин на вопрос о финской независимости, выступая 5 декабря на I Всероссийском съезде военного флота, – а объединяются ли люди всех наций в борьбе против буржуазии, независимо от их национальности»²⁹.

²⁷ Иванов А. Олонецкий сб. Петрозаводск, 1886. С. 146.

²⁸ Об отчете Финляндии о независимости см.: Юссила О. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 109–114; советский отчет см.: Похлебкин В. В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений, 1713–1973 гг. М., 1975. С. 194–208.

²⁹ Цит. по кн.: Upton A. F. The Finnish Revolution. P. 186.

Когда в конце января 1918 г. финские социалисты захватили власть в недавно получившей независимость стране, казалось, что большевистские мечты о революционной экспансии сбудутся раньше, чем ожидалось. Советское правительство (Совет народных комиссаров, Совнарком) немедленно начало переговоры с красным финским правительством о статусе государственной границы. Финскую делегацию возглавлял Гюллинг, поэтому неудивительно, что советские дипломаты с тревогой отметили «отсутствие интернационализма» у собеседников³⁰. В феврале красные финны потребовали большую часть Кольского полуострова и получили согласие русских³¹. 4 марта финское социалистическое правительство поделилось с Россией своими планами о присоединении Восточной Карелии. Несколько дней спустя на конференции Гюллинг уверенно заявил, что рано или поздно «граница между родственными народами (финнами и карелами) исчезнет»³². Большевики были в принципе готовы передать территории братскому правительству (хотя в марте Иосиф Сталин, советский нарком национальностей, заявил, что Финляндия должна, в конечном счете, воссоединиться с российской республикой), но они вряд ли ожидали таких жестких проявлений национализма³³.

К концу апреля финские революционеры, а заодно и их амбиции «братской» аннексии Восточной Карелии потерпели крах³⁴. К этому времени большевики перестали надеяться на скорую революцию в других странах, переживавших народное недовольство, что показало несостоятельность опасений начала «империалистической вой-

³⁰ Engman M. State Terrorism as Diplomacy: Aspects of Finnish-Soviet Relations, 1918–1920 // *Studia Baltica Stockholmensia*. 1991. № 8. Р. 64. Мнение Гюллинга см. в: Гюллинг Э. А. Первый договор между социалистическими республиками и Лениным. Финляндия и РСФСР в 1918 г. // *Красная летопись*. 1929. № 1 (28). С. 8–20. Советскую историю этих переговоров см.: Похлебкин В. В. СССР – Финляндия. С. 223–244.

³¹ 1 марта Советская Россия и Финляндия заключили договор о дружбе и братстве. Со стороны Советского Союза его подписали Ленин, Троцкий, Сталин и левый эсер А. Прошьян; со стороны Финляндии – Э. Гюллинг и О. Токои. Договор предусматривал передачу Финляндии Лапландской Пенченги и небольших территорий вокруг Ладожского озера.

³² Цит. по: Холодовский В. М.. Финляндия и Советская Россия... С. 15.

³³ Слова Сталина цит. по: Paasivirta J. Finland and Europe. Р. 127.

³⁴ В 1928 г. Гюллинг написал, что «по иронии судьбы» победа белых финнов отодвигает «национальную причину финского племени», разрушив возможность «естественного» исчезновения границы между карелами и финнами, «двух народов одной национальности». См. «Первый договор». С. 15, 16.

ны», которая угрожала их существованию. «Пришло время положить конец революционным фразам и перейти к реальной работе, объявил Ленин в феврале, приводя доводы в пользу немедленного мирного договора с Тройственным союзом, – немецкая революция не готова. Потребуется месяцы»³⁵. По Брест-Литовскому мирному договору, заключенному 3 марта, советская Россия уступила все свои западные территории – не только Польшу, но и Украину, Белоруссию и Балтийские страны, приблизительно 1267 тыс. кв. миль с населением более чем 62 млн человек, в обмен на мир с Германией³⁶. Девять дней спустя советское правительство переехало в Москву. Хотя решение покинуть Петроград было принято в целях безопасности (немецкие войска только что высадились в Финляндии), оно имело символическое значение: Москва была сердцем российского государства, ядром его территориального расширения и географическим центром европейской части страны. В то время переезд казался отказом от революционной экспансии и политики внутренней консолидации и организации. Речь Ленина в апреле 1917 г. о потребностях государства (цитата выше) стала официальной доктриной. И, как сказал Ленин, государство исходит из «предполагаемых границ».

Первым шагом советского правительства в установлении пограничного режима стал декрет от 25 мая 1918 г. об учреждении пограничной охраны. В нем были определены «пограничные интересы» России, объекты пограничного контроля и функции пограничной охраны. Также утверждалась подведомственная ей контрольная полоса шириной в семь верст³⁷. Надо отметить, что первоначально пограничная охрана была подчинена Народному комиссариату финансов (Наркомфин), т. к. должна была работать прежде всего как таможня, регулирующая пересечение границы и торговлю. Однако эта попытка «нормализовать» государственную границу в преддверии строительства государства оказалась преждевременной. Вооруженные отряды белофиннов уже пересекли советскую границу и проникли в Восточную Карелию

³⁵ Речь Ленина перед ЦК ВКП(б) от 23 февраля 1918 г. Цит. по: The Bolshevik Revolution, 1917–1918. Documents and Materials / ed. J. Bunyan, H. N. Fisher. Stanford, 1934. P. 519.

³⁶ Оценки используются С. Загорским в: The Bolshevik Revolution... P. 523–524.

³⁷ Пограничные войска СССР: Сб. док. и мат. / под ред. Е. Д. Соловьева, А. И. Чугунова. М., 1973. Т. 1. 1918–1928 гг. С. 73–74. См. также: Chandler A. Institutions of Isolation. Border Controls in the Soviet Union and it's Successor States, 1917–1993. Montreal, Kingston, 1998. P. 37–42.

в январе, к началу апреля они достигли Кеми³⁸. В мае финское правительство высказало свои притязания на Восточную Карелию и Ингрию. Финляндия была готова при поддержке Германии применить силу для достижения своих целей. Советская Россия ушла с переговоров о государственной границе, для отражения попыток белофиннов вторгнуться на территорию Карелии были посланы войска³⁹. России угрожало не только столкновение на северо-западном фронте – ситуация на западной границе в течение весны и лета также ухудшалась. В августе пограничная охрана была передана Красной армии. Теперь главным было не регулирование границы, а ее защита.

Начало Гражданской войны и иностранной интервенции делало декрет от 25 мая не соответствующим «пограничным интересам» советской России. Более двух лет большевики пытались гарантировать выживание советской власти в центральной России, а в череде военных успехов границы прекратили существовать как юридически, так и на практике. Эта открытость представляла, с одной стороны, угрозу, но, с другой, – давала шанс формирующемуся советскому государству. Война вновь позволила стимулировать мировую революцию за пределами России и вызвала всплеск революционного интернационализма. В марте 1919 г. Коминтерн и один из его лидеров «красный финн» Отто Куусинен предложили главному съезду мирового пролетариата «отменить границы между государствами»⁴⁰. Впоследствии

³⁸ Балагуров Я. А. Борьба за Советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973. С. 54.

³⁹ Белофинны были разгромлены в Кеми к середине апреля, наряду с другими в операции также участвовали «красные финны». См.: «Петроградская правда» от 11 мая 1918 г. // История Карелии в документах и материалах. Советский период / под ред. А. И. Афанасьевой. Петрозаводск, 1992. С. 23. Детали советско-финских переговоров о границе см.: Чистиков А. Н. Советская Россия и Финляндия в 1918 г. Проблема границ // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. / под ред. С. Б. Кореневой, А. В. Прохоренко. СПб., 1996. С. 114–120. Первоначально Советы были готовы рассмотреть уступку части Восточной Карелии в обмен на аннексию района Выборга для обеспечения безопасности Петрограда.

⁴⁰ Платформа Коминтерна, цит. по: Goodman E. R. The Soviet Design for a World State. New York, 1960. P. 31. Заметим, что Куусинен сделал это заявление не из националистических соображений. Судя по словам его жены, он был «заклятым врагом своей страны». Она вспоминает, что в начале 1920-х гг. он написал статью, в которой назвал Финляндию «кучкой пыли, которую надо смести с карты мира». Ленин осудил Куусинена, назвав его «финским животным». См. Kuusinen A. Before and after Stalin. A Personal Account of Soviet Russia from the 1920s to the 1960s. London, 1974. P. 231–232.

Гюллинг использовал такое интернационалистское понимание революционной экспансии во время советско-польской войны весной 1920 г. как одно из оправданий своей (националистической) схемы автономии Карелии.

В то же время продолжение интервенции и гражданского конфликта представляли угрозу дальнейшего территориального уменьшения или даже исчезновения государства. В одной только Восточной Карелии в 1918–1920 гг. большевики боролись против армии интервентов во главе с британцами, белогвардейцами, «зелеными» сепаратистами Карелии и белофиннами, которых первоначально поддерживали немцы. Основную часть этого периода советской власти в Карелии не было. Там хозяйничали иностранные и местные силы, боровшиеся между собой⁴¹. Белофинны оккупировали два восточных пограничных района Карелии (Реболы и Поросозера) и удерживали их почти два года. Они отступили лишь в конце 1920 г., после того как советская Россия согласилась подписать второе приложение к Дерптскому договору, гарантировавшее региону право на самоуправление и амнистию жителям⁴².

После отступления интервентов и затухания Гражданской войны советское правительство в 1920 г приняло меры для восстановления государственной границы⁴³. Однако Наркомфин больше не отвечал за пограничный контроль. Совнарком передал большинство этих функций в специальный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), политической полиции. В начале 1921 г. в ведение ВЧК транслировали и остальные пограничные функции (в то время охрану карельской границы осуществлял пятый спецотряд ВЧК, расположенный в Петрозаводске). В сентябре 1922 г. то же учреждение, переименованное в Государственное политическое управление (ГПУ), основало отдельную пограничную службу⁴⁴. Передача пограничных функций органам безопасности свидетельствовала о появлении новой концепции го-

⁴¹ Об интервенции см.: Ullman R. *Anglo-Soviet Relations, 1917–1921*. New Jersey, 1961–1973; Baron N. *The King of Karelia*.

⁴² По поводу заявлений о коммунах Реболы (по-фински – Репола) и Поросозера (Пораярви) см.: Mazour A. G. *Finland between East and West*. P. 225.

⁴³ О роли Карелии во внешней политике Советского Союза в 1920-х гг. см.: Килин Ю. «Карельский» вопрос в Финляндии и СССР (1920-е гг.) // Север. 1997. № 7. С. 115–123.

⁴⁴ Соловьева Е. Д.. *Пограничные войска СССР. Т. 1. 1918–1928 гг.* С. 11–14, 162–171.

сударственной границы. Она являлась не только линией территориальной защиты и экономического обмена, ограничивала территорию страны, но также была источником проникновения враждебных элементов⁴⁵. Это, в свою очередь, повлекло за собой появление новой концепции советской государственности, о которой речь пойдет чуть позже.

Советское карельское правительство заявило о необходимости закрыть границу с Финляндией, чтобы, по словам Гюллинга, «предотвратить проникновение шпионов, контрабандистов, воров и конокрадов из Финляндии». Хотя Гюллинг напрямую не говорил об этом, открытая граница представляла опасность для области, население которой до сих пор не определилось в своей лояльности к советской власти. В 1921 г. советские пограничники арестовали тридцать нарушителей границы Северной Карелии, которые направлялись на работу в частную финскую лесозаготовительную компанию, нанявшую их в качестве штрейкбрехеров⁴⁶. В то же время Гюллинг требовал свободного доступа в Карелию для всех скандинавских рабочих и специалистов, желающих там поселиться⁴⁷.

В конце 1921 г. в тех областях, где карелы страдали от голода, финские националисты-агитаторы, обещавшие населению всяческую, в том числе и вооруженную, поддержку, спровоцировали восстание против местных представителей советской власти⁴⁸. К середине февраля 1922 г. Красная армия, включая большой контингент красных финских войск, подавила мятеж. Более 12 тыс. карельских крестьян, боясь репрессий, бежали на западную сторону границы⁴⁹. В ответ на

⁴⁵ В это время Советская Россия подписала договор с Финляндией о пограничном железнодорожном сообщении, таможене, возвращении заблудившихся оленей и сплаве леса // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 4а. Д. 7; ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 1086 и ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 1122. О границе как месте эпидемиологического контроля см. Советские законы о карантине // ГА РФ. Ф. 5546. Оп. 1. Д. 16. Л. 75–78; ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 14. Л. 90.

⁴⁶ Мнение Гюллинга о дипломатической ноте Финляндии от 23 августа 1921 г., датировано 1 сентября 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 250–3398. Л. 21–24.

⁴⁷ Заметка об автономии Карелии (без подписи, но стиль и содержание указывают на авторство Гюллинга), 3 февраля 1921 г., пер. с нем. // АВП РФ. Ф. 135. Оп. 5. Д. 9–24. Л. 7.

⁴⁸ Гусев К. В. К истории карельского мятежа (по материалам Комиссии по реабилитации при Президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–84.

⁴⁹ «Записки Министерства иностранных дел Финляндии о Карелии», скорее всего, проект доклада в Лигу Наций, получен по секретным ка-

просьбу Карельского временного правительства в изгнании продолжить вооруженную борьбу советский нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета (РВС) Лев Троцкий обнародовал следующее предупреждение:

«Ни у кого не выйдет незаконно нарушить неприкосновенность границ РСФСР (Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика). Вооруженные силы Петроградского округа охраняют Революцию и будут надежно следить за государственной границей с Финляндией, готовые в любой момент отразить любую агрессию»⁵⁰.

В течение 1921 и первой половины 1922 г. финское и советское правительства провели переговоры об урегулировании границы. Они неоднократно прерывались финскими обращениями по «карельскому вопросу» в Лигу Наций и Гаагский Трибунал, восстаниями карелов и набегами вооруженных финских националистов через границу, вторжением Красной армии на финскую территорию, спорами о возвращении карельских беженцев. Все инциденты сопровождалось обменом дипломатическими нотами между Москвой и Хельсинки. Невзирая на это, два государства 1 июня 1922 г. все же подписали Соглашение о мероприятиях, обеспечивающих неприкосновенность границы. Границу должны были охранять регулярные войска или пограничники в количестве не более 2500 человек с каждой стороны, а не вооруженные добровольцы (с одной стороны – финский националистический шютцкор, с другой – российские и финские коммунисты). Была определена пограничная полоса, в пределах которой не допускалось иметь никаких вооруженных сил или складов оружия и боеприпасов. Местные комиссии по контролю обязаны были следить за осуществлением и соблюдением соглашения⁵¹. После его за-

налам дипломатическим представителем Советского Союза в Хельсинки А. С. Черных 3 октября 1922 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 251-53426. Л. 170–189.

⁵⁰ Проект декрета Петроградского военного округа, апрель 1922 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 251–53426. Л. 124.

⁵¹ Договор был опубликован позднее в: Красная Карелия: Сб. Петрозаводск, 1925. С. 89–95. Это сборник официальных документов, относящихся к истории Карелии со времени образования КТК до преобразования ее в АССР; о переговорах см.: Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница, 1918–1938 гг. СПб., 2000. С. 106–116. См. также воспоминания от 13 апреля 1922 г. и переписку между глав-

ключения российская делегация подписала приложение, объявив, что советское правительство расценит любые вторжения финских вооруженных групп на советскую территорию или даже единичные «террористические акты», являющиеся официальным стоговором, как объявление войны⁵².

И это не было пустой угрозой. Получив сообщения агентов КПФ в Финляндии о возможных провокациях с финской стороны в конце 1922 г., советское правительство предприняло контрмеры. 5 декабря Л. Троцкий написал письмо И. Сталину как председателю организационного бюро (оргбюро) Центрального исполнительного комитета (ЦИК). Он отметил, что если финны начнут новые «бандитские» набеги на советскую Карелию, «мы не будем считать себя связанными границей, подавляя эти действия»⁵³. Финская пресса сообщила о советских военных приготовлениях на границе⁵⁴. Испугавшись, финские националисты не решались напасть на Карелию до конца 1920-х гг. В 1923–1924 гг. умеренное финское правительство, заинтересованное в мирном сосуществовании и возобновлении торговли, приняло меры для улучшения отношений с советской Россией. В последующие годы два правительства возобновили соглашение о границе. Советско-финская разрядка в отношениях гарантировала стабильность⁵⁵.

Конечно, советский режим все еще принимал меры по охране вновь учрежденной пограничной области от шпионов, контрабанди-

ным советским парламентом С. М. Франкфуртом и членом Коллегии Наркоминдел Я. С. Ганецким от 15 апреля // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 3. Д. 103-4. Л. 19–28, 29. Позицию Советской Карелии см.: доклад советского представителя в Финляндии А. С. Черных Ганецкому от 27 июля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. Д. 106-2. Л. 118–119; доклад Гюллинга в Карело-Мурманский Военно-революционный комитет 15 июня // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. Д. 106-2. Л. 120–121; и Карело-Мурманская Военно-революционная резолюция // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 81. Л. 34–35.

⁵² Красная Карелия. С. 101.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 218. Л. 33.

⁵⁴ См., напр., письмо Черных Ганецкому от 7 февраля 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 2. На самом деле, Красная армия не отправляла войска на границу с Карелией – все передвижения были связаны с реорганизацией ГПУ в декабре. Командующий Красной армией писал Ганецкому 1 февраля 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 1.

⁵⁵ О приграничных отношениях в 1920-х гг. см.: Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. С. 116–125.

стов и других правонарушителей⁵⁶. В этом отношении Карелия была проблемным регионом. Ее граница протяженностью 1245 км (включая Мурманскую область), в значительной степени проложенная через густые, непроходимые леса, была обозначена едва заметными знаками и камнями, положенными еще в конце XIX в. По-прежнему почти не было дорог и способов сообщения между населенными пунктами. Условия жизни пограничников были ужасны, а моральный дух низким. Большинство из них прибыли из других регионов, отношения с местными крестьянами были напряженными, взаимного доверия достичь не удалось⁵⁷. Поэтому в декабре 1922 г. ГПУ провело децентрализацию структуры, призванную улучшить взаимодействие между пограничными войсками и местным населением. Отныне глава Карельского ГПУ управлял отдельным карельским пограничным отрядом с четырьмя подразделениями (три разместились вдоль границы, одно – возле железной дороги). Он был подведомствен представителю ГПУ в Петроградском военном округе⁵⁸. Несмотря на это, в следующем году контрольная комиссия по карельской границе сообщила, что местные жители все еще не «верят нашим пограничным службам», в том числе их способности отразить новые финские вторжения. Недоверие и враждебность неизбежно сопровождалось репрессиями против коллаборационистов, поэтому жители приграничных районов упрямо отказывались помогать советским чиновникам в восстановлении разоренных войной районов⁵⁹. В свою очередь карельское ГПУ предпринимало шаги для улучшения благосостояния и морально-боевого духа пограничников. В начале 1924 г. оно децентрализовало Карельский пограничный отряд, разделив его на четыре территориальных единицы (отряда), каждая со своим личным составом: Ухтинский, Ружозерский, Петрозаводский и Олонецкий (последний в марте 1925 г. был понижен до статуса комендатуры, подчиненной Петрозаводскому отряду)⁶⁰.

⁵⁶ Chandler A. Institutions of isolation. P. 43–54. Декрет Совнаркома от июля 1923 г. определил «пограничные регионы» как 22-километровую зону на протяжении всей линии границы, находящейся под контролем ГПУ.

⁵⁷ Депутат Наркомнаца в Президиум ВЧК, 1921 г. (нет даты) // ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 10. Д. 6. Л. 14.

⁵⁸ Глава ГПУ Карелии Нельке – Гюллингу, 11 марта 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 6-27. Л. 73–74.

⁵⁹ Черных – члену коллегии Наркоминдел В. Л. Коппу, 17 ноября 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53442. Л. 41–50.

⁶⁰ Нельке – Гюллингу, 11 марта 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 6-27. Л. 73–83. Доклад военной разведки США о пограничных советских воен-

Социализм в отдельно взятой стране: безопасность и государственность

Гюллинга не покидала мысль о революционной экспансии после учреждения КТК. В феврале 1921 г. он повторил свою попытку, «воспользовавшись взаимодействием всех скандинавских (социалистических) партий в Карелии, чтобы создать здесь скандинавский революционный центр»⁶¹. Позже, на IV съезде КПФ Гюллинг назвал Карелию основой для будущей «Красной Скандинавской Советской Республики»⁶². Однако теперь он занимался внешней политикой значительно меньше. На первом плане были обеспечение регионального лидерства, развитие эффективных местных органов власти и восстановление экономики территории. В 1923 г. Гюллинг вновь озвучил свою окончательную цель, определив более длительные сроки ее выполнения: «После того как в Финляндии сменится правительство, – сказал он лидерам финских коммунистов, – мы сможем думать об отмене финско-карельской границы»⁶³. Он отметил, что «Россия не может быть против объединения Карелии с Финляндией, пока в Финляндии есть правительство, не являющееся лакеем империалистов»⁶⁴.

Таким образом, цель оставалась той же, но ее реализация откладывалась на неопределенный срок как по внутренним, так и по внешним причинам. Провал коммунистического восстания в Германии в конце 1923 г. означал крах последних надежд советских лидеров на молниеносную мировую революцию. Превращая цель в доктрину, в конце 1924 г. Сталин заявил о необходимости «победы социализма в отдельно взятой стране»⁶⁵. Согласно его схеме «развития мировой революции» было необходимо «создать социалистические центры в отдельных советских странах, а также систему центров по всему миру», которая должна противостоять империалистическим центрам и империалистической мировой системе в целом. На тот момент

ных силах от 4 марта 1924 г., Рига, см. Национальный архив США, записи военного отдела, военная разведка, 2037-1552.

⁶¹ Записка о Карельской автономии, 3 февраля 1921 г., пер. с нем. // АВП РФ. Ф. 135. Оп. 5. Д. 9-24. Л. 7.

⁶² Протоколы Конгресса, июль–август 1921 г., пер. с фин. // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2–1921. Д. 17. Л. 202.

⁶³ Пленум КПФ, 30 августа 1923 г., пер. с фин. // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2–1923. Д. 4. Л. 65.

⁶⁴ Тезисы на русском, датированы 1921 г. (но, скорее всего, 1923 г.) // РГАСПИ. Ф. 516. Оп. 2–1923. Д. 4. Л. 217.

⁶⁵ См.: Stalin J. V. The October Revolution and the Tactics of the Russian Communists. Там же. Leninism. P. 116. London, 1942.

Рис. 2.1. Первое (Ухтинское) определение границы сотрудниками ГПУ, 1924–1926 гг.

Советский Союз был «первым социалистическим центром в океане империалистических государств»⁶⁶. В апреле 1925 г. XIV съезд Коммунистической партии принял это утверждение как официальную доктрину. Таким образом, Сталин преобразовал иерархическую концепцию идеологического пространства, организованного по принципу центрированности, в политическую платформу. Это стало завершением государственного строительства, начатого при Ленине. Теперь с ее помощью он мог бороться со своими внутренними конкурентами⁶⁷. Став политикой, эта доктрина предполагала усиленную защиту границы государства от капиталистического влияния. В январе 1926 г. финский активист Тойво Антикайнен, представляя ЦК КПФ на VI Всекарельском съезде Советов, охарактеризовал роль Карелии в этом новом пространстве. Он объявил (на финском языке, т. к. плохо говорил по-русски), что Финляндия была «буфером против Советского Союза» и «Карелия стоит на страже со стороны

⁶⁶ См.: Stalin J. V. The October Revolution and the Tactics of the Russian Communists. Там же. Leninism. P. 16.

⁶⁷ Дискуссию по различным аспектам этих споров см.: Michael T. Florinsky. World Revolution and the USSR. London, 1931.

Советского Союза на рубеже советской территории и капиталистического мира»⁶⁸.

С середины 1920-х гг. советское правительство издало немало декретов, касающихся регулирования государственной границы. В январе 1925 г. ГПУ (теперь – Объединенное государственное политическое управление, ОГПУ) выпустило директиву, призванную усилить и улучшить пограничные службы Карелии⁶⁹. К марту 1927 г. три пограничных отделения насчитывали уже 1805 бойцов и 520 лошадей. Они были подразделены на 62 отряда, охранявшие самые уязвимые места на границе. Позже эти силы были переданы от карельского ГПУ к ОГПУ Ленинградского округа, в подчинении которого оставались до 1939 г.⁷⁰

Работы у пограничников было много. Появилось несколько вооруженных банд контрабандистов. Иногда жители целых карельских деревень пересекали границу, чтобы приобрести чай, сахар, ткани и другие промтовары в обмен на самогон⁷¹. Карельские беженцы также незаконно пересекали границу, пытаясь вернуться домой. Бывали случаи поимки шпионов. Например, британского агента Сидни О'Рейли задержали в конце 1925 г. в ходе операции ОГПУ «Жало» при попытке незаконного пересечения границы⁷².

⁶⁸ Речь была переведена на рус. яз. К. Ровио (впоследствии первый секретарь компартии Карелии), протокол Конгресса, 5–13 января 1926 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 186. Л. 3. В 1926 г. советские военные перенесли Финляндию из списка потенциальных агрессоров в список нейтральных государств, был продлен договор о границе, см.: Килин Ю. Карелия в политике Советского государства. С. 109.

⁶⁹ Директива ОГПУ начальнику пограничной службы Карелии, 14 января 1925 г., см.: Соловьев Е. Д. Пограничные войска СССР. Т. 1. 1918–1928 гг. С. 360.

⁷⁰ Очерки по истории пограничных войск в Карелии / под ред. Н. А. Гущина. Петрозаводск, 1944. С. 12. В 1926 г. местные пограничные комиссии были переданы под управление ОГПУ, см.: Килин Ю. Карелия в политике Советского государства. С. 109.

⁷¹ Нельке – Гюллингу, 11 марта 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 6-27. Л. 73–83. Дополнительную информацию о контрабандистах в этот период см.: Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. С. 126–136.

⁷² О тресте и других интригующих шпионских историях, связанных с карельской границей см.: Яровой А. Две повести о чекистах. Петрозаводск, 1989. С. 8–82.

Речь шла не только о тайных нарушителях, которых советские пограничные службы держали в страхе. В июне 1926 г. советский полномочный представитель в Хельсинки И. Л. Лоренц сообщил Б. С. Стомонякову, члену коллегии Народного комиссариата иностранных дел (Наркоминдел), что финская Академия наук собирается отправить в Карелию «антропологическую комиссию» для проведения исследования. Он предупредил, что они будут изучать объем и строение черепов и могут брать образцы крови, дабы доказать, будто карелы принадлежат к финскому этносу, и советовал не давать визы этим ученым⁷³.

Советское правительство со своей стороны также предприняло шаги для повышения уровня безопасности в периферийных районах. Представители местного населения часто оказывались под арестом за малейшую провинность. В конце 1924 г. многих крестьян Сямозера обвинили в контрабанде и шпионаже, публичный процесс прошел в Петрозаводске уже в следующем году⁷⁴. В феврале 1925 г. карельское ГПУ арестовало 134 крестьянина в Олонецком и Петрозаводском уездах по такому же обвинению. На сей раз решили не устраивать публичный процесс, опасаясь огласки методов расследования. Подобная информация могла подорвать партийную работу в сельской местности. Президиум карельского регионального партийного комитета (обком) согласился на предложение ГПУ передать эти дела коллегии ОГПУ в Москве при условии, что соответствующие документы сначала будут предоставлены прокурору Карелии, который выскажет свое профессиональное мнение. Однако последний, ознакомившись с делами, возражал против этой процедуры. Он заявил, что если такие дела всегда будут рассматриваться коллегией ОГПУ, тогда «я могу с уверенностью заявить, что внесудебное наказание в подобных случаях станет нормой действующего правосудия, что полностью противоречит революционному законодательству и карательной политике Советского Союза»⁷⁵. Подобные дела, по словам прокурора, приведут к юридически ничтожным приговорам и послужат отчуждению местного населения, доверие которого к партии, советам и судам может ослабнуть. Он категорически отказался вернуть бумаги ГПУ

⁷³ Письмо от 4 июня 1926 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 256-53504. Л. 17.

⁷⁴ Глава ГПУ Карелии И. Н. Хропов Президиуму обкома Карелии, 3 июня 1925 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 74.

⁷⁵ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 74–75; мнение прокурора Копырева // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 74об.

без декрета Верховного суда РСФСР или ВЦИКа: «Я никоим образом не обязан, – утверждал он на следующей встрече президиума обкома, – выполнять требования ГПУ». Гюллинг стремился достигнуть компромисса, предложив отправить в Москву лишь эти дела, уверяя, что другие нарушители, главным образом «мелкие контрабандисты», предстанут перед Верховным судом Карелии. Однако президиум обкома и Северо-Западное бюро ЦК (которому он подчинялся) поддержали ГПУ. Так как прокурор не согласился дать ход делу, оно было передано в арбитражный суд ЦК⁷⁶.

Таблица 2.1

Аресты на карельской границе, 1924–1926 гг.

Год	Нарушители	Контрабандисты	Ценность контрабанды (руб.)
1924	Нет сведений	101	2863,17
1925	501	71	1900,19
1926	197	35	4683,2

Источник: Доклад начальника карельского ГПУ Нельке Гюллингу, 11 марта 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 6-27. Л. 73–83.

Помимо мер по усилению безопасности на границе региональные власти стремились добиться лояльности местных жителей за счет экономического развития и совершенствования местных органов власти. В сентябре 1924 г. союзный Совнарком предоставил Карелии право беспошлинного ввоза из Финляндии определенных товаров (инструментов, сельскохозяйственной техники и одежды) в северные районы⁷⁷. В августе следующего года Северо-Западное бюро ЦК дополнительно выделило бюджетные ассигнования и банковский кредит на сумму 3556 тыс. руб., чтобы покрыть расходы на экономическую реконструкцию, социальное обеспечение и культурное развитие в пограничной области. В то же время продолжалась партийная работа по привлечению местного населения к более активному сотрудничеству с пограничниками⁷⁸. В сентябре 1925 г. союзный Совнарком продлил право Карелии на беспошлин-

⁷⁶ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 91. Декрет Северо-Западного бюро ЦК, 9 июня // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 86об. Результат спора неизвестен.

⁷⁷ Резолюция союзного Совнаркома, 20 сентября 1924 г. в: Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925 гг. / под ред. А. И. Афанасьевой., В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1979. С. 69–70.

⁷⁸ «О мерах по улучшению условий жизни в пограничных районах», 25 августа 1925 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 747. Л. 49–53.

ный ввоз товаров еще на год⁷⁹. В 1926 г. советское правительство повторно продлило эту привилегию, учитывая «отдаленность Северной Карелии от экономических центров СССР»⁸⁰. В результате объем контрабанды в регионе резко уменьшился, а пограничные районы пользовались налоговыми льготами на ввоз определенных товаров еще целое десятилетие.

К концу 1925 г. такая политика получила новый импульс благодаря трем резолюциям из центра по поводу западных пограничных районов. Эти резолюции должны рассматриваться в контексте более широкой стратегии безопасности западной границы, предусматривавшей создание «санитарного кордона» из нейтральных соседних государств. Весной 1926 г. Финляндии предложили подписать двусторонний договор о ненападении, но она отказалась⁸¹. 10 ноября 1925 г. Совнарком СССР издал указ об улучшении работы и условий жизни для государственных служащих пограничных районов. Месяц спустя, 10 декабря, последовал указ об усилении борьбы с контрабандой и бандитизмом. Одновременно был ослаблен контроль за местом проживания и правом на передвижение местных жителей внутри области, введенный двумя годами ранее⁸². 11 декабря президиум Всесоюзного центрального исполнительного комитета (у автора – ЦИК. – *Прим. пер.*) опубликовал резолюцию о поощрении интеграции приграничных жителей в советскую действительность благодаря возросшим инвестициям в национальное и экономическое развитие региона. Возможность переселения из пограничной области облегчало решение вопросов безработицы и нехватки продовольствия. ВЦИК выражал благодарность за жесткую линию, проводившуюся против русских чиновников, которые демонстрировали

⁷⁹ Письмо Совнаркома РСФСР от 29 мая 1926 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 7. Д. 565. Л. 1. С середины 1925 г. Карелия учредила отдельный регион таможенного досмотра (один из шести на государственной границе) с пунктами в портах Сорока, Кемь и Ковда на Белом море и 8 пунктами на финской границе, см.: Декрет Совнаркома РСФСР от 3 июля 1925 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 6. Д. 6. Л. 5.

⁸⁰ В 1926 г. Карелия попросила об увеличении срока беспошлинного ввоза импортируемых товаров до 1931 г., но ей дали разрешение только на один год. См.: Совнарком РСФСР союзному Совнаркому, 29 мая 1926 г. и Резолюция союзного Совнаркома от 3 августа 1926 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 7. Д. 565. Л. 1, 21, 25. Резолюция 1927 г. см.: Союзный Совнарком, 1 ноября 1927 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 32. Л. 215.

⁸¹ См. Paasivirta J. Finland and Europe. P. 311.

⁸² Меморандум // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 229. Л. 7.

«грубое отношение к национальным меньшинствам»⁸³. В течение 1926 г. был принят целый ряд декретов, поддерживающих осуществление этих решений, самый значимый из которых – декрет Совнаркома от 9 февраля. Всесоюзному переселенческому комитету (ВПК) рекомендовалось включить в десятилетний план развития колонизацию необжитых и малообжитых пограничных районов, переселяя туда граждан из перенаселенных пунктов, демобилизованных солдат, городских безработных и политических эмигрантов (очевидно, последние были включены благодаря Карелии, а также образованной в 1924 г. Молдавской АССР как родины румынского коммунизма на советско-румынской границе)⁸⁴.

К концу 1920-х гг. карельская граница имела закрытый, интroversивный и постоянный характер. В значительной степени это противоречило главному принципу, на котором строилась Карельская автономия. Гюллинг в 1928 г. все еще писал об «абсолютно неестественной границе» между Финляндией и советской Карелией. Он мечтал о времени, когда «произойдет объединение финских жителей пограничных районов – ингрийцев и карелов – на основе подлинного национального самоопределения..., что создаст в государстве рабочих единое жизнеспособное пространство»⁸⁵. В следующем году, хотя советский режим все еще официально поддерживал развитие национальных меньшинств на границе, был сделан радикальный шаг к переосмыслению пограничной политики и отмене базовых принципов плана Гюллинга. Ингрийцев массово выселяли из ленинградских пограничных районов, освобождая место для аэродромов. Они стали первыми в длинном списке национальностей, подвергшихся принудительной депортации в последующие двадцать лет.

Более подробно политика переселения карелов будет проанализирована в третьей главе. В последующих главах речь пойдет о развитии карельской государственной границы, чистках и методах управления в пограничной области. А теперь обратимся к региональным границам Карелии, экономической автономии и роли конституции в период становления советского государства.

⁸³ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 13. Д. 3. Л. 223.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 229. Л. 32–33.

⁸⁵ Цит. по: Gylling E. Ensimmäinen Sosialististen Tasavaltain Välinen Sopimus // *Kommunisti*. 1928. № 1. Цитата такая же, как и в тексте письма первого секретаря компартии Карелии П. Ирккиса секретарям ЦК А. А. Андрееву и Г. М. Маленкову, а также секретарям Ленинградского обкома А. А. Жданову и М. С. Чудову, 16 ноября 1935 г. (сразу после высылки красных финнов из республики) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 296. Л. 64.

КАРЕЛИЯ В СОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Новые места на карте не могут не изменить административно-территориальную структуру.

(Н. Н. Михайлов, советский географ, 1935 г.)⁸⁶

Решающую роль в формировании территории государства играет демаркация внутренних границ. Контуры пространства обозначают территориальные единицы, регионы, которые в свою очередь определяют будущую концепцию развития⁸⁷. Существуют два главных аспекта формирования территории Карелии в советском пространстве, которые необходимо рассмотреть: во-первых, учреждение региональных границ КТК, во-вторых, роль республики в северо-западной экономической области. Оба эти аспекта спровоцировали конфликт как на центральном, так и на региональном уровне среди выступавших за особое географическое видение, включавшее в себя конкурирующие принципы пространственной организации. Эти принципы, в свою очередь, отразили различные мнения о характере и целях постреволюционного строительства государства.

Определение региональных границ Карелии

Большевики пришли к власти, не имея четких представлений о методах государственного управления большой территорией и многонациональным населением, унаследованного от царской империи⁸⁸. Однако было понятно, что даже при централизованной государственной власти должна существовать некая децентрализация для принятия решений региональными единицами⁸⁹. Очевидно так-

⁸⁶ Mikhailov N. N. Soviet Geography. The New Industrial and Economic Distributions of the USSR. London, 1935. P. 9.

⁸⁷ Эти проблемы подробно рассматриваются в: Baron N. Nature, Nationalism and Revolutionary Regionalism: Constructing Soviet Karelia, 1920–1923 // Journal of Historical Geography. 2007. № 33 (3). P. 565–595.

⁸⁸ О теории и практике раннего строительства советского государства см. в: Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. London, 1966. Vol. 1. P. 259–435.

⁸⁹ На XII партсъезде в апреле 1923 г. А. И. Рыков завершил продолжавшийся несколько лет спор об административном управлении, заявив, что невозможно управлять страной с населением 130 млн чел., которая занимает треть земли, только из Москвы, основываясь на «бюрократическом районировании». Такое управление может привести лишь к некоррект-

же, что существовавшая система губерний и уездов не соответствовала идее о социалистическом развитии: она не учитывала территориальных стремлений нерусских меньшинств, не соответствовала существовавшей демографической ситуации и не отражала уровень экономического развития территорий⁹⁰. Большевики выступали за национальную эмансипацию и экономическое развитие. Поэтому у них оставался только один нерешенный вопрос: отдать предпочтение конкретным территориальным требованиям народов над пространственным диктатом экономической рациональности или, наоборот, предпочесть общий план, не принимая в расчет место проживания подчиненных нацменьшинств⁹¹. Последующие дебаты о линии границ и регионализации (районировании) выявили недочеты в большевистской идеологии и структуре органов управления нового режима.

В то время как служащие Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнац) занимались этнографическими и лингвистическими экспедициями, статистики, экономисты и географы Госплана предлагали свое видение региональных границ, опираясь на гравитационные модели пространственного взаимодействия (объясняющие интенсивность торговли, т. е. движение товара между двумя отдаленными пунктами назначения) или на различные интерпретации теории размещения, особенно – на работы немецкого экономиста Альфреда Вебера, создавшего сложную мо-

ной политике, неэффективному планированию и «самому перегруженному правительству за всю мировую историю». Цит. по: Доклад о регионализации (без даты, 1924 г.) // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 257. Л. 8–11.

⁹⁰ Михайлов назвал систему Екатерины «полицейским делением земли...», которое обуславливалось единственной необходимостью управлять, собирать налоги и вербовать солдат». Цит. по: Mikhailov N. N. *Soviet Geography*. P. 9.

⁹¹ IX съезд Компартии в марте 1920 г. подписал резолюцию, впервые призывавшую к единому экономическому плану и созданию в экономически значимых регионах своих экономических бюро, см.: Carr E. H. *The bolshevik revolution*. Vol. 2. P. 367–368; Carr E. H. *Socialism in one Country*, 1924–1926. London, 1966. Vol. 2. P. 294–295. О конфликте между экономическими и этнографическими особенностями демаркации границ см.: Hirsch F. *Towards an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities* // *The Russian Review*. № 59. 2000. P. 201–226; *Delimiting National Space: the Ethnographical Principle in the Administrative Division of the RSFSR and USSR, 1918–1925* // *Beyond the Limits. The Concept of Space in Russian History and Culture* / ed. J. Smith. Helsinki, 1999. P. 241–258.

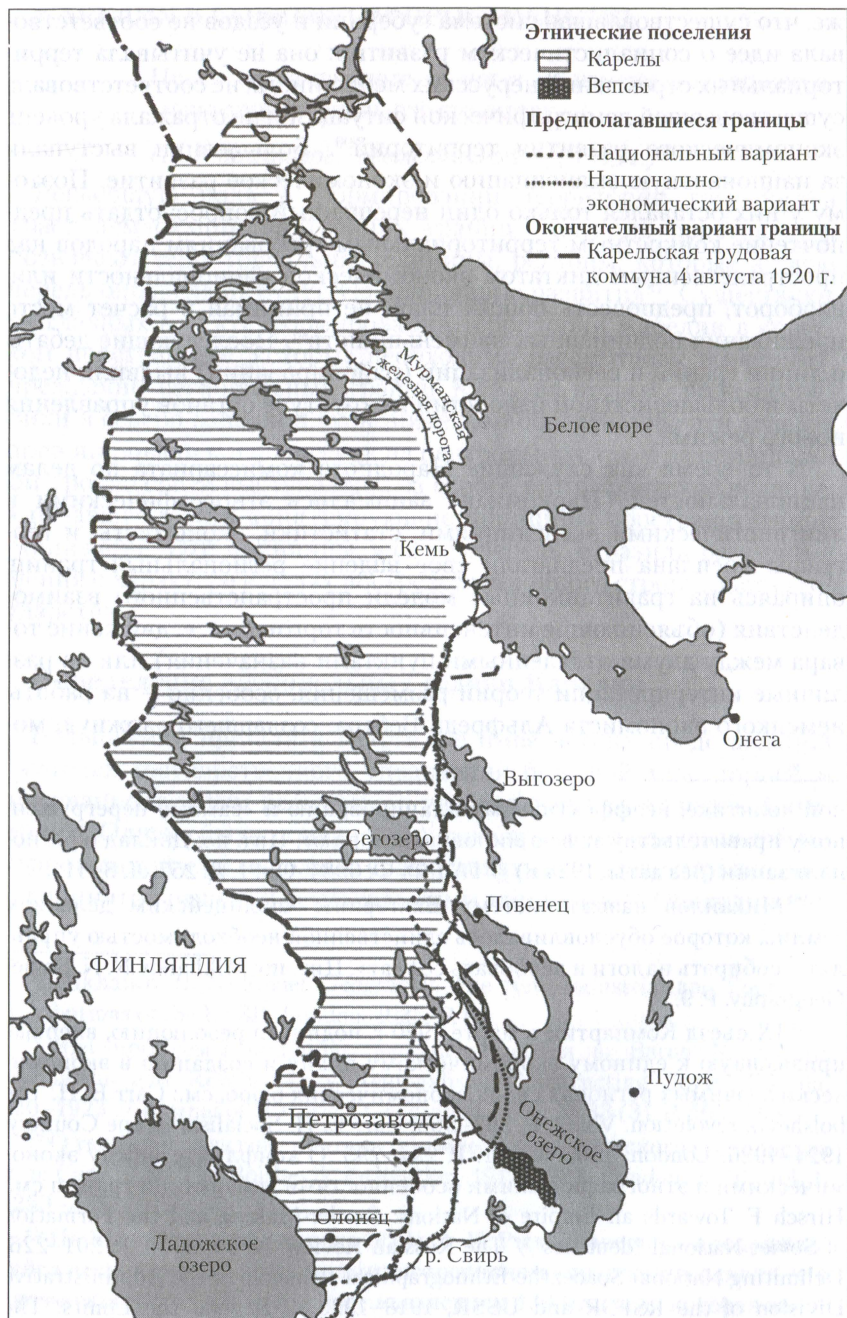

Рис. 2.2. Этнические поселения в Карелии и варианты расположения границы, 1920 г.

дель, основанную на уменьшении транспортных и трудовых затрат и максимизации концентрации ресурсов⁹².

Оба экономических подхода содержали подробные модифицированные версии модели центр – периферия, что было базовым принципом, лежащим в основе нормативной концепции движения большевистского режима к пространственной организации. Они включали в себя российские традиции устного народного творчества, современные научные пространственные концепции и двусторонние отношения, которые могут быть ограничены в идеологически удобных диалектических терминах⁹³.

Дебаты об экономическом пространственном планировании, в особенности касающиеся региональных границ, размещения промышленных предприятий и развития инфраструктуры, шли вокруг двух проблем. Во-первых, стоит ли отдавать приоритет производству (таким образом продвигать региональную экономическую однородность и специализацию) или стремиться достигнуть баланса между производством и потреблением (подразумевает более сложную интегрированную экономическую систему). Во-вторых, должен ли план развития опираться на существующие известные образцы и силы или, наоборот, прежде всего учитывать потенциал развития региона. Второй подход подразумевает, что «региональное строительство должно носить не только объективно-

⁹² См.: *The Dictionary of Human Geography* / ed. R. J. Johnston. Blackwell, Oxford. 1994. P. 320–321, 888–889. Впервые работы Вебера перевели на русский язык в 1926 г., но они были известны уже в 1909 г. после публикации на нем. яз. См. также: Альфред Вебер // БСЭ. 1-е изд. М., 1929, Т. 3, С. 123–124.

⁹³ «Центральность» и ее антоним «безграничность» были ключевыми понятиями, которые отражались в концепии пространства И. В. Сталина. См., напр.: *The Landscape of Stalinism: the Art and Ideology of Soviet Space* / ed. E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle, London, 2003; Widdis E. *Visions of a New Land. Soviet Film from the Revolution to the Second World War*. New Haven, London, 2003. О мнении советских ученых по поводу «центральности», особенно, что касалось марксистских концепций пространства, см.: Baron N. *Nature, Nationalism and Revolutionary Regionalism*. О восприятии «центральности» в ранний советский период см.: Geldern J. von. *The Centre and the Periphery: Cultural Social Geography in the Mass Culture of the 1930s* // *New Directions in Soviet History* / ed. White Stephen. Cambridge, 1992. P. 62–80. Более позднюю советскую позицию об истоках «центральности» см.: Ахундов М. Д. *Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы*. М., 1982. Другой подход в: *Centre and Periphery. Spatial Variation in Politics* / ed. J. Gottmann. Beverly Hills, 1980.

аналитический, но также и целенаправленный характер»⁹⁴. Эта идея была откровенным вызовом эмпиризму Вебера, столь популярному среди советских плановиков, и имела существенное влияние в последующие десятилетия. Делая акцент на производстве, плановики решили разместить новые отрасли промышленности в отдаленных, малонаселенных, но богатых природными ископаемыми областях, в которые никакие стимулы не могли привлечь достаточное количество трудовых ресурсов. Это в свою очередь привело к вынужденному переселению туда трудоспособного населения, о чем пойдет речь ниже.

Региональные границы Карелии определялись по смешанному принципу, подразумевавшему поиск баланса между этнографическими и экономическими интересами, а также существующими конфигурациями и представлениями о будущих изменениях. В июле 1920 г. Гюллинг объявил, что «КТК может существовать только как экономическая единица в национально-экономических границах» (см. карту на рис. 2.2)⁹⁵. Как финский националист, Гюллинг хотел объединить области с карельским населением Олонецкой и Архангельской губерний в общую административную единицу, которая стала бы культурным и экономическим центром и ускорила национальное развитие. Как экономист, Гюллинг желал, чтобы такая «область, созданная вдоль новой железной дороги, обладала достаточным количеством сырья и трудоспособного населения, что позволило бы ей дальше развиваться автономно»⁹⁶. В частности, это означало присоединение Петрозаводска, «экономического центра области», с прилегающими территориями, даже невзирая на то, что среди 60 тыс. местных жителей большинство было русские. В то же время около 20 тыс. карелов и вепсов переселяли к югу от реки Свирь и к востоку от Онежского озе-

⁹⁴ Александров И. Г. Основы хозяйственного районирования СССР // Вопросы экономического районирования СССР: Сб. материалов и ст. (1917–1929 гг.) / под общ. ред. Г. М. Кржижановского. М., 1957. С. 214.

⁹⁵ Гюллинг исполкому Олонецкой губернии, 5 июля 1920 г. // НАРК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 38–320. Л. 7.

⁹⁶ См. заявление Гюллинга в комиссию по определению границ Олонецкой губернии и КТК, июнь 1920 г. // НАРК. Ф. 28. Оп. 1. Д. 38–320. Л. 3–17. Значение железной дороги в районировании Карелии обсуждается в Статистическом обзоре 1923–1924 гг. Петрозаводск, 1925. С. 1–6; Я. Е. Рудзутак охарактеризовал железную дорогу как хребет Северо-Западной области, цит. по: Чиркин Г. Ф. Советская Канада (Карело-Мурманский край). Л., 1929. С. 10.

ра⁹⁷. «Национально-экономические» границы, предложенные подведомственным Гюллингу карельским революционным комитетом (ревком), были утверждены декретом ВЦИК от 4 августа 1920 г. (см. карту на рис. 2.3)⁹⁸.

В отличие от многих наблюдателей новая область Карелия, население которой лишь на 66 % состояло из коренных народностей, не казалась Гюллингу аномальной⁹⁹. Ведь его конечной целью было не развитие Карелии. Скорее, он стремился к строительству национального государства и социальной демократии в Финляндии. По его мнению, удобнее всего добиться этого можно было, преобразовав отсталую Карелию в образцовую социалистическую страну. Это ускорило бы превращение карелов в финнов, вдохновило бы финское население участвовать в управлении собственной страной и способствовало бы отмене «неестественной» финской восточной границы. Кроме того, эта большая красная Финляндия была лишь промежуточным пунктом на пути к более широким преобразованиям на международной арене, т. к. новые нации присоединялись бы к социалистическому сообществу. По этой схеме Карелия должна была лишь выиграть от присутствия русского меньшинства. В краткосрочном прогнозе русские являлись бы главной движущей силой модернизации. В перспективе они превратились бы в меньшинство в расширенном финском национальном пространстве. При этом российско-карельское сосуществование и сотрудничество стали бы примером советского интернационализма, а также помешали бы стремлению карелов к самоопределению¹⁰⁰. Таким образом Гюллинг создал образ будущего развития специфической революционно настроенной области, что могло быть связано с его уверенностью в приоритетности существующих экономических критериев в определении границ.

⁹⁷ Ревком Карелии Президиуму ВЦИК, 14 июля 1920 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 268. Л. 82–83. О решении разместить штаб КТК в Петрозаводске, а не в Кеми см.: Куджиев В. М. В Совнаркоме РСФСР // С Лениным вместе. С. 204–207. Позднее Гюллинг потребовал эти южные районы и получил их в 1924 г.

⁹⁸ Декрет Совнаркома и ВЦИК // НАРК. Ф. 550. Оп. 1. Д. 1-25. Л. 107, приведен в: Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920 гг.: Сб. док. и материалов / под ред. И. Я. Балагурова, В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1964. С. 555–556.

⁹⁹ Письмо Гюллинга в НКВД от 28 сентября 1920 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 268. Л. 29. Обсуждение концепции пространственного строительства Гюллинга в Карелии см.: Baron N. Nature, Nationalism and Revolutionary Regionalism.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 268. Л. 82–83.

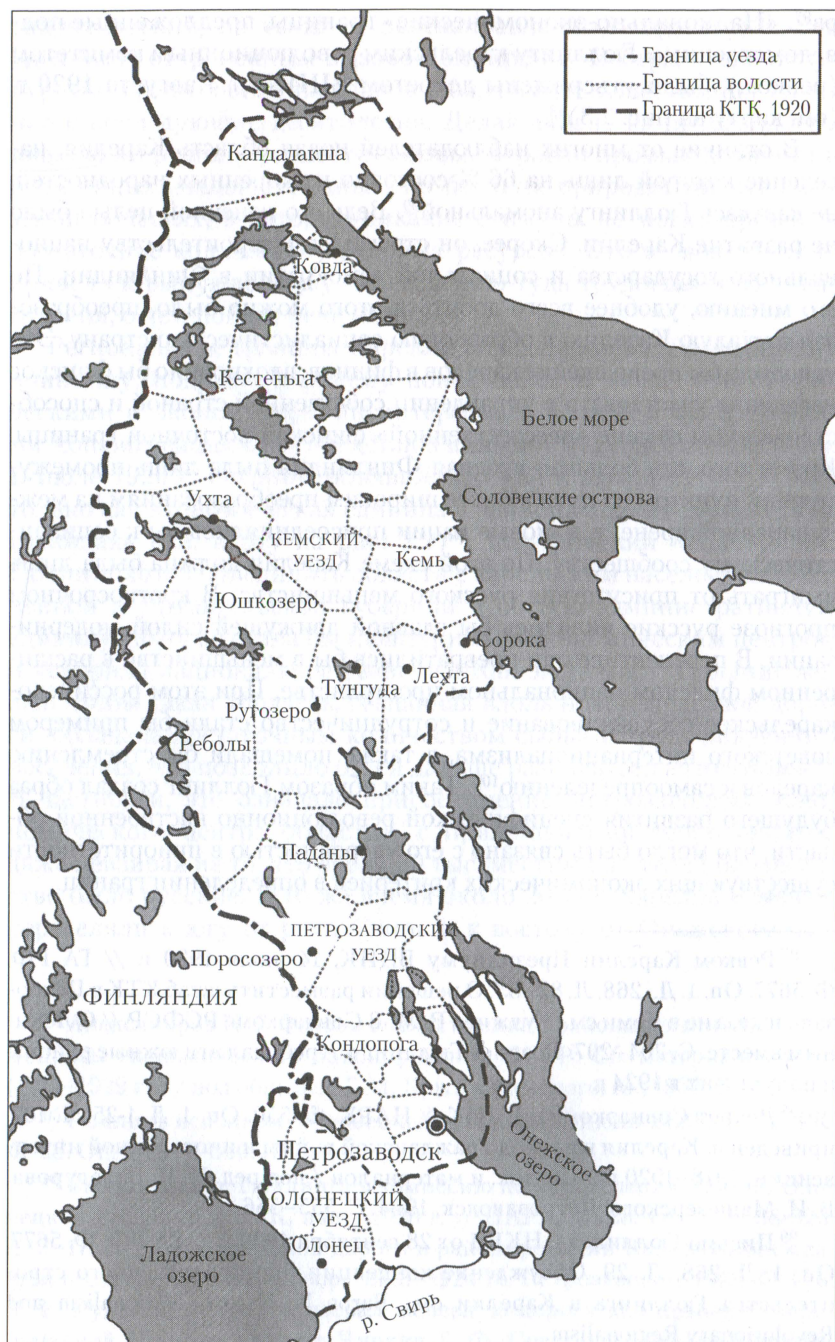

Рис. 2.3. Рабочая коммуна Карелии, 1920–1923 гг.

Десятого октября 1920 г. (за четыре дня до подписания Дерптского договора) И. Сталин как нарком по делам национальностей писал в газете «Правда», что региональная автономия пограничных областей должна быть определена как в культурно-национальных, так и в экономических вопросах. В той же самой статье он заявил о политике коренизации в национальных областях, которая была направлена на поощрение местной культуры, использование местных языков в образовании, региональном управлении, карьерном росте местных кадров¹⁰¹. Такая политика положительно сказалась на лидерстве Гюллинга, территориальной концепции и видении культурного развития региона, несмотря на жесткую оппозицию его политике в последующие несколько лет¹⁰². Эту оппозицию составляли власти Олонецкой губернии. Противостояние особо обострилось, когда большие русско-населенные области были переданы под юрисдикцию Карелии. Они также осуждали «захватнические тенденции» и «экспансионистскую политику Карелии» и в качестве альтернативы предложили провести границу по территориально-национальному принципу (рис. 2.2), которая была, естественно, отклонена¹⁰³.

В то же время, лидерство Гюллинга, его культурная политика и пространственное видение бросали вызов этническим карелам в пределах КТК. Они с подозрением относились к преднамеренному растворению их этноса в области и небезосновательно считали, что красные финны преследуют собственные цели, проявляя «крайнее национальное высокомерие»¹⁰⁴. Однако карелам не хватало связей

¹⁰¹ Цит. по: Carr E. H. The Bolshevik Revolution. Vol. 1. P. 387–388. См. также: Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 75; Martin T., Smith J. The Bolsheviks and the National Question. P. 108–143.

¹⁰² О конфликтах по поводу пространственного строительства в Советском Союзе см.: Baron N. Nature, Nationalism and Revolutionary Regionalism. Ополитикенациональностей Гюллинга и ее оппонентах см.: Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan Taistelu Itsehallinnosta; Kangaspuro M. Nationalities Policy and Power in Soviet Karelia in the 1920s and 1930s // Communism National and International / ed. T. Saarela, K. Rentola. Helsinki, 1998.

¹⁰³ См. протест президиума конгресса Советов Олонецкой губернии в Президиум ВЦИК, февраль 1921 г. // АВП РФ. Ф. 135. Оп. 5. Д. 22-9. Л. 55. Записи от августа 1920 г. свидетельствуют, что оба предложенных пограничных варианта были подписаны КТК и представителями Олонца // ГА РФ. Ф. 6890. Оп. 2. Д. 1396.

¹⁰⁴ См. письмо в комиссию ВЦИК от этнических карелов – представителей КТК – Власова, Никитина, Логина, Доронина, 30 июня 1922 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 269. Л. 19–20; жалоба карельского члена пре-

среди красных финнов в верхушке коммунистической партии и правительства¹⁰⁵. В любом случае советское правительство поддерживало идею Гюллинга о «подходе к проблеме изнутри» и его видение развития Карелии. По его мнению, оно должно быть сориентировано прежде всего на поддержание «идеологического огня революции» вне существующих государственных границ¹⁰⁶. 6 марта 1922 г. Оргбюро ЦК под председательством И. Сталина санкционировало полную поддержку красной финской гегемонии в Карелии, разрешив использовать карело-финский язык в образовании и органах управления как средство стимулирования развития местного населения¹⁰⁷. Вскоре Оргбюро заменило секретаря карельской партии В. М. Куджиева (этнического карела) красным финским эмигрантом И. А. Ярвисало¹⁰⁸.

зидиума Кемского уезда А. Г. Коппонена во ВЦИК, 23 сентября 1921 г. // АВП РФ. 135. Оп. 5. Д. 22–9. Л. 133.

¹⁰⁵ См. письмо Гюллинга и Куусинена Сталину и Ленину с просьбой о помощи коммунистической партии финским товарищам в Карелии, 29 августа 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 983. Л. 39–40. Кангаспуру ссылается на это письмо в кн. «Финская эпоха Советской Карелии». С. 125.

¹⁰⁶ Из стенограммы Карельско-Олонецкого пленума партийного комитета, 16 февраля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 296. Л. 25–30; письмо группы финских жителей Петрозаводска Карельско-Олонецкому партийному комитету, 15 февраля // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 296. Л. 31–37

¹⁰⁷ Оргбюро, 6 марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 296. Л. 8. «Использование карело-финского» означало использование карельского языка для устного общения, финского – для письменных документов и в процессе образования; финский станет одним из диалектов карельского в разговорном языке. Об языковой политике Гюллинга см.: Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935 гг.). Петрозаводск, 1992; Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии, 1920–1940 гг. // Вопросы истории европейского Севера: история Великого Октября на северо-западе России: Межвуз. сб. / под ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск, 1987. С. 49–66; Антикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-х и 1930-х гг. // Т. Вихвайнен. В семье единой. С. 207–222; Austin P. M. Soviet Finnish: The End of a Dream // East European Quarterly. 21:2. 1987. P. 183–205; Вихвайнен Т. Soviet Karelian: The Language that Failed // Slavic Review. 1992. № 51 (1). P. 16–35.

¹⁰⁸ Шумилов М. И. Карельская организация КПСС. Хроника, 1895–1987 гг. Петрозаводск, 1988. С. 74.

Давний товарищ В. Ленина, русский финн А. В. Шотман был назначен главой Экономического совета Карелии (ЭКОСО). Правда, через год он вернулся в Москву как представитель КТК в Наркомнаце¹⁰⁹.

В последующие годы Гюллинг, руководствуясь принципом экономического притяжения, присоединил к Карелии отдаленные руссконаселенные районы¹¹⁰. В то время Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) РСФСР и административная комиссия ВЦИК (ответственная за региональную политику) изо всех сил пытались узаконить многочисленные пространственные изменения, внесенные по инициативе комитетов деревень и волостей. Их региональные административные карты стали своеобразными палимпсестами, на которых новые границы появлялись сразу же, как только стирались старые. Подобная карта Карелии, сохранившаяся в архиве, имеет исправления от руки, что свидетельствует о не менее шести изменениях границы территории между 4 августа 1920 г. и концом 1924 г.¹¹¹ В результате этих изменений к середине десятилетия карелы составляли только 40 % населения области¹¹².

В конце 1925 г. Карелия включала семь уездов: три первоначальных округа КТК (Петрозаводский, Олонецкий и Кемский), более поздние образования (Повенецкий, Пудожский) и округа (Паданский, Ухтинский). Они подразделялись на 63 волости. В марте 1927 г.

¹⁰⁹ Оргбюро, 6 марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 296. Л. 8. Шотман родился в 1880 г. в Санкт-Петербурге в финской семье. В октябре 1899 г. вступил в РСДРП, участвовал в событиях 1905 г. как профессиональный революционер, в 1917–1918 гг. был связным Ленина с финскими социал-демократами (личная папка, 15 октября 1936 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 133. Д. 5688).

¹¹⁰ О включении Пудожского уезда в Карелию см. письма Севзапэконо Президиуму ВЦИК от 14 августа 1922 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 269. Л. 112; административной комиссии от 21 сентября // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 269. Л. 128. Декрет Президиума ВЦИК от 18 сентября 1922 г. расформировал Олонецкую губернию, передал Пудожский уезд в ведение Карелии // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 8. Д. 363. Л. 6. (Опубликовано в «Известиях ВЦИК» 20 сентября. Это был единственный случай.)

¹¹¹ Карта, без даты // ГА РФ. Ф. 6890. Оп. 2. Д. 1397. Подробное обсуждение пространственных принципов и административных изменений в управлении пограничных районов см.: Baron N. Soviet Kareia, 1920–1937. P. 68–73.

¹¹² С 1 января 1924 г. население Карелии составляло 221 600 чел., из которых 94 845 карелов и вепсов (42,8 %), 123 430 русских (55,7 %). См.: Очерки истории Карелии / под ред. В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1964. Т. 2. С. 181.

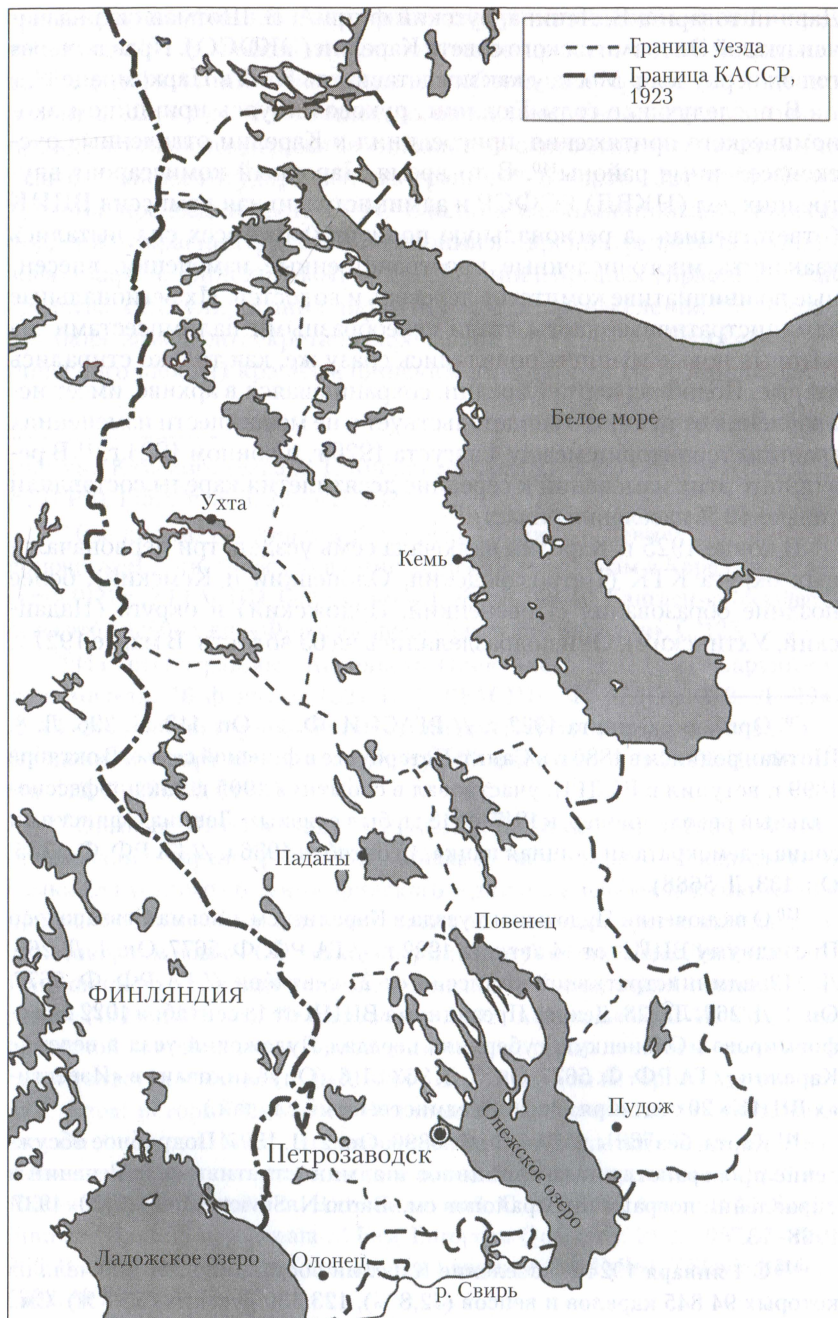

Рис. 2.4. Автономная Советская Социалистическая Республика Карелия, границы 1923 г.

Этнические поселения в Карелии и варианты расположения границы, 1920 г.

Центр – город Петрозаводск, расстояние от Москвы – 924 км. Площадь – 143 340 кв. км. Округи – нет, районы – 26, сельсоветы – 191, города – 2, рабочие поселения – нет, другие населенные пункты – 2853, хозяйства – 66 824, население (на 1926) – 268 316 чел., в т. ч. городское 33 714 чел., рабочие поселения – нет, сельское – 234 602 чел.							
Название района, место нахождения исполкома и почтамта	Км от центра	Число сельсоветов	Число жителей (1926)	Название района, место нахождения исполкома и почтамта	Км от центра	Число сельсоветов	Число жителей (1926)
Великогубский, Великая Губа	96	8	12 799	Пудожский, Пудож	485	11	14 311
Выдлицкий, Выдлицы	176	10	11 715	Ребольский, Реболы	343	4	2148
Кандалакшский, Кандалакша	767	10	10 249	Ругозерский, Ругозеро	363	5	2496
Кемирецкий, Подужемье	444	5	2275	Святозерский, Святозеро	68	6	7368
Кемский, Кемь	432	5	2938	Сегежский, Сегежа*	–	5	4842
Кестеньгский, Кестеньга	790	8	4964	Сегозерский, Паданы	250	6	6557
Кондопожский, Кондопога	57	9	15 615	Сорокский, Сорока	377	10	14 878
Лухский, ст. Лухи	–	6	5061	Сямозерский, Эссойла	93	8	10 186
Медвежьегорский, Ст. Медвежья Гора	–	5	6879	Тунгудский, Лехта	–	7	4395
Олонецкий, Олонец	148	13	20 569	Ухтинский, Ухта	672	14	8906
Петровский, Спасская Губа	62	9	10 099	Шальский, Семеновское	–	7	11 982
Повенецкий, Повонец	186	5	5085	Шелтозерский, Шелтозерский погост	79	5	8926
Прионежский (Петрозаводск)	–	9	14 187	Шуньгский, Шуньга	105	7	14 776

*Временно на станции Надвойцы. Во всех центрах имелись почтамт и телеграф, за исключением Подужемья, Кестеньги, станции Лухи, Спасской Губы, Святозера, Сегежи, Эссойлы, Семеновского, где не было телеграфа. Все центры, название которых содержит слово «станция», находились непосредственно на Мурманской железной дороге. По шести центрам данных нет.

Источник: Административно-территориальное деление СССР и список населенных пунктов. М., 1929. С. 95.

правительство Карелии сократило число волостей до 55, несмотря на протесты Госплана РСФСР и местных жителей¹¹³. Наконец, в августе того же года ВЦИК издал резолюцию об организации на территории Карелии 26 районов и 191 сельсовета в соответствии с общенациональной политикой районирования. Эта мера должна была упростить систему местного управления и облегчить переход органов управления и образовательных учреждений на местный язык¹¹⁴. Средняя площадь каждого района составляла 5500 кв. км с населением не более 10 300 человек в каждом, что делало Карелию самой малонаселенной областью европейской России¹¹⁵.

Карельская автономия в Северо-Западной области

Едва Гюллинг добился в центре поддержки концепции развития Карелии, как ему пришлось защищать ее автономный статус от тех, кто хотел ассимилировать республику в более крупную региональную экономическую единицу. В начале общенационального процесса регионализации в 1920 г. Госплан издал декрет, по которому Северо-Западная область должна была координировать экономическую деятельность в Петроградской, Псковской, Олонецкой, Мурманской, Вологодской и Архангельской губерниях. Сначала эта область не имела собственного административного центра и поэтому была скорее гипотетической. Затем, в 1921 г., появились Северо-Западный региональный экономический совет (Севзапэкос) и подконтрольный ему комитет по планированию¹¹⁶. В том же году Госплан включил Северо-Западную область в общенациональную схему 21 макрообласти с собственными органами планирования и управления экономической деятельностью. Карелию присоединили к более крупной области, границы которой проложили без учета национальных особенностей расселения (рис. 2.5).

Первоначально намерение Севзапэкоса включить план развития территориальных единиц низшего уровня в макрообласть вызвало

¹¹³ См. НАРК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 25-296. Л. 17-18 и Д. 32-347. Л. 115-120.

¹¹⁴ Резолюция ВЦИК «О регионализации Карелии», 29 августа 1927 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 8. Д. 363. Л. 19.

¹¹⁵ Данные от 1 января 1929 г. из: Юргин М. Ф. Практика проведения районирования, экономическая характеристика областей // Г. М. Кржижановский. Вопросы экономического районирования СССР. С. 325.

¹¹⁶ Проект отчета Севзапэкоса, без даты (1926 г.) // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 18. Д. 273. Л. 470. В 1922 г. планирующая комиссия перешла в ведение Севзапэкоса, одновременно оставаясь в подчинении Госплана.

возражения региональных властей. Они боялись, что интересы Петрограда будут доминировать над новой областью в ущерб ее менее развитым внутренним районам. К 1923 г. Севзапэконосо частично уладил эти противоречия, продемонстрировав заинтересованность в поддержке панрегионального развития (например, продвигал идею колонизации северного отрезка Мурманской железной дороги, о чем пойдет речь в следующей главе) и позволив губерниям надеяться, что они могут извлечь выгоду из своего административного ресурса. Поэтому региональные власти пошли на компромисс. Теперь Севзапэконосо осуществлял наблюдение за макрообластью, а именно за ее главными транспортными сетями (Мариинской водной системой, хотя это подразумевало частичное ограничение полномочий Тверского правительства, и Мурманским железнодорожным хребтом) – т. е. за всей Карелией. В ответ часть прав на принятие решений была передана субрегиональным единицам, что было чаще всего связано с границами губернии¹¹⁷. Эта схема разрабатывалась в течение 1923 г.: большая область делилась согласно транспортно-экономическим взаимосвязям, и включала 11 округов, один из которых – КТК – с населением 5 млн 900 тыс. человек¹¹⁸.

Экономисты Северо-Западной области не рассматривали учреждение этой макрообласти как угрозу национальным правам Карелии. Напротив, ведущий эксперт Госплана по районированию Г. М. Кржижановский утверждал:

«По моему мнению, если бы принцип планирования областей сильно противоречил национальной системе, то осуществление такого проекта было бы невозможно. Но мы глубоко убеждены в своей правоте: единственно правильным является решение национального вопроса через систему экономического районирования, сравнимое с проложением трубопровода по определенной территории для получения энергии, которая освобождается, когда нация получает право на самоопределение»¹¹⁹.

Однако уже было очевидно, что лидеры национальных территорий думали иначе. Согласно конституции РСФСР автономные области

¹¹⁷ Доклад Севзапэконосо Госплану РСФСР, 28 марта 1927 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 8. Д. 6. Л. 3–4.

¹¹⁸ Доклады Сесзапэконосо в комиссию по районированию ВЦИК от 19 мая 1924 г. // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 59. Л. 2; от 16 июля 1924 г. // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

¹¹⁹ Цит. по: Доклад комиссии по районированию ВЦИК; без даты (1924 г.) // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 257. Л. 105.

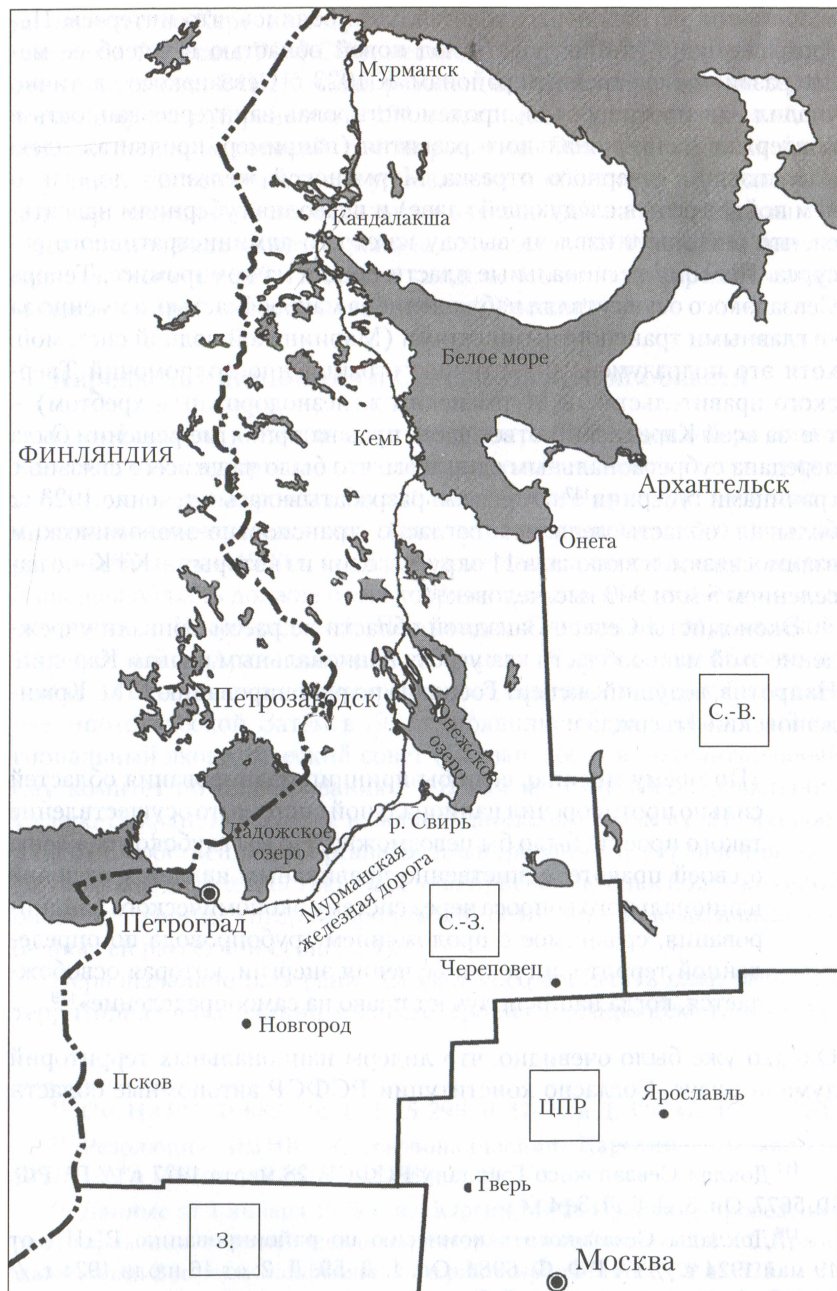

Рис. 2.5. Карелия в Северо-Западном экономическом районе (согласно Госплану от 1921 г.; С.-В. – северо-восточный, З. – западный, С.-З. – северо-западный, ЦПР – центральный промышленный р-н)

напрямую подчинялись центру. Они имели специальные экономические права, которые утрачивали при присоединении к большим территориальным единицам¹²⁰. Поэтому сначала Башкирская АССР отказалась присоединиться к новой Уральской области, а Дагестанская и Горийская АССР настояли на том, чтобы остаться вне юрисдикции Юго-Восточной области (в которой они были территориальными анклавами). Автономные единицы, которые сформировались позже, последовали их примеру, пользуясь конституционным правом¹²¹. В результате Госплану пришлось заключать специальные соглашения с властями каждой территории, чтобы урегулировать экономические отношения с большими областями¹²².

Также Гюллинг получил ряд специальных административных и бюджетных привилегий как для КТК, так и для автономных республик. Уже 14 сентября 1920 г. был подписан декрет ВЦИКа и Совнаркома об основании Совета по народному хозяйству Карелии (Совнархоза), призванный обеспечить «главенство экономической жизни КТК» на основе «экономического единства территории». КТК получала полную власть над промышленностью на своей территории (за исключением предприятий, подчиненных непосредственно центральным трестам, – в тот момент подобный статус имела только Мурманская железная дорога). Также на нее возлагалась полная ответственность за составление и осуществление собственных планов и бюджетов, которые должны были согласовываться с планами высшей инстанции, составлявшимися центральным экономическим органом – Всероссийским советом народного хозяйства (ВСНХ)¹²³.

Гюллинг понял, что образование Севзапэкозо подвергло опасности эту систему, поэтому он продолжил лоббировать в центре свою идею. В апреле 1921 г. Г. В. Чичерин написал руководству Северо-Западной области, подчеркивая важность внешней полити-

¹²⁰ См. статью 1928 г., представленную комиссии по районированию ВЦИК «О причинах несоответствия фактического районирования схеме Госплана» // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 47. Л. 2–6.

¹²¹ Доклад комиссии по районированию // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 257. Л. 104; Smith J. Delimiting National Space.

¹²² Доклад комиссии по районированию // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 257. Л. 105; Александров И. Г. Основы хозяйственного районирования СССР.

¹²³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920–84. Ст. 411.

ки КТК¹²⁴. Поддержка Чичерина и вмешательство Ленина (об этом речь пойдет в следующей главе в связи с планом электрификации) обеспечили 26 апреля 1921 г. подписание второго декрета, подтверждающего и расширяющего автономные права КТК¹²⁵. Это обеспечило карельскому ЭКОСО прямую власть над всей экономической деятельностью в пределах ее территории, кроме Мурманской железной дороги. Российские комиссариаты имели только право наблюдения (контроля) за ее экономикой. Совет труда и обороны (СТО) центрального советского экономического органа лишь рассматривал и ратифицировал планы центрального государственного значения. Также Карелия была освобождена на два с половиной года от отчислений в государственный бюджет, что помогло сохранить все налоговые доходы и доход от продукции, привезенной на российский внутренний рынок. Карельский ЭКОСО должен был следить, чтобы КТК продолжала платежи РСФСР (любое изменение фиксировалось и уточнялось ежегодно). Эти привилегии призваны были помочь Карелии оправиться от послевоенной разрухи и способствовать планам Гюллинга по обособленному региональному развитию. Но Карелии разрешили дополнительно сохранять 25 % дохода от экспорта древесины в свободно конвертируемой валюте, чтобы она смогла импортировать продовольствие и другие товары. Это дало КТК большую свободу экономического действия, чем имела любая другая национальная территория РСФСР. О значении декрета о бюджетном развитии и торговли в Карелии от 26 апреля 1921 г. речь пойдет в следующей главе.

Двадцать седьмого апреля 1922 г., спустя месяц после того, как Оргбюро ЦК оказало поддержку Гюллингу, российский Совнарком принял резолюцию, одобряющую два предыдущих декрета, которая стала началом урегулирования карельских и российских взаиморасчетов¹²⁶. Однако Гюллинг прекрасно осознавал, что Карелия получила специальные права по декрету и их могли легко отменить. В любом случае по закону бюджетные привилегии Карелии истекали в январе 1924 г. Поэтому он потребовал от центра, во-первых, присвоить КТК

¹²⁴ Чичерин Берзину, 17 апреля 1921 г. // АВП. Ф. 04. Оп. 41. Д. 250-53399. Л. 13.

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 450. Л. 12, декрет также приведен в: Красная Карелия. С. 27–28.

¹²⁶ Декрет // ГА РФ. Ф. 130. Оп. 6. Д. 96. Л. 164. Напечатан в: Красная Карелия. С. 45–56. Дополнительная директива Наркомфина от 4 июля 1922 г., в которой говорилось, какие налоги должны перечисляться в бюджет республики; резолюция Совнаркома от 12 июля. (Там же. С. 49.)

статус автономной республики и, во-вторых, дать новой карельской АССР собственную конституцию, подтверждающую ее статус и специальные права.

На встрече Оргбюро 6 марта 1922 г. речь шла о статусе Карелии, но Сталин отказался принимать какое-либо решение, отложив вопрос на неопределенный срок¹²⁷. Весной 1923 г. Гюллинг предпринял еще одну попытку лоббирования в центральных партийных и советских учреждениях¹²⁸. В конце мая он отправился с небольшой делегацией красных финнов из Карелии в Москву. Там к ним присоединился Шотман. Сначала они обратились к Чичерину, который охотно согласился поддержать ходатайство¹²⁹. Международный трибунал Лиги Наций в Гааге в то время рассматривал жалобу финского правительства о нарушениях советской стороной автономии Карелии. Таким образом, это был подходящий момент, чтобы предоставить области более высокий статус (хотя это не имело никакого отношения к ее реальной автономии).

Тогда красные финны обратились в Наркомнац к Сталину. Помимо поддержки по вопросу о федеральном статусе КТК Гюллинг также предложил исключить Пудожский уезд (с 95 % русского населения, передан КТК в сентябре 1922 г. против желания Гюллинга) из границ будущей республики и вместо этого присоединить всю Мурманскую губернию (он считал, что 50 % ее населения – финны)¹³⁰. Выслушав новые требования, Чичерин отправил ряд писем в НКВД РСФСР, который отвечал за территориальные изменения. Возмущение Чичерина было вполне оправданным, ведь первоначально карельская делегация заверяла, что у нее нет никаких видов на Мурманск. Чичерин полагал, что если разрешить расширить границы Карелии, «или эта республика прекратит быть Карелией, или там будет проживать карельское меньшинство, интересами которого пришлось пожертвовать» (по-видимому, он не понимал, что после присоединения Пудожского к КТК восьмью месяцами ранее этнические карелы и так уже были меньшинством в собственной области). В заключение он ска-

¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 296. Л. 8.

¹²⁸ Общий пленум обкома Карелии, 10 мая 1923 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 213. Л. 24; Президиум исполкома Карелии, 19 мая // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 61.

¹²⁹ Чичерин председателю НКВД, 26 мая 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 69.

¹³⁰ Председатель НКВД Г. И. Бройдо Чичерину, 30 мая и 2 июня 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 61, 77; Сталину 13 июня, копия Чичерину. Там же. Л. 91. О передаче Пудожского см. ссылку 110.

зал, что дальнейшее расширение Карелии невозможно с точки зрения внешней политики¹³¹.

Пытаясь успокоить Наркоминдел, Гюллинг посетил советского дипломата А. С. Черных, который возвратился в Москву из Хельсинки. Карельский лидер предположил, что финское правительство не сможет возразить против предложенных им территориальных изменений. Во-первых, Гюллинг отметил, что обмен Пудож на Мурманск фактически уравнивает карельское и российское население региона. Во-вторых, он сказал, что «панфинские карты» финских правых националистов уже включали Мурманск и Восточную Карелию в состав Большой Финляндии (очевидно, его вполне устраивало, что его собственное пространственное видение совпадало с их идеями)¹³². Российские дипломаты не поддержали подобных предложений и не разрешили дальнейшее территориальное расширение КТК. Поэтому Оргбюро ЦК согласилось лишь на изменение статуса Карелии, а не на ее расширение. Политбюро ратифицировало это решение в середине июня¹³³. Тогда Сталин отправил дело во ВЦИК, который своим решением в конце июня образовал Карельскую АССР и назначил комиссию для обсуждения линии ее границы и конституции¹³⁴.

В начале июля карелы решили больше не настаивать на объединении Мурманска с Карельской АССР, а попросить включить в область Соловецкие острова Белого моря и несколько районов на юге Карелии (в Петроградской губернии)¹³⁵. В конце концов союзные Совнаком и ВЦИК 25 июля подписали совместную резолюцию, подтвердившую статус Карелии как АССР и федеративной части РСФСР, упорядочивающую ее правительственную структуру, права республиканских комиссариатов в отношении центра и представителей российской власти. Также были основаны двуязычные органы управления с равными правами для говорящих на финно-карельском

¹³¹ Чичерин Бройдо. 31 мая 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а–53441. Л. 6; Сталину, 4 июня. Там же. Л. 81

¹³² Черных Ганецкому, 6 июня 1923 г. Там же. Л. 82.

¹³³ Черных коллегии Наркоминдела, 15 июня 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а–53441. Л. 92; Секретариату ЦК, 18 июня. Там же. Л. 93.

¹³⁴ Резолюция, 27 июня 1923 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 4. Д. 332. Л. 1.

¹³⁵ Президиум исполкома Карелии, 6 июля 1923 г. // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 59. Л. 8 и ссылки 9–11. Это свидетельствует о мнении карельского руководства, будто невзирая на то, что работоспособное население Лодейного Поля и Петроградской губернии большей частью отправилось в Ленинград, в этническом плане они тяготели к Карелии, так как 53,7 % из 12 198 чел. населения являлись карелами или чудью по национальности.

и русском языках¹³⁶. Гюллинга назначили главой правительства Карелии (Совнаркома). Шотман занял пост председателя Центрального исполнительного комитета Карелии (ЦИК), а этнического карела Н. В. Архипова назначили первым наркомом внутренних дел Карельской АССР¹³⁷.

Декрет от 25 июля 1923 г. предписывал новой автономной республике в обязательном порядке представить свой план в ЭКОСО РСФСР, чтобы гарантировать его соответствие федеральным планам, но не уточнял статус Карелии относительно Северо-Западной области. Так, в конце августа Гюллинг с Шотманом и Ярвисало отправились в Петроград на переговоры с Петроградским партийным комитетом и Северо-Западным бюро ЦК.

Как упоминалось ранее, по партийной линии Карелия подчинялась Северо-Западному бюро ЦК, сформированному в 1921 г. под руководством лидера компартии Петрограда Г. Е. Зиновьева. Его главной целью являлась координация партийной жизни в Северо-Западной области¹³⁸. Первый секретарь бюро И. Смирнов поддержал

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 59. Л. 20–21. Совнарком Карелии состоял из девяти комиссариатов (республиканские комиссариаты, подчинявшиеся карельским властям: иностранных дел, юстиции, образования, здравоохранения и сельского хозяйства, и союзные комиссариаты, подчинявшиеся одновременно Совнаркому Карелии и РСФСР: финансов, труда, инспекции работников и крестьянства и Совнархоз). Иностранные дела находились исключительно в ведении союзного Наркоминдела. Связью занималась Северо-Западная региональная комиссия по связи; военными делами – военком Карелии, подчинявшийся Петроградскому военному округу; внешней торговлей – управление Совнаркома Карелии и союзный Внешторг; пограничной безопасностью – ГПУ. Декрет также учредил комиссию по пограничным изменениям – Соловецкие острова не включили в состав Карелии, но годом ранее несколько южных районов вошли в состав республики. О правах АССР см. Carr E. H. *The Bolshevik Revolution*. Vol. 1. P. 384–413, о типах комиссариатов: там же. P. 407–409. Финская пресса холодно отреагировала на этот декрет, возразив, что автономия Карелии была ограничена подчинением прежде всего республиканских комиссариатов Совнаркому РСФСР; пограничных служб – ГПУ, внешней торговли – Наркомвнешторгу, см. отчет прессы советского представителя в Хельсинки Копу, 10 августа 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а–53442. Л. 84–85.

¹³⁷ Общий пленум обкома Карелии, 1 сентября 1923 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 213. Л. 51.

¹³⁸ См. Levkoev A. A. *Neuvostoliiton kommunistisen puoleen keskuskomitean Luoteisbyroo ja Karjalan autonomia vuosina, 1921–1927* // Teoksessa

противников Гюллинга в Карелии. За это он был уволен после заседания Оргбюро в марте 1922 г. и заменен Борисом Позерном¹³⁹. В течение нескольких лет Северо-Западное бюро строго контролировало Карелию, время от времени лоббируя от своего лица интересы центра (например, инвестиции в пограничные районы), одобряя, отменяя или пересматривая решения Карельского обкома (например, назначения номенклатуры)¹⁴⁰. Бюро являлось единственным средством контроля со стороны ЦК в течение 1920-х гг., т. к. собственная партийная организация автономной республики была маленькой, слабой и находилась под властью красных финнов, их личная преданность Гюллингу имела большее значение, чем партийная дисциплина¹⁴¹.

В конце августа Позерн отклонил требование Гюллинга о поддержке полной независимости Карелии от Северо-Западной области, отказался признать особый территориальный статус республики. Дело передали в Москву для урегулирования. Шотман, как представитель партийного комитета Карелии, должен был дискутировать с ЦК о полной независимости экономических органов республики от соответствующих органов Северо-Западной области и об отношениях с региональными властями, основанных на взаимном доверии, а не на административном подчинении¹⁴².

Kansallisuus ja valtio. Karjala I Komi Nevostoliiton tasavaltoina 1920-ja 1930-luvuilla / ed. A. Laine. Joensuu, 1995. P. 41–49 (с кратк. излож. на рус. яз.).

¹³⁹ См. Kangaspuro M. Karelian Nationalism on the Path to Communism – Finnish Communists and the Workers Commune of Karelia in 1920–1923 (неизданная работа, была представлена на конференции БАСВЕИ. Кембридж, 1999. С. 15–16). Я благодарен автору за разрешение сослаться на эту работу.

¹⁴⁰ Тридцать один высший пост в Карельской АССР был включен в список номенклатуры ЦК, несколько сотен должны были утверждаться Северо-Западным бюро, см.: КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 427. Л. 94–96 и др.

¹⁴¹ На момент основания в начале 1922 г. компартия Карелии насчитывала 1201 чел. (около 0,6 % от всего населения КТК). К 1928 г. число коммунистов увеличилось до 2299 чел. (около 0,8 %). В 1928 г. примерно 66 % членов партии были русскими, 14 % карелами, 14 % финнами (хотя финны составляли менее 2 % населения). См.: Карельская организация КПСС в цифрах, 1921–1984 гг. / под ред. Е. М. Морозова. Петрозаводск, 1985. С. 34–35, 72. Другие данные и обсуждение партии см.: Kauppala P. Sowjet-Karelien, 1917–1941: Leistung und Schicksal Eines Sozialistischen Regionalexperiments. Дисс. ... к.и.н. Freiburg-im-Breisgau, 1993. P. 90–92.

¹⁴² Общий пленум обкома Карелии, 1 сентября 1923 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 213. Л. 52.

К середине сентября Севзапэконо продолжал настаивать, что Северо-Западная область «независимо от различий в этнографическом составе должна сформировать единую экономическую единицу, которая включит социалистическую республику Карелию в ее теперешних границах». Все же он признал необходимым поддержать автономию Карелии и принял концепцию договорных отношений¹⁴³. Весь октябрь Шотман и Гюллинг, используя связи в Москве, пытались подтвердить автономный статус республики и расширить ее привилегии¹⁴⁴. В конце декабря Чичерин и Сталин одобрили план проекта, который гарантировал более широкую автономию Карелии. 10 января 1924 г. российский Совнарком ратифицировал заключительный декрет, регулировавший отношения между русскими и карелами. Автономная республика должна была иметь постоянного представителя в федеральных учреждениях планирования, и обе партии должны были согласиться на обмен информацией, особенно при сотрудничестве смежных комиссариатов. Они также были обязаны получать друг у друга разрешение на любую деятельность, которая касалась других учреждений¹⁴⁵. К моменту предоставления очередного отчета Севзапэконо в комиссию по районированию ВЦИК в июле 1924 г. Карелия была вычеркнута из списка одиннадцати зависимых округов. Существовала приписка: «Карельская республика также присоединится к области на договорной основе»¹⁴⁶.

Таким образом, к середине 1920-х гг. Госплан и региональные власти признали необходимым учитывать национальный фактор в процессе районирования. В апреле 1926 г. Севзапэконо подтвердил: «Было решено не трогать Карелию вообще, а те отношения, которые там уже сложились, считать нормальными»¹⁴⁷. Однако как только

¹⁴³ Севзапэконо, 10 сентября 1923 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 1020. Л. 2.

¹⁴⁴ См. о встрече Шотмана и Севзапэконо, 26 октября 1923 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 1020. Л. 11; Северо-западный отдел союзного Госплана, 27 октября. Там же. Л. 18; Президиум союзного Госплана, 30 октября. Там же. Л. 16–17.

¹⁴⁵ О переговорах в конце 1923 г. см.: Совнарком РСФСР, 18 декабря 1923 г. // ГА РФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 126. Л. 412; малый Совнарком, 21 декабря 1923 г. Там же. Л. 402. Окончательная резолюция была ратифицирована российским Совнаркомом 10 января и карельским Совнаркомом 29 января (Красная Карелия. С. 72). Гюллинга и Лескова назначили представителями Карелии в Севзапэконо // ГА РФ. Ф. 130. Оп. 7. Д. 126. Л. 430.

¹⁴⁶ Доклад от 16 июля 1924 г. // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.

¹⁴⁷ Комиссия по районированию ВЦИК, 7 апреля 1926 г. Там же. Д. 211. Л. 33.

Северо-Западная область поставила задачу определения своих границ и административных подразделений, Гюллинг как всегда встал на защиту прав Карелии. Прибыв с опозданием на пленарное заседание Севзапэко в Ленинграде в марте 1926 г., созванное, чтобы обсудить районирование в Северо-Западной области, он немедленно потребовал слова, провозгласив: «Я хочу заявить, что права Карелии не должны уменьшаться. Эта встреча должна пройти с учетом этого факта». К. Д. Егоров, глава комиссии по районированию ВЦИК, председательствовавший на заседании, отметил, что вопрос уже решен. «Все же я хочу, чтобы мои слова были записаны», – настаивал лидер Карелии. «Они будут записаны в стенограмме встречи», – устало согласился председатель¹⁴⁸.

В мае 1926 г. ВЦИК ратифицировал проект Севзапэко о региональном разделении европейского северо-запада России, которое предполагалось выполнить к середине 1927 г.¹⁴⁹ В этом же году Егоров сформулировал принципы районирования Северо-Западной области, стараясь урегулировать противоречия между национализмом и экономикой, производством и потреблением и «целенаправленным» и «эмпирическим» подходом к пространственному планированию¹⁵⁰. Севзапэко стремился установить «единое экономическое и политическое территориальное управление прежде всего на основе “экономического тяготения”, гарантируя экономическую связь каждой единицы, транспортных сетей, населения и “товарооборота с центрами”». В рамках этой схемы следовало придерживаться определенных принципов пространственного планирования. Особенно важно было региональное «торговое тяготение». Пространственное планирование должно использовать меньше существующих конфигураций и больше потенциальной динамики развития, например, рассматривая, как строительство новых дорог может затронуть «взаимосвязь разнообразных центров». К тому же, если экономический и демографический центры не совпадали, то последний должен был иметь приоритет в структурировании регионального пространства, т. к. эти центры могли стимулировать демографическое развитие. Таким образом, экономическое планирование развития области должно предупре-

¹⁴⁸ Протоколы пленарного заседания комиссии по районированию Севзапэко, 5 марта 1926 г. // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 164. Л. 80.

¹⁴⁹ Резолюция президиума ВЦИК, 10 мая 1926 г. // Там же. Д. 164. Л. 160.

¹⁵⁰ Егоров К. Д. Тезисы об экономическом районировании: комиссия по районированию Северо-Западной области, 28–29 августа 1926 г. Там же. Д. 164. Л. 138.

ждать процесс районирования, выполняя «телеологическую» функцию¹⁵¹. Также Егоров подчеркнул необходимость осторожно делить пограничные районы, потому что они имеют особое военное и политическое значение.

Наконец, декрет ВЦИК от 18 июля 1927 г. распустил правительства Ленинграда, Пскова, Новгорода, Череповца и Мурманска, преобразовав эти территории в девять округов (Ленинградский, Лужский, Лодейнопольский, Череповецкий, Новгородский, Боровичский, Псковский, Великолукский и Мурманский, а также Ленинградский городской совет) и подчинил их Северо-Западной области, которая спустя две недели была переименована в Ленинградскую¹⁵². Включив Мурманск в Ленинградскую область (общая территория которой составляла более 340 тыс. кв. км и имела население 5 500 200 чел.), региональные власти преобразовали автономную Карелию (с территорией в 143 200 кв. км, населением 268 300 чел.) в анклав в макрообласти, что стало одной из многих территориальных аномалий на новой карте советской России. Подобные аномалии создавали трудности при планировании еще много десятилетий¹⁵³. В течение следующих двух с половиной лет большинство новых советских областей были переформированы. В то же время региональные секции Госплана во время первой пятилетки пытались уточнить масштаб территории¹⁵⁴. Таким образом, районирование прошло путем установления территориальных перспектив планирования, и большинство региональных планов было разработано без ясного представления о тер-

¹⁵¹ «Новые принципы районирования» Севзапэконосо, ратифицировано 28–29 апреля 1926 г., доклад в административную комиссию ВЦИК, 28 марта 1927 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 8. Д. 6. Л. 5. Эмпиристы из центра по-прежнему критиковали такой подход. «Это абсолютно неприемлемо», – заявил представитель Госплана РСФСР президиуму комиссии по районированию ВЦИК 19 марта 1926 г. «Если мы не будем знать общую площадь области, мы не сможем разработать эффективный план ее развития» (ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 210. Л. 35).

¹⁵² См. резолюцию президиума ВЦИК «Границы и округа Северо-Западного края», 18 июля 1927 г.; резолюция ЦИК/союзного Совнаркома «О формировании Ленинградской области», 1 августа 1927 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 8. Д. 364. Л. 4, 6.

¹⁵³ Автор статьи 1928 г., представленной комиссии по районированию ЦИК «О причинах несоответствия фактического районирования схеме Госплана», обвинил АССР в «изменении структуры области» // ГА РФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 47. Л. 33. Региональная статистика из: Юргин М. Ф. Практика проведения районирования. С. 309, 324–325.

¹⁵⁴ Юргин М. Ф. Практика проведения районирования. С. 312–320.

риториальных структурах, что нанесло вред как планированию, так и региональному развитию¹⁵⁵.

Проект конституции Карелии

Вторая цель Гюллинга – гарантировать постоянство статуса Карелии – оказалась менее достижимой, чем защита ее автономии от притязаний Северной-Западной области. В начале июля 1923 г. правительство Карелии созвало комиссию (естественно, возглавляемую Гюллингом), чтобы разработать проект республиканской конституции, на основании которой будут приняты законодательные акты по административной и экономической автономии и бюджетным правам¹⁵⁶. Следуя декретам союзного Совнаркома от 25 июля и 3 августа, карельская комиссия в течение двух лет разрабатывала проект, учитывающий интересы всех сторон. В мае 1925 г. новые поправки к Конституции РСФСР разрешали автономным республикам принимать собственные основные законы, которые следовало представить на одобрение союзным законодательным органам¹⁵⁷. В ноябре карельская комиссия дописала текст проекта и отправила его на рецензирование в Народный комиссариат юстиции РСФСР (Наркомюст)¹⁵⁸. В преамбуле были представлены история Карелии и ее этнография с финской точки зрения. Подчеркивалась роль территориальной автономии Карелии в образовании будущего мирового социалистического пространства:

«Свободная республика Карелия, как борец за свободу рабочего класса на отдаленной северо-западной периферии Советской Федеративной Республики, станет важной ступенью в строительстве советской системы по всему миру»¹⁵⁹.

¹⁵⁵ Продолжались споры об экономическом районировании, см.: Колосковский Н. Н. Теория экономического районирования. М., 1969; Павленко В. Ф. Планирование территориального развития (территориальный аспект планирования). М., 1984.

¹⁵⁶ Президиум обисполкома Карелии, 6 июля 1923 г. // НАРК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 8-129. Л. 630. О членстве в комиссии см.: НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 1-9. Л. 159.

¹⁵⁷ См.: Carr E. N. Foundations of a Planned Economy, 1926-1929. Harmondsworth, 1976. Vol. 2. P. 207.

¹⁵⁸ Конституционная комиссия Карелии, 13-14 ноября 1925 г. // НАРК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 15-147. Л. 23-24.

¹⁵⁹ Конституция Автономной Карельской ССР. Проект. Петрозаводск, 1926. С. 2 // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 120. Д. 186.

Помимо изложения плана административной структуры Карелии документ включал обширные вставки на официальных языках (подтверждавшие как существование финно-карельского языка, так и политики Гюллинга, поддерживающей двуязычное управление и образование) об отношениях республики с центральными властями (подчеркивая, что она имела независимую и автономную власть на своей территории). Некоторые пункты документа имели особое значение для статуса республики: после принятия конституция может быть изменена или аннулирована только с согласия высшего законодательного органа Карелии (Всекарельский съезд Советов). Правительство Карелии наделялось первичной властью над объединенными комиссариатами республики (хотя они продолжали отчетываться перед соответствующими союзным и российским центральными комиссариатами). Карельский Совнарком мог отменить декреты союзных и российских комиссариатов, если они «непосредственно препятствуют нормальному укладу местной политической и экономической жизни»¹⁶⁰. В следующем месяце правительство Карелии приняло этот проект при условии появления дополнительного пункта, гарантирующего, что бюджетные права республики (до того момента регулируемые декретом и ежегодно расширяемые с 1924 г.) будут иметь постоянный характер и войдут в будущее законодательство¹⁶¹. Затем документ был представлен комиссии ВЦИК, в ведении которой находилось одобрение конституционных проектов автономных республик, которая передавала проект центральным административным и экономическим учреждениям¹⁶².

¹⁶⁰ Конституция Автономной Карельской ССР. Проект. Ч. 2. Ст. 2. П. 19. О конституциях нижестоящих республик: см. Carr E. H. The bolshevik Revolution. Vol. 1. P. 409–410. По союзной конституции единые комиссариаты (включая ОГПУ) имели право на реализацию центральных директив. По предложению Карелии, комиссариаты должны были подчиняться республике, их главной задачей стала бы координация политики с центральными органами. Подробнее о союзной конституции и о Союзе, объединенных и республиканских комиссариатах см.: Там же. С. 407–409. О правах нижестоящих комиссариатов относительно вышестоящих органов см.: Carr E. H. Socialism in One Country. Vol. 2. P. 266–268. В своей конституции Карелия намеревалась защищать спорные права союзных республик и Союза перед РСФСР. Проект Карелии был похож на утвержденный проект Волжской Немецкой АССР, см.: Carr E. H. Foundations of a Planned Economy. Vol. 2. P. 207–208.

¹⁶¹ Общее заседание Президиума ЦК Карелии и Совнаркома, 19 декабря 1925 г. // НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 1-2. Л. 249–250.

¹⁶² Исполком Карелии представителю Карелии в Президиуме ВЦИК, 24 декабря 1925 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 2-31. Л. 44.

Как всегда, Наркоминдел проявил особый интерес. В конце 1926 г. народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов выдвинул перед Гюллингом ряд требований¹⁶³. По его мнению, правительство Карелии претендовало на изменение внешней границы республики, хотя имело право лишь на изменение внутренних границ (т. е. региональных и окружных). Можно лишь гадать, отражала ли такая формулировка желание Гюллинга управлять внешней политикой республики и пространственными отношениями с Финляндией (к тому моменту он уже сформировал национальную республиканскую армию Карелии – егерский батальон Карелии под управлением местных красных финнов)¹⁶⁴. Наркоминдел также отметил многочисленные несоответствия конституциям Союза и Российской Федерации. С одной стороны, согласно карельскому проекту все иностранцы в Карелии имели право голоса. Без сомнения, это было сделано в целях увеличения пропорции финнов в карельском электорате, поскольку такой пункт предоставлял избирательные права финским специалистам и другим иммигрантам, которых Гюллинг стремился заманить в республику, а также незаконно проникавшим на территорию региона трудовым мигрантам. Наркоминдел возражал: согласно конституции РСФСР только политические ссыльные имели право голосовать (утверждение автора. – *Прим. ред.*). Он также отметил, что лидеры Карелии хотели получить право отменять решения, принятые союзными комиссариатами, и требовать отчетности центральных министерств перед республиканским правительством. Однако это противоречило конституции Союза, которая предоставляла такие привилегии только республикам¹⁶⁵.

¹⁶³ Письмо от 1 декабря 1926 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 14-127. Л. 1.

¹⁶⁴ См. Kangaspuro M. Neuvosta-Karjalan taistelu itsehallinnosta. С. 171–179. Другим национальностям также разрешили образовывать национальные объединения в Красной армии. Подробнее об образовании карельского объединения см. письмо Гюллинга Фрунзе от 4 августа 1924 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 2-33. Л. 112–115; Президиум ЦИК Карелии, 16 апреля 1925 г. // НАРК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 13-207. Л. 32; о структуре образования см. доклад главы Карельского территориального округа в Президиум ЦК Карелии, 6 июня 1925 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 15. Д. 1-2. Л. 125. О конфликте между карельским батальоном и Ленинградским военным округом см.: Президиум обкома Карелии. 25 ноября 1925 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 506. Л. 15, и бюро президиума обкома Карелии, 31 декабря 1927 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 105. Л. 74.

¹⁶⁵ Можно говорить о глубоких противоречиях во время разработки союзной конституции по поводу отношений комиссариатов разных уровней. См.: Carr E. N. Socialism in one Country. Vol. 2. P. 266–269.

Совнарком Карелии стремился не только расширить ее привилегии помимо тех, которыми обычно обладают автономные республики. Он также пытался увеличить собственную власть в правительственной структуре Карелии. В конце 1926 г. правительство предложило объединить 50 членов ЦИК и кабинет из 11 членов Совнаркома в один постоянный исполнительный комитет. Конечно, этот орган должен был проводить политику Гюллинга и его финских коллег, власть которых до некоторой степени растворялась в Центральном исполнительном комитете, более полно представлявшем население республики¹⁶⁶. В марте 1927 г. ВЦИК в Москве отказался ратифицировать это предложение, т. к. роспуск Совнаркома противоречил российской конституции¹⁶⁷. Месяц спустя после конференции, созванной Рабочее-крестьянской инспекцией (Рабкрин) для обсуждения административной реформы в автономных территориях России, Карелия согласилась на более скромную возможность объединения Президиума ЦИК с Совнаркомом¹⁶⁸. Примерно в это же время российский центр потерял интерес к конституционным проектам автономных республик. Возможно, слишком многие потребовали недопустимое расширение автономии. Только Дагестанская АССР обнародовала ратифицированную конституцию в апреле 1927 г.¹⁶⁹ Автономные республики должны были остаться в подчинении российского центра, а не становиться равноправными партнерами, так же как и союзные республики на практике были подчинены Союзу, хотя в конституции утверждалось обратное.

К концу 1920-х гг. Карелия получила значительную автономию. Особенно это относилось к ее политике в сфере национальных отношений, а также экономическому планированию и управлению (о чем пойдет речь в следующей главе). Карелия обязана своим статусом Гюллингу, сумевшему убедить российский центр поддержать план развития области как стратегического объекта и экономической модели для будущей финской социалистической республики.

¹⁶⁶ См. Kauppala P. Die Qualvolle Geburt und das Kurze Aufblühen des Autonomen Sowjet-Karelien. Ost-Karelien, 1917–1930 // Finland-Studien / ed. E. Hosch. Wiesbaden, 1990. P. 204–207.

¹⁶⁷ Протокол фракции ВКП(б) Президиума ВЦИК, 7 марта 1927 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 278. Л. 127.

¹⁶⁸ Башкирская АССР и другие автономные объединения тоже использовали такую политику, см.: Советское строительство. 7:12. 1927. С. 42–47, цит. по: Carr E. H. Foundations of a Planned Economy. Vol. 2. P. 223.

¹⁶⁹ Некоторые автономные республики в Советском Союзе также принимали участие в создании конституции в конце 1920 г., см.: Там же. P. 208.

В 1920 г. КТК приняла границы, которые, по концепции Гюллинга, уравнивали национальный характер с экономической жизнеспособностью. В 1922–1924 гг. Карелия расширила свое экономическое пространство за счет руссконаселенных областей, которые сделали национальное население меньшинством. По мнению Гюллинга, для кого российская Карелия была промежуточным пунктом на пути к Большой Красной Финляндии или Скандинавской Советской Республике, которая включала бы Карелию, такая локальная денационализация являлась временным решением: шаг назад, чтобы сделать два шага вперед.

Пока советская Россия мечтала об экспорте революции, ее лидеры оказали поддержку политике Гюллинга и пространственному видению, лежавшему в основе его деятельности. Карелия в 1920-х гг. оставалась двойной периферией, ориентированной на советский центр (или центры – выше уже говорилось о роли Ленинграда в экономической автономии Карелии, так же как и о различных политических интересах в Москве), а также на Финляндию и всю Скандинавию. Территориальная форма Карелии, ее финансовые привилегии и национальная политика гарантировались декретом, подписанным в Москве. Но из-за отсутствия конституционных гарантий статуса они могли быть так же легко отменены центром, как в свое время получены. Объем привилегий лидеров Карелии зависел от приоритетов внешней политики режима.

Во второй половине 1920-х гг. динамичная идея революции без границ воплотилась в разделенную территорию все более и более интровертированного государства. Результатом централизации советского правительства стало более глубокое осознание значения государственной границы не только как гаранта стратегической и идеологической безопасности, но и как фактора, образующего политическое и культурное ядро нового социалистического сообщества. Можно сказать, что периферия определила центр. Усиление контроля границы со стороны Москвы повлекло за собой быстрое превращение периферии из открытой области с большими возможностями в закрытую нестабильную зону, где стоило опасаться вторжения иностранных сил. О причинах такого изменения говорилось выше, в следующих главах пойдет речь о его последствиях для Карелии. А теперь рассмотрим Карельскую автономную область 1920-х гг. с точки зрения ее экономического и демографического развития.

ГЛАВА 3

ОГРАНИЧЕНИЕ АВТОНОМИИ: ФИНАНСЫ, ПЛАНИРОВАНИЕ И НАСЕЛЕНИЕ В 1920–1928 гг.

В предыдущей главе речь шла о происхождении и развитии пространственных структур Карелии в начале и середине 1920-х гг. Особое внимание уделялось роли государственной границы на западе и региональных границ на севере, востоке и юге. Эта линия оставалась неизменной (кроме одного пересмотра на севере области в 1938 г.) вплоть до конца 1939 г., когда Советский Союз вторгся в Финляндию через северо-западную границу. Значение и функции границы при этом существенно изменились. Возрастающее значение советской государственной границы в международных отношениях и внутренней политике, меняющийся статус региональных границ в политике национальностей, экономическом планировании и отношениях между центром и регионом стали детерминантами истории советской Карелии в этот период.

В главе 3, во-первых, анализируются попытки Карелии установить контроль над своим экономическим пространством во время новой экономической политики (нэп) с 1921 по 1928 г. на примерах менявшейся формы республиканской автономии. Во-вторых, изучаются многие факторы, ограничивавшие автономию Карелии даже в это относительно свободное десятилетие. Самым существенным тормозом развития области являлась огромная нехватка рабочей силы. И, наконец, в-третьих, речь пойдет о трех конкурировавших проектах, каждый из которых должен был устранить эту проблему: Мурманская железная дорога («советская Канада»), национальная политика Карелии, направленная на стимуляцию миграции и – наиболее значительный проект ввиду последовавших событий – стремление ОГПУ колонизировать и цивилизовать европейский Север путем вынужденных переселений и использования принудительного труда.

ОБРАЗОВАНИЕ

КАРЕЛЬСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ

Спустя несколько месяцев после образования Карельской территориальной автономии Гюллинг представил в ВСНХ отчет, отражавший

его видение будущего экономического развития КТК¹. В этом документе он объяснил, что помимо увеличения объемов лесозаготовок за счет неосвоенных областей, максимального использования рек для сплава леса до пунктов обработки и экспорта, строительства целлюлозно-бумажных и лесоперерабатывающих промышленных предприятий, необходимо системное развитие сложной региональной индустриальной экономики. В частности, в качестве потенциала Карелии Гюллинг указал на ее богатые запасы полезных ископаемых и водопады, которые могли использоваться для производства электроэнергии. Таким образом, Карелия продолжала зависеть от импорта из советской России продовольствия и промтоваров, но в перспективе имела возможность стать прямым импортером и была бы в состоянии «удовлетворить самые разные требования со стороны советской России». Для достижения этой цели Гюллинг просил оставлять в региональном бюджете Карелии весь доход от экспортируемого леса.

По окончании VII Всероссийского съезда Советов в декабре 1920 г. Ленин пригласил Гюллинга обсудить экономические планы развития Карелии². После встречи советский лидер отправил его к главе Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) Г. М. Кржижановскому. Также он дал указания управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову оказать Гюллингу содействие в реализации его намерений. В феврале 1921 г. Кржижановский согласился включить КТК в планы по электрификации³.

Комиссия ГОЭЛРО разрабатывала схемы размещения центров производства электроэнергии и ее потребления внутренними районами (перифериями). Они должны были стать целостной структурой, включенной в выполнение единого экономического плана⁴. Вот что писал Джеймс Скотт об этой схеме:

«Природа электричества великолепно подходила к утопической централизации Ленина. Схема электрических линий на

¹ Приводится в: История Карелии в документах и материалах. Советский период / под ред. А. И. Афанасьевой. Петрозаводск, 1992. С. 61–62. См. также: Афанасьева А. А. Начало. Образование Карельской Трудовой Коммуны и интернациональная помощь зарубежного пролетариата, 1920–1921 гг. // Краевед Карелии / под ред. В. Н. Верхоглядова. Петрозаводск, 1990. С. 10.

² Э. Гюллинг. Нам помогал Ленин // С Лениным вместе. Воспоминания. Документы. Петрозаводск, 1977. С. 200–201.

³ Записка Ленина Горбунову, февраль 1921 г., опубликована (с неправильной датой) в: Афанасьева А. И. История Карелии. С. 62–63.

⁴ План электрификации РСФСР: доклад VIII съезда Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955. С. 32 и карты.

заводе похожа на линии общественного транспорта такого мегаполиса, как Париж, за исключением того, что у этого потока одно направление. Электролинии тянулись по всей территории страны, преодолевая любые географические препятствия»⁵.

Скотт прав: ГОЭЛРО стремился структурировать пространство по принципу централизации. Он также утверждал, что, по мнению Ленина, электрификация не только принесет энергию – в обоих смыслах этого слова – и экономический прогресс российским областям, но также продвинет советскую культуру от центра к периферии. Однако Скотт преувеличивает значение ГОЭЛРО: электрификация фактически способствовала не всеобъемлющей централизации, а, скорее, концепции районирования, т. е. передаче полномочий в решении как энергетических, так и всех остальных экономических вопросов на региональный уровень⁶. По плану советская Россия делилась на семь макрорегионов. Карелия входила в Северную область. Ее должна была обеспечить электроэнергией большая гидроэлектростанция (ГЭС), расположенная в северной части реки Ковды (кроме того, энергия поступала бы на алюминиевую фабрику, которую собирались строить в Кандалакше), а также ГЭС на реке Свирь (юг КТК). Предполагалось, что обе станции будут питать электроэнергией Мурманскую железную дорогу, обслуживая территорию от Петрограда до Арктики по оси север–юг⁷.

Хотя ГОЭЛРО отметил потенциальную выгоду от развития в Мурманской и Олонецкой областях целлюлозно-бумажной промышленности на основе дешевой электроэнергии, это не входило в региональный план развития Гюллинга⁸. В частности, программа электрификации отменила план Гюллинга по строительству ГЭС на реке Суна (приблизительно в 40 км к северу от Петрозаводска), которая должна была снабжать электричеством региональную столицу, новую лесопилку и будущий целлюлозно-бумажный комбинат на берегу Онежского озера в Кондопоге (этот план учитывал дореволюционные проекты)⁹. Гюл-

⁵ Scott J. C. Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve Human Condition Have Failed. New Haven, London. 1998. P. 166–167.

⁶ Delimiting National Space: the Ethnographical Principle in the Administrative Division of the RSFSR and USSR, 1918–1925 // Beyond the Limits. The Concept of Space in Russian History and Culture / ed. J. Smith. Helsinki, 1999. P. 244.

⁷ См. План электрификации РСФСР. С. 185–213.

⁸ Там же. С. 178–179.

⁹ См.: Юргенс Б. А. Карелия в плане ГОЭЛРО // История СССР. 1964. № 2. С. 118–125; Первая гидростройка на Суне: ученые записки Петрозаводского университета. // История СССР. 1962. № 11 (1). С. 60–74.

линг, не согласившись, представил в начале апреля 1921 г. свои идеи Ленину¹⁰. Последний дал центральным учреждениям месяц на обсуждение и утверждение проектов по Карелии¹¹. 26 апреля Совнарком, наконец, издал указ о ратификации планов Гюллинга о промышленном комплексе в Кондопоге, проведении геологических исследований в регионе и стимулировании экспорта леса¹². В тот же день Совнарком утвердил второй декрет, о котором шла речь в предыдущей главе, подтвердив автономию КТК от высших планирующих органов и предоставив ей ряд исключительных, но временных финансовых привилегий. Как мы знаем, Карелии разрешили удерживать 25 % дохода в конвертируемой валюте, но не всю сумму, как изначально просил Гюллинг.

Кроме того, эти два декрета полностью соответствовали взгляду красных финнов на развитие Карелии и региональную автаркию. Во многих проявлениях их приоритеты совпадали с принципами нэпа, опубликованными после X съезда партии в марте 1921 г. Политика Гюллинга также менялась со временем: основными принципами были объединение государственной собственности, развитие промышленности, поощрение частного предпринимательства, особенно в сельском хозяйстве (тема его докторской диссертации), и сбалансированный, благодаря развитию внешней торговли и максимизации налоговых доходов, бюджет. Учитывая постоянно меняющуюся конфликтную политику нэпа и переход к централизованному планированию, было не ясно, сможет ли Гюллинг воплотить в жизнь свой план.

Обеспечение экономической автономии: бюджет Карелии

Как было сказано в главе 1, исторически российская Карелия зависела от импорта продукции лесной промышленности, кустарных промыслов и небольших производств. Это помогало ей уравновесить соотношение импортных и экспортных цен с производящей зерно Российской империей и избегать угрозы голода. В первые годы советской власти неумелое руководство недавно национализированны-

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 52. С. 163.

¹¹ Ленин заместителю НКВД М. Ф. Владимирскому, заместителю наркома внешней торговли А. М. Лежаве и председателю ВСНХ В. П. Милютину, 23 апреля 1923 г. Там же. С. 162. О Гюллинге см.: На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии, 1920–1940 гг. / под ред. А. И. Андрияйна, А. В. Климовой. Петрозаводск, 1976. С. 10.

¹² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 70. Л. 819–820, также приводится в: Красная Карелия: Сб. Петрозаводск, 1925. С. 29. СТО ратифицировал декрет в тот же день. См.: НАРК. Ф. 550. Оп. 1. Д. 2–10. Л. 56.

ми предприятиями, неурожаи в 1918 и 1921 гг. и разгул преступности сделали область еще более зависимой от центральных субсидий, ссуд и поставок зерна¹³. Если автономия Карелии виделась Гюллингу шире, чем обещания на бумаге, он прежде всего обязан был обеспечить и поддерживать целостность регионального бюджета.

В любом случае Карелия зависела от поставок продовольствия из советской России. Но Москва не в состоянии была обеспечить республику достаточным количеством зерна. Введение нэпа весной 1921 г. ухудшило ситуацию и привело к сокращению государственного распределения продовольствия для населения, лишив более 68 тыс. жителей гарантированных поставок хлеба¹⁴. В марте 1921 г. в докладе ВЧК ситуация с продовольствием в Карелии называлась катастрофической, чрезвычайная комиссия предупреждала, что эта проблема лишь увеличит недовольство крестьян режимом и создаст почву для расширения белофинской агитации¹⁵. В ответ Совнарком в декрете от 26 апреля об экономическом статусе КТК добавил специальное условие, разрешив исключить из ее ежегодных выплат все поставки продовольствия и зерна вплоть до 1924 г., а также отсрочить выплату за эти поставки до 1930 г.¹⁶ Но это не снимало проблему. В мае правительство Карелии сообщило, что продовольственный кризис привел к забастовкам на фабриках, демонстрациям, случаям нападения на государственных служащих¹⁷. Решение СТО в июне ссудить Карелии 500 тыс. руб. с целью закупить продовольствие для пограничных районов в Финляндии едва ли улучшило положение местных жителей¹⁸. Последовавшее в конце года крестьянское восстание еще больше осложнило обстанов-

¹³ Богданова Г. Н. На хозяйственном фронте, 1918–1920 гг. Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и Гражданской войны. Петрозаводск, 1980. С. 15–41.

¹⁴ Записка представителя Карелии в Наркомнац // ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 10. Д. 9. Л. 189–190.

¹⁵ Телеграмма ВЧК Карелии, 25 марта 1921 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 250–53399. Л. 5.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 96. Д. 450. Л. 12, также см.: Красная Карелия. С. 27–28. К 1925 г. Карелия выплатила большую часть своего долга союзному и российскому комиссариатам (см. отчеты 1925/1926 гг. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 7. Д. 4), и, по мнению Гюллинга, остаток долга выплатила к 1926/1927 гг., см. его доклад президиуму Совета по национальностям ЦИК СССР, 25 июня 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–7.

¹⁷ Исполком Карелии Наркомнацу, 27 мая 1921 г. // АВП РФ. Ф. 135. Оп. 5. Д. 22–9. Л. 98.

¹⁸ Резолюция, 22 июня 1921 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 1–2. Л. 23.

ку. В декабре Гюллинг был вынужден отправить срочный запрос в центральный комитет по поставкам для включения Карелии в список голодающих областей, чтобы получить приоритет при распределении чрезвычайных поставок продовольствия¹⁹.

К началу 1922–1923 финансового года экономика КТК оказалась в дефиците из-за потерь, понесенных предыдущей зимой во время конфликта и трудностей с получением дохода²⁰. Опять пришлось обратиться за кредитами и субсидиями в центр, чтобы покрыть основные расходы. К лету 1922 г. долг Карелии центру составлял 200 тыс. золотых руб., а региональная власть была на грани краха. В августе Москва спасла Карелию, выделив дополнительно 800 тыс. золотых руб.²¹ Шесть месяцев спустя Совнарком СССР разрешил КТК удерживать весь доход на товары, ввезенные для продажи в пределах ее таможенной области²². Надеялись, что это будет способствовать укреплению финансового положения и облегчит восстановление региона.

Однако следующий неурожайный 1923 г. вынудил Карелию вновь просить о продовольственной помощи. В сентябре Совнарком Карелии неожиданно получил 25 тыс. золотых руб. из Москвы без указания конкретной цели. Правительство республики решило использовать деньги на импорт финского зерна в пограничные районы – непростое, но оправданное политическое решение²³. Два месяца спустя российские власти согласились поставить почти 8200 т ржи; Карелия должна была рассчитаться за эту беспроцентную помощь через два года²⁴. В октябре 1923–1924 финансового года положение Карелии оставалось бедственным, и Гюллинг призвал региональные организации сократить административные расходы²⁵. Однако расцветавшая советская

¹⁹ Представитель Карелии в Наркомнаце комиссии помощи голодающим ВЦИК, 31 декабря 1921 г. // ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 10. Д. 9. Л. 1.

²⁰ См.: Карело-Мурманский Военный революционный комитет, 21 февраля 1921 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.

²¹ Доклад Гюллинга на пленарном заседании обкома, 31 августа 1922 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 50. Л. 47.

²² Декрет от 2 февраля 1923 г. // Красная Карелия. С. 54.

²³ Совнарком Карелии, 26 сентября 1923 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 6. Д. 1-1. Л. 24.

²⁴ Декрет ЭКОСО РСФСР, 22 ноября 1923 г. в: Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925 гг. / под ред. А. И. Афанасьевой, В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1979. С. 68.

²⁵ См., напр., резолюцию IV Всекарельского съезда Советов по поводу доклада Наркомфина Карелии, 15 октября 1923 г. // На IV Всекарельском съезде Советов: ежедневный бюллетень. Петрозаводск, 1923. С. 3–4, 5.

бюрократия не хотела себя ограничивать. Финансовая неустойчивость новой автономной республики возрастала. К концу отчетного периода неожиданное падение доходов от лесной промышленности привело к 30-процентному дефициту бюджета²⁶. Его требовалось покрыть из резервов правительства РСФСР. Представление Гюллинга о региональной автаркии все еще было далеко от воплощения.

Неуверенность в бюджетном статусе Карелии после января 1924 г. (вспомним, что декрет 26 апреля 1921 г. освободил территорию от отчислений в центр только до этого срока) также усложнила выполнение бюджета 1923–1924 гг. и составление плана на следующий финансовый год. Вскоре после того, как ВЦИК и Совнарком СССР предоставили Карелии статус республики (27 июня 1923 г.), они издали совместное постановление, подтвердившее ее бюджетную независимость, но в то же время оно ввело некоторые финансовые ограничения и обязательства. Согласно декрету 3 августа 1923 г. бюджет Карелии с 1 января 1924 г. включался в баланс РСФСР, хотя для гарантии автономии республиканские траты учитывались отдельно. Также предусматривалось, что Карелия не будет нести ответственность за расходы СССР на своей территории, но должна отчислять часть дохода в качестве компенсации за затраты центра, а сумма отчислений будет устанавливаться ежегодно в зависимости от годового баланса²⁷. В то же время автономная республика продолжит финансировать большинство комиссариатов как республиканских, так и союзных из своего бюджета, что имело особое значение для ее статуса. В декрете не говорилось, какие доходы автономия может оставлять себе, чтобы выполнить эти обязательства. Наконец, в нем содержалось указание Наркомфину контролировать финансовые взаимоотношения Карелии и РСФСР, а также разработать процедуру урегулирования на последующие годы.

Из главы 2 следует, что Гюллинг принял решительные меры, гарантирующие сохранность новой республикой пространственной автономии в отношении Северо-Западной области в конце 1923 – начале 1924 г. В то же время он стремился обеспечить ее длительную финансовую независимость. В начале 1924 г. Совнарком Карелии пообещал российскому правительству, что в следующем финансовом году он не будет просить дотаций и сбалансирует бюджет, впервые увеличив число и объем местных источников дохода и уменьшив расходы²⁸. На осно-

²⁶ О снижении дохода от лесозаготовок см. доклад Совнаркома Карелии, 21 марта 1924 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 29. Л. 16–17.

²⁷ Совместный декрет ЦИК и Совнаркома СССР // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5. Д. 133. Л. 7–8.

²⁸ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 29. Л. 17.

вании этого, после длительных переговоров, 25 июля 1924 г. Гюллингу удалось достичь соглашения с советским центром о продлении сроков бюджетного статуса Карелии на следующий финансовый год: список доходов и расходов республики не включался в бюджет РСФСР, и у нее оставалось право распоряжаться большей частью доходов (включая 25 % дохода в свободно конвертируемой валюте). Взамен Карелия должна была согласовать условия торговли с РСФСР и участвовать в большинстве союзных расходов на своей территории²⁹.

Имея подтверждение автономии Карелии, Гюллинг и В. П. Фомин смогли устанавливать более жесткую финансовую политику в 1924–1925 финансовом году. Благодаря увеличившимся доходам от лесной промышленности, бюджет на этот период составил 9,5 млн руб. с небольшим профицитом³⁰. Еще один признак улучшения экономической ситуации в Карелии – объем внутренней торговли: в 1924–1925 гг. оборот на товарной бирже Петрозаводска составил более 6 млн руб., приблизительно треть сделок приходилась на закупку зерна и фуража³¹.

Вскоре после начала 1925–1926 финансового года Совнарком СССР согласился на дальнейшее расширение привилегий Карелии. Ей было предоставлено право удерживать 100 % сельскохозяйственных и подоходных налогов со своей территории (как и другим республикам СССР, за исключением РСФСР) и 50 % прибыли от налогов на промышленный отлов рыбы и лесозаготовки (обычно они перечислялись в бюджет СССР)³². Правительство Карелии было уверено в росте доходов от продажи и экспорта леса и увеличило ежегодный бюджет до 15 млн руб. Он включал больше экономических и социальных инвестиций, особенно на образование и здравоохранение³³. Несмотря на это, бюджет принес 12-процентный профицит благодаря 70-процентному увеличению доходов, в основном от экспорта ле-

²⁹ Президиум ЦИК. 25 июля 1924 г., «Известия ЦИК и ВЦИК», 29 июля 1924 г.; письмо Наркомфина от 28 ноября 1924 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 6. Д. 444. Л. 8; директивы Наркомфина, 12 января 1925 г., подтверждены декретом Совнаркома от 17 февраля 1925 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 6. Д. 444. Л. 2–5.

³⁰ Гюллинг Э. А. Бюджетные права Карелии // Экономика и статистика Карелии. 1926. № 7–8. С. 4.

³¹ Статистический обзор, 1925–1926. Петрозаводск, 1927. С. 169.

³² Декрет Совнаркома СССР, 11 августа 1925 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 6. Д. 442. Л. 9. О таможенных налогах см. Davies R. W. The Development of the Soviet Budgetary System. Cambridge, 1958. P. 297–313; Bahry D. Outside Moscow. Power, Politics and Budgetary Policy in the Soviet Republics. New York, 1987. P. 52–54.

³³ Гюллинг в президиум совета национальностей ЦИК СССР, 25 июня 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–7.

са³⁴. Таким образом, была доказана эффективность данной финансовой модели. Каждый год вплоть до конца десятилетия Гюллинг успешно добивался расширения бюджетных прав³⁵. В табл. 3.1 сравнивается структура расходов Карелии в течение 1920-х гг. с расходами других союзных республик и местных бюджетов (включая автономии). Примечательны относительно высокие расходы Карелии на экономику и небольшие затраты на администрацию, особенно по сравнению с другими республиками (исключение составляет неурожайный период 1923–1924 гг.).

Таблица 3.1

**Республиканские и региональные бюджетные расходы Карелии,
1922–1927/1928 гг. (млн руб.)**

	Карельская АССР			Местный бюджет	Союзная республика
	1922	1923–1924	1927–1928	1924–1925	1925–1926
Экономика	2,882 (61 %)	3,0183 (43 %)	9,3578 (47 %)	148,4 (18 %)	213,2 (34 %)
Социальные и культурные программы	0,8985 (22 %)	1,506 (21 %)	4,7798 (24 %)	341,2 (40 %)	210,8 (33 %)
Администрация	0,638 (16 %)	1,779 (25 %)	2,298 (12 %)	248,2 (29 %)	174,1 (27 %)
Другое	0,035 (1 %)	0,7607 (11 %)	3,5835 (18 %)	107,1 (13 %)	32,7 (5 %)
Итого	4,0597	7,064	20,0211	844,9	630,8

Источник: Данные о Карелии в докладе Карельского правительства Президиуму ВЦИКа и Совету Национальностей ЦИКа в 15-ю годовщину Карельской АССР 3 августа 1920 г. – 3 августа 1935 г. (Петрозаводск, 1935 г.) // ГА РФ. Ф 1235. Оп. 456. Д. 14. Л. 72; общие местные (включая АССР) и союзно-республиканские данные из: Davies R. W. The Development of the Soviet Budgetary System. Cambridge, 1958. P. 301 (табл. 45 и 46).

С середины десятилетия рост бюджета Карелии замедлился (в значительной степени из-за падения мировых цен на лес), но правительство республики продолжало получать небольшой профицит,

³⁴ Филимончик С. Н. О деятельности плановой комиссии Карелии в 1920 гг. // Вопросы истории европейского Севера (проблемы экономики и культуры XX в.): Сб. науч. статей. Петрозаводск, 1994. С. 35; Местные и государственные бюджеты Карельской АССР на 1927/1928 г. Петрозаводск, 1927. С. 10.

³⁵ Подробнее см.: Baron N. Soviet Karelia, 1920–1937. P. 97 (прим. 39).

спасая автономию от субсидий из центра, в основном благодаря доходу от налогообложения и увеличению экспорта леса³⁶. (Карелия все еще получала финансирование из центра на строительство в Кондопоге, см. ниже.) В середине 1927 г. Гюллинг заявил Президиуму Совета Национальностей ЦИКа: карельский эксперимент оказался настолько успешным, что он должен учитываться повсеместно³⁷. По-видимому, центр согласился. В августе 1928 г. всем автономным республикам России предоставили самостоятельные бюджеты, но без столь выгодных условий или такой широкой автономии, какими обладала Карелия³⁸. Как показывает табл. 3.2, хотя Карелия и имела самый высокий доход на душу населения (для сравнения, в среднем по РСФСР в 1926–1927 финансовом году он составлял 17 руб.), но даже там конец 1920-х гг. не ознаменовался наибольшим среди 11 российских автономных республик ростом бюджета³⁹.

Развитие экономической автономии Карелии: планирование

За месяц до X съезда РКП(б) в марте 1921 г. советское правительство учредило Государственный плановый комитет (Госплан), подчеркнув, что оно «не забыло долгосрочную цель строительства социалистической плановой экономики», что отмечает Р. В. Девис в своей работе⁴⁰. Восемь месяцев спустя Карелия учредила свой собственный региональный плановый комитет (Карплан), первоначально прикрепленный к Экономическому совету КТК (ЭКОСО)⁴¹. Перед Карпланом стояла задача осуществить декрет от 26 апреля об индустриальном развитии региона. В первые же месяцы работы состоялись переговоры с Северо-Западной строительной комиссией (Сев-

³⁶ Местные и государственные бюджеты Карельской АССР на 1927–1928 гг. С. 145.

³⁷ Доклад, 25 июня 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–7.

³⁸ Davies R. W. The Development of the Soviet Budgetary System. P. 298; доклад Наркомфина РСФСР, 2 июля 1929 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 505. Л. 32–38.

³⁹ Данные РСФСР из табл. 48 // R. W. Davies. The Development of the Soviet Budgetary System. P. 307.

⁴⁰ Davies R. W. Economic and Social Policy in the USSR, 1917–1941 // The Cambridge Economic History of Europe. / ed. P. Mathias. Vol. VIII. The Industrial Economies: The Development of Economic and Social Policies. Cambridge, 1989. P. 1007.

⁴¹ Карплан был учрежден в октябре 1921 г.; он подчинялся Госплану РСФСР и правительству Карелии, см.: Филимончик С. Н. О деятельности плановой комиссии Карелии в 1920 гг. С. 32.

запстрой) о целлюлозно-бумажном комбинате в Кондопоге. Однако продовольственный кризис и крестьянское восстание в конце года вынудили комитет переключить внимание на организацию поставок, особенно в пограничные районы. Впоследствии он занялся реконструкцией поврежденной экономической инфраструктуры области. Однако в этой сфере Карплан лишь дублировал работу других организаций, порой мешая им, и с октября 1922 г. он прекратил свое существование. В августе 1923 г., после образования Карельской АССР, Экономический совет и Карплан были формально распущены. В течение нескольких месяцев Госплан РСФСР и Севзапэкосо стремились использовать это в своих интересах, пытаясь захватить контроль над региональной экономической администрацией и планированием, о чем уже говорилось в предыдущей главе. Как только Гюллинг получил гарантию автономии Карелии от Северо-Западной области в январе 1924 г., он возродил Карплан как комитет, непосредственно зависящий от правительства республики. При этом комитет был обязан отчитываться перед Госпланом РСФСР и консультироваться с ним⁴². Первым его руководителем стал А. Н. Лесков, 24-летний карел, занимавший также пост комиссара финансов республики и председателя Совнаркома. В 1925 г. Гюллинг возглавил Карплан. Теперь в его руках оказалось не только управление экономикой республики, но и долгосрочное планирование⁴³.

К этому времени экономика Карелии оправилась от последствий Гражданской войны и получила финансовую независимость от центра, за исключением крупных инвестиций на строительство Кондопоги, о чем пойдет речь ниже (ОГПУ и несколько других центральных правительственных учреждений, работавших в Карелии, особенно Мурманская железная дорога, были также исключены из бюджета республики). Кроме того, Карелия обеспечила свою территориальную автономию от Северо-Западных региональных комиссий. Местные чиновники вернулись к разработке плана будущего развития республики. Безусловно, их внезапный энтузиазм объяснялся изменениями в политике центра, а не местными реалиями. В 1925 г. Карплан рассмотрел предложения об увеличении использования региональной гидроэнергии, в одном из них предлагалось привлечь финансирование из «основного иностранного концессионного капитала»⁴⁴. Используя собственную гидроэнергию, республика могла развить химическую и металлургическую промышленности. Первый потенциальный участок

⁴² См.: Статут Карплана, 1925 // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 1–5. Л. 61.

⁴³ Филимончик С. Н. О деятельности плановой комиссии Карелии в 1920 гг. С. 33. Сообщается, что ежедневно Гюллинг посвящал один час планированию. В 1925 г. Лесков возглавил ЦСНХ Карелии.

⁴⁴ Там же. С. 37.

алюминиевого производства находился в северной Карелии и должен был обслуживаться Кемской ГЭС. Другой участок находился в центральной Карелии на Сегозере. Предполагалось, что его обеспечит ГЭС в Надвойцах на реке Выг⁴⁵. В 1926 г. Госплан СССР дал указание карельским органам планирования начать работу над пятилетним (а в перспективе над десятилетним и пятнадцатилетним) планом регионального развития. Работу предполагалось начать на следующий год.

Таблица 3.2

Доход бюджетов российских АССР, 1927–1928 и 1928–1929 гг.

АССР	Доход, не считая ссуд (млн руб.)				Доход на душу населения, не считая ссуд (руб.)		
	1927–1928	Место	1928–1929	Рост	1927–1928	Место	1928–1929
Казахи	55,846	1	75,471	35,1 %	8,33	11	10,96
Татары	25,732	2	29,618	15,1 %	9,79	9	10,98
Башкиры	23,45	3	27,727	18,2 %	8,58	10	9,88
Крымские татары	19,166	4	23,766	24,0 %	25,99	2	30,91
Карелы	18,533	5	22,272	20,2 %	67,64	1	79,35

Источник: Доклад Наркомфина РСФСР «О бюджетных правах АССР», 2 июля 1929 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 22. Д. 505. Л. 7, 8об.

«Генеральный план развития народного хозяйства Карелии, 1926–1941 гг.», представленный Карпланом Госплану РСФСР в начале 1927 г., предусматривал строительство нового мощного индустриального комплекса в республике, который существенно преобразовал бы ее экономическую и, как следствие, демографическую и культурную структуру⁴⁶. План был разработан в соответствии с представлениями Гюллинга о процветающей, современной, самостоятельной красной финской родине. Он стремился продемонстрировать иностранным наблюдателям жизнеспособность и ценность социализма и таким образом способствовать прекращению деления на национальности. Осуществление проекта развития Карелии потребовало бы почти пятую часть всех капиталовложений в промышленность Северо-Западной области за пятнадцать лет⁴⁷.

⁴⁵ Филимончик С. Н. О деятельности плановой комиссии Карелии в 1920 гг. С. 37.

⁴⁶ План, датирован 30 мартом 1927 г., находится в фонде Госплана РСФСР // ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213.

⁴⁷ Там же. Л. 168. Карельские плановики, которые обычно крепко держались за свою автономию от Северо-Западной области, включили финанси-

Проект первого пятилетнего плана, разработанный Карпланом на 1927–1932 гг. и появившийся одновременно с общим планом, предусматривал привлечение большей части финансирования из бюджета республики, т. к. региональные предприятия не могли обеспечить достаточный темп строительства⁴⁸.

Таким образом, Карелия столкнулась с дилеммой. Чтобы и дальше гарантировать бюджетную автономию, она должна была, насколько это возможно, увеличить заготовку и экспорт леса (а также надеяться на повышение мировых цен на древесину), т. к. экспорт этого сырья обеспечивал большую часть дохода. Политика максимального увеличения объемов лесозаготовки, однако, могла отпугнуть необходимые инвестиции. К тому же длительное, даже потенциально исчерпывающее потребление материальных ресурсов обуславливало необходимость развития новых индустриальных секторов обработки. Поэтому Карплан пытался уравновесить использование главного ресурса Карелии двумя способами. Во-первых, хотя по общему плану максимальный ежегодный объем лесозаготовок составлял 1,3 млн куб. саженей (12,6 млн куб. м или 9,7 млн пог. м), Карплан предложил «безопасную» цифру в 850 000 куб. саженей в год (8,3 млн куб. м или 6,4 млн пог. м)⁴⁹. Хотя Гюллинг стремился гарантировать долгосрочное региональное экономическое развитие, он понимал, что леса Карелии следует беречь. Карл Альбрехт, немецкий эксперт, работавший в Карелии в конце 1920-х гг., отметил стремление Гюллинга сохранить ресурсы республики для следующих поколений. Как вспоминал Альбрехт, все попытки убедить Гюллинга предпринять стремительную индустриализацию разбились об его практичность⁵⁰. Во-вторых, Карплан предложил урегулировать использование срубленной древесины так, чтобы достигнуть баланса между обеспечением максимальной прибыли и достаточным количеством заказов для местной промышленности, что послужило бы стабильному развитию и дальнейшему процветанию. Это предусматривало отправку приблизительно 50 % срубаемого леса на карельские лесопилки для дальнейшей обработки и отправки продукции на экспорт. 7 % нужно было отдавать иностранным концессиям в Карелии, таким как «Реполалес» (см. ниже), или напрямую в иностранные лесопилки, еще 7 % следовало использовать самостоятельно для промышленно-

рование республики в более широкий регион (хотя и отдельным пунктом). Они надеялись получить часть от финансирования Ленинграда. Источник данных по Северо-западному региональному финансированию не известен.

⁴⁸ Проект плана 1926 г. // НАРК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 35–392. Л. 3.

⁴⁹ «Генеральный план» Карелии // ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 14.

⁵⁰ Albrecht K. I. Der Verratene Sozialismus. Zehn Jahre als Hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion. Berlin, Leipzig, 1939. S. 52.

го строительства. Оставшиеся 36 % Карплан выделил зарождавшейся целлюлозно-бумажной и химической промышленности.

От индустриального развития Карелии также ждали «создания новых сильных источников энергии, связанных с появлением нового производства»⁵¹. Впервые 26 генераторов были спроектированы на Кондопожской ГЭС в 1925–1926 гг. Их средняя мощность составляла 2225 кВт, затем она была увеличена до 4500 кВт. В энергетическое строительство, которое к 1941 г. должно было повысить свою мощность до 80 тыс. кВт, планировалось инвестировать 42 млн руб. в течение трех пятилеток. Цель достаточно скромная, т. к. в то время эксперты оценивали потенциальную суммарную мощность области более чем в 1 млн кВт, из которых по крайней мере 620 тыс. кВт могли бы эффективно использоваться⁵².

На базе Кондопожской ГЭС Карплан предусмотрел строительство огромного целлюлозно-бумажного комплекса. Предполагалось, что к концу второй пятилетки (1936 г.) он будет производить 50 тыс. т бумаги и 35 тыс. т целлюлозы и других химических веществ ежегодно⁵³. План также предусматривал строительство в Центральной Карелии алюминиевого завода, расположенного рядом с Кемской или Надвойцовской ГЭС⁵⁴. Онежский металлургический завод со временем превратился в главный литейный и металлообрабатывающий промышленный центр⁵⁵. Успешно развивались также добыча полезных ископаемых, карьерные работы, рыболовство и производство продовольствия (табл. 3.3). План включал амбициозные проекты по колонизации (см. ниже), строительству дорог и систем коммуникаций, сельскохозяйственному развитию, увеличению количества жилья и коммунальных удобств. К 1940 г. население Петрозаводска должно было вырасти с 22 до 43 тыс. чел., в крупные города должны были превратиться Кондопога (с населением 12 тыс. чел.), Кемь (20,3 тыс. чел.), Сорока (12,4 тыс. чел.) и Кандалакша (7,8 тыс. чел.)⁵⁶.

«Генеральный план» по Карелии 1926 г. оказался явно телеологическим, хотя на его формирование повлияли реалии регионального развития. По итогам первой пятилетки можно было сделать следующий вывод: «Хотя план построен на основе предвидений и предуждений, но

⁵¹ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 104.

⁵² ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 90–95. В 1926 г. СССР потреблял 1,6 млн кВт, см.: Carr E. N. *Socialism in One Country*. Vol. 1. P. 545. Fn. 2.

⁵³ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 25.

⁵⁴ Там же. Л. 37.

⁵⁵ Там же. Л. 43. Об истории завода см.: Смирнов В. Два века Онежского завода, 1774–1974. Петрозаводск, 1974 (особенно С. 125 о негероический 1920 гг.).

⁵⁶ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 142–147.

последние имели решающую роль»⁵⁷. Вынужденная телеология этих планов превратилась в специфические местные приоритеты, связанные с развитием, и общие принципы пространственного планирования.

Таблица 3.3

Общий план инвестиций в промышленность Карелии, 1927 г.

Сектор	Общий объем инвестиций, 1927–1940 гг. (млн руб.)	Производство (млн руб.)		Рабочая сила	
		1927 г.	1940 г. (рост)	1927 г.	1940 г. (рост)
Лесозаготовки	31,1	17,2	31,4 (182 %)	5006	5400 (108 %)
Целлюлозно-бумажная промышленность	123,4	–	68 (нет данных)	–	7110 (нет данных)
Электрометаллургия	39	–	8 (нет данных)	–	1700 (нет данных)
Обработка металлов	19,45	1,8	8,3 (450 %)	1030	4025 (391 %)
Горнорудная промышленность	6,1	2,1	4,9 (283 %)	1320	2000 (151 %)
Стекольная промышленность	3,5	–	2,6 (нет данных)	–	500 (нет данных)
Рыболовство	1,6	0,3	1,6 (533 %)	100	300 (300 %)
Продовольствие	2,9	0,8	2,5 (312 %)	100	400 (400 %)
Всего	227,05	22,2	127,3 (573 %)	7556	21 435 (283 %)

Источник: Основной план экономического развития, 1926–1941 гг., 30 марта 1927 г. // ГА РФ. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 89.

Учитывая возможности Карелии, план стремился полностью использовать потенциал области (он начинался с преамбулы, подробно

⁵⁷ Цит. по: Филимончик С. Н. О деятельности плановой комиссии Карелии в 1920-е гг. С. 38. Сравните с мнением представителя Госплана С. Г. Струмилина (опубл. весной 1927 г.) о том, что «не предсказания, а задания и пред-указания – главная цель любого плана» в: Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М., 1928; цит. по: Carr E. H., Davies R. W. Foundations of a Planned Economy, 1926–1929. Harmondsworth, 1974. Vol. 1. P. 840.

описывающей ландшафт края). Лесные ресурсы и полезные ископаемые Карелии могли обеспечить регион сырьем, ее ландшафт, бесчисленные озера и водные каналы позволяли получать большие объемы гидроэлектроэнергии, также они облегчали лесосплав. Наличие множества рек, выход к морю и железнодорожное сообщение, снискавшее для России престиж за рубежом, позволяли региону продавать продукцию с максимальной выгодой.

Эти проекты противоречили концепции экономической однородности и концентрации на специализированном производстве (что давало Карелии практическую монополию на лесоповал), являвшимися основными принципами пространственного планирования середины десятилетия. Вместо этого они стремились развивать комплекс местных энергетических центров, которые стимулировали бы индустриальный рост внутренних районов. Они также обозначили конфликт между общегосударственной необходимостью и потребностями отдельных территориальных структур, в то же время подчеркнув важность использования планирования для преобразования пространственной роли области, о чем уже шла речь.

Строя подобные планы, Гюллинг и его коллеги несомненно руководствовались выступлением Сталина на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г., где говорилось о развитии промышленности не только на уровне Союза, но и «в каждом районе, в каждом округе, в каждой губернии, области, в каждой национальной республике». По словам вождя, индустриализация не будет удачной «без смычки интересов и преимуществ центра и интересов и преимуществ региона»⁵⁸. Однако, по-видимому, они уловили меньше перспектив в заявленной Сталиным стратегии построения «социализма в одной стране» с акцентом на интроспективном создании государства и связанной с этим охраной внешней границы. Письмо Сталина В. М. Молотову, написанное в середине 1925 г., четко формулирует принципы отраслевого размещения, которые вскоре лягут в основу советского пространственного планирования:

«Я боюсь, что [экономические органы СССР] начнут строительство в пограничных районах, не учтя многие неблагоприятные факторы. <...> При разработке программы строительства, я думаю, необходимо принять во внимание два фактора помимо принципа близости заводов к сырью и топливу: связь с сельской местностью и стратегическое местоположение новых предприятий. Наши основные внутренние районы: Урал, Поволжье, Черноземье на юге. <...> С этой точки зрения, Питер

⁵⁸ Сталин И. В. Соч., 1946–1953. Т. 7. 316–317. цит. в: Лившиц Р. С. Очерки по размещению промышленности СССР. М., 1954. С. 12–13.

абсолютно не подходит. Безусловно, будет давление со стороны местных жителей, но его надо будет преодолеть»⁵⁹.

Представление Сталина о пространственном развитии с приоритетной ролью центра относительно периферии («пограничные районы») и использованием стратегического анализа и политического расчета (в это время произошла его размолвка с председателем Ленсовета Г. Е. Зиновьевым) могло поставить под угрозу дальнейшее промышленное развитие Карелии.

Пределы экономической автономии Карелии

Уже шла речь о территориальных, административных, финансовых и планирующих органах, в рамках которых Карельская АССР осуществляла свое право на экономическую автономию. Однако с самого начала она была ограничена принципами и принятой практикой. Бюджетные привилегии территории устанавливались центральным постановлением и могли быть в любой момент отменены более высокими инстанциями, что не противоречило конституции. Поэтому ежегодно лидеры Карелии добивались от центра расширения специальных прав республики, в то время как текущая финансовая нестабильность ставила под вопрос способность края планировать инвестиции даже на короткий срок. Экономические органы Карелии на практике были стеснены многими факторами: необходимостью переводить фонды в центральный бюджет, нехваткой капитала, соперничеством с другими инстанциями и дефицитом рабочей силы.

Во-первых, как уже говорилось, Карелия обязалась с января 1924 г. участвовать в расходах СССР. Это выражалось в отчислениях в союзный бюджет. Сумма устанавливалась ежегодно на переговорах союзного, российского и карельского правительств. В июле 1923 г. объем отчислений за текущий финансовый год составил 675 тыс. руб., что равнялось 13 % бюджета Карелии⁶⁰. Предполагая, что декрет от 3 августа (см. выше) увеличит бюджет Карелии, в следующие месяцы рос-

⁵⁹ Письмо датировано 12 июлем 1925 г., опубли. в: Stalin's Letters to Molotov / ed. L. T. Lih, O. V. Naumov, O. V. Khlevniuk. New Haven, London, 1995. P. 85. Политическое противостояние Зиновьева и Сталина сопровождалось противостоянием Ленинграда и Москвы: в ноябре 1925 г. Зиновьев хвалился: северная столица отличается от «других центров» тем, что является «пролетарским центром», цит. в: Carr E. H. Socialism in One Country. Vol. 2. P. 66.

⁶⁰ Эта сумма являлась компромиссом между российским запросом в 700 тыс. и предложением Карелии в 650 тыс., предложено 23 июля 1923 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 62. Л. 15.

сийские власти пытались повысить сумму отчислений республики за 1923–1924 финансовый год: в феврале 1924 г., после того как Карелия получила подтверждение своих бюджетных привилегий, Наркомфин РСФСР потребовал от нее 850 тыс. руб. (карелам удалось снизить ставку до 750 тыс.)⁶¹. К 1926–1927 финансовому году российские власти потребовали увеличить республиканский взнос до 1,25 млн руб., хотя это составляло только 8 % ее бюджета. Доля республики в бюджете СССР оставалась на этом уровне в течение еще двух финансовых лет⁶².

Фактически до конца десятилетия в соответствии с этой договоренностью бюджет Карелии ничего не терял. Декрет от 3 августа 1923 г. разрешил автономии получать доход от перевозки леса Мурманской железной дорогой по территории Карелии (см. ниже в этой главе) и не делать отчисления в центр, хотя эти доходы не имели прямого отношения к бюджету республики. Однако пугала практика ежегодных бухгалтерских проверок. В любое время власти СССР или РСФСР могли, если пожелают, ревизовать бюджет республики, ставя под угрозу выполнение ее финансовых и инвестиционных планов. В следующее десятилетие такие произвольные вмешательства действительно стали стандартной процедурой центральной плановой экономики.

Вторым фактором, ограничившим автономию Карелии в 1920-х гг., был недостаток капитала и как следствие – зависимость от российских субсидий. Уже говорилось о потребности КТК в поставках зерна из центра и кредитах на покупку продовольствия во время и после Гражданской войны. В этот период РСФСР и Карелия искали альтернативные источники финансирования для осуществления проектов по реконструкции региона. В частности, они рассматривали вариант привлечения иностранного капитала и увеличения внешней торговли, но каждый преследовал свои цели в сотрудничестве с иностранными инвесторами.

Когда в конце 1920 г. ВСНХ РСФСР разрешил трем иностранным концессиям заниматься лесозаготовкой в Карелии, Гюллинг нашел это покушением на территориальную целостность и политическое значение республики. В письме, переданном через наркома иностранных дел, он утверждал, что присутствие иностранного капитала подрывает возможности КТК убедить местное население в преимуществах советской власти, ослабит ее моральное влияние за границей и предоставит

⁶¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16. Л. 18, 12, 7. Окончательную сумму см. в докладе Гюллинга от 25 июня 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–6.

⁶² О 1926–1927 г. см.: НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 65. Л. 5–6. О 1927–1928 г. см.: Местные бюджеты и бюджеты автономных республик РСФСР на 1920–1930 г.: статистический сб. М., 1930. О 1928–1929 г. см.: Доклад Форкина в Совет национальностей ЦИК СССР, 2 декабря 1929 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 5. Д. 128. Л. 4.

белофиннам поле для пропаганды и агитации в Восточной Карелии. Гюллинг настоял на полном выполнении плана развития, который он представил В. И. Ленину за неделю до этого на VII Всероссийском съезде Советов (см. выше). Поэтому он попросил валютный заем для закупки оборудования и выплаты зарплат квалифицированным рабочим-эмигрантам. Он полагал, что к 1922 г. карельские деревообрабатывающие предприятия позволят КТК покрыть свои расходы; к 1923 г. территория достигнет автаркии и сможет погасить кредиты⁶³. У Гюллинга существовала собственная концепция развития, хотя, как мы знаем, его амбициозный план региональной независимости не был реализован.

В то же время, Гюллинг стремился развивать международные отношения. Во-первых, он обратился к финским радикалам из североамериканской диаспоры. С 1920 г. они посылали в КТК деньги через Карельское представительство Общества технической помощи советской России. В начале 1922 г. КТК назначила известного финскоамериканского активиста своим официальным представителем в Соединенных Штатах. Он должен был организовать дополнительную помощь: утверждают, что он собрал деньги, продовольствие и другие товары стоимостью в десятки тысяч долларов, хотя большая их часть, очевидно, до Карелии не дошла⁶⁴. 3 июля 1922 г. группа финских иммигрантов зарегистрировала в иммигрантском районе Нью-Йорка Нижний Вест-Сайд акционерное общество «Карельская торговая корпорация». Они стремились дополнить благотворительную деятельность общества коммерческими операциями⁶⁵.

Во-вторых, лидер Карелии, надеясь увеличить экспорт и прямые инвестиции (напомним, что декрет от 26 апреля 1921 г. разрешал республике сохранять 25 % всех доходов от внешней торговли), предпринял определенные действия для повышения популярности автономии за границей. Как всегда, Гюллинг желал больше свободы действия, чем было разрешено. В начале 1923 г. Народный комиссариат внешней торговли (Наркомвнешторг) обнаружил, что торговая

⁶³ Гюллинг Наркоминделу, 26 декабря 1920 г. // АВП РФ. Ф. 135. Оп. 4. Д. 6-28. Л. 23.

⁶⁴ Kostiainen A. The Forging of Finnish-American Communism, 1917–1924. A Study in Ethnic Radicalism. Turku, 1978. P. 164. О помощи США см.: Письмо Гюллинга Наркоминделу, 3 июня 1922 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 251-53426. Л. 129.

⁶⁵ Основатели – Анри Аскели, Альвар Хайе и Уолтер М. Кук, см.: Свидетельство о регистрации, офис секретаря округа Нью-Йорк, отдел старых записей, запись № 06400-422С. Импорт Карелии из США за 1923–1924 гг. см.: Статистический обзор, 1923–1924 г. Петрозаводск, 1925. Ч. 5. С. 16–18.

комиссия Карелии сама проводила переговоры с финской концессией по продаже прав на лесоповал в пограничном районе Реболы (по-фински, Репола). Нарком внешней торговли М. И. Фрумкин просил Сталина «поработать с Карелией по партийной линии», поскольку проведение подобных переговоров без посредничества Наркомвнешторга и его Главного концессионного комитета (Главный концессионный комитет подчинялся СТО, а не Наркомвнешторгу. – *Прим. пер.*) являлось нарушением инструкции. В любом случае, он подтвердил (напоминая возражения Гюллинга, сделанные двумя годами ранее) запрет для иностранных предприятий заниматься лесозаготовками близ границы⁶⁶. В ответ карелы утверждали, что финское предприятие не собиралось ввозить рабочих через границу, а жители Ребольского района традиционно валили лес, который затем сплавлялся на лесопилки в Финляндию. После того как ситуация на советско-финской государственной границе относительно стабилизировалась и находилась под контролем, правительство КТК не видело причины для отказа в возобновлении приграничного сотрудничества⁶⁷.

В том же году Е. Макконен, глава финского концерна, заинтересованного в Ребольской концессии, встретился с Гюллингом для возобновления переговоров. По возвращении в Финляндию Макконен доложил о положительных результатах поездки своему другу президенту К. Ю. Стольбергу и активно агитировал политических деятелей за нормализацию отношений с советской Россией⁶⁸. Очевидно, президент с ним согласился. В качестве первого шага он предложил открыть в Петрозаводске консульство Финляндии. Об этом, конечно, речи идти не могло. Несколько недель спустя финский премьер-министр Ю. Х. Веннола поинтересовался у представителя СССР в Хельсинки Черных, могла ли Карелия подписывать иностранные контракты от своего имени и если да, то оставляла ли она доход от сделок себе. Советский дипломат категорически заявил, что Карелия не может подписывать контракты с иностранцами без согласования с центром. При этом он доложил в Москву, что подобный вопрос Веннолы можно понимать как готовность Финляндии признать статус советской Карелии в пределах РСФСР. В конце он прибавил, что, возможно, после более чем шести лет враждебности и напряженности западный сосед наконец пожелал восстановить отношения с Россией⁶⁹. Как мы видим из предыдущей главы, Черных правильно понял намерение Финляндии.

⁶⁶ Письмо, 10 марта 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 26.

⁶⁷ Цит. по: Письмо Черных Ганецкому, 25 марта 1923 г. Там же. Л. 33.

⁶⁸ Черных члену коллегии Наркоминдел В. Л. Коппу, 21 ноября 1933 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53443. Л. 83–84.

⁶⁹ Черных Коппу, 16 и 17 декабря 1923 г. Там же. Л. 110–113, 131–133.

Однако Наркомат иностранных дел до тех пор отказывался предоставить право на вырубку леса в Реболе, пока Финляндия окончательно не прекратила слушания в Лиге Наций против Советского Союза, а также не запретила правую агитацию. В начале 1924 г. Наркоминдел смягчил позицию и согласился снять эмбарго. 20 февраля Совнарком СССР разрешил карельскому правительству подписать контракт с компанией Макконена «Реполалес» о поставке 700–750 тыс. бревен ежегодно. Их предполагалось сплавлять через границу на частную лесопилку фирмы⁷⁰. На самом деле Карелия поставила лишь часть заявленного объема, а впоследствии центральные Советские власти все чаще вмешивались в лесозаготовительную деятельность⁷¹.

Сначала Карелия ограниченно контролировала свой экспорт. В 1921 г. КТК отправила 40 % распиленной древесины в Петроград и остатки в «Аркос», советское торговое агентство в Великобритании, заработавшее на экспорте приблизительно 45 млн золотых руб.⁷² В октябре 1922 г. ЭКОСО Карелии основал лесоперерабатывавшую организацию «Кареллес», отвечавшую за лесозаготовки в регионе. Но до 1925 г. ее доля в экспорте была меньше, чем у гигантского архангельского треста «Северолес», который в основном работал в Кемском уезде и портах Белого моря (речь об отношениях между двумя трестами пойдет ниже)⁷³. Тогда, в 1923–1924 гг., Карелия совершила радикальный шаг, отправив своих людей в советские торговые представительства в Хельсинки и Стокгольме, чтобы лоббировать экспорт леса из республики и заказы на импортируемые товары, особенно станки для лесопилок и Онежского металлургического завода⁷⁴. В том же году Карелия сумела подсчитать

⁷⁰ Условия договора см.: Курсков Ю. В. Репольская лесная концессия (1924–1931 гг.): Скандинавский сб. Таллин, 1962. С. 5, 17. Замечу, что у Репольской лесной концессии не было собственной территории в Карелии, поэтому она не платила арендной платы. В других местах Советского Союза четыре или пять иностранных лесозаготовительных предприятий совместно контролировали около 61 тыс. кв. км территории. Финская фирма не платила налоги и не финансировала республику. См.: История индустриализации СССР, 1926–1941 гг. Документы и материалы / ред. М. П. Ким и др. М., 1969. Т. 1, 1926–1928 гг. С. 102–104.

⁷¹ Курсков Ю. В. Репольская лесная концессия (1924–1931 гг.): Скандинавский сб. С. 24, 33 и др.

⁷² Полномочный представитель Наркомвнешторга РСФСР в КТК Я. Чудковский, 21 ноября 1921 г. См. в: Карелия в период восстановления народного хозяйства. С. 188–189.

⁷³ Резолюция ЭКОСО Карелии, 28 октября 1922 г. Там же. С. 189.

⁷⁴ Региональные экономические советы получили это право в 1923 г., см.: Carr E. H. Socialism in One Country. Vol. 1. Part 1. P. 477.

свой внешнеторговый баланс: теоретически, автономная республика получила 800-процентную прибыль, но согласно правилам по удержанию дохода с иностранных контрактов эта цифра уменьшилась на 75 %⁷⁵.

До середины 1920-х гг. экспортная деятельность советских лесных трестов управлялась лишь Центральным агентством по экспорту леса Наркомвнешторга, одна из ключевых задач которого заключалась в минимизации конкуренции для советских экспортеров на иностранных рынках⁷⁶. Однако в августе 1926 г. Москва решила урегулировать автономную торговлю трестов, основав единое акционерное общество «Экспортлес» для координации экспорта «Кареллеса» и остальных четырех акционерных (Севзаплес, Двинолес, Северолес и Государственное торговое агенство РСФСР). «Экспортлес» должен был устанавливать доли для каждого треста, утверждать общий экспортный план и контролировать весь продаваемый за границей лес через лесные департаменты торговых представительств в зарубежных странах. Новый Народный комиссариат торговли (Наркомторг), образованный в ноябре 1925 г., оставил за собой право вето на действия «Экспортлеса», ибо через это ведомство он мог легко контролировать экспорт карельского леса⁷⁷. Стоимость экспортируемой «Кареллесом» в 1926–1927 гг. древесины составила 10 млн руб. (эквивалентно 60 % производимых лесозаготовок). Это означало, что большая часть дохода Карелии зависела от изменений во внешней политике Москвы и колебаний мировых цен на лес⁷⁸.

Экспортный доход Карелии ни в коем случае не мог позволить ей реализовать свои автаркистские амбиции. Табл. 3.4 показывает степень зависимости республики от центрального финансирования и капиталовложений в начале 1920-х гг. В частности, самый боль-

⁷⁵ Сумма импорта, в основном из Финляндии (готовая продукция) и Англии (чай), составляла 328 563 руб.; экспорт леса из Карелии оценивался в 2 805 619 руб., из которых 14% приходилось на Финляндию, а остальная сумма на Великобританию. Также Карелия вела торговлю с США, Германией, Швецией и Бельгией, см.: Статистический обзор, 1923–1924 гг. Ч. 5. С. 16–18.

⁷⁶ *Algvere K. V. Forest Economy in the USSR. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Stockholm, 1966. P. 351–352.*

⁷⁷ СТО, 27 августа 1926 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 7а. Д. 245. Л. 1, 3–4, 5–8. Про Наркомторг см.: Carr E. H. *Socialism in one country. Vol. 1. Part 1. P. 481*; об основании других экспортных корпораций в октябре 1925 г. см.: Там же. С. 480 и Carr E. H. *Foundations of a Planned Economy. Vol. 1. P. 751, 759–760*. Появление специальных экспортных компаний свидетельствует о небольшом ослаблении контроля центра над внешней торговлей: позиция региональных лесных трестов, конечно, была противоположной.

⁷⁸ Данные об экспорте «Кареллеса» см. в: Экономика и статистика Карелии, 1927. № 1–3. С. 36.

шой запланированный инвестиционный проект в Карелии на реке Суна – строительство ГЭС и целлюлозно-бумажного комбината в Кондопоге – потребовал капиталовложения и экспертизу, которые автономная территория не могла себе позволить. Как только Совнарком декретом от 26 апреля 1921 г. ратифицировал этот проект, карелы обратились за финансированием к центру. Не получив желаемого к октябрю 1922 г., правительство Карелии делегировало Шотмана к Ленину в Москву. Советский лидер, как и два года назад, положительно отнесся к планам Карелии и потребовал от центральных органов планирования срочно заняться этим вопросом⁷⁹. Однако болезнь Ленина снова задержала рассмотрение проекта. Только в середине 1923 г. Карельский Совнархоз учредил администрацию проекта Кондострой, работа над которым началась лишь в августе⁸⁰. Карельские и российские власти договорились, что автономная республика внесет приблизительно половину стоимости, первоначально оцененной в 1,5 млн руб., а центр предоставит остальное в виде кредитов⁸¹. Завершение проекта намечалось на май 1926 г.

Фактически, Карелия не могла позволить себе издержки, требуемые для строительства или выплаты кредита. К апрелю 1924 г. долги Кондостроя составляли 107 тыс. руб., и власти республики были вынуждены приостановить некоторые проекты, уволить многих рабочих и администраторов и уменьшить зарплаты⁸². В сентябре 1924 г. обком Карелии сообщил, что не может разрешить дальнейшие расходы на Кондострой, т. к. бюджет республики уже в дефиците. Тогда Лесков предложил передать полный контроль центру, оставив за Карелией право выкупить проект до завершения строительства⁸³. Однако СТО отказался финансировать Кондострой из бюджета Союза и в ноябре присоединился к общей договоренности о финансировании⁸⁴. Это ничего не решало, т. к. с некоторых пор Карелия перестала покрывать даже текущие расходы на строительство, не говоря уже о быстро увеличивающихся затратах. В июле 1925 г. представитель Кондопоги в Москве сообщил в Госпла-

⁷⁹ См.: С Лениным вместе. С. 329; Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1965. Т. 54. С. 299.

⁸⁰ Афанасьева А. И. Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925. С. 193.

⁸¹ Управление ВСНХ государственной промышленности РСФСР СТО, 25 апреля 1925 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 9. Д. 546. Л. 49.

⁸² См.: Востряков А. П. Кондопога. Петрозаводск, 1975. С. 34.

⁸³ Президиум обкома Карелии, 18 сентября 1924 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 434. Л. 26.

⁸⁴ Декрет СТО от 19 ноября 1924 г. цит. в преамбуле к декрету СТО от 31 июля 1925 г. в: Афанасьева А. И. Карелия в период восстановления народного хозяйства. С. 196.

не, что «в настоящее время у участка есть запасы, чтобы продержаться лишь три-четыре недели»⁸⁵. Обком Карелии издал резолюцию о необходимости срочно «урегулировать вопрос с Кондостроем – кто его строит и отвечает за построенный объект». Так же как он поставил вопрос об отношениях между Карелией, ВСНХ и Кондостроем⁸⁶.

В то же время автономная республика обязалась обеспечить лучшее финансирование в следующем финансовом году, поскольку теперь имела более надежную финансовую опору. Позже, в июле, Карелия предложила ассигновать 1,5 млн руб. в строительный проект на 1925–1926 гг. В ответ СТО выдал новую ссуду на 1 млн руб.⁸⁷ Он также потребовал, чтобы правительство Карелии представило детальный финансовый план в ВСНХ и Наркомфин СССР. Эти органы должны были высказать свое мнение для ратификации документа в Госплане СССР. Такой поворот дела не удовлетворял Карелию: центр сохранил полный контроль над проектом на том основании, что целлюлозно-бумажное производство являлось вопросом государственной важности, в то время как автономная республика несла ответственность за эксплуатацию и финансовые расходы. К октябрю СТО передал обещанную ссуду Кондострою, и автономная республика выделила на строительство первоначальную сумму в размере 337 тыс. руб. из собственных бюджетных фондов⁸⁸.

Таблица 3.4

**Капиталовложения в промышленность Карелии по отраслям, 1922–1926 гг.
(тыс. руб.)**

Год	Бюджет центра	Бюджет АКССР	Фонды ЦСНХ	Всего
1922–1923	1000	1739	–	2379
1923–1924	375	508	109	992
1924–1925	1250	911	136	2297
1925–1926	5280	3957	193	9430
Всего	7905	7115	438	15458

Источник: Доклад обкома Карелии о состоянии промышленности, без даты (после 17 ноября 1926 г.) (КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 28. Л. 3–4; опубл. в: Л. И. Вавулинская. Народное хозяйство Карелии, 1926 г. – июнь 1941 г.: Док. и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 15.

⁸⁵ Письмо, 1 июля 1925 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 9. Д. 893. Л. 18.

⁸⁶ Декрет Президиума обкома Карелии, 3 июня 1925 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 58. Л. 77.

⁸⁷ Декрет СТО, 31 июля 1925 г. // Афанасьева А. И. Карелия в период восстановления народного хозяйства. С. 196.

⁸⁸ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 9. Д. 546. Л. 138.

На данном этапе Госплан составил схему, разделив основные затраты на проект между Карелией и центром: автономная республика должна была выделить 1,3 млн руб. из своего бюджета, СТО ассигновал приблизительно 2 млн руб. как «ссуду для экономического восстановления»⁸⁹. Доля финансирования Карелии передавалась в бюджет РСФСР в качестве компенсации за затраты на индустриальное строительство⁹⁰.

Стоимость строительства Кондостроя увеличивалась, и в Карелии поняли, что обещали больше, чем могли дать. В течение года обком республики опять испытал денежный кризис из-за Кондостроя. Для исправления ситуации партийный комитет Карелии потребовал, чтобы оценки проекта и планы были точнее скоординированы с общим планированием в республике, и дал указание партийным ячейкам Совнаркома и ЦИКа обратиться к центральным властям за новыми субсидиями⁹¹. Москва, однако, также переоценила свою способность перенаправлять ресурсы Кондостроя как «ссуду для экономического восстановления»⁹². Проект находился под угрозой, поэтому ВСНХ решил включить его в план электрификации на 1927–1928 гг., что дало новые источники финансирования⁹³. Всего за год на проект предполагалось выделить 990 тыс. руб., из которых 579 тыс. РСФСР внесла через государственный бюджет Карелии, остальную часть суммы Карельская АССР взяла из своего бюджета⁹⁴. Строительство ГЭС было завершено в начале 1929 г., целлюлозно-бумажный комбинат начал работать в том же году, но чуть позже. Согласно статье, опубликованной в Финляндии в середине 1930-х гг., Москва оплатила 75 % стоимости проекта⁹⁵.

⁸⁹ Проект декрета СТО, октябрь 1925 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 9. Д. 546. Л. 137. Кратко о просьбе выделить 300 млн руб. на «экономическое восстановление» см.: Davies R. W. The Development of the Soviet Budgetary System. P. 103–104.

⁹⁰ Я не нашел сведений, когда этот проект декрета СТО был ратифицирован, но можно предположить, что финансирование Кондостроя шло частично из средств бюджета РСФСР после резолюции СТО от 25 мая 1928 г., см.: ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 126. Д. 1397. Л. 2.

⁹¹ Президиум обкома Карелии, 9 сентября 1926 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 7. Л. 80.

⁹² Кратко о проблеме предоставления займа и его последствий см.: Carr E. H. Socialism in One Country. Vol. 1. Part 1. P. 371.

⁹³ Обсуждения этой темы см.: Письма ВСНХ РСФСР российскому ЭКОСО, 23 апреля 1928 г. // ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 126. Д. 1397. Л. 19.

⁹⁴ ЭКОСО РСФСР, 9 июня 1928 г. Там же. Л. 1.

⁹⁵ East Carelia. A Survey of the Country and its Population and a Review of the Carelian Question. Helsinki, 1934. P. 155.

Третьим фактором, ограничивавшим автономию Карелии, являлось наличие на ее территории многочисленных организаций, управлявшихся извне. В табл. 3.5 показана структура индустриальной деятельности Карелии в середине 1920-х гг. и доля операций, которые попадали под юрисдикцию республиканского совнархоза. Очевидно, что в действительности Карелия не испытывала эйфории от провозглашенного в декретах лидерства региональной промышленности. Особенно это проявлялось в менее важных отраслях, таких, например, как горнодобывающая. В конце 1926 г. правительству Карелии безраздельно принадлежал «Карелгранит», но в то же время – лишь определенная доля в тресте «Карелмурсиликат» (управлялся совместно с Северным обществом, Мурманской железной дорогой и Всесоюзным синдикатом силикатной промышленности). Другие предприятия горнодобывающей промышленности – «Российские полудрагоценные камни» (Центральный государственный трест), «Онежские работы по добыче диабазов» (управлялся из Москвы и Ленинграда), «Шокшинские работы» (управлялся из Москвы) и несколько карьеров по добыче глины (использовалась для изготовления кирпичей, карьеры управлялись Институтом прикладной минералогии и металлургии) – не контролировались республиканскими властями⁹⁶.

Таблица 3.5 также подтверждает господство в экономике республики лесной промышленности, доход от которой составлял приблизительно 73 % от общего объема производства. Этим объясняется решение правительства Карелии установить полный контроль над этим сектором. Указанная таблица наглядно демонстрирует успех подобной политики начиная с 1924 г.

В августе 1921 г. СТО основал «Северолес», первый советский лесной трест для управления лесозаготовками и лесообработкой в районе Белого моря⁹⁷. Он базировался в Архангельске, но по специальному соглашению с КТК от 21 ноября 1921 г. имел право на лесозаготовки в течение четырех лет в Кемском уезде. Действия «Северолеса» в этом субрегионе зависели от ВСНХ, но он также был обязан согласовывать свои планы с карельским ЭКОСО, а КТК надлежало иметь представителя в правлении «Северолеса»⁹⁸. После создания «Кареллеса» в конце 1922 г. правительство Карелии, очевидно, начало сожалеть об утрате дохода и контроля в соответствии с этой договоренностью. В сентябре 1923 г. Шотман представил ходатайство в СТО с требованием, чтобы

⁹⁶ Доклад обкома Карелии, без даты (после 17 ноября 1926 г.) // Л. И. Вавулинская. Народное хозяйство Карелии, 1926 г. – июнь 1941 г. Документы и материалы. Петрозаводск. 1991. С. 15–16.

⁹⁷ Algreve K. V. Forest economy in the USSR. P. 176–177.

⁹⁸ См.: Красная Карелия. С. 38–40.

Рис. 3.1. Завершение строительства Кондопожской ГЭС (Кондострой), 1929 г.

Карелия получила сумму, эквивалентную той, которую она вложила в предприятия, переданные двумя годами ранее «Северолесу», а также долю от его экспортной прибыли. ВСНХ выступал против этой инициативы на том основании, что трест являл собой объединенный юридический субъект союзного значения и не подлежал территориальному разделению⁹⁹. Это порождало проблему, поскольку Карелия обладала юрисдикцией над всеми экономическими операциями на своей территории, так же как и правом на весь внутренний доход от лесной промышленности и долю от экспорта. Письмо Шотмана затерялось в СТО «очень кстати». Когда Карелия в марте следующего года повторно подала ходатайство, РСФСР, ЭКОСО, Наркомфин и Народный комиссариат земледелия (Наркомзем) поддержали его¹⁰⁰. Вскоре вопрос перестал быть актуальным, т. к. срок действия соглашения от 1921 г. истек. «Северолес» передал все свои полномочия в Кемском уезде «Кареллесу» согласно декрету СТО от 19 октября 1925 г.¹⁰¹

⁹⁹ Докладная записка ЭКОСО РСФСР, без даты (середина 1924 г.) // ГА РФ. Ф. А-386. Оп. 1. Д. 355. Л. 7.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. А-386. Оп. 1. Д. 355. Л. 9–11; ЭКОСО РСФСР, 25 июня 1924 г. Там же. Л. 1.

¹⁰¹ Овчинников Н. Я. Карело-Мурманское лесное хозяйство и его перспективы в связи с заселением края. М., Л., 1928. С. 56.

Таблица 3.5

**Статистика производительности разных отраслей Карельской промышленности,
1924/1925–1926/1927 гг. (тыс. червонцев)**

Сектор	1924/1925	1925/1926	1926/1927
Лесная промышленность – в т. ч. предприятия, подчиненные Карель- скому ЦСНХ	8882 3272 (36,8 %)*	12 382 9584 (77,4 %)	17 780 14 203 (79,9 %)
Металлургическая про- мышленность – в т. ч. предприятия, подчиненные Карель- скому ЦСНХ	1841 1841 (100 %)**	2110 2110 (100 %)	2314 2314 (100 %)
Добывающая промыш- ленность – в т. ч. предприятия, подчиненные Карель- скому ЦСНХ	597 191 (32 %)	1141 248 (21,7 %)	2228 566 (25,4 %)
Бумажная промышлен- ность – в т. ч. предприятия, подчиненные Карель- скому ЦСНХ	267 96 (36 %)	409 157 (38,3 %)	539 184 (34,1 %)
Пищевая промышлен- ность – в т. ч. предприятия, подчиненные Карель- скому ЦСНХ	365 76 (20,8 %)	940 174 (18,5 %)	1111 130 (11,7 %)
Итого – в т. ч. предприятия, подчиненные Карель- скому ЦСНХ	11 952 5476 (45,8 %)	16 982 12 273 (72,2 %)	24 398 17 550 (71,9 %)

Примечания:

* Производительность карельской промышленности по секторам как доля от общей производительности сектора.

** Второе по значимости предприятие в Карелии «Онежские металлургические работы» в это время полностью находилось под юрисдикцией республики.

Источник: Исследование 1928 г. промышленности Карелии в период с 1921/1922 по 1927/1928 гг. // Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925–1928 гг.) / под ред. С. И. Тюльпанова. Ленинград, 1964. С. 122.

Однако даже после этого (а речь идет о большей части доходов от лесной промышленности Карелии в обсуждаемом финансовом году) оставалось около 20 лесозаготовительных организаций, работавших в

республике вне юрисдикции «Кареллес»¹⁰². Это «Севзаплес» (в подчинении Севзапэко, Ленинград), «Желлес» (в подчинении Мурманской железной дороги) и лесной отдел Ленинградской губернии (впоследствии «Ленлес», который отвечал за лесозаготовки в Пудожском уезде). Также среди них было немало мелких организаций, часть которых управлялась из окружных центров, а также предприятий и кооперативов Карелии, а другая часть – учреждениями извне¹⁰³. Чтобы устранить конкуренцию за трудовые ресурсы между этими организациями, правительство Карелии образовало в 1926 г. координационную комиссию¹⁰⁴. Однако ей не подчинялись крупные предприятия Карелии, особенно в вопросах использования принудительного труда. Об этом пойдет речь ниже. В то же время карелы стремились получить для «Кареллес» максимальные полномочия. В результате к 1926 г. в автономной республике все еще существовало 16 лесозаготовительных организаций, к 1928 г. их количество уменьшилось до четырех («Кареллес», «Севзаплес», «Желлес» и «Ленлес»)¹⁰⁵. В ходе первой пятилетки правительство Карелии продолжило концентрировать всю лесозаготовку в своих руках (см. следующую главу), но в то же время отдало огромную часть лесистых территорий в ведение ОГПУ под развивающуюся систему исправительно-трудовых лагерей.

В табл. 3.6 показана доля всех основных лесозаготовительных предприятий Карелии в середине 1920-х гг. Нужно отметить, что эти предприятия имели неравные доли в различных типах добычи леса. «Кареллес» занимался преимущественно заготовкой высококачественной древесины (для последующей обработки на экспорт на одной из десяти лесопилок). В «Севзаплесе» рубили зрелую древесину для внутреннего рынка, в «Желлесе» – для экспорта. А зрелую древесину последний заготавливал для трех собственных лесопилок. Низкосортный лес шел на нужды железной дороги¹⁰⁶.

С середины 1920-х гг. роль «Желлеса» в лесозаготовках и, следовательно, в экономике Карелии постоянно росла. Как упоминалось в начале книги, Мурманская железная дорога была построена в 1916 г.

¹⁰² Очерки истории Карельской организации КПСС / под ред. Я. А. Багаурова. Петрозаводск, 1974. С. 205.

¹⁰³ Л. И. Вавулинская. Народное хозяйство Карелии. С. 15–16.

¹⁰⁴ Очерки истории Карельской организации КПСС. С. 205.

¹⁰⁵ Архипов Н. В. Лесное хозяйство и лесная промышленность: к 10-летию Карельской автономии // Десять лет Советской Карелии, 1920–1930 гг. Петрозаводск, 1930. С. 180.

¹⁰⁶ См. Бисеров А. Заготовки в Карелии в 1925 и 1926 году // Экономика и статистика Карелии. 1926. № 7–8. С. 37–41.

как стратегический объект, поэтому работы велись в быстром темпе и никто не задумывался о ее экономической жизнеспособности¹⁰⁷. После нескольких лет интервенции и Гражданской войны к началу 1920-х гг. железная дорога находилась в плачевном состоянии и столько задолжала, что многие видели наилучший выход в ее закрытии¹⁰⁸. Администрация железнодорожной дороги и другие структуры, имевшие отношение к развитию Северо-Западной области, особенно Севзапэконо и правительство Карелии, приводили аргументы в пользу ее сохранения. Однако работы по реконструкции стоили 70 млн руб.¹⁰⁹ Поэтому администрация Мурманской железной дороги предложила учредить самофинансирующееся объединение, которое вкладывало бы прибыль в ее восстановление и прочие работы. По мнению администрации, оптимальные прибыли можно было получить, используя лесные ресурсы, расположенные вдоль железнодорожного пути. Поэтому она попросила у советского правительства соответствующую территорию площадью в 3 млн десятин (приблизительно 33 тыс. кв. км) к северу от Петрозаводска. Карелия должна была уступить приблизительно 15 тыс. кв. км земель в центральных районах, что составляло около 10 % автономной территории. Неудивительно, что лидеры КТК активно выступили против такой «конфискации». Они утверждали: это аннулирует автономию коммуны, ослабит ее экономическую жизнеспособность и поставит под угрозу независимое региональное планирование¹¹⁰. Однако протест не увенчался успехом, декрет СТО от 25 мая 1923 г. передал администрации Мурманской железной дороги обширные лесные территории и делегировал ответственность за их использование (рис. 3.2)¹¹¹.

¹⁰⁷ Об экономическом потенциале железной дороги см.: Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурмане с описанием ее района. Петроград, 1916. Р. 131–141; Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Путевые очерки. Хельсинки, 1917. С. 153–169; Labry R. La Ligne Mourmane. Son trace, son importance economique, les richesses minerals de la region qu'elle traverse. Petrograd, 1919.

¹⁰⁸ Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917–1941 гг.). Томск, 1976. С. 52.

¹⁰⁹ С осени 1922 г., цит. по: Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги. Его возникновение, развитие и методы работы. М., Л, 1928. С. 8.

¹¹⁰ См.: Партия Исполкома Карелии, 11 января 1923 г. // НАРК. Ф. 351. Оп. 1. Д. 8-129. Л. 193.

¹¹¹ См.: Красная Карелия. С. 58–65.

Первого апреля 1924 г. Мурманская железная дорога основала Транспортно-индустриальное объединение, которое включало лесозаготовку, рыболовство, экспорт и колонизацию (о переселении речь пойдет дальше). Между 1923 и 1928–1929 гг. «Желлес», теперь принадлежащий объединению, построил три лесопилки и заготовил древесины более чем на 40 млн руб.¹¹² Большая часть этого леса пошла на нужды железной дороги, но «Желлес» также конкурировал с «Кареллесом» на экспортном рынке. Деятельность объединения никак не контролировалась администрацией Карелии и в течение десятилетия порождала серьезные конфликты.

Таблица 3.6

Доля лесозаготовительных предприятий от общего объема производства в Карелии, 1923–1924 и 1925–1926 гг. (куб. сажень)*

Предприятие	1923–1924	1925–1926
«Северолес» / «Кареллес»	81 049 (38 %)	252 112 (41 %)
«Петролес» / «Севзаплес»	27 669 (13 %)	73 710 (12 %)
«Желлес»	12 614 (6 %)**	154 284 (25 %)
Государственная пароходная компания	23 939 (11 %)	10 789 (2 %)
Лесной департамент Карелии	18 203 (9 %)	5316 (1 %)
Онежский завод	9441 (4 %)	15 756 (2 %)
Другие	40 728 (19 %)**	107 368 (17 %)
Всего	213 643	619 335

Примечания:

* 1 куб. сажень = 9,7 куб. м или 12,61 пог. м.

** До 1925 г. «Северолес» и «Севзаплес» заготавливали до 20 % древесины на территории «Желлеса». См.: Чиркин Г. Ф. Советская Канада (Карело-Мурманский край). Ленинград, 1929. С. 38.

*** Исправлено (в оригинале: 30 727).

Источник: Овчинников Н. Я. Карело-Мурманское лесное хозяйство и его перспективы в связи с заселением края. М.; Л., 1928. С. 61. Табл. 30.

Правительство Карелии не устраивало наличие экстратерриториальной власти в автономии, оно выступило против проводимой же-

¹¹² Об учреждении «Желлеса» см.: Год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчет о работах колонизационного отдела правления Мурманской железной дороги за 1923–1924 гг. Л., 1925. С. 7. О производительности «Желлеса» см.: Железнодорожный транспорт в пределах АКСР, 1920–1935 гг. К 15-летию автономии Карелии. Л., 1935. С. 18.

лезной дорогой трудовой и переселенческой политики¹¹³. Это имело приоритетное значение для политики экономического обособления, проводимой Карелией, поскольку область страдала от чрезвычайно низкой плотности населения и дефицита рабочей силы, мешавших выполнению планов по лесозаготовкам и индустриализации. Далее рассмотрим конкурентоспособные проекты и четвертый фактор, мешавший автономному развитию Карелии.

НАСЕЛЕНИЕ И ВЛАСТЬ НА ПРИГРАНИЧНОЙ ТЕРРИТОРИИ

В 1920 г. население Карелии составляло приблизительно 210 тыс. человек¹¹⁴. Только 2 % из них работали в промышленности¹¹⁵. С самого начала Гюллинг понимал, что этого недостаточно для выполнения его планов развития, поэтому он предполагал использовать скандинавских специалистов и рабочих¹¹⁶. Первоначально он надеялся, что Карелии удастся привлечь к 1923 г. около 80 тыс. человек прежде всего из Финляндии, а также из других северных стран, Канады и даже Соединенных Штатов¹¹⁷. В феврале 1921 г. I Всекарельский съезд Советов издал резолюцию, в которой говорилось о приоритетности для региона «любимых товарищей-рабочих из Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании»¹¹⁸. Хотя советский режим поощрял иммиграцию квалифицированных и политически грамотных трудящихся, все же и

¹¹³ Подробно о роли железной дороги в советском районировании см.: Argenbright R. The Soviet Agitational Vehicle: State Power on the Social Frontier // *Political Geography*. № 17 (3), 1998. P. 255–256.

¹¹⁴ Границы 1924 г., доклад статистической администрации Карелии от 20 июня 1924 г. // НАРК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 4-47. Л. 62, основан на «частичной переписи» 1920 г. О демографической статистике Карелии см.: Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 34. По оценкам, наибольшая численность население в границах КТК в 1920 г. составляла 190 тыс. чел., см.: Ревком Карелии НКВД, 13 ноября 1920 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 3. Д. 334. Л. 4. Однако, скорее всего, стоит называть цифру в 146 тыс. и около 16 тыс. чел. участвовавших в войне.

¹¹⁵ См. доклад КТК в Совнарком и СТО, начало 1922 г. // Афанасьева А. И. Карелия в период восстановления народного хозяйства. С. 176–177.

¹¹⁶ См.: Письмо Гюллинга Сироле (обсуждается в главе 2) // АВП РФ. Ф. 135. Оп. 4. Д. 6-24. Л. 20–20об.

¹¹⁷ Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. С. 128.

¹¹⁸ Шумейко Н. В. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. С. 203–204.

в этом вопросе для Карелии существовали ограничения. В июле 1922 г. ЦК довел до сведения Наркомата иностранных дел, что массовый приток финской рабочей силы может разрушить иллюзии о Красной Карелии, которые создавала советская пропаганда, и вызвать волнения среди местных кадров, уволенных за недостаточную квалификацию. ЦК утверждал, что свободная иммиграция в государства рабочих должна поддерживаться принципиально, но на практике она не поощрялась¹¹⁹.

В данном случае не было поводов для беспокойства, поскольку немногие иностранцы откликнулись на приглашение. Сначала в Карелии наблюдался отток населения. Как сообщалось, в 1920–1921 гг. многие карельские крестьяне из западных районов «уехали в Финляндию в поисках продовольствия», а в начале зимы 1922 г. туда сбежало около 12 тыс. сельских жителей, спасавшихся от жестокого подавления восстания Красной армией¹²⁰. В годы войны и последовавшего затем голода естественного прироста населения в области не наблюдалось¹²¹.

Однако план Гюллинга по национальной иммиграции был лишь одним из нескольких проектов демографического развития Карелии и Северо-Западной области в 1920-х гг. В первой половине десятилетия Мурманская железная дорога утвердила программу по колонизации обширных территорий, полученных в 1923 г., и перевозке рабочих на лесопилки. В середине десятилетия правительство Карелии на время оставило мечты о привлечении иностранных рабочих и пыталось использовать в своих интересах советскую политику в отношении границ, национальностей и переселенческую политику, чтобы увеличить иммиграцию родственных нацменьшинств из других областей Советского Союза. В конце 1920-х гг. ОГПУ приступило к формированию плана по принудительной колонизации Севера.

Демографическая стратегия Мурманской железной дороги и ОГПУ существенно отличалась от политики Карелии, исходя из различных пространственных концепций. Автономная республика

¹¹⁹ Мнение ЦК. 7 июля 1922 г. // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. Д. 106-6.

¹²⁰ См.: Письмо Гюллинга наркому по поставкам продовольствия Н. П. Брюханову, 17 ноября 1920 г. // АВП РФ. Ф. 135. Оп. 5. Д. 22-9. Л. 1. О карельских беженцах в Финляндии см.: Заметки министра иностранных дел Финляндии о карельском вопросе, 3 октября 1922 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 251-53426. Л. 170–189.

¹²¹ См.: Покровская И. П. Население Карелии. Ч. 1. С. 46–47; Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 108.

стремилась к увеличению численности населения. Основой для этого служила концепция ее особого двойного периферийного статуса в пределах границ России, ориентированного на запад, а также возможное объединение со Скандинавией. В то время российские власти не обращали никакого внимания на этнический состав переселенцев и планировали колонизацию в традиционном виде. В начале 1920-х гг. это означало прежде всего использование переселения для расширения государственной территории за счет неосвоенных земель. С середины десятилетия к этому прибавилось стремление укрепить периферию государства как защиту против внешней угрозы. Демографическая политика Карелии была направлена на революционную модификацию государственных территорий, другие ее проекты предусматривали восстановление стратегии расширения и объединения границы царской империи в пограничных районах¹²².

Мурманская железная дорога и колонизация Севера

В конце XIX в. началась миграция населения России. Между 1871 и 1916 г. более 9 млн крестьян главным образом из центрально-европейской России и Украины перемещались в пределах империи, большинство – в Сибирь, казахские степи и на Дальний Восток¹²³. В то же время официальные и научные круги, а также представители интеллигенции осознали необходимость регулирования движения «колонизационных сил империи», чтобы гарантировать «правильное перераспределение населения», которое, как думали, приведет к «большому прогрессу»¹²⁴. Однако не существовало консенсуса в вопросе, что понимать под правильным распределением и степенью участия государства в нем.

В 1896 г. была образована Северная комиссия, призванная способствовать развитию Европейского Севера России¹²⁵. Как и другие

¹²² Об отношении к карельским поселениям в контексте российской колонизационной политики см.: Osborn R. J. *Soviet Karelia: a Case History in Soviet Nationality Policy and the Pattern of Russian Expansion*: Columbia University, 1953. P. 5–15, 74–79. Об имперских границах и переселенческой политике см. работы, которые цитируются в: Baron N. *New Spatial Histories*.

¹²³ См.: Sunderland Willard. *Images of Colonisation in Late Imperial Russia* // *Jahrbücher für Geschichte Europas*. 2000. № 48. S. 213.

¹²⁴ Чаславский В. И. (1875), цит. там же. С. 219.

¹²⁵ См.: Жилинский А. А. *Крайний Север европейской России. Архангельская губерния*. Петроград, 1919. С. 246–247; Juntunen. *Power and the railway*. P. 273–274.

проекты, она лоббировала строительство железных дорог от Санкт-Петербурга до Мурманска, от Вологды до Архангельска и канала через Центральную Карелию, соединяющего Балтийское и Белое моря¹²⁶. Эти транспортные системы должны были открыть Европейский Север для заселения и ассимиляции в экономическое пространство империи. Однако правительство не одобрило эту идею: «Север – неплодородная область», «и несравнимо более рациональным и выгодным будет переселить все северное население в другие области, чем построить дорогостоящую Архангельскую железную дорогу»¹²⁷.

Открытая в том же году Транссибирская железнодорожная магистраль позволила многим крестьянам мигрировать на восток страны¹²⁸. Согласно данным историка, изучавшего становление молодого советского государства, демографический центр России пересек Волгу около Саратова приблизительно в 1912 г. и продолжил смещаться в восточном направлении параллельно увеличению грузового товарооборота и появлению новых городов, строящихся около железных дорог. Но с начала 1920-х гг. этот процесс замедлился. (В то же время, в течение нескольких десятилетий население устойчиво двигалось на запад к центральной индустриальной области.)¹²⁹

Первая мировая война, побудила российское государство срочно реанимировать проект Мурманской железной дороги, значение которой резко возросло. После прихода большевиков к власти этот новый транспортный маршрут привлекал внимание бывших имперских чиновников, занимавшихся вопросами переселения. Они пытались найти себе место при новом режиме. Проект Мурманской железной дороги – это путь на европейский север; рентабельный участок для осуществления честолюбивых программ по колонизации. В 1919 г. Г. Ф. Чиркин, начальник переселенческого управления в Министерстве земледелия и государственных имуществ при царской администрации и Временном правительстве в марте–октябре 1917 г., пред-

¹²⁶ Проект канала см.: Экономическое значение Беломорского канала / под ред. Н. А. Крылова. Петрозаводск. 1889. С. 228 и др.

¹²⁷ Декрет правительства о проекте железной дороги в: Жилинский А. А. Крайний Север европейской России. С. 245.

¹²⁸ Treadgold D. W. The Great Siberian Migration. Government and Peasant in Resettlement from Emancipation to the First World War. Princeton, 1957. P. 147.

¹²⁹ Центрографическая лаборатория им. Д. И. Менделеева к пятнадцатилетию Октября (1917–1932) / под ред. Е. Е. Святловского. Л., 1933. С. 3, 12–13; обсуждение центрографии Святловского см.: Baron N. Soviet Karelia. P. 57–58, 146–151 и т. д.

принял ряд экспедиций в Мурманскую и Архангельскую области, чтобы исследовать их потенциал¹³⁰. В 1920 г. Чиркин выступил с детальным обзором историографии колонизации севера России перед Северным комитетом (бывшая имперская комиссия), в заключение сказав, что «синтез прошлых и новых явлений» должен создать основу для новых планов по заселению и развитию севера, таким образом вернув Архангельску и прилегающим территориям ведущую роль в торговле, которую они всегда играли в государстве¹³¹.

Новая железная дорога являла собой самый простой способ колонизации севера. Однако, формулируя план нового проекта, чиновники искали прецедент не в Транссибирской магистрали, появление которой значительно облегчило переселение на восток, а в североамериканских железнодорожных компаниях, которые самостоятельно осваивали незаселенные пограничные земли¹³². В старом свете нации построили свои железные дороги; в новом свете железные дороги создали нацию¹³³. Новый советский север стремился стать «российской Канадой»¹³⁴. Вместо частного капитала Мурманская железная дорога получила государственное финансирование. Не имея возможности получить государственные субсидии в описываемый период, транспортная администрация вынуждена была использовать выделенную ей землю: лесные ресурсы должны были обеспечивать

¹³⁰ Очерки по истории колонизации Севера. Петроград, 1922. С. 5. До этого Чиркин был редактором журнала «Вопросы колонизации» (основан в 1907 г.), см.: Treadgold D. W. The Great Siberian Migration. P. 188. Я благодарен Питеру Холквисту за информацию о дореволюционной карьере Чиркина.

¹³¹ Чиркин Г. Ф. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. С. 26.

¹³² Термин «новая колонизационная железная дорога» взят из: Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат Мурманской железной дороги. Его возникновение, развитие и метод работ. М., Л., 1929. С. 3. В 1930 г. нарком путей сообщения Я. Е. Рудзутак назвал Мурманское направление «новой железной дорогой», см.: Коллегия Наркомпути, 18 марта 1930 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 11. Д. 523. Л. 17.

¹³³ Чиркин Г. Ф. Советская Канада (Карело-Мурманский край). Л., 1929. С. 1 (цит. профессором из Чикаго).

¹³⁴ Выражение «российская Канада» появилось у Жилинского в 1929 г. в кн.: Жилинский А. А. Крайний Север европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. С. 248 и использовалась до 1931 г., см. Зорич А. Советская Канада. Очерки. М., 1931. С. 23. См. также другие работы Чиркина, на которые даны ссылки.

финансирование развития железной дороги, которая привлекала бы рабочую силу со стороны для эксплуатации этих ресурсов, а лесное производство должно было генерировать для нее грузы. Поскольку этот комплекс промышленной транспортировки расширился, он бы действовал как «основной плановый катализатор регионального развития» и освоения¹³⁵. Согласно доктрине Государственного института по изучению колонизации в Карело-Мурманском крае (основан в апреле 1922 г.), который играл ведущую роль в продвижении этого проекта, железнодорожная колонизация Олонецко-Мурманского края также послужила бы стратегическим целям «соединения центра с единственным непокрытым льдом побережьем России» и защитой «пустынной, но богатой окраины от посягательств соседних государств» (очевидно, подразумевалась Финляндия)¹³⁶.

Совершенно очевидно, что в данном случае совпадали интересы советских агентств по колонизации и северо-западных региональных властей (последних, как видно из главы 2, не устраивали аномалии автономного национального анклава в их макрообласти), а также центральной и местной железнодорожной администрации, искавшей средство спасти Мурманскую линию от закрытия¹³⁷. В конце 1922 г. Севзапэконом подготовил проект положения «О колонизации Карело-Мурманского края» (у автора ошибочно – декрет «О колонизации Олонецко-Мурманского края». – *Прим. пер.*) для утверждения в СТО¹³⁸. По положению Мурманской железной дороге делегировалась ответственность за колонизацию и развитие земель, расположенных на данном маршруте и севернее Петрозаводска. Наркомзем согласился на проект при условии, что за ним остается право наблюдать за строительством железной дороги и управлять территорией и что для начала железной дороге нужно предоставить территорию на десятилетний срок¹³⁹. Транспортный отдел Госплана с энтузиазмом воспринял проект, но его северо-западное представительство настаи-

¹³⁵ Чиркин Г. Ф. Канадизация Мурманской железной дороги // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923. С. 228.

¹³⁶ Тезисы Государственного института по изучению колонизации в Карело-Мурманском крае, 27 декабря 1922 г., цит. в: Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат... С. 10, 13.

¹³⁷ См. Чиркин Г. Ф. Пути развития Мурман: после поездки на Мурман главного начальника путей сообщения И. Н. Борисова. Петроград, 1922.

¹³⁸ Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат... С. 9 и далее.

¹³⁹ Там же. С. 14–15.

вало на включении нескольких пунктов, ограничивающих действия железной дороги в отношении лесозаготовок в пользу «Северолеса» и «Севзаплеса» в определенных северных областях¹⁴⁰. Военные и военно-морские силы не скрывали своей поддержки проекта – укрепление уязвимой пограничной области сильными и надежными русскими работниками было в их стратегических интересах¹⁴¹. Только Наркомфин сомневался в способности железной дороги выполнить поставленные задачи, опасаясь, что доходы от лесозаготовок растают в транспортных расходах, но доводы Севзапэкосо убедили СТО, что эти страхи необоснованны¹⁴².

Как уже отмечалось, правительство Карелии протестовало против любых претензий на свою территорию. КТК подавала многочисленные ходатайства центру и бойкотировала встречи Севзапэкосо по этой проблеме, но в итоге не смогла убедить Президиум Госплана и СТО пойти на большие уступки, чем прописано в декрете от 25 мая 1923 г. Они утвердили изменение названия территории колонизации с «Олонецко-Мурманской» на «Карело-Мурманскую», санкционировали передачу земель в центре и на севере области (а не к северу от Петрозаводска как первоначально планировалось) и предоставление прав на вырубку леса только в неосвоенных местах (карта 7)¹⁴³.

Декрет СТО определил Мурманскую железнодорожную программу по колонизации как «индустриальную», т. е. намеревался обеспечить рабочей силой преимущественно для лесозаготовительных работ. Железнодорожное рыбное хозяйство («Желрыб») должно было обеспечить запасы продовольствия. Позже развивающееся сельское хозяйство позволит железной дороге достигнуть полной самостоятельности. Однако к неудовольствию правительства Карелии дальнейшая колонизация железной дорогой находилась в ведении Севзапэкосо¹⁴⁴.

¹⁴⁰ Там же. Обсуждения Северо-западного отдела Госплана см.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 15. Д. 164. Л. 3, 4, 7, 12, 16, 22.

¹⁴¹ См.: Сорокин В. В. К истории разработки постановления СТО об освоении Карельско-Мурманского края // История СССР. 1970. № 4. С. 114.

¹⁴² Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колонизационный комбинат... С. 17–18.

¹⁴³ О позиции Карелии и аргументах железной дороги, что это были всего лишь «ненаселенные и неосвоенные территории» см.: Там же. С. 9, 10–11, 18–19. Подробно историю споров и «пассивного сопротивления» Карелии в: Зорич А. Советская Канада. С. 27–34.

¹⁴⁴ См., напр.: Дискуссии российского ЭКОСО о стоимости колонизации мурманской железной дороги за 1924 г. // ГА РФ. Ф. А-386. Оп. 1. Д. 378. Л. 1, 2–3, 8–10.

По мнению Чиркина, настойчивое желание автономии отдать в ведение железной дороги только неразработанные области во многом подорвало жизнеспособность проекта. Из всех территорий, которые она получила, лесистыми оказались всего 59 %, причем доступными считались лишь около 50 % (остальные районы – это в основном болота и тундра Крайнего Севера)¹⁴⁵. Однако между 1923 и 1928 г. железная дорога перевезла почти 73 тыс. пассажиров, увеличив население Мурманска на 56 % (с 14,5 тыс. до 23 тыс. чел.) и население Карелии на 21 % (46 % на территории фактической колонизации железной дороги с увеличением населения Кандалакши на 175 % и в Надвойцах – на 581 %)¹⁴⁶. Помимо этого, была построена лесопилка в деревне, «названной в честь товарища Ф. Э. Дзержинского» (председатель ВЧК с 1917 по 1922 г.), на севере Онежского озера, вокруг которого управление железной дороги стремилось сформировать новый центр, заменив традиционно выполнявший эту роль Повенец, находящийся в 15 км на юго-восток¹⁴⁷. В течение нескольких лет поселок Дзержинский, окружавший станцию Медвежья Гора, стремительно вырос, его население составило более 2 тыс. чел.¹⁴⁸

Однако к 1928 г., хотя железная дорога косвенно стимулировала внутреннюю миграцию в Карело-Мурманскую область, программой колонизации воспользовались лишь 972 семьи. Из них 400 были связаны с железной дорогой (рабочие и служащие администрации) («точно не посчитанные», как говорили критики этой программы), а 389 семей уже жили в области. К тому моменту 17 % вновь прибывших оставили область. Из 183 семей, переселившихся из других областей, 13,4 % имели «неблагонадежное» происхождение (в частности, 8 % – из кулаков) и уже были выселены¹⁴⁹. Все еще ощущалась нехватка кадров для лесозаготовок. Каждый год «Желлес» принимал на работу приблизительно 4,5 тыс. жителей Карелии и привозил 12 750 сезонных рабочих из других областей¹⁵⁰. Конечно, он конкурировал с

¹⁴⁵ Зорич А. Советская Канада. С. 38.

¹⁴⁶ Там же. С. 55.

¹⁴⁷ Гаврилов В. А. География Ленинградской области и Автономной Карельской ССР. М., Л., 1928. С. 89 и др.

¹⁴⁸ Зорич А. Советская Канада. С. 53–54.

¹⁴⁹ Представитель Карелии в Совете по национальностям ЦИК, 9 июля 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 292. Л. 8–15. Подробно о распределении поселенцев и их семей по роду занятий и классовой принадлежности см.: Советов А. За классовую линию в Карело-Мурманской колонизации // Карело-Мурманский край. 1928. № 12. С. 15–17.

¹⁵⁰ Чиркин Г. Ф. Советская Карелия. С. 35, 40–42.

другими региональными организациями, особенно с «Кареллесом», за трудовые ресурсы. Несмотря на протесты Карелии, «Желлес» все чаще нанимал для лесозаготовок заключенных из тюрем ОГПУ. Такая политика способствовала, как мы увидим ниже, росту сети спецлагерей в области и расширению их экономических полномочий.

Политика переселения Карелии

Когда стало ясно, что заселить советскую Карелию квалифицированными иммигрантами из Скандинавии вряд ли удастся, Гюллинг принялся искать альтернативные пути увеличения населения. Для начала он попытался возвратить большую часть из 12 тыс. карельских крестьян, сбежавших в Финляндию после неудавшегося восстания зимой 1921–1922 гг. Уже к концу 1922 г. приблизительно 2 тыс. беженцев, главным образом пожилым людям, женщинам и детям, разрешили пересечь границу и вернуться в советскую Карелию. При этом около 1500 мужчин возвратились незаконно¹⁵¹. В том же году Гюллинг получил поддержку Наркомата иностранных дел для репатриации большинства оставшихся беженцев. Однако ГПУ в целях безопасности наложило вето на этот план¹⁵². После длительных переговоров Гюллинг убедил ВЦИК 30 апреля 1923 г. подписать «Амнистию карельским беженцам», предоставив «обманутым» крестьянам возможность до конца года возвратиться домой, чтобы «искупить свою вину»¹⁵³. Встревоженные последствиями такой амнистии, немногие беженцы сразу решились на возвращение. Новый летний продовольственный кризис вызвал дальнейшее массовое бегство карелов в Финляндию¹⁵⁴. Поэтому 24 декабря российское правительство издало второй декрет, увеличивавший крайний срок подачи заявлений беженцами до 1 мая 1924 г. Затем последовал третий декрет, продливший сроки амнистии еще на восемь месяцев¹⁵⁵.

¹⁵¹ Оценки Финляндии см.: Министр иностранных дел Финляндии. Заметки по карельскому вопросу, 3 октября 1922 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 251-53426. Л. 170–189. Оценки России см.: Доклад Председателя Ревкома Ухтинского уезда А. Валдена, 17 сентября 1922 г. // Афанасьева А. И. Карелия в период восстановления народного хозяйства. С. 55.

¹⁵² Черных Ганецкому, 6 марта 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 18–26.

¹⁵³ Красная Карелия. С. 55–56.

¹⁵⁴ Черных Коппу, 19 июля 1923 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53442. Л. 39.

¹⁵⁵ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1924. № 2. Ст. 20; Там же. № 20. Ст. 198.

Согласно этим документам в обязанности Наркоминдела входила проверка желающих вернуться, выявление лидеров восстания и националистических организаций. По настоянию ГПУ вернувшиеся проходили недельную проверку в фильтрационных лагерях, после чего им разрешалось поселиться в родных местах¹⁵⁶. К 1926 г. финский посол в Москве констатировал возвращение приблизительно 5 тыс. беженцев по амнистиям 1923–1925 гг., Гюллинг называл цифру 8 тыс.¹⁵⁷ ГПУ сохранило списки имен и личные дела всех, кто прошел через фильтрационные пункты. Об этих списках вспомнили во время массовых репрессий 1937–1938 гг., чтобы произвести аресты.

По первой советской Всесоюзной переписи 1926 г. население Карелии достигло 270 тыс. человек (табл. 3.7). Это явилось прежде всего результатом изменений границы и внутренней миграции. Мигрантов было 39 тыс., большинство из них родилось в других районах России (в основном, в смежных областях северо-западной Европейской России), 4 тыс. человек были иностранными подданными¹⁵⁸. Большая часть демографического прироста приходилась на города. Как железнодорожные поселения Кандалакша, Кемь, Надвойцы и Медвежья Гора, упомянутые ранее, так и Кондопога пережили в этот период стремительный рост населения: с 746 жителей в 1920 г. до 2600 в 1926 г. вследствие притока трудовых мигрантов¹⁵⁹. К 1926 г. количество рабочих на заводах Карелии увеличилось до 5486 человек (автономия занимала четвертое место среди российских областей по числу рабочих на 10 тыс. жителей), 44 % из которых приходились на Кемский уезд и 44 % на Петрозаводский – два региональных цен-

¹⁵⁶ Карельская амнистия прошла по примеру амнистии кронштадтских бунтовщиков. Подробнее см.: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53442. Л. 25–38.

¹⁵⁷ Посол Хакселль, 9 марта 1926 г. // АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 256-53504. Л. 11; Гюллинг Э. А. Десять лет Карельской автономии. С. 69–70.

¹⁵⁸ Покровская И. П. Население Карелии. С. 48. Прирост населения в Карелии составил более 2% в 1926 г., подсчитано по данным Справочной книжки АКССР (Петрозаводск, 1929. С. 58). Для европейской части России этот показатель составил 2,3 % в 1926–1927 гг., см.: Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 112. Пропорция мигрантов среди населения Карелии (14 %) была ниже среднего показателя (23, 6%) по Союзу, но выше среднего показателя северных европейских губерний, см.: Leasure J. W., Lewis R. A. Internal Migration in the USSR: 1897–1926 // Demography. № 4 (2). 1967. P. 480, 485.

¹⁵⁹ Покровская И. П. Население Карелии. С. 55. О рабочей силе Кондопогостроя см.: Григорьев С. В. На фронте мирного труда. С. 17.

тра лесной промышленности¹⁶⁰. Города испытывали острый дефицит жилья, многим недавно прибывшим рабочим с семьями приходилось размещаться в наскоро построенных бараках или железнодорожных вагонах¹⁶¹.

Таблица 3.7

**Территория и население Карельской АССР, по уездам, 1920 и 1926 гг.
(в границах 1926 г.)**

Уезд	Территория (кв. км)	Население		Изменение (%)	Население на кв. км	
		1920	1926		1920	1926
Кемь	40 861	32 571	47 838	147	0,8	1,2
Олонец	7246	30 632	36 530	119	4,2	5,0
Паданск	27 204	12 125	13 934	115	0,4	0,5
Петрозаводск	16 208	71 319	90 675	127	4,4	5,6
Повенец	13 726	35 559	40 533	114	2,6	3,0
Пудож	10 424	22 212	25 713	116	2,1	2,5
Ухта	30 643	16 190	14 511	90	0,5	0,5
Итого	146 312	220 608	269 734	118,2	2,1*	2,6*

Примечание: числа, обозначенные значком *, были пересчитаны.

Источник: Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 43, табл. 5.

Вопреки желанию Гюллинга, бо́льшая часть прироста населения происходила за счет неграждан республики. В середине 1920-х гг. карелы составляли 66 % населения КТК в ее первоначальных границах. После включения в КТК в сентябре 1922 г. населенного русскими Пудожского уезда пропорция этнических карелов упала до 45 %. К Всесоюзной переписи 1926 г. карелы составляли 37,4 %, их доля снизилась в основном благодаря иммиграции из России¹⁶².

¹⁶⁰ См. Коваленко О. П. О составе промышленных рабочих Карелии в начале индустриализации см.: Ученые записки Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена. № 14 (6). 1966. С. 18. Только в Московском и Ленинградском регионах количество рабочих, занятых в промышленности, было выше. 63 % карелов работало в лесной промышленности.

¹⁶¹ См. Заводовский М. Н. Вымирающие жилища г. Петрозаводска. Петрозаводск, 1925. Об условиях жизни в деревнях см.: Заводовский М. Н. К вопросу о благоустройстве Карельского села. Петрозаводск, 1925.

¹⁶² Приблизительные данные 1920 г., рассчитаны по: Письмо Гюллинга НКВД, 28 сентября 1920 г. // ГА РФ. Ф. 5677. Оп. 1. Д. 268. Л. 29; данные 1923 г. по: Письмо члена Наркомнаца Бройдо Сталину, 13 июня 1923 г. //

К тому моменту русские составляли 85 % жителей Петрозаводска и 92 % населения других городов и поселений Карелии¹⁶³. Гюллинг не ожидал такой высокой степени российского демографического доминирования, когда жертвовал этнической «чистотой» ради увеличения территории и экономических ресурсов при определении границ республики.

Поэтому в середине 1920-х гг. правительство Карелии приступило к амбициозной политике национального переселения. Хотя она и развивалась параллельно с советским законодательством, у нее был особый краснофинский акцент. Первым шагом к пересмотру государственной программы переселения на уровне Союза стали тезисы СТО от 17 сентября 1924 г. «О ближайших задачах советской власти в области колонизации и переселения» (у автора ошибочно – декрет СТО от 17 октября 1924 г. «О приоритетных задачах колонизации и переселения». – *Прим. пер.*), который в последующие два года активизировал поток центральных и местных инициатив по планированию рационального урегулирования и экономической ассимиляции периферии¹⁶⁴. В апреле 1925 г. Совнарком и ЦИК декретом учредили Всесоюзный переселенческий комитет (ВПК), подчинявшийся ЦИКу. В его обязанности входили публикация общих директив и координация политики центра. В том же году Наркомзем РСФСР учредил отдел колонизации и переселения, чтобы наблюдать за эксплуатационным планированием и выполнением политики в регионах¹⁶⁵.

Советская плановая миграция находилась под сильным влиянием стратегических разработок. На встрече Совнаркома и СТО 28 июня 1927 г. М. И. Фрумкин подчеркнул политическую важность Дальнего Востока и Сибири, а Г. И. Петровский указал на низкий моральный уровень в украинских пограничных районах. В качестве причины указывалось слишком большое количество поселений. Была принята резолюция для ВПК о «необходимости в первую очередь произвести переселение из (западной) пограничной области», что вошло в план

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 41. Д. 252а-53441. Л. 91; данные о переписи 1926 г. из: Автономная Карельская ССР: Ежегодник, 1928. Петрозаводск, 1929. Вып. 3. С. 3. В 1926 г. карелы, финны и вепсы вместе составляли 41,5 % населения.

¹⁶³ Автономная Карельская ССР: Ежегодник, 1932–1933 гг. Петрозаводск, 1934. С. 15–16.

¹⁶⁴ Платунов Н. И. Переселенческая политика... С. 66 и т. д.

¹⁶⁵ Там же. С. 68–73. В 1927 г. Наркомзем переименовал свое управление в отдел по переселению, так как «колонизация» считалась царским термином.

на 1927–1928 г.¹⁶⁶ В тот же день Совнарком принял резолюцию, назвав Карело-Мурманскую область приоритетным участком для «расселения», т. е. переселения в пределах региональных границ. Такая стратегия была разработана для достижения лучшего демографического распределения без повышения чистой эмиграции (регион считался густонаселенным) или внутренней миграции (т. к. территория больше не считалась приоритетной пограничной областью)¹⁶⁷.

В апреле 1926 г. правительство Карелии учредило собственный отдел колонизации и переселения, прикрепленный к республиканскому Наркомзему. Этот отдел также подчинялся РСФСР и Переселенческому комитету Карелии, прикрепленному к республиканскому ЦИКу. В основном декрете говорилось, что при переселении в районы с самой низкой плотностью населения первостепенное внимание стоит уделить выходцам из Карелии, а затем гражданам из «климатически, экономически и национально схожих регионов»¹⁶⁸. Это делалось для максимальной защиты национального населения автономной республики от дальнейшего растворения¹⁶⁹.

«Генеральный план развития народного хозяйства Карелии, 1926–1941 гг.» (см. выше) предусматривал переселение 9 тыс. человек для работы на лесопилках, разработки месторождений и дорожного строительства (в общей сложности 21,6 тыс. человек, включая членов семей), приблизительно 23 тыс. человек – для сельскохозяйственных работ и самообеспечения области запасами продовольствия. По оценкам Карплана, население автономии могло произвести приблизительно одну треть от необходимого объема. Кроме того, промышленные предприятия Карелии должны были трудоустроить 16,6 тыс. человек в новых индустриальных секторах (с семьями – 46 480 человек)¹⁷⁰. Эти числа кажутся незначительными в сравнении с планом ВПК переселить в течение 10 лет более 5 млн мигрантов в области «союзного значения»¹⁷¹. Однако российский Наркомзем и ВПК с подозрением относились к

¹⁶⁶ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 4а. Д. 213. Л. 37, 40, 48. Споры о перенаселенности см. в: Carr E. N. *Foundations of a Planned Economy*. Vol. 1. P. 925–926; Платунов Н. И. Переселенческая политика... С. 7–28.

¹⁶⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 29. Л. 324–331.

¹⁶⁸ Статут о переселении в АКССР, 5 апреля 1926 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 6-71. Л. 114–116.

¹⁶⁹ См.: Osborn R. J. *Soviet Karelia*. P. 78.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 159–168.

¹⁷¹ Второй пленум ВПК. 5 июня 1927 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 7–86. Л. 114. Регионами союзного значения считались Дальний Восток, Сибирь, Средняя Волга и Северный Крым.

протестам Карелии (которая, как казалось, была ограничена планом) против политики Переселенческого комитета¹⁷². После многочисленных ходатайств и апелляций Президиум ВЦИК вынес решение в пользу автономии, оставив комитет в покое, согласившись, что при планировании переселения нужно принимать во внимание местную специфику и такая работа «может быть выполнена лучше и рациональнее местными организациями, чем Москвой или Ленинградом»¹⁷³. В первые годы своего существования Переселенческому комитету Карелии удалось увеличить количество рабочих на карельских заводах почти на 40 %, до 7556 человек¹⁷⁴. Однако автономная республика все еще страдала от острого дефицита рабочей силы, особенно в лесном секторе, и каждый год ей приходилось прибегать к крупномасштабной и дорогостоящей вербовке сезонных рабочих из других областей.

18 января 1928 г. Совнарко́м СССР и ЦИК издали указ, включив Карело-Мурманскую область в список территорий для переселения союзного значения¹⁷⁵. Не ясно, чем было вызвано это решение, хотя лоббирование со стороны региональных и железнодорожных чиновников, безусловно, сыграло свою роль. В то время как Мурманское индустриальное железнодорожное объединение осознало, что региональное переселение являлось основным источником его существования, красные финские лидеры Карелии подчеркивали значимость интернациональных и политических составляющих проекта переселения, хотя, несомненно, они были также заинтересованы в снижении имеющей высокую стоимость сезонной вербовки. Как всегда, Гюллинг и его товарищи хотели больше, чем было возможно. Для достижения такой же плотности населения, как в Финляндии или Норвегии, в область, согласно их докладу в центр, необходимо привезти 800 тыс. поселенцев. В то же время, требовалось продлить железную дорогу к границе по направлению восток–запад. Это также отвечало их стремлению к усилению пограничного контроля и долгосрочным приграничным перспективам¹⁷⁶.

¹⁷² Наркомзем РСФСР Президиуму ВЦИК // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 355. Л. 11; Письмо председателя ВПК Латсиса в Президиум ВЦИК, 12 сентября 1927 г. // Там же. Л. 10.

¹⁷³ Меморандум, 3 октября 1927 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 121. Д. 355. Л. 29–32; Президиум ВЦИК, 28 ноября 1927 г. // Там же. Л. 22.

¹⁷⁴ Согласно «Генеральному плану» Карелии, 30 марта 1927 г. // ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 213. Л. 89.

¹⁷⁵ См.: Carr E. H. Foundations of a Planned Economy. Vol. 1. P. 928–929.

¹⁷⁶ Доклад о переселении в рамках пятилетнего плана в Карело-Мурманском крае, 1928/1929 – 1932/1933 гг. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 8–104. Л. 20.

На практике решение от 18 января означало, что Карелия получит частичное финансирование на переселение из центрального бюджета. Однако размер этого финансирования отразил стратегические приоритеты центра. В первом пятилетнем плане ВПК 1929 г. по переселению Карело-Мурманской области выделили 1,8 % всего финансирования (например, Дальний Восток получил 45,5 %) на переселение 25 тыс. мигрантов и подготовку для последующего переселения еще 30 тыс. человек (что соответствовало 1,3 % всех переселенцев Советского Союза)¹⁷⁷. Кроме того, декрет от 18 января ограничил право Карелии на независимое принятие решения о переселении, создав новую территориальную единицу Карело-Мурманскую область, протянувшуюся вдоль линии железной дороги, которая объединяла автономную республику с Мурманским округом Ленинградской области, находившихся под властью Севзапэконосо¹⁷⁸. В том же году в следующих декретах Переселенческий комитет Карелии обязали подчиниться директивам ВПК и уменьшили его роль до координационного органа, обеспечивающего взаимодействие между Карпланом (относительно местного индустриального развития и потребностей в рабочей силе), отделом колонизации Мурманской железной дороги (который непосредственно подчинялся Севзапэконосо) и ВПК. Сельскохозяйственное переселение находилось исключительно в ведении Переселенческого отдела Наркомзема Карелии, который, в свою очередь, подчинялся Наркомзему СНК РСФСР¹⁷⁹.

В связи с тем, что Карелия старалась выполнить первый пятилетний план по лесозаготовкам, ее потребности в рабочей силе увеличивались. На 1 марта 1929 г. четверть из 40 тыс. занятых в лесной промышленности составляли сезонные рабочие из других регионов¹⁸⁰. Трудовой дефицит ощущался сильнее из-за нехватки в эти годы продовольствия и ужасных условий жизни приехавших. Оче-

¹⁷⁷ Проект плана ВПК, 20 февраля 1929 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 11. Д. 827. Л. 1; Карело-Мурманские данные. Там же. Л. 11, 98.

¹⁷⁸ Хотя представитель по колонизации Мурманской железной дороги Ю. П. Иорданский настаивал, чтобы в «колонизационный регион всесоюзного значения» была включена только Северная Карелия. См.: Иорданский Ю. П. К вопросу о перспективном пятилетнем плане колонизационных работ // Карело-Мурманский край. 1928. № 4–5. С. 2.

¹⁷⁹ Декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР, 3 августа 1928 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 8–104. Л. 40; издан Декрет Президиума ВЦИК, 13 августа 1928 г. // ГА РФ 1235. Оп. 121. Д. 355. Л. 3–5.

¹⁸⁰ Доклад члена обкома Ленинграда З. Я. Новикова // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 311. Л. 6–16.

видно, что их моральный уровень и дисциплина были очень низкими. В 1928 г. зарегистрировали 19 забастовок на республиканских лесозаготовках, в которых участвовало 2670 сезонных чернорабочих. Две трети из них оставили работу и вернулись на родину¹⁸¹.

В 1920-х гг. политика переселения правительства Карелии не смогла уменьшить дефицит рабочей силы в республике, находившейся на критической отметке, или достичь баланса в ее национальном составе. Однако поддержка Союза в политике переселения побудила автономию прибегнуть к новым, более эффективным мерам в последующие годы, что можно назвать новой стадией в ее демографическом развитии и национальном составе, о чем пойдет речь в следующих главах. Однако в Карелии уже появлялась свежая сила, которая в следующие десятилетия решила демографические проблемы республики и разрушила остатки территориальной автономии.

ИСТОКИ И РАСШИРЕНИЕ ГУЛАГА В КАРЕЛИИ

Отстраненный от работы Гюллинг не передумал использовать принудительные меры, чтобы мобилизовать рабочую силу. Во время Гражданской войны крестьянство Карелии подлежало трудовой воинской повинности – эта политика во многом способствовала недовольству режимом и местными властями. Известны случаи, когда некоторые особо ретивые чиновники-энтузиасты отправляли на дорожное строительство детей и беременных женщин¹⁸². В первый год автономии правительство Карелии также прибегало к использованию труда заключенных, что разрешалось трудовым кодексом Союза¹⁸³.

По всей видимости, это привело к конфликту с властями Олонецкой губернии. Гюллинг пытался убедить региональную администрацию передать под его юрисдикцию концентрационный лагерь (так у автора. – *Прим. пер.*), расположенный в окрестностях Петрозаводска. В июне 1921 г. он подал ходатайство в НКВД РСФСР, приводя доводы в пользу передачи лесопилки «Неглинка» лагерю, а от лагеря – непосредственно ЭКОСО Карелии. Лагерная «рабочая сила могла использоваться не только на лесопилке, но и в других производствах,

¹⁸¹ Глава ГПУ Карелии Нельке Второму пленуму обкома Карелии. 22 марта 1929 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 312. Л. 55–59.

¹⁸² Афанасьева А. А. Карелия в период восстановления народного хозяйства. С. 18. О рабочей повинности во время военного коммунизма см.: Carr E. H. The Bolshevik Revolution. Vol. 2. P. 207–221.

¹⁸³ Jakobson M. Origins of the Gulag. The Soviet Prison Camp System, 1917–1934. Kentucky, 1993. Ch. 1.

развитие которых отсрочено из-за нехватки рабочих рук до такой степени, что невозможно выполнить даже самые срочные задачи, например экспортные». Гюллинг утверждал, что только с помощью концентрационного лагеря Карелия сможет «смело и уверенно выполнить свою экономическую программу». В завершение он, как всегда, сказал, что необходимо пересмотреть специальные экономические и административные права Карелии, т. к. «принцип автономии противоречит альтернативной власти на территории Карелии»¹⁸⁴.

Результат этого спора неизвестен. В любом случае, Карелия вскоре установила автономию, не считаясь с претензиями Олонецкой области на ее территорию и учреждения. Спустя несколько недель после предоставления Карелии статуса автономной республики до администрации дошли слухи о том, что ОГПУ намеревается построить лагерь для военнопленных на острове Революции (ранее – Попова) в Кемском заливе. Это было больше, чем обычное нарушение границ, т. к. Карелия недавно получила контроль над лесопилкой на острове, и ей нужно было место, чтобы поселить рабочих, исключив присутствие чекистов или заключенных¹⁸⁵.

Фактически угроза автономии возросла. В 1919 г. предшественница ОГПУ, ВЧК, учредила ряд принудительных трудовых лагерей в Архангельской области (а именно, в Пертоминске, Холмогорах и рядом с региональной столицей), которые должны были существовать на собственные деньги без поддержки из центра¹⁸⁶. В 1921 г. эти лагеря стали называться Северными лагерями особого назначения (СЛОН). Чтобы облегчить организацию «эффективной производительной работы среди особо опасных социальных элементов», СЛОН были освобождены от налогов¹⁸⁷. В начале 1923 г. ОГПУ предложило умножить количество северных лагерей, построив новый на Соловецком архипелаге. Первоначально он был рассчитан на 8 тыс. заключенных до Карелии оттуда добирались через Кемь. Вместе с Петроминским лагерем

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 10. Д. 6. Л. 101.

¹⁸⁵ Лесопилка перешла по декрету СТО от 30 мая 1923 г., см.: Письмо Гюллинга и Юшиева в Президиум ВЦИК, 14 августа 1923 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 1. Л. 11.

¹⁸⁶ О развитии структуры лагерей ВЧК–ОГПУ–НКВД см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 гг.: Справочник / под ред. М. Б. Смирнова. М., 1998. С. 103–106. О развитии тюремного законодательства см.: Jakobson M. Origins of the Gulag.

¹⁸⁷ Там же. С. 39. См. также примечания ко второму проекту декрета «Об организации Северных принудительных трудовых лагерей» ОГПУ. 18 августа 1923 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 1. Л. 24.

и транзитным пунктом в Архангельске (в это время там содержалось 1200 заключенных) образовывался новый Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения, сокращенно СЛОН). Согласно декрету ОГПУ, представленному Совнаркому РСФСР 18 августа 1923 г., в новом лагере должны были содержаться «политические и уголовные заключенные, приговоренные дополнительными судебными органами ГПУ, бывшей ВЧК, Особым совещанием при Коллегии ГПУ» и обычными судами, если ГПУ быстро давало разрешение¹⁸⁸. Российский Наркомюст и НКВД к тому моменту уже приняли более ранний проект, хотя НКВД требовал четкого разграничения мер наказания и финансирования между учреждениями, подведомственными Главному управлению местами заключения (ГУМЗ) и ОГПУ¹⁸⁹. Естественно, российский Наркомфин сделал оговорки касательно плана на основании того, что он требовал существенной передачи «собственности и производительной ценности» ОГПУ, а также значительного увеличения центрального бюджетного финансирования¹⁹⁰.

В этот момент власти Карелии выступили против нового лагеря ОГПУ на острове Революции в Кемском заливе. Они утверждали, что непозволительно «заполнить преступными элементами территорию Карелии, граничащую с Финляндией, т. к. это несомненно нанесет политический вред и парализует всю работу экономических органов по восстановлению экономической жизни области»¹⁹¹. В ходатайстве НКВД, отправленном 1 августа 1923 г., нарком внутренних дел Карелии Архипов жаловался, что из-за плохой охраны на острове преступники регулярно сбегают в леса, держат в страхе и грабят мирное население¹⁹². В ответ начальник управления Северных лагерей (УСЛАГ) А. П. Ногтев подчеркнул, что Карелия только управляла лесопилкой на острове, в то время как непосредственно территория и ее лесные ресурсы теперь принадлежали не республиканским властям, а Народному комиссариату путей сообщения (Наркомпуть),

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 1. Л. 2.

¹⁸⁹ А. Г. Белобородов (ГУМЗ) Уншлихту (ГПУ), 14 июня 1923 г. Там же. Л. 3–6.

¹⁹⁰ Центр финансировал лишь небольшое количество исправительных учреждений, вмещавших менее 15 тыс. заключенных, осужденных гражданскими органами и 17,3 тыс. человек, осужденных ГПУ. См.: Письмо бюджетного управления Наркомфина в ГПУ, 17 июня 1923 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 1. Л. 9.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 1. Л. 11.

¹⁹² Административный отдел КТК в НКВД. 1 августа 1922 г. (скорее всего, 1923 г.). Там же. Л. 21.

который руководил Мурманской железной дорогой, проходящей через Кемь. Транспортная власть действовала в рамках своих полномочий, согласившись передать несколько пустых бараков УСЛАГу не для создания еще одного лагеря, а как транзитный пункт между Кемской железнодорожной станцией и новым лагерем на Соловецких островах (которые фактически располагались в морских границах Северного края, переименованного в Архангельскую область, не входившую в юрисдикцию Карелии)¹⁹³. Игнорируя протесты Карелии, 2 октября 1923 г. Совнарком СССР издал указ, закреплявший за Соловецким лагерем два транзитных пункта в Архангельске и Кемии, в которые должны были доставляться товары, строительные материалы и «живой и мертвый» инвентарь из Соловецкого монастыря, Пертоминского лагеря (впоследствии закрытого) и Архангельского лагеря. От ОГПУ потребовали немедленно организовать работу для заключенных в сельском хозяйстве, рыболовстве, лесной промышленности и на других предприятиях. Лагерю делегировалась самостоятельность, он освобождался от государственных и местных налогов¹⁹⁴. Уже в июле первые заключенные были переправлены из Архангельска на Соловецкий остров¹⁹⁵.

Власти Карелии, безрезультатно выступив против Соловецкого лагеря перед начальником ОГПУ Дзержинским, СТО, ВЦИК и НКВД, были недовольны таким решением. 21 декабря 1923 г. Президиум обкома Карелии получил сообщение, что заключенные в «концентрационном лагере» на острове Революции пользовались «чрезвычайной свободой», некоторые даже ездили в Москву, и решил доложить в ЦК о «неправильной ситуации» в «принудительном трудовом лагере» в Кемии¹⁹⁶. Несколько месяцев спустя первый секретарь обкома Карелии Ярвисало написал в Москву, что регион вновь опротестует данную ситуацию¹⁹⁷. Когда закрылась навигация между материком и Соловецкими островами, более тысячи заключенных переправили на остров Революции, в то же время Карелия не могла найти место для собственных рабочих с лесопилок. Кроме того, из-за отсутствия надлежащей охраны заключенные могли свободно попасть из транзитного пункта на материк. Из Кемии некоторые убегали

¹⁹³ Ногтев исполнительному комитету Архангельской области, 19 июля 1923 г. Там же. Л. 15.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 1. Л. 1.

¹⁹⁵ Letters from Russian Prisons // ed. A. Berkman. New York, 1925. P. 165.

¹⁹⁶ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 216. Л. 182об.

¹⁹⁷ Письмо в ЦК, 11 марта 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 218. Л. 84–86.

на запад, где вступали в контакт с финскими агентами, как следовало из отчетов о Соловецком лагере в финских газетах. Другие заключенные сами сдавались милиции Кемпи, поскольку городская тюрьма была значительно удобнее бараков ОГПУ.

Центр не принимал во внимание протесты Карелии. Транзитный пункт СЛОНа по-прежнему находился на острове Революции, а сам Соловецкий лагерь продолжал неуклонно расширять свою экономическую деятельность в целях достижения самостоятельности (табл. 3.8). Каждый год ОГПУ увеличивало количество заключенных СЛОНа, пытаясь повысить доходы от принудительного труда и таким образом сократить постоянную зависимость от финансирования центральным правительством. Однако общие расходы за каждый год непропорционально быстрого расширения СЛОНа и усложняющаяся экономика превысили уровень дохода, что заставило лагерь обратиться за новыми субсидиями и новыми поставками рабочей силы в Москву¹⁹⁸. В 1924–1925 финансовом году управление СЛОНа (УСЛОН) получило субсидию в 500 тыс. руб. от правительства, что покрыло содержание 3,5 тыс. заключенных (из расчета 143 руб. на человека)¹⁹⁹. В 1927–1928 финансовом году УСЛОН нанял 13 323 заключенных и получил 1589 тыс. руб. из государственного бюджета (из расчета 120 руб. на человека).

В мае 1928 г. УСЛОН планировал увеличить число заключенных за следующий финансовый год до 17 тыс. человек и, соответственно, повысить дефицит до 2,1 млн руб. Однако Наркомфин возражал, и член коллегии ОГПУ Г. Г. Ягода согласился, что УСЛОН может обойтись субсидией в 1,6 млн руб., снизив расход на заключенного до 94 руб. (в отличие от 240 руб. в гражданских тюрьмах) и увеличив доходы за счет роста договорных работ на Карельском материке (на тот момент лагерь уже достиг максимума производительности на островах)²⁰⁰. На объединенной сессии СТО и Совнарком согласились на эту сумму, предложив 1 млн руб. из запасного фонда Совнаркома за вычетом остатка из будущей прибыли ОГПУ²⁰¹. Территориальная

¹⁹⁸ Я говорю подробно о процессе в: Baron N. Conflict and Complicity: the Expansion of the Karelian Gulag, 1923–1933 // *Cahiers du Monde russe*. 2001. № 42 (2–4). Р. 622–624.

¹⁹⁹ Г. Г. Ягода, Г. И. Бокий и Л. И. Берензон в административно-финансовую комиссию Совнаркома СССР. 25 марта 1925 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 5а. Д. 720. Л. 2.

²⁰⁰ Г. Г. Ягода. Совнаркому СССР. 7 мая 1928 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 9а. Д. 444. Л. 2.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 9а. Д. 444. Л. 1.

экспансия первого лагеря ГУЛАГа, стремительный рост количества заключенных, вполне закономерное ухудшение условий их существования объяснялись скорее финансовыми, нежели политическими проблемами и решениями гражданских экономистов, а не чекистов. Хотя именно последние инициировали увеличение роли экономической власти. Для доказательства жестокости Соловецкого управления и высокой цены загубленных человеческих душ стоит лишь открыть многочисленные издания, посвященные истории лагеря²⁰².

Таблица 3.8

Население СЛОНа, 1923–1929/1930 гг.

Год	Население
1923*	3049
1924*	5044
1925*	7727
1926*	10 682
1927*	14 810
1928/1929	21 900
1929/1930	65 000

Примечания: * четвертый квартал.

Источник: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / под ред. М. Б. Смирнова. Москва, 1998. С. 162–164, 394–437.

Попытавшись помешать ОГПУ открыть Соловецкий лагерь для военнопленных в 1923 г., но не добившись цели, лидеры Карелии в середине 1920-х гг. всеми силами препятствовали распространению рабочей силы из СЛОНа на территории Карелии. Однако «Желлес» охотно согласился на использование контрактников из СЛОНа, чтобы наладить собственное производство и выполнить экспортный план²⁰³. В попытке воспрепятствовать этому ЦК Карелии в начале 1925 г. принял решение о запрете найма соловецких заключенных в республике. Когда ОГПУ опротестовало эту позицию перед союзным ЦК в Москве, Гюллинг поторопился выступить перед президиумом (сам являясь его членом), защищая право автономной республики регулировать использование рабочей силы на своей территории независимо от юрисдикции, под которой она находится. Президиум союзного ЦК, разрывавшийся между лояльностью к своему представителю и желанием поддержать гражданскую власть, с одной стороны,

²⁰² См.: Baron N. Conflict and Complicity. P 616. Part 4.

²⁰³ Секретный протокол Президиума ЦИК Карелии, 17 июля 1927 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 6–27. Л. 65.

и ОГПУ, с другой, решил в апреле 1925 г. прибегнуть к компромиссу: аккуратно «дал понять ОГПУ, что в будущем вопросы об использовании рабочей силы из концентрационных лагерей на территории Карелии следует сначала согласовывать с ЦИК Карельской АССР»²⁰⁴.

Ни Карелия, ни ОГПУ не были удовлетворены этой неоднозначной директивой, которая едва ли могла остановить конфликт между двумя властями. Когда «Северолес» в августе 1925 г. нанял заключенных СЛОНа для лесозаготовок на территории Карелии без разрешения республиканского правительства, карельский обком учредил комитет под председательством Гюллинга, включавший двух представителей Карелии и делегатов от Народного комиссариата путей сообщения, «Северолеса» и УСЛОНа для урегулирования этого вопроса²⁰⁵. Когда стало ясно, что им не удастся достигнуть соглашения, Гюллинг сделал краткий выговор администрации «Северолеса» и отправился в штаб УСЛОНа на Соловецкие острова, чтобы уладить дело.

Однако выбор был сделан из прагматических соображений. 31 августа Президиум обкома признал, что на Севере Карелии недостаточно рабочих, чтобы выполнить план по лесозаготовкам на 1925–1926 гг., и что УСЛОНу нужно предоставить временные доли на лесозаготовки в этих районах. Взамен на разрешение использовать труд заключенных «Северолес» должен был снабдить местное гражданское население продовольствием и альтернативной работой по лесозаготовкам (другими словами, не рядом с заключенными)²⁰⁶. Карелы также согласились использовать труд УСЛОНа при строительстве шоссе Кемь–Ухта. В то же время региональные власти отправили в центр первое из многочисленных ходатайств с просьбой передать Соловецкие острова под юрисдикцию Карелии, а также просьбу перенести транзитный пункт ОГПУ с острова Революции – ни одна из этих просьб не была выполнена. Тем временем «Желлес» продолжал игнорировать запрет на использование рабочей силы с Соловецких островов²⁰⁷.

²⁰⁴ Президиум ЦИК СССР, 24 апреля 1925 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 16а. Д. 178. Л. 17.

²⁰⁵ Президиум обкома Карелии, 11 августа 1925 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 585. Л. 105.

²⁰⁶ Президиум обкома Карелии, 31 августа 1925 г. Там же. Л. 114.

²⁰⁷ Представитель Мурманской железной дороги признался Президиуму ЦИК Карелии в июле 1927 г., что его управление располагает контрактами на принудительную рабочую силу УСЛОНа до октября. Он обещал не продлять их. Гюллинг напомнил ему, что использование

Соловецкий лагерь постоянно расширялся (табл. 3.8), стремясь оставаться независимым учреждением, поддерживаемый все возрастающим спросом на его рабочую силу. Помимо этого, он увеличил территорию деятельности, которая уже выходила за пределы Кеми до Мурманска на севере, на юг и восток автономии. Естественно, республиканские власти настороженно относились к развитию и последствиям его деятельности, но в то же время они рассчитывали на его рабочую силу. На встрече бюро обкома Карелии в июне 1928 г. председатель ГПУ Карелии, который докладывал Московскому центру ОГПУ о положении вещей независимо от руководителей Соловецкого лагеря, отметил, что за 1927 и первую половину 1928 г. 176 заключенных СЛОНа сбежали на материк, часто группами, скрывались в сельской местности и терроризировали население. Другой местный чиновник выразил беспокойство увеличившимся количеством убийств и насилия поблизости от мест работы заключенных. Ярвисало ответил, что он уже высказал свой протест центру по поводу увеличения присутствия СЛОНа в регионе. В ответ он услышал, что Соловецкие острова были слишком маленькими, чтобы вместить все население лагеря (это, конечно, не соответствовало действительности: на архипелаге оставалось достаточно места, но не хватало ресурсов для абсолютной самостоятельности).

Однако бюро обкома дало рекомендацию «Кареллесу» «по возможности не использовать заключенных в качестве рабочей силы для лесозаготовок». Мурманской железной дороге рекомендовалось также не применять контингент ОГПУ, если она может справиться без него. Единственный проект, где нельзя было обойтись без заключенных – строительство шоссе Кемь–Ухта. По всему его периметру следовало увеличить количество охранников и улучшить качество их работы²⁰⁸. Как видно из табл. 3.8, власти Карелии пытались бороться со стихией, которая их вскоре сокрушила.

рабочей силы УСЛОНа было запрещено двумя годами ранее. См. НАРК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 6-27. Л. 65.

²⁰⁸ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 236. Л. 67.

ГЛАВА 4

«ВОПРОС ВЫЖИВАНИЯ»: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ, 1928–1932 гг.

С принятием первого пятилетнего плана начались фундаментальные преобразования советского пространства. Советская власть еще поддерживала идею пролетарского интернационализма, который «не знает территориальных границ», и мечтала о будущем, когда «все границы между странами исчезнут»¹. В действительности, уже с середины десятилетия политика строительства «социализма в одной стране» ассоциировалась с политикой обеспечения безопасности государственной границы, а также с обостряющейся полемикой с соседними государствами по поводу агрессии и вторжения, что привело к стремительному «закрытию» советского пространства². (Необходимо отметить, что это не помешало экономическому сотрудничеству с капиталистическими государствами, пока оно приносило пользу советскому индустриальному развитию, но такие отношения все больше зависели от стратегических интересов и вопросов безопасности.) В экономической политике последствия подобного закрытия означали подчинение всей деятельности единому центральному плану.

Изложенные в первом пятилетнем плане пространственные принципы должны были ускорить индустриальное развитие «национальных периферий и отсталых областей», открыть богатыми ресурсами, но до настоящего времени неассимилированные в народное хозяйство отдаленные территории и перенести обрабатывающие отрасли промышленности ближе к месторождениям полезных ископаемых³. По задумке

¹ Вольфсон М. Патриотизм // Малая советская энциклопедия, 1930. Т. 6. С. 356.

² Культурные аспекты процесса см. в: Паперный В. Культура «Два» (Ann Arbor. MI, 1985); The Landscape of Stalinism; Widdis E. Visions of a New Land.

³ См.: Лившиц Р. С. Очерки по размещению промышленности СССР. С. 125.

Сталина, план должен был отвечать стратегическим целям, перемещая промышленные предприятия на восток, дальше от уязвимых границ, к центру советского пространства⁴. Однако этим принципам явно не хватало теоретического основания. Массивный третий том первого пятилетнего плана, изданный в 1929 г., не предлагал ничего определенного ни по районированию, ни по конкретному размещению предприятий.

Хотя план по-прежнему свидетельствовал о существующей взаимозависимости «национального фактора» и «принципа экономического районирования», в действительности не было понятно, как национальная автономия могла быть связана с районированием, основанным на концепции объединенного экономического пространства. План предполагал также территориальное деление на двенадцать экономических областей, шесть союзных республик и десять автономных республик, его «теоретические» части все еще основывались в той или иной степени на первоначальной схеме Госплана о двадцати одной экономической макрообласти. Также не был достигнут консенсус по вопросу связи территориального планирования с одновременным продолжением районирования⁵.

Положение плана об объединенном экономическом пространстве предполагало общее разделение труда, базирующееся на региональной специализации, которая подразумевала районирование, основанное на производительной однородности, а не на сложном развитии, уравнивающем производство и потребление. Этот подход был отклонен ранее на том основании, что он требовал более сложной межрегиональной транспортной системы, чем существующая, и мог превратить периферийные области в «колонии», производящие сырье для обработки и потребления в столичных центрах (по советской теории именно так было перед революцией)⁶. Первый пятилетний план предусматривал активное транспортное строительство, которое должно было связать экономическое пространство воедино. Чтобы снять подозрения в территориальной денационализации, в плане было предусмотрено «даже распределение

⁴ Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*. London, 1996. P. 485–490.

⁵ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. Москва, 1929. С. 11.

⁶ При царском режиме «центр перекладывал на пограничные территории специализацию в полезных ископаемых <...> полезные ископаемые, пространство, бедность; это были колонии, которые отличались от других колоний в мире лишь тем, что они были связаны с центром». Mikhailov N. N. *Soviet Geography. The New Industrial and Economic Distributions of the USSR*. London, 1935. P. 44–45.

промышленности», т. е. перенос обрабатывающей промышленности ближе к источникам сырья (что в реальности, в лучшем случае, преобразовало бы национальные области в «полупериферии»)⁷. В плане предпринималась попытка дать определение региона как экономического комплекса, «в котором существуют и органично взаимодействуют отдельные сферы экономики (промышленность, сельское хозяйство, транспорт) и отрасли промышленности».⁸ Однако не было ясно, относилось ли это ко всем областям, или же зависело от стадии их развития. В целом, план был не в состоянии разрядить напряженные отношения между продвижением политики территориальной экономической целостности, с одной стороны, и специализацией и межрегиональным «сотрудничеством» в контексте общего пространственного разделения труда, с другой⁹.

ЭВОЛЮЦИЯ КАРЕЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ

Первый пятилетний план Карелии выявил пространственную двусмысленность общей политики. Национальный статус сделал Карелию потенциальным регионом для инвестиций, но стратегическая ситуация на границе препятствовала ее индустриальному развитию. Красное финское правительство продолжало защищать автономию Карелии, и все же реконструкция Мурманской железной дороги в течение 1920-х гг. способствовала сближению территории с Северо-Западной областью и ее большей ассимиляции в советское экономическое пространство. Власти предусмотрели для Карелии комплексное автаркическое развитие, но наличие обширных лесных ресурсов в области означало, что ее главной ролью в общем разделении труда будет производство лесоматериалов на экспорт.

В годы первой пятилетки центральные власти инвестировали в Карельскую АССР благодаря ее приграничному расположению. Ко-

⁷ Объяснение термина «полупериферия» см.: Wallerstein I. The Modern World System: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World Economy in the Sixteenth Century. London, 1974.

⁸ Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. Т. 3. С. 49.

⁹ Там же. С. 10. Позднее советские теоретики попытались сделать конфликт между специализацией и комплексным развитием диалектичным (см. напр.: Белоусов И. И. Основы учения об экономическом районировании (размещение и районирование производительных сил). Москва, 1976. С. 104, но в 1920-х гг. еще не было такой интерпретации, когда планировщики пытались совместить теорию и практику.

нец 1920-х гг. отмечен всплеском экстремистской политики в Финляндии. Правые активисты лапуасского движения предприняли ряд насильственных действий, чтобы противостоять коммунистической угрозе, исходившей от становившихся все более и более враждебными профсоюзов страны и Коминтерна¹⁰. В течение 1930 и 1931 гг. лапуасские ультранационалисты похитили 254 человека за их левые политические взгляды (включая бывшего финского президента К. Ю. Стольберга, который еще в 1923 г. предложил восстановить отношения с Советским Союзом). Заложников перевезли к восточной границе и бросили на советской территории, что носило символический характер и должно было запугать местное население¹¹. В то же время Академическое карельское общество в Финляндии усилило пропаганду и агитацию за «возвращение» государству Восточной Карелии. Советский Союз воспринял события 1930 г. как удавшийся фашистский переворот¹². Финские правые активисты побудили Молотова в ежегодном отчетном докладе 1930 г. о контроле за индустриальными инвестициями посвятить несколько минут критике агрессивной антисоветской позиции маленького западного соседа. Это послужило поводом для обмена дипломатическими нотами между двумя странами¹³. Событие дало Гюллингу возможность выступить

¹⁰ О финской политике правых см.: О. Юссилла. Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998. С. 159–162; Paasivirta J. Finland and Europe. The Early Years of Independence, 1917–1939. Helsinki, 1938. P. 378–383; Mazour A. G. Finland Between East and West. Westport, 1956. P. 84–93. О политике левых см.: Hodgson J. H. Communism in Finland. A History and Interpretation. Princeton, 1967. P. 122–133. О деятельности КПФ см., напр.: Национальный Архив США, записи департамента внешней политики с Россией и Советским Союзом, 1910–1929 гг., 861.20260д/2–14; New York Times. 1928 г., 21 апр., 1928 г. 30 апр., 1930 г. 13 сент., 1930 г. 18 нояб.

¹¹ О. Юссилла. Политическая история Финляндии. С. 161, 166.

¹² См. Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства, 1920–1941. Петрозаводск, 1999. С. 115. Даже в конце 1931 г., когда финское правительство уже предприняло попытки борьбы с внутренней политической нестабильностью, советский дипломат Иван Майский охарактеризовал в письме Стомякову от 14 декабря 1931 г. страну как фашистскую // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Д. 79–101. Л. 31.

¹³ Ноту протеста Советского Союза против депортаций от 16 июля 1930 г. см.: Таймс. 1930 г. 18 июля. С. 13; ответ Финляндии 16 сентября см.: АВП РФ. Ф. 05. Оп. 10. Д. 69–128. Л. 22–25; Нью-Йорк таймс. 1930 г. 12 сент. 10:2, реакцию Советского Союза см.: Политбюро от 20 сентября // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 38.

с речью в Совете Национальностей ЦИК, требуя большего внимания к карельской границе¹⁴.

Уже в начале 1930 г. новый советский посол в Хельсинки Иван Майский отметил, что советский экспорт леса, хлеба и нефти в Финляндию является «сильным рычагом, чтобы поместить Финляндию в полную экономическую зависимость от Советского Союза в ближайшем будущем и заставить ее более дружественно относиться к нашей международной политике»¹⁵. Отмена Народным комиссариатом торговли концессии «Реполалес» в январе 1931 г. не была случайным явлением. Помимо мер по экономическому ослаблению Финляндии Советский Союз усилил безопасность и охрану северо-западной границы¹⁶. После 1930 г. руководство советской Красной армии снова расценивало Финляндию как потенциально враждебное государство в случае войны¹⁷. В сентябре того же года Сталин предложил Молотову увеличить производство водки, чтобы покрыть расходы на армейские реформы и военное строительство, и гарантировать «победоносную защиту СССР» в случае нападения Польско-Балтийского блока, в который, по его мнению, могла войти Финляндия¹⁸. Советские оборонные планы также предусматривали возможное вмешательство: «непосредственное наступление красных войск в направлении Эстонии и Финляндии, чтобы предотвратить возможное наступление с Балтики и Кольского полуострова в направлении Ленинграда»¹⁹.

Советский Союз был готов как к защите от вторжения, так и к началу собственного наступления. В 1930 г. военные предпри-

¹⁴ Гюллинг назвал похищение бывшего президента Финляндии «пограничной провокацией», также он говорил о «полуофициальной экспансионной политики» Финляндии в стенограмме Первой сессии совета национальностей ЦИК третьего созыва, 6 января 1931 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 5. Д. 169. Л. 101–119.

¹⁵ Письмо Майского Б.С. Стомонякову, 2 января 1930 г.// АВП. Ф. 05. Оп. 10. Д. 69–128. Л. 1–11.

¹⁶ Об окончании съезда см. Курсков Ю. В. Репольская лесная концессия (1924–1931 гг.): Скандинавский сб. Таллинн, 1962. С. 32.

¹⁷ Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. С. 115–116.

¹⁸ Письмо от 1 сентября 1930 г. в: Stalin's Letters to Molotov / ed. L. T. Lih, O. V. Naumov, O. V. Khlevniuk. New Haven, London, 1995. P. 208–209.

¹⁹ The Problem of the Defence of the Soviet Union from the Military-Strategic Point of View // Soldier of the Revolution. 1931. № 2. Перевод (с польского) в Национальном Архиве США (НА США), записи военного департамента, отдел военной разведки, 2037–2013 (прилож.), цит. по: Л. 11, 13.

няли ряд мер, в частности, строительство аэродромов и укреплений к северу от Ленинграда на Карельском перешейке (область к юго-западу от Ладожского озера в Ленинградской области)²⁰. Для освобождения земель под эти проекты, а пограничной области – от ее потенциально враждебного финского населения – советский режим впервые прибегнул к национальной депортации (выполненной параллельно с раскулачиванием). По постановлению бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 4 марта 1935 г. «О выселении финского населения из приграничной полосы» (автор указывает 4 марта 1930 г., хотя переселения в Ленинградской обл. начались в 1933 г. – *Прим. пер.*) приблизительно 18 тыс. ингрийских крестьян были высланы из своих деревень к северу от Ленинграда и депортированы на Хибинские шахты Мурманской области, а также в Центральную Азию²¹. Это вызвало протест в финской прессе, новый всплеск антисоветской агитации (большая часть была нацелена на отстаивание прав Карелии в соответствии с Дерптским договором 1920 г.) и дальнейший обмен дипломатическими нотами²². В то время не проводилось никаких массовых операций против этнического населения Карелии, хотя несколько сотен кулаков переселили из приграничных районов в Пудож, о чем пойдет речь ниже.

В то же время население Карелии переживало новое, неприятное и опасное, по мнению советского руководства, демографическое явление. В течение 1931 и 1932 гг. многие финские рабочие начали добровольно пересекать границу, чтобы избежать безработицы и нищеты дома. Считается, что 10–15 тыс. человек незаконно приехали на территорию советской Карелии. Многие были арестованы на гра-

²⁰ Одним из последствий этих мер стало увеличение количества советских военных самолетов, летавших над территорией Финляндии в 1930-х гг., см. НА США, записи департамента внешней политики и отношений с Россией и Советским Союзом, 1910–1929 гг., 861.20260д/27, 35, 41. Другую оценку этих полетов см.: Keel J. A. *Mystery Aeroplanes of the 1930s* // *Flying Saucer Review*. 1970. № 16. Ch. 3. P. 10–13. Ch. 4. P. 9–14.

²¹ См.: Суни Л. В. Ингерманландские финны: исторический очерк // *Финны в России: история, культура, судьбы: Сб. научных статей* / под ред. Е. С. Кюру. Петрозаводск, 1998. С. 20; Гильди Л. А. Расстрелы, ссылки, мучения. СПб., 1996. С. 24 и далее.

²² Реакцию Финляндии см.: Невалайнен П. Ингерманландцы в Финляндии в XX веке. Там же. С. 30; Paasivirta J. *Finland and Europe*. P. 387–388. 17, 20 и 24 мая 1931 г. Политбюро провело встречу, чтобы обсудить ответ Советского Союза // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 55–57, 63–64, 91.

нице, доставлены в «карантин» ОГПУ и затем отправлены на работу за Урал, а с 1932 г. – в лесозаготовительные лагеря Карелии, находившиеся не в приграничной зоне²³. Несмотря на очевидную пропагандистскую ценность и экономический эффект от такого притока рабочей силы в Советский Союз, советское руководство не пыталось обнародовать факт иммиграции. Действительно, член коллегии Наркомата иностранных дел Б. С. Стомоняков писал в 1933 г.: «Знание того, что многие из перебежников были заключены в концентрационные лагеря, охладит энтузиазм финнов пересекать нашу границу»²⁴. С одной стороны, Москва боялась притока потенциально нелояльных иностранцев в приграничную республику, т. к. они получали средства для расселения у политически надежных элементов, таких как бывшие солдаты (см. ниже). Также было известно, что многие разочарованные иммигранты сбежали из Советской Карелии через границу и рассказывали в Финляндии о голоде и враждебности, с которыми им пришлось столкнуться в Карельской республике. Москва желала избежать подобной сомнительной славы в беспокойное из-за военных приготовлений и заключенного пакта о ненападении с западным соседом время.

В течение двух лет предложенная И. Майским стратегия кнута и пряника начала приносить желаемые результаты²⁵. В конце 1931 г. он сообщил, что финская элита «начинала ощущать самые болезненные последствия от недавних антисоветских вспышек»²⁶. В результате успехов советской дипломатии и средств экономического давления

²³ О действиях ОГПУ против перебежчиков см.: Политбюро, 30 августа 1931 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 846. Л. 2. Опубликовано с комментариями в: Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-е гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. С. 528–529. См. также: Kostiainen A. Die ungebetenen Gäste. Wie die Sowjetunion die während der grossen Wirtschaftskrise illegal aus Finland gekommenen Arbeitskräfte nutzte // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1989. № 37. S. 175–195; и Kostiainen A. Loikkaarit. Suuren Lamakauden Laiton Siirtolaisuus Neuvostoliitoon. Helsinki, 1998.

²⁴ Письмо Н. Г. Позднякову, 27 апреля 1933 г. // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 8. Д. 66–48. Л. 18, цит. по: Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР... С. 528.

²⁵ Письмо Майского Стомонякову, 2 января 1930 г. // АПВ РФ. Ф. 05. Оп. 10. Д. 69–128. Л. 1–11.

²⁶ Письмо Майского Стомонякову, 14 декабря 1931 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. Д. 79–101. Л. 41.

Финляндия в январе 1932 г. подписала пакт о ненападении и договор о дружбе²⁷. Однако год спустя внезапный приход к власти в Германии Гитлера поставил под угрозу недавно заключенные соглашения Советского Союза с западными соседями и дал новый импульс для их пересмотра. Уже в апреле 1933 г. исполняющий обязанности советского посла в Хельсинки доложил в Москву, что «гитлеровская Германия <...> вероятно уже начала тайную работу по привлечению Финляндии на свою сторону»²⁸. Карельские цензоры следили, чтобы никакие провокационные ссылки на Финляндию как враждебное государство не появились в региональной прессе²⁹. Эти намерения Финляндии становились все более очевидными в конце десятилетия и явились причиной ухудшения отношений между Москвой и Карелией, как мы увидим в следующих главах.

Снова серьезно занялись границей Карелии. В 1930 г. топографический отдел Красной армии провел детальное исследование Карело-Мурманского края (названного объединенной областью в целях защиты границы)³⁰. По его подсчету протяженность всей границы области составляла 2800 км (включая морские границы), из которых одна шестая была внутренней региональной границей. Внешняя граница региона простиралась на 1350 км (включая Мурманскую область), что равнялось протяженности советской границы с Польшей и Румынией. Ее самое уязвимое место находилось к северу от Ладожского озера, поскольку финны еще перед революцией проложили через Западную Карелию железнодорожные линии, подходившие вплотную к границе. Продвигаясь на восток от этого места, финские войска могли прервать железнодорожное сообщение между Лодейным Полем и Петрозаводском, и таким образом лишить всю

²⁷ Тексты договоров, подписанных 21 января, см.: Mazour A. G. *Finland Between East and West*. P. 227–229 и ГА РФ. Ф. А-3316. Оп. 25. Д. 165. Л. 10–13. О Советской международной системе безопасности см.: Haslam J. *Soviet Foreign Policy, 1930–1933. The Impact of the Depression*. London, 1983. P. 97–108. 22 апреля 1932 г. Советский Союз и Финляндия заключили дополнительную конвенцию о примирении, см.: ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 165. Л. 1–6 и Mazour A. G. *Finland Between East and West*. P. 230–233.

²⁸ Н. Г. Поздняков Стомонякову, 28 апреля 1933 г. // АВПР. Ф. 05. Оп. 13. Д. 94–63. Л. 10.

²⁹ См.: Plumper J. *Abolishing Ambiguity: Soviet Censorship Practices in the 1930s* // *The Russian Review*. 2001. № 60. P. 530.

³⁰ Мурманский округ АКССР. Военно-географический справочник. Москва, 1931. Под грифом секретно, только для внутреннего пользования военных.

Рис. 4.1. Пограничный патруль. Тулмозеро, 1935 г.

Карелию и Мурманскую область «самого быстрого и простого способа общения с союзным центром»³¹. В исследовании говорилось о необходимости развивать инфраструктуру, чтобы советские войска могли быстро добраться до границы, и усиливать культурную и экономическую основу области для гарантированной поддержки со стороны местного населения.

Помимо чистки области от нежелательных поселений, как местных, так и иммигрантских, советский центр в конце десятилетия осуществил ряд новых мер, призванных развить экономику приграничных районов. В соответствии с более ранними заявлениями И. Сталина о размещении промышленных предприятий, многие декреты в конце 1920-х гг. запрещали крупномасштабное строительство предприятий тяжелой промышленности в западной пограничной об-

³¹ Мурманский округ АКСР. С. 84–86.

ласти (включавшей Карелию), но способствовали развитию местной промышленности, гарантировавшей поставки продовольствия и товаров народного потребления³². В апреле 1930 г. Политбюро, по видимому, полностью изменило эту политику, когда проинструктировало Госплан «обращать большее внимание [когда он составлял ежегодные планы] на потребности пограничных областей, запретив искусственное сдерживание гражданского строительства, особенно индустриального, в областях с так называемой стратегической природой»³³. Но приоритетным оставалось развитие легкой промышленности и сельского хозяйства. В 1929–1930 гг. центральные власти должны были дополнительно выделить 20 млн руб. на развитие сельскохозяйственной отрасли в приграничных районах³⁴. Впервые Госплан СССР подготовил отдельный план для западной пограничной области и впервые определил ее как особенную и объединенную³⁵.

В конце 1930 г. СТО издал еще один декрет о приграничном развитии, определивший десять самых западных районов Карелии, которые находились на территории этой пограничной области (они назывались приграничными районами категории А; остальные карельские районы отнесли к категории Б, см. рис. 4.2), и, таким образом, они могли рассчитывать на дополнительную помощь³⁶.

³² О тяжелой промышленности см.: Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. С. 114. О местной промышленности Карелии см.: Секретариат Обкома Карелии, 26 и 27 июня 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1986. Л. 11.

³³ Политбюро, 25 апреля 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 141–142.

³⁴ Украина должна была выделить 3 млн руб., Белоруссия и Россия по 1,5 млн каждая. Россия должна была перевести 500 тыс. руб. Ленинградской области. Эти средства предполагалось пустить на закупку продовольствия и организацию сельских коллективизированных поселений бывшими солдатами Красной Армии // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8. Л. 141–142.

³⁵ Ранее союзные республики разработали планы развития своих пограничных территорий и отправили запрос в центр на специальное «пограничное» финансирование. Затем они зачастую пускали эти деньги на другие нужды, см.: Доклад Госплана СССР о западной границе в Совнарком СССР // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1293. Л. 9.

³⁶ Килин Ю. М. Карелия в политике советского государства. С. 114. Килин ошибочно заявляет, что в то время в пограничной области Карелии было девять районов; это верно только начиная с 1933 г. (см. список пограничных «микрорегионов» Совнаркома РСФСР, 24 марта 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1293. Л. 105; и список Совнаркома РСФСР, 20 февраля 1932 г. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1294. Л. 111). Пограничные районы Карелии занимали около 60 % ее территории, см.: Экономические

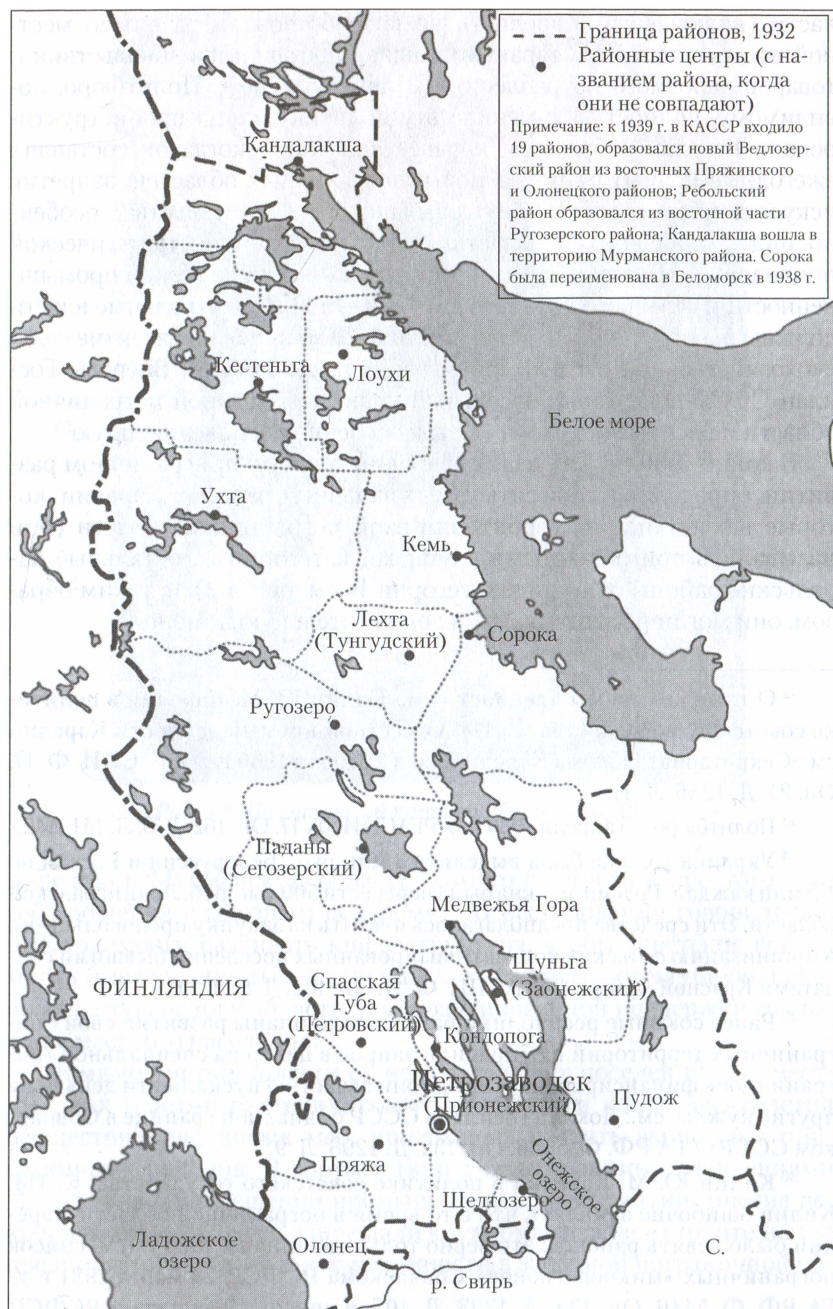

Рис. 4.2. Автономная Советская Социалистическая Республика Карелия, 1932–1939 гг.

В начале 1931 г. Госплан СССР выделил Карелии специальный транш в 325 тыс. руб. (для сравнения, Ленинградская область получила 4,6 млн руб.), чтобы покрыть годовой дефицит бюджетных расходов на приграничное развитие³⁷. За 1931 г. Карелия получила 19 млн руб. из бюджета на приграничное развитие. По плану она должна была потратить приблизительно 32 % на образование, 26 % на сельское хозяйство (включая обустройство), 12 % на здравоохранение, 11 % на местную промышленность и остаток на другие отрасли экономики. На осуществление этого плана бюджет СССР выделил только 1,4 млн руб. (на местную промышленность и средства коммуникации), более 8 млн руб. были выделены из республиканского бюджета Карелии, а еще 8 млн из ее «собственных источников»³⁸.

В 1932 г. российские власти увеличили инвестиции в приграничные области с 168 млн руб. в год до 244 млн, из которых Карелия получила 16 млн (меньше половины этой суммы было выделено из бюджета РСФСР). В этом году Карелия должна была направить 66 % этих денег в ВСНХ и местную промышленность, 20 % – в сельское хозяйство и только незначительные суммы в другие отрасли (прекращение финансирования образования, возможно, объяснялось все возрастающей обеспокоенностью центра национальной политикой, проводимой автономной республикой)³⁹. Примечательно, что в 1931 г. из всех приграничных районов лишь Ленинградская область получила из центра большую сумму (97 млн руб.), чем Карелия (19 млн руб.); в 1932 г. лишь Ленинградская область получила 156 млн, Восточная Сибирь – 21 млн руб., а Карелия – 16 млн⁴⁰. Летом 1932 г. Совнарком СССР издал указ об увеличении поставок в приграничную зону⁴¹. Помимо гражданских

данные Совнаркома РСФСР за 1931 г., Западная граница, 20 февраля 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1293. Л. 37.

³⁷ Резолюция Совнаркома РСФСР «О базовых экономических и социально-культурных мерах развития западной пограничной территории», 24 марта 1931 г. Там же. Л. 105 и др. Всего на российские пограничные территории было выделено 168 млн руб.

³⁸ Таблица финансовых расходов Совнаркома РСФСР на западную пограничную территорию РСФСР, 24 марта 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1293. Л. 106–107.

³⁹ Резолюция Совнаркома РСФСР от 30 февраля 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1294. Л. 94, 106–110.

⁴⁰ Данные за 1931 г. см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1293. Л. 106–107 (см. ссылку 37); данные за 1932 г. см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1294. Л. 94, 106–110.

⁴¹ Резолюция Совнаркома РСФСР, 14 мая 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1295. Л. 2–3.

расходов Карелии получила компенсацию за военные расходы, в особенности на пограничников ОГПУ (хотя это финансирование не входило в республиканский бюджет) и национальную финно-карельскую армию, Карельский егерский батальон⁴².

Власти Карелии последовательно возвращались к ситуации на границе, защищая автономию республики и отстаивая свои интересы в центре. На том основании, что в регионе существовала «постоянная и прямая возможность вооруженного столкновения на финской границе», в конце 1930 г. обком Карелии попросил ЦК и Ленинградский военный округ разрешить расширение Карельского егерского батальона до бригады⁴³. Красный финн Куста Ровио, занимавший пост первого секретаря обкома Карелии (после преждевременной смерти Ярвисало в 1929 г.), заявил, что присутствие на материке большого количества заключенных с Соловков очень усложнило защиту области (речь о значительном увеличении населения лагеря в 1930 г. пойдет позже). Примечательно, что Ровио послал копию своей петиции в Ленинградский обком: в июне 1928 г. коммунистическая партия Карелии подчинялась этому новому региональному органу, который играл роль партийного комитета Ленинградской губернии и Севзапбюро ЦК после районирования предыдущего года⁴⁴. Первый секретарь Ленинградского обкома С. М. Киров имел большое влияние в центре. Петиция Карелии была удовлетворена⁴⁵.

⁴² В 1931 г. Наркомфин Карелии, Карплан и ГПУ подали протест в центр против выделения всего 250 тыс. руб. на содержание пограничных войск, см. секретную резолюцию Совнаркома Карелии, 31 октября 1931 г. // НАРК. Ф. 685. Оп. 1. Д. 3–32. Л. 1. Они добились увеличения этой суммы до 280 тыс. и до 540 тыс. руб. для Карельского егерского батальона (30 тыс. предназначались на политическое обучение), 500 тыс. руб. в «пограничный фонд» на общие пособия и местные промышленные траты (см. выше), 130 тыс. на обучение гражданской обороне. Общие военные траты составили 1450 тыс. руб., также бюджет Карелии получил 200 тыс. руб. на покрытие расходов на Красную армию. См. записи о военном бюджете, 1 марта 1932 г. // НАРК. Ф. 685. Оп. 1. Д. 3–32. Л. 40.

⁴³ Резолюция (особая папка) датирована 20 ноября 1930 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 1. Л. 1.

⁴⁴ См.: Очерки истории Карельской организации КПСС / под ред. Я. А. Балагурова. Петрозаводск. 1974. С. 199.

⁴⁵ См.: Декрет Обкома Карелии об официальных названиях образований отдельного Карельского егерского батальона, 28 февраля 1932 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 3. Л. 1.

В то же время национальная политика карельского руководства все чаще вызывала резкую критику в центре. Начиная с учреждения КТК в 1920 г. Гюллинг встречал сопротивление своему профинскому видению регионального развития как со стороны этнических карелов, так и русских. Особенно это касалось вопросов использования официальной политики коренизации, призванной помочь как можно большему количеству финнов занять высокие должности, а также ввести «финско-карельский» язык в местных органах власти и образовательных учреждениях⁴⁶. В 1928 г. в докладе ГПУ Карелии об антифинских настроениях в республике был процитирован протест этнического русского, служащего в лесной промышленности в районе Сегозера: «Здесь нет евреев, держащих всю власть, но есть финны, вонзающие нам нож в спину». Многие русские и карелы опасались, что на практике политика «финнофикации» Гюллинга в действительности окажется ни чем иным, как «подвохом, призванным помочь Финляндии захватить Карелию» (как мы видели, красные финны действительно предусматривали возможное территориальное объединение Карелии с Финляндией, хотя только в пределах социалистической национальной родины)⁴⁷. В 1928 г. местная карело-российская оппозиция Гюллингу и Ярвисало даже попыталась сместить их с главных постов, но была побеждена красными финнами. КПФ получила поддержку в центре и в руководстве Ленинграда⁴⁸.

Несколько лет спустя доверие центра к красным финнам, как и отношение Москвы к ее западным соседям, включая Финляндию, пошатнулось. За это время усилилась финская враждебность, противоречия на периферии обострились, чему больше всего способствовали закрытие границы и угроза безопасности страны. В начале 1931 г. для обсуждения вопроса введения в советской Карелии письменного карельского языка вместо финского был собран Совет Национальностей ЦИК⁴⁹. Ровио пытался выиграть дебаты, опубликовав в местном журнале длинную

⁴⁶ Литературу по этой теме см. в прим. 50 к гл. 2 наст. изд.

⁴⁷ Доклад Р. К. Нельке, исполнявшего обязанности главы ГПУ Карелии, 2 мая 1928 г. // КГАНИ. Ф. 689. Оп. 1. Д. 28–325. Л. 45–46.

⁴⁸ ГПУ Карелии было на стороне красных финнов. См.: Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan Taistelu Itsehallinnosta: Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939. Helsinki, 2000. P. 222–229.

⁴⁹ Вопрос был поставлен на повестку дня по настоянию представителей тверских карелов, многие из которых проживали в Московской области, говорили на карельском диалекте, который был значительно более русифицирован, чем диалект Восточной Карелии; они не понимали финский язык.

статью о преимуществах использования финского языка. Он не только привел лингвистические аргументы, но и говорил о политическом значении использования языка, на котором говорят рабочие из соседней Финляндии. Тех, кто призывал к использованию карельского языка, он называл «кулаками, агентами белофиннов и прочими деклассированными элементами»⁵⁰. Два месяца спустя глава компартии Карелии открыл заседание Совета Национальностей словами «Москва думает, что лучше [чем мы] знает позицию и мнение нашего населения относительно финского языка»⁵¹. Однако с ним не согласились. В. П. Затонский, известный украинский коммунист, отметил, что он уже слышал все эти аргументы – надо только заменить «карельский» на «украинский», а «финский» на «русский» языки. Ему это напоминало «русификацию» Украины в начале 1920-х гг. Он считал, что это «люксембургизм с большой дозой великодержавного шовинизма, в этом случае – финского», и если Сталин в 1922 г. решил наоборот, то это только из-за «дезинформированности». Вероятно, лидер просто не знал карельского языка⁵². Другие призывали красных финских лидеров «вспомнить [Мир-Саида] Султан-Галиева», который стремился объединять все тюркские языки на основе Иранской Республики (так у автора! На самом деле речь шла о создании Татаро-Башкирской республики. – *Прим. пер.*)⁵³. Другой влиятельный украинский коммунист Н. А. Скрипник также проводил параллели со своей родной республикой, в особенности с языковым вопросом в Молдавской АССР. Как он утверждал, Коминтерн разрешил использование молдавского языка, т. к. румынский мог «объективно помочь румынской буржуазии». Следовательно, применение финского языка в Карелии также «придаст силы финской буржуазии»⁵⁴.

Председатель встречи узбек А. Т. Таджикиев попросил Ровио быть аккуратнее с терминологией. Недавняя статья лидера компартии Карелии начиналась заявлением, что использование финского языка в Карелии будет способствовать «восприятию всех благ финского куль-

⁵⁰ Ровио К. Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2. С. 16–21.

⁵¹ Стенограмма, 25 апреля 1931 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 103. Л. 1. Кангаспуру подробно анализирует встречу и ее значение в: Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan Taistelu Itsehallinnosta. P. 249–259.

⁵² ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 103. Л. 11об.

⁵³ Там же. Л. 16. О Султан-Галиеве см.: Smith J. The bolsheviks and the National Question, 1917–1923. London, 2001. P. 125–135, 213–238; Bennigsen A. A., W. S. Enders. Muslim National Communism in the Soviet Union: a Revolutionary Strategy for the Colonial World. Chicago. 1979.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 103. Л. 24–26.

турного развития», тогда как, по мнению Таджиева, лучше писать так: «финской пролетарской литературы». На это Ровио возразил, что «мы и сами это понимаем». Таджиев не был удивлен и проницательно предсказал:

«Если сегодня вы используете такие слова, как “реакционный”, или считаете реакционным так называемое изобретение специального карельского языка и т. д., то в будущем непосредственно вы и пострадаете, и вскоре для исправления этой ошибки вам потребуется официально отречься, и, возможно, несколько раз. Поэтому вы должны избегать подобных острот – это будет мудрым и более правильным решением»⁵⁵.

Было решено не поддерживать позицию Ровио, но карельское руководство, полагаясь на Кирова и свое влияние в центре, добилось отмены решения на основании того, что «в настоящее время» невозможен переход от финского языка к карельскому⁵⁶.

*Рис. 4.3. Густав (Куста) Ровио (справа),
первый секретарь карельского обкома. Петрозаводск, 1930 г.*

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 103. Л. 40–41.

⁵⁶ Президиум ВЦИК 10 февраля 1933 г. принял более раннюю резолюцию Президиума Совета национальностей ЦИК в пользу лидеров Карелии. См. в: ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 45а. Д. 70. Л. 4, 8.

Таким образом, роль границы Карелии, ее национальный статус и международное значение все еще оставляли возможность для дискуссии, и руководство республики стремилось использовать все для получения экономической выгоды. В годы первой пятилетки оно стремилось консолидировать контроль над региональной экономикой, заявляя о политическом значении национальной автономии. Те немногие незначительные победы, которые удалось одержать за предыдущее десятилетие, к этому моменту уже не имели значения, в то время как продолжалось их лоббирование для сохранения контроля над экономикой Карелии. Москва ввела централизованную систему управления, поставив на первое место собственные инвестиционные приоритеты, практически отменив тем самым автономию республики.

ЗАКАТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ КАРЕЛИИ

Цель первой пятилетки в Карелии – значительное увеличение объема лесозаготовок. Наряду с другими северными европейскими территориями она должна была поставлять сырье как для экспорта, так и для внутреннего строительства⁵⁷. Летом 1929 г. карельский ЦИК поставил задачу удвоения количества заготовленного леса за предстоящий сезон⁵⁸. Республике удалось выполнить этот план, хотя пришлось нанять около 50 тыс. сезонных работников и 25 тыс. крестьян из других регионов⁵⁹. План работ на зимний период 1929–1930 гг. требовал увеличения привлеченных трудовых ресурсов из других регионов, о чем пойдет речь ниже. К 1932 г. лесная отрасль составляла половину всей промышленности республики, хотя производительность по сравнению с показателями двухлетней давности упала из-за дефицита рабочей силы⁶⁰.

⁵⁷ О лесозаготовках Карелии в этот период см.: Autio S.. Suunnitelmattomus Neuvosto-Karjalassa, 1928–1941: paikkallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002; Autio S. Soviet Karelian Forests in the Planned Economy of the Soviet Union, 1928–1937 // Rise and fall of Soviet Karelia / ed. A. Laine, M. Ylikangas. Helsinki, 2002. P. 70–90. См. также: Köstner H. Die sozialistischer Industrialisierung des europäischen Nordens der UdSSR (1925–1937) // Jahrbuch für Geschichte (DDR). 1987. № 34. S. 329–333.

⁵⁸ Очерки истории Карелии / под ред. В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1964. Т. 2. С. 223.

⁵⁹ Там же. С. 224. Результаты в докладе правительства Карелии президиуму ВЦИК и Совету национальностей ЦИК в пятнадцатую годовщину образования Карельской АССР, 3 августа 1920 – 3 августа 1925 гг. Петрозаводск, 1935. С. 7 // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 456. Д. 14. Л. 139.

⁶⁰ Очерки истории Карелии. Т. 2. С. 224.

Нельзя сказать, что в Карелии развивалась только одна отрасль. Первая пятилетка привлекла значительные инвестиции в промышленность. В некоторой степени это повлияло на ускорение собственных планов развития республики, намеченных в середине 1920-х гг. В период с 1925/1926 по 1927/1928 г. доля промышленности в региональной экономике увеличилась с 47 до 68 %. Благодаря увеличению инвестиций в промышленность во время первой пятилетки эта доля составляла 80 % (эта цифра включала не только обработку древесины, но также и лесозаготовку)⁶¹. В заводском секторе развитие промышленности в Карелии не было ограничено только деревообработкой. Если в начале первой пятилетки здесь было восемь отраслей промышленности, то к ее концу их стало 13. В 1927–1928 гг. доля лесозаготовок составляла 80 % от всего объема промышленного производства, а к 1932 г. она снизилась приблизительно до 60 % (см. табл. 4.2).

Хотя план первой пятилетки и предусматривал развитие промышленности в Карелии, но в основном речь шла о легкой промышленности (производство лыж, строительных материалов и т. д.). Наряду с прямыми инвестициями в другие секторы (в особенности в машиностроение и разработку месторождений полезных ископаемых) по меньшей мере 40 % инвестиций шло в лесную отрасль⁶². В Госплане СССР в 1931 г. «основным направлением для инвестиций в промышленность Карелии» было заявлено «завершение реорганизации и реконструкции лесной отрасли»⁶³. В 1932 г. пропорциональный вес этого сектора в объеме промышленного производства всего СССР снова начал увеличиваться. В течение года продукция Народного комиссариата тяжелой промышленности составляла около 30 % всего промышленного производства в Карелии, в то же время на Народный комиссариат лесной промышленности приходилось около 60 %. В 1933 г. доля тяжелой промышленности упала до 25 %, в то время как

⁶¹ Данные из: Даринский А. Итоги социалистического строительства в Карельской АССР и перспективы ее развития // Плановое хозяйство. 1933. № 5–6. С. 159; Ефимова А. Е. Трудящиеся Карелии в борьбе за выполнение первого пятилетнего плана // Советские архивы. 1979. № 5. С. 34.

⁶² См. доклад Совнаркома Карелии в Госплан СССР об объемах производства, 1929–1933 гг. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 69–610. Л. 15–20. Финансирование лесной промышленности между 1929 и 1932 гг. составило 108 511 тыс. руб., тяжелой промышленности – 34 647 тыс. руб., общее финансирование составило 315 176 тыс. руб. Последнее число включает в себя дополнительные расходы Наркомпути в 1932 г. (около 24 млн руб.), когда он перенес линию Мурманской железной дороги из области Беломорканала (см. далее).

⁶³ Народно-хозяйственный план СССР на 1931 г. Москва, 1931. С. 187.

доля лесной отрасли увеличилась до 65 %⁶⁴. В последующие годы Карелия пыталась помешать такой специализации (подробнее об этом в следующей главе). К началу второй пятилетки республика почти полностью потеряла контроль над своей экономикой. Обратимся к организационным и финансовым вопросам.

Таблица 4.1

Лесозаготовка в Карелии, 1925/1926–1932 гг. (тыс. погонных метров)

Год	Лесозаготовка	Год	Лесозаготовка
1925–1926	2730	1929–1930	9470
1927–1928	3834	1932	6743
1928–1929	5264		

Источник: Вавулинская Л. И. Народное хозяйство Карелии, 1926 – июнь 1941 г. Док. и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 44, 49.

Таблица 4.2

**Структура и развитие промышленности Карелии в первую пятилетку
(отрасли по классификации, кроме лесной)**

Отрасль	1927–1928 (%)	1932 (%)	Увеличение производительности 1927/1928–1932 (%)
Лесоматериалы	72	40	180
Нерудная промышленность	9	14	800
Машиностроение	8	12	160
Бумажная промышленность	–	8	–
Другие отрасли (пищевая, легкая, строительные материалы)	11	26	–
Всего	100	100	260

Источник: Даринский А. Итоги социалистического строительства в Карельской АССР и перспективы ее развития // Плановое хозяйство. 1933. № 5–6. С. 164.

Консолидация контроля

В 1920-х гг., как уже говорилось ранее, руководство Карелии пыталось объединить множество экономических организаций, действовавших на территории республики, а также вернуть территорию, отданную Мурманской железной дороге. В результате этих попыток

⁶⁴ Автономная Карельская ССР. Ежегодник, 1932–1933 гг. С. 24–27.

к концу 1928 г. осталось только два добывающих предприятия, не принадлежащих «Карелграниту» – главному добывающему предприятию в республике⁶⁵. К концу 1929 г. карельскому руководству удалось добиться сокращения числа организаций, занимающихся лесозаготовкой, до трех: «Кареллес», «Севзаплес» (Ленинградский лесозаготовительный трест) и «Желлес»⁶⁶. Несмотря на постоянные попытки, Карелия не могла добиться решения по поводу деятельности Ленинградского лесозаготовительного треста. На встрече в Президиуме Совета Национальностей ЦИК, прошедшей 12 июля 1930 г., обсуждались вопросы карельской автономии (подробности см. далее), Гюллинг и Ровио потребовали передачи предприятий «Севзаплеса» республике. Другой представитель заявил, что деятельность предприятия не должна подвергаться вмешательству, т. к. оно является единственным в этом регионе, ориентированным на Ленинград, на что представитель Украины Скрипник саркастически заявил: «Вся Карелия и так ориентирована на Ленинград»⁶⁷. Несмотря на то что многие в Москве и Ленинграде без сомнения разделяли данную точку зрения, «Севзаплес» впоследствии сохранил контроль над некоторыми лесозаготовками в республике. В то же время он закрепил за собой на последующее десятилетие большую часть Пудожского района⁶⁸.

В отличие от пудожских лесов, расположенных к востоку от Онежского озера, территория, отданная Мурманской железной дороге под вырубку леса и освоение, проходила через самое сердце Карелии, где были сосредоточены наиболее ценные лесные районы (рис. 3.2). Гюллинг и его коллеги намеревались восстановить контроль над этой областью и ее экономическим богатством. Несмотря на то что в соответствии с декретом СТО 1923 г. признание территории истекало лишь в 1933 г., руководство Карелии не желало ждать. Начиная с 1928 г. оно забрасывало центр петициями, в которых говорилось о некомпетентности руководства Мурманской железной дороги, пыталось цифрами доказать политическую неблагонадежность и несостоятельность

⁶⁵ Доклад инспектора ЦСНХ Карелии по промышленному строительству в рамках пятилетнего плана, конец 1928-го – начало 1929-го гг. // НАРК. Ф. 794. Оп. 1. Д. 182. Л. 16–17 // Вавулинская Л. И. Народное хозяйство Карелии, 1926 – июнь 1941 г. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 100.

⁶⁶ Архипов Н. В. Лесное хозяйство и лесная промышленность к 10-летию Карельской автономии // 10 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 180.

⁶⁷ Стенограмма, 12 июля 1930 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 216.

⁶⁸ Письмо Ровио в отдел лесной промышленности ЦК, 19 апреля 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 130–173. Л. 21–22.

программы по освоению территории⁶⁹. Впоследствии эти нападки отразились на результатах заседания Ленинградского обкома 1929 г.:

«Руководство Мурманской железной дорогой не только не справилось с основными задачами – освоением территории и облегчением условий труда, но и допустило нарушение закона и сознательного саботажа (отклонение от классовой политики), что привело к растрате средств, заселению границы враждебными элементами и подрыву авторитета Советской власти среди работников и жителей Карелии»⁷⁰.

Основным аргументом властей Карелии была экономическая иррациональность сосуществования в республике двух конкурирующих, часто конфликтующих предприятий по лесозаготовке. В апреле 1929 г. руководство Карелии, ЭКОСО РСФСР и Рабкрин представили ряд отчетов в Совнарком СССР, на основании чего последний дал указание ЭКОСО опубликовать резолюцию, в которой будут объединены все лесные территории Карелии⁷¹. Однако данный проект так и не был реализован⁷².

Неприятности начались в 1930 г., когда стало известно, что несмотря на предыдущее решение, СТО на всесоюзном уровне расширило территорию лесозаготовок, осваиваемую Народным комиссариатом путей сообщения в бассейне реки Выг и Кемском районе Центральной Карелии, более чем на 40 тыс. кв. км⁷³. Если бы этот план был реализован, то под контроль Мурманской железной дороги попала бы

⁶⁹ О попытке переноса железной дороги см.: Шелепугин Ф. Чего не следует забывать при колонизации Карело-мурманского края // Карело-Мурманский край. 1930. № 9–10. С. 4–6.

⁷⁰ Доклад инженера Ленинградского обкома З. Я. Новикова о региональной партии Карелии // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 311. Л. 16.

⁷¹ Резолюция Совнаркома РСФСР, 6 июня 1929 г. в Собрании узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1929. № 53. Ст. 531.

⁷² Письмо представителя Карелии Президиуму ВЦИК, адресованное в отдел по национальностям ВЦИК, 26 июня 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 292. Л. 60б.

⁷³ Письмо представителя Карелии в Совет национальностей ЦИК, 9 июля 1930 г. Там же. Л. 11–15. См. также письмо Рудзутака Гюллингу, без даты (август 1930 г.) // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 11. Д. 523. Л. 49; телеграмму Совнаркома Карелии Совнаркому СССР, 23 августа. Там же. Л. 50. Декрет СТО от 26 июня 1930 г. расширял территорию лесозаготовок во многих регионах. Это вызвало такую бурю негодования местных предприятий, что Рыков разослал телеграммы во все республиканские Совнаркомы, региональные

треть лесов Карелии. 26 июня официальный представитель властей Карелии в Президиуме ВЦИК подал апелляцию в Совет Национальностей ВЦИК⁷⁴.

«Подобные меры, – писал он, – приведут к серьезному спаду в экономике Карелии, а также к отдалению карельского руководства от участия в регулировании значительной части карельской экономики... Речь идет о сохранении Карелии как автономной единицы»⁷⁵.

Встречное предложение властей Карелии было аналогичным нереализованному декрету 1929 г.: отстранить руководство Мурманской железной дороги и передать лесозаготовки и освоение земель карельскому правительству. Копии данного письма разослали в СТО и Совнарком. Также обратились за содействием в Рабкрин и ЭКОСО РСФСР на уровне правительства, Кирова в Ленинграде и ЦК. Позднее, в том же месяце, Рабкрин согласился поддержать Карелию в СТО. К тому времени Рабкрин успел проанализировать деятельность Мурманской железной дороги по лесозаготовкам в апреле и мае 1929 г. и пришел к тем же выводам, что и лидеры Карелии: передать функции руководства комбинатом властям республики⁷⁶.

В июле 1930 г. Карелия подала ходатайство в Совет Национальностей ЦИК⁷⁷. Главный аргумент – планы железнодорожной адми-

советы и обкомы о необходимости ограничить влияние местных транспортных властей и их участие в процессе лесозаготовки. Там же. Л. 52.

⁷⁴ После роспуска Наркомнаца в 1924 г. каждая автономная республика имела своего представителя в Президиуме ВЦИК, который лоббировал региональные интересы и был главным связующим звеном между центром и регионом. См. статут ноября 1930 г. // НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 64. Л. 78. Представитель Карелии был ключевым посредником в отношениях центр-регион в 1920-х и в начале 1930-х гг., но затем его роль снизилась, т. к. информация больше не поступала в правительство республики, а передавалась от министерства к министерству между союзными и российскими центральными органами и подчиненными им трестами или их уполномоченными в Карелии. 3 декабря 1938 г. по указу Президиума РСФСР штаб представителя Карелии закрыли, см. декрет Совнаркома Карелии, 9 декабря 1938 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 6. Д. 15–48. Л. 114.

⁷⁵ Письмо представителя Карелии Президиуму ВЦИК, адресованное Совету национальностей ЦК, 26 июня 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 292. Л. 16об.

⁷⁶ Письмо Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК) и Рабкрина в СТО, июнь 1930 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 247–249.

⁷⁷ Апелляция Совнаркома Карелии, 9 июля 1930 г. «О регулировании отношений Карельской АССР с Мурманской железной дорогой» // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 228–246.

нистрации нарушают все существующие декреты по карельской автономии и мотивированы «тенденциями великой державы вопреки национальной политике партийной и советской власти». В ходатайстве также говорилось, что передача земель с карельским населением разрушила бы политику национальностей автономной республики в стратегически важном районе границы, дополнительная передача лесов железной дороге лишила бы Карелию до 25 % дохода в 1929–1930 финансовом году, разрушила бы ее экономический план, «Кареллес» и «Желлес» не смогли бы выполнить пятилетний план, потому что должны брать лес с одной и той же территории. Кроме того, они утверждали, что передача территории «Желлеса» Карелии позволит республике рационализировать внутренние экономические и административные окружные границы, экспортировать дерево, заготовленное для внутреннего пользования, предотвратить конкуренцию в работе, что становилось настоящей головной болью руководства республики, в то время как коллективизация и индустриальное строительство привлекали дополнительную рабочую силу. Также в ходатайстве отмечалось, что как только этот конфликт разрешится, русские власти больше не будут вмешиваться в споры Карелии – кажется, даже Гюллинг был доволен раздраженностью центра.

Двенадцатого июля 1930 г. президиум Совета Национальностей ЦИК встретился, чтобы выслушать аргументы конфликтующих сторон⁷⁸. Ради столь важного события Гюллинг и Ровио приехали в Москву поддержать А. В. Кочанова, их постоянного московского представителя. Гюллинг повторил аргументы карельских властей, представители Рабкрин и ЭКОСО РСФСР также выступили в поддержку ходатайства⁷⁹. Кто-то подчеркнул, что из-за угрозы войны, исходящей от фашистской Финляндии, к Карелии нельзя относиться так же, как к другим национальным республикам, необходимо учитывать, что финская пресса уже изображала ее как советскую колонию. В любом случае, было важно сохранить ее автономию как в вопросах бюджета и политики колонизации, так и ввиду ее большого политического значения. По его мнению, надо быть «революционером» в вопросах о реформе бюджетных прав Карелии (речь о бюджетном споре пойдет в следующей части)⁸⁰. Скрипник в ходе прений отметил, что Совет Национальностей рассматривал этот экономический вопрос так обстоятельно, поскольку он имел политическую важность. Затем он заговорил о национальной политике Карелии, подвергая сомнению деятельность «некоторых товарищей», основавших Автономную

⁷⁸ Стенограмма, 12 июля 1930 г. Там же. Л. 213–223.

⁷⁹ Историю спора см. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 11. Д. 523. Л. 6–9, 41–44.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 217.

Карельскую республику в противовес амбициям финской буржуазии, речь зашла о карело-финской земле (мы уже знаем, что он осуждал языковую политику красных финнов)⁸¹.

Член президиума В. П. Антонов-Саратовский отметил, что в Карелии уже проживало больше русских, чем карелов. Он полагал: дальнейшее растворение национального характера может привести к напряженным отношениям с населением и даже к конфронтации. Передача управления процессом освоения от одного ведомства другому не могла помочь в решении основной демографической проблемы области. Что касалось «лесного вопроса», то его следовало передать СТО, потому что, в первую очередь, это был экономический, а не политический или национальный вопрос. Председатель встречи Таджиев не согласился, утверждая, что национальный аспект конфликта дает право принять решение данному органу. Однако он одобрил идею перенаправить вопрос в СТО для окончательного решения. Президиум просил у вышестоящего органа передать вопрос об освоении Карелии, а также лесозаготовках под юрисдикцию республики⁸².

Создавалось впечатление, что Карелия побеждала. Власти Карелии опубликовали решения Президиума и Совнаркома СССР, установив сроки для передачи территории и администрации⁸³. Декрет СТО ликвидировал «Желлес», ВСНХ должен был заняться заготовками, чтобы увеличить экспорт леса из Карелии⁸⁴. Однако 26 сентября на совместном заседании СТО и Совнаркома СССР, созданного для принятия окончательного решения, они получили просьбу Мурманской железной дороги сократить лесозаготовительные операции⁸⁵. Удивленный столь благоприятным поворотом представитель Карелии нетерпеливо призвал признать автономию республики:

«По мнению финской пропаганды, «у вас есть национальная автономная республика в Советском Союзе, но вы там не командуете!» Конечно, можно это опровергнуть, но наши газеты не печатают такие опровержения – в любом случае сложно отрицать то, что действительно происходит».

Пытаясь обосновать свою позицию, он признал, что железная дорога может ограничить лесозаготовки для собственных потребностей

⁸¹ Там же. Л. 220.

⁸² Резолюция. Там же. Л. 207–208.

⁸³ Декрет Совнаркома СССР, 2 ноября 1930 г. в Собрании законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1930. № 54. Ст. 576.

⁸⁴ Проект резолюции СТО // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 42. Д. 95. Л. 250.

⁸⁵ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 58. Д. 450. Л. 77–103.

на территории Карелии, и заявлял, что она вовсе не должна быть «республикой в республике»⁸⁶.

Председатель СТО А. И. Рыков поддерживал требование Карелии взять под свой контроль операции железной дороги по колонизации, признавая, что если республике позволят управлять собственной территорией, это поставит под угрозу и «усложнит нашу задачу по организации финских коммунистов и волнений на финской территории». Советские власти не должны позволить своим врагам обвинить их в великодержавном шовинизме. Поэтому управление политикой освоения должно быть передано республиканскому правительству⁸⁷. Однако в вопросе о лесозаготовках Рыков поддержал Мурманскую железную дорогу, отметив, что объем лесозаготовок «Желлеса» должен регулироваться кем-то еще, чтобы минимизировать конкуренцию и конфликт. На встрече было решено распустить отдел железной дороги по освоению, передав его функции правительству Карелии. Железной дороге разрешили продолжить свои лесозаготовки, была создана комиссия под руководством А. С. Енукидзе для распределения долей⁸⁸.

Правительство республики на этом не успокоилось. В отчете ЦИК Карелии во ВЦИК в конце года власти вновь заявили о своих претензиях на лесные территории железной дороги⁸⁹. Однако это оказалось бесполезно. Деятельность «Желлеса» была выведена из-под юрисдикции Мурманской железной дороги, но оставалась под властью Народного комиссариата путей сообщения: сначала в ведении региональной лесной администрации Мурманска и Октябрьской железной дороги, а с августа 1931 г. – в ведении Северо-Западного лесного транспортного треста (Севзаптранслес)⁹⁰. Узнав, что Севзаптранслес за первый месяц своего существования получит 13 тыс. кв. км тер-

⁸⁶ Стенограмма // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 58. Д. 450. Л. 102.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 58. Д. 450. Л. 99–100.

⁸⁸ Там же. Л. 103. Декрет СТО от 26 ноября 1930 г. распустил Мурманский железнодорожный транспортно-промышленно-колонизационный комбинат. Колонизация должна была продолжиться по «обычному сценарию» – другими словами, за промышленное переселение теперь отвечали сами промышленные предприятия, а сельскохозяйственным переселением ведало управление по переселению Наркомзема Карелии. См.: Яковлев С. Колонизация и наркомземовские сани // Карело-Мурманский край. 1930. № 11–12. С. 3–5.

⁸⁹ Доклад ЦИК Карелии на III съезде ВЦИК, четырнадцатый созыв. Петрозаводск, 1930 // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 284. Л. 20. С. 37.

⁹⁰ Железный транспорт в пределах АКСР, 1920–1935 г. С. 18.

ритории Карелии и одну лесопилку «Кареллеса», Гюллинг и Ровио, которые находились на лечении в санатории в Сочи, послали телеграмму Молотову в Москву, утверждая, что это будет иметь «катастрофические последствия» для лесной промышленности Карелии. Их протест был проигнорирован⁹¹. Наркомат путей сообщения контролировал операции по лесозаготовке и обработке древесины до января 1934 г., когда, как предусматривал декрет 1923 г., права на лесозаготовку вернулись к администрации «Кареллеса», к тому моменту уже подведомственному Народному комиссариату лесной промышленности, о чем пойдет речь дальше⁹².

Однако это не означало, что Карелия, наконец, достигла столь желанной консолидации контроля над экономическим пространством. С 1934 г. территория региона (29 тыс. кв. км) и полная власть над ее экономическими ресурсами перешли к вновь образованному более мощному предприятию на территории республики, Беломорско-Балтийскому комбинату (ББК) нового союзного Народного комиссариата внутренних дел (НКВД). Далее речь пойдет о росте Карельского ГУЛАГа.

Централизация власти

В то же время, когда Карелия изо всех сил пыталась сконцентрировать территориальную экономику под юрисдикцией собственных трестов, она передала контроль над самыми важными из республиканских предприятий центральным властям. Это означало, что решения о расходах по данным секторам стали больше зависеть от приоритетов центрального планирования, которые только иногда совпадали с интересами региональных властей. Собственный источник ресурсов Карелии был уменьшен налоговыми реформами, а бюджетная автономия практически прекратилась благодаря участвовавшим нарушениям российскими властями особых прав республики. В этой части речь пойдет об административной, а затем и о финансовой централизации.

В июле 1929 г. декрет СТО передал большую часть советских лесов от региональных сельскохозяйственных администраций в долгосрочное управление лесным трестам и основал леспромхозы для разработ-

⁹¹ Телеграмма от 3 августа 1931 г. и письмо Архипова (представитель Карелии в Президиуме ВЦИК) от той же даты // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 24. Д. 843. Л. 1, 5. Резолюция Президиума ВЦИК об отклонении петиции Карелии, 20 августа. Там же. Л. 7.

⁹² Железный транспорт в пределах АКСР, 1920–1935 гг. С. 18.

ки определенных лесных районов⁹³. В Карелии в августе 1929 г. было учреждено 18 леспромхозов, 14 из которых принадлежали «Кареллесу», три «Желлесу» и один, в Пудожь, «Севзаплесу»⁹⁴. К несчастью, границы лесных районов не совпадали с границами административных районов (рис. 4.2), что отразило игнорирование центром пространственной структуры региона. В конце 1929 и в начале 1930 г. ЦК и всесоюзные правительственные органы издали декреты, уменьшившие независимость региональных трестов от центральных властей⁹⁵.

В сентябре 1930 г. «Кареллес» подчинялся Всесоюзной лесной ассоциации «Союзлеспром»⁹⁶. К концу года большинство основных предприятий Карелии перешло под юрисдикцию центральных властей: в ноябре и декабре республика потеряла власть над целлюлозно-бумажным комбинатом в Кондопоге Карелбумтрестом, который перешел под управление «Союзбумаги», и главным индустриальным предприятием республики Онежским металлургическим комбинатом, т. к. Онегтрест перешел под управление «Союзредмашин». В январе 1931 г. издательские заказы правительства Карелии перешли государственному издательству в Ленинграде, а лесная администрация Карелии была подчинена «Кареллесу» (который уверял, что управляет лесозаготовками в интересах лесной промышленности)⁹⁷. К началу 1931 г. Карелия контролировала

⁹³ Декрет СТО от 12 июля, Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР, 1929. № 47. Ст. 418. О лесном законодательстве см.: Советская лесная экономика. Москва–Север, 1917–1941 // Сборник документов и материалов / под ред. Г. Макурова, А. Т. Филатова, Н. Барона. Петрозаводск. 2005. № 1. С. 158.

⁹⁴ НАРК. Ф. 690. Оп. 6. Д. 9. Л. 211об–212, цит. по: Вавулинская Л. И. Народное хозяйство Карелии. С. 224–225. П. 21.

⁹⁵ Резолюция ЦК от 5 декабря 1929 г. приводится в: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1929–1940. Москва, 1967. С. 136–142; Декрет ЦИК и Совнаркома СССР от 13 февраля 1930 г. Там же. С. 178–179. Обсуждение этих реформ см.: Zalesky E. *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. London, 1980. P. 9–41.

⁹⁶ Совместный декрет ЦИК и Совнаркома СССР «О реорганизации лесной промышленности», 3 сентября 1930 г., опубл.: Известия ЦИК. 1930. 17 сент. О передаче «Кареллеса» см.: Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.) / под ред. С. Т. Тюльпанова. Л., 1967. С. 85. О реорганизации лесной промышленности в течение 1929 г. см.: Президиум совета лесных трестов ВСНХ РСФСР, 28 июня 1929 г. // РГАЭ. Ф. 3405. Оп. 1. Д. 251–253.

⁹⁷ Индустриализация Северо-Западного района... С. 85.

только трест «Карелгранит», местное строительство, добычу строительных материалов, небольшие электростанции и кустарную промышленность⁹⁸.

Естественно, правительство Карелии было против объединения промышленности во всесоюзные тресты, боясь, что это приведет к утрате бюджетных поступлений от предприятий (о них речь далее) и прекращению планирования территориальной экономики. В конце 1930 г. Карелия представила во ВЦИК доклад, заявив, что при реорганизации промышленности «есть опасность, что эти организации выпадут из сферы планирования и организационного влияния правительства Карелии. На практике это лишит ее права на лидерство и регулирование наиболее важных вопросов экономического развития Карелии».

Из-за международного политического значения республики и роли границы «должна быть гарантия, что [у нее] сохранятся права на прямое планирование, контроль и управление этими предприятиями»⁹⁹.

В январе 1931 г. правительство республики получило запрос из Рабкрин Карелии об отношениях ее союзных трестов и ЦСНХ. Она должна была расследовать, действительно ли реорганизация промышленности приводит к потере республикой автономии. В ее решении значилось, что никакая централизованная администрация, даже большая, не может управлять всеми процессами в регионе. Утверждалось, что «регионам должно гарантироваться сохранение основных функций, таких, как координация планирования, контроль за выполнением промфинпланов и промышленными предприятиями, расположенными на их территории». Карплан уже просил, чтобы автономия сохранила право учитывать контрольные цифры и планы союзных предприятий, дабы гарантировать территориальное взаимодействие различных отраслей промышленности¹⁰⁰.

В конце 1931 г. ЦСНХ Карелии провел собственное исследование по реорганизации органов управления как промышленности в целом, так и отдельных отраслей. Это детализировало меры, уже предпринятые правительством республики, для смягчения пагубных последствий централизации¹⁰¹. В середине года Совнарком Карелии вынес реше-

⁹⁸ Индустриализация Северо-Западного района... С. 85, 143.

⁹⁹ Доклад ЦИК Карелии на III съезде ВЦИК, четырнадцатый созыв // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 284. Л. 20, 50.

¹⁰⁰ Заключение доклада Рабкрин Карелии, 11 января 1931 г. // НАРК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 38–506. Л. 3, 7.

¹⁰¹ Доклад приводится в: Индустриализация Северо-Западного района... С. 85.

ние, потребовав, чтобы четыре подчиненных центру карельских треста («Кареллес», «Севзаплес», Онегтрест и Карелбумтрест) работали «под непосредственным наблюдением ответственного за управление индустриальными секторами экономики региона ЦСНХ Карелии». Он представил эти ходатайства раньше Союза и российского ВСНХ, но не получил ответа из центра, и тресты оставались «вне влияния ЦСНХ Карелии». Руководители промышленных предприятий республики, лишившись своих основных функций, остались без работы; некоторые уехали¹⁰². Отмечалось, что сами республиканские тресты приветствовали подчинение союзному центру, поскольку ожидали, что получат больше денег, чем из российского и карельского бюджетов¹⁰³.

Хотя управленцы Карелии поняли, что республика не способна финансировать свою индустриальную деятельность, красные финские лидеры продолжали бороться за контроль над основными местными предприятиями. В середине 1931 г. Гюллинг написал ряд писем члену Президиума ЦК Енукидзе с требованием передачи трестов, находящихся на территории Карелии, из центрального подчинения под контроль ЦСНХ, который должен воспользоваться правом «принудительной администрации». Он обосновывал свое заявление не только автономными правами Карелии, но и рациональностью союзного территориального планирования. В частности, он отметил отдаленность Карелии от центра, плохую инфраструктуру и нехватку рабочей силы (под рабочей силой он подразумевал национальные кадры), что доказывало необходимость передачи функций управления промышленностью региону¹⁰⁴. По крайней мере два из отправленных Гюллингом писем остались без ответа, ни одно из них не убедило центр изменить свою политику централизации.

Пятого января 1932 г. ВСНХ СССР был распущен. Два новых союзных органа – Народный комиссариат тяжелой промышленности

¹⁰² В докладе не было сказано, что моральный дух снизился из-за продолжающихся чисток экономического аппарата Карелии. Между 1 января и 1 июля 1931 г. было уволено 282 работника Карплана, ЦСНХ и республиканских комиссариатов (62 из них – за «бюрократизм»), см.: Доклад Рабкрин Карелии Рабкрину СССР и ЦКК, 24 сентября 1931 г. // НАРК. Ф. 721. Оп. 11. Д. 38–503. Л. 13; Иванов А. О чистке Госплана // Советская Карелия. 1931. № 3–4. С. 9–12 и Иванов А. Итоги чистки Госплана // Советская Карелия. 1931. № 5–7. С. 1–10.

¹⁰³ Индустриализация Северо-Западного района... С. 85.

¹⁰⁴ Письма Гюллинга Енукидзе «О децентрализации союзных предприятий в Карелии» касались «Кареллеса», Онегтреста и Карелбумтреста, без даты (середина 1931 г.) // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 41–321. Л. 69–70.

(НКТП) и Народный комиссариат лесной промышленности (Наркомлес) получили под свой контроль планирование и управление соответствующими отраслями промышленности¹⁰⁵. Полномочные представители союзных комиссариатов были назначены Совнаркомом РСФСР и АССР и подчинялись как центральным, так и региональным властям, осуществляя прямое управление отраслевыми предприятиями в пределах каждой территории. Союзлеспром и зависимый от него трест «Кареллес» стали частью Наркомлеса¹⁰⁶. В ведении полномочного представителя Наркомлеса в Карелии находились «Кареллес», «Ленлес» и целлюлозно-бумажный комбинат в Кондопоге, республиканский представитель НКТП контролировал Онежский комбинат, Карелэнерго, стройки (докладывал преимущественно в центр) и другие промышленные предприятия, которые оставались под местной юрисдикцией, в том числе «Карелгранит» и Стромтрест, за которые он отчитывался перед правительством республики¹⁰⁷. Тот же декрет учредил Народный комиссариат легкой промышленности (Наркомлегпром) как объединенный комиссариат, которому подчинялись республиканские совнархозы, преобразованные в соответствующие комиссариаты в республиках.

Хотя следующий декрет от 27 марта 1932 г. о республиканской и местной организации промышленности предусматривал, что эта система не должна привести к сокращению полномочий местных трестов или механического подчинения местных предприятий СССР, а Карелия сохранила право назначать собственных служащих на должности полномочных представителей (в соответствии со списками номенклатуры, подлежащими ратификации в Москве и Ленинграде), эти представители действовали прежде всего по директивам, полученным из отраслевых центров республики, и только потом как представители территориальных интересов в региональном центре¹⁰⁸.

¹⁰⁵ Декрет в Решениях партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 370.

¹⁰⁶ Позднее Союзлеспром был разделен на отдельные секции с административными функциями над макрорегионами: «Кареллес» сначала подчинялся Главному управлению северной лесной промышленности (Главсевлес), а в 1936 г. Главному управлению Северо-Западной лесной промышленности (Главсевзаплес).

¹⁰⁷ См. декрет Бюро обкома Карелии, 28 марта 1932 г. // Индустриализация Северо-Западного района... С. 92–93.

¹⁰⁸ Декрет // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 384–385; Список номенклатуры за 1932 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 681. Л. 77–91.

К 1934 г. союзному центру стало ясно, что он ввел чрезмерную степень централизации в управлении промышленности, и он решил учитывать региональные интересы, допуская ограниченную децентрализацию¹⁰⁹. В марте правительство СССР распустило крупные ассоциации, сократило количество трестов и преобразовало централизованную систему экономической администрации в территориальную структуру, разработанную для более тщательного контроля над производством. Республиканские и региональные экономические органы получили больше компетенции в местном промышленном развитии¹¹⁰. В августе в рамках продолжающейся реформы в СССР и автономных республиках учредили народные комиссариаты местной промышленности (Наркомместпром) для управления ее развитием¹¹¹. В следующие месяцы многие подчиненные центру тресты были возвращены под юрисдикцию местных органов власти.

В результате этих реформ Наркомат местной промышленности Карелии получил от НКТП контроль над сектором строительных материалов (который помимо других заказов должен был поставлять гранит для возводимого в Москве Дворца Советов) и разработкой месторождений шунгита. Под его управление перешли также многие районные предприятия от Наркомата легкой промышленности. Правительство Карелии воспользовалось этой возможностью, чтобы потребовать возвращения основных предприятий республики. Гюллинг обосновывал свое ходатайство не национальным статусом Карелии (ведь к этому времени его политика национальностей была подвергнута серьезной критике, мы коснемся этой темы в следующей главе), а тем фактом, что центральная администрация не финансировала эти предприятия. Было экономически выгодно сконцентрировать каждый региональный сектор под отраслевой региональной властью, объединенной на союзном уровне¹¹². Позже центр согласился передать администрации Карелии некоторые предприятия тяжелой промышленности (но не Онежский комбинат), но республика имела права только на эксплуатационный кон-

¹⁰⁹ См. Чубарь Б. О местной промышленности // Плановое хозяйство. 1935. № 1. С. 20–30.

¹¹⁰ Декрет ЦИК и Совнаркома СССР, 15 марта // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 468–471.

¹¹¹ Декрет ЦИК от 10 августа 1934 г. Там же.

¹¹² Доклад Гюллинга Наркомместпрому РСФСР о передаче предприятий союзного значения, которые находились на территории Карельской АССР, под управление Наркомместпрома Карелии. 17 августа 1934 г. // Индустриализация Северо-Западного района... С. 77–79.

троль: российский центр строго отслеживал расходы на местную промышленность. В любом случае к тому времени автономия потеряла свои prerogatives благодаря незаконным вмешательствам в конце десятилетия. А теперь перейдем к вопросу потери Карелией финансовой автономии.

Советские реформы по централизации изменили бюджет Карелии, лишив ее дохода от крупных территориальных трестов, а также специальных бюджетных привилегий. Как мы уже говорили, союзный центр не только ежегодно продлевал бюджетные привилегии Карелии в течение 1920-х гг. (несмотря на постоянные российские протесты), но даже значительно расширил их через дополнительные налоговые источники для увеличения республиканского бюджета. Отчисления Карелии в центральный бюджет были полностью покрыты доходом от лесозаготовок Мурманской железной дорогой как компенсация за использование территории.

Первая пятилетка принесла огромное увеличение как доходов, так и расходов Карелии. Ее доход, прежде всего от значительного увеличения объемов лесозаготовок, вырос с 22 млн руб. в 1928–1929 гг. до 40 млн руб. в 1929–1930 гг. Несмотря на это, автономная республика не могла покрыть все запланированные капиталовложения из собственных ресурсов: центральное финансирование лесозаготовок и промышленных предприятий было утроено¹¹³. В то же время быстрый рост республиканского бюджета заставлял центральные власти требовать увеличения отчислений в союзный бюджет.

Летом 1929 г. российский Наркомфин поставил сложную задачу бюджету Карелии, внезапно потребовав увеличения отчислений автономной республики в государственный бюджет с 1,25 млн руб. в 1928–1929 гг. до 4,25 млн¹¹⁴. Гюллинг, Ровио и представитель Карелии в Москве отправили ряд энергичных протестов центральным правительственным и партийным органам¹¹⁵. Когда Президиум ВЦИК отклонил первичное ходатайство Совнаркома Карелии в августе 1929 г., было принято решение пересмотреть ежегодный бюджет. Последующее увеличение российским Совнаркомом отчислений

¹¹³ См.: Гюллинг Э. Бюджет на 1929–1930 гг. // Советская Карелия. 1929. № 1. С. 18.

¹¹⁴ Там же. С. 26.

¹¹⁵ См.: Письмо обкома Карелии в ЦК, без даты (начало 1930 г.) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 80–365. Л. 1–3об; письма и петиции Карелии, с 28 декабря 1929 г. по 20 января 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 224. Л. 1–29об.

республики напоминало провокацию. Гюллинг послал телеграмму с протестом российскому правительству и копию в ЦК. Однако С. И. Сырцов из российского Совнаркома подтвердил решение, лишь незначительно уменьшив сумму отчислений¹¹⁶. Правительство Карелии снова обратилось в Президиум ВЦИК, утверждая, что требования РСФСР об увеличении отчислений противоречили срокам, указанным в недавнем декрете ВЦИК о бюджетах автономных республик, специальным правам Карелии, перечисленным в декрете об ее учреждении, и составляли серьезную угрозу целостности Карелии как стратегически важной пограничной республики¹¹⁷. Карелия получила поддержку Совета национальностей ВЦИК, который безусловно симпатизировал автономным республикам. Однако 20 января 1930 г. Президиум ВЦИК решил большинством в один голос отклонить ходатайство Карелии об отмене последнего декрета российского правительства о бюджетных отчислениях¹¹⁸. Республика попросила Совет национальностей ВЦИК потребовать от Президиума пересмотра решения. 10 февраля Президиум ВЦИК отклонил ее апелляцию¹¹⁹.

На этом история не закончилась благодаря необыкновенному упорству лидеров Карелии. В течение 1930 г. ее правительство и партийные власти отправили срочные депеши в соответствующие органы. В марте Ровио написал в ЦК письмо с требованием решить три главные экономические проблемы Карелии: объединение территорий с лесными ресурсами, контроль освоения территории (об этом см. выше) и бюджетный вопрос. Карелия уже потребовала, как он писал, больше инвестиций, чем она получила от собственных доходов в совокупности с центральными займами и дотациями. Так зачем было продолжать удерживать суммы от дохода Карелии?

Только положительно решив [эти проблемы], Карелия будет в состоянии успешно развиваться как автономная национальная республика на границе СССР и выполнять свою политическую обязанность как внутри себя, так и поддерживая рабочий класс Финляндии. Иначе она утратит контроль над своей экономикой, и ее политическая роль будет потеряна¹²⁰.

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 124. Д. 224. Л. 11 об.

¹¹⁷ Там же. Л. 11–11об, 14–18.

¹¹⁸ Там же. Л. 4.

¹¹⁹ Там же. Л. 1.

¹²⁰ Письмо датировано 9 мартом 1930 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 86–448. Л. 2–4.

Однако советские лидеры больше не стремились вдохновить или зажечь мировую революцию. В конце 1930 г. две новые инициативы из центра угрожали бюджету Карелии окончательным крахом. Во-первых, налоговая реформа 2 сентября фактически заменила большое количество налогов Карелии на единственный – с оборота, который теперь предприятия должны были платить через союзные объединения¹²¹. Во-вторых, подчинение главных республиканских трестов союзным структурам (см. выше) лишало Карелию основной части ее дохода, в особенности от продаж древесины, которые до 1930 г. обеспечили приблизительно 70 % всего бюджетного дохода республики¹²². По сообщению ЦИК Карелии во ВЦИК СССР в конце 1930 г. указанные меры могли лишить Карелию 85 % бюджетного дохода¹²³.

Эти две реформы послужили причиной очередного раунда переговоров о бюджетных отношениях. И правительство Карелии, и Наркомфин СССР при окончательном решении этого вопроса подчинялись правительственным декретам. Правительство Карелии предлагало оставить за республикой право удерживать весь налог с оборота, полученный с предприятий центрального и местного подчинения, расположенных на ее территории¹²⁴. Наркомфин предложил РСФСР ежегодно выделять в бюджет Карелии сумму, эквивалентную разнице между ее доходами и расходами, учитывая профицит государственного бюджета¹²⁵. Это предложение уменьшило бы бюджетные права автономной республики до прав регионального Совета. Московский представитель Карелии Кочанов начал лоббирование в столице. В декабре 1930 г. он получил поддержку председателя Совнаркома РСФСР Д. З. Лебеда, имевшего влияние в Совнаркоме СССР, в намерении подписать решение,

¹²¹ Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Basingstoke, 1989. P. 433–444.

¹²² Служебная записка Президиума ВЦИК по пятнадцатому юбилейному докладу правительства Карелии, 1935 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 45 б. Д. 14. Л. 190.

¹²³ Доклад ЦИК Карелии на III съезде ВЦИК, четырнадцатый созыв // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 284. Л. 20, 85.

¹²⁴ Проект Карелии, 12 декабря 1930 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 143. Л. 5–7.

¹²⁵ Предложение Наркомфина СССР из: Письмо к Главе отдела финансового планирования и бюджета Наркомфина СССР, без даты // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 143. Л. 8; и анонимная записка о финансовых проблемах Карелии. Там же. Л. 22–22об.

поддерживающее требования Карелии от имени РСФСР. Вопрос был передан для урегулирования в союзное правительство. Кочанов связался с Шотманом, который оставил свой пост председателя ЦИК Карелии в 1926 г. ради работы в ВСНХ и имел влияние в Президиуме ЦИК СССР. Шотман обещал присутствовать на дебатах Совнаркома СССР о правах Карелии¹²⁶.

Совнарком СССР обсуждал эту проблему 9 января 1931 г., и Молотов подписал декрет, утвердив проект Карелии. Однако как и опасался Кочанов, Енукидзе и председатель ЦИК М. И. Калинин (номинально – глава Советского государства) настояли на передаче вопроса для дальнейшего обсуждения на сессии Президиума ЦИК, которая должна была состояться 23 января¹²⁷. Таджиев, председатель Совета Национальностей ЦИК, с которым Кочанов консультировался, прежде чем доложить Гюллингу, уверил его, что это нормальная процедура и Карелии не стоит беспокоиться. Кроме того, он заверил, что республика может рассчитывать на его поддержку¹²⁸.

Семнадцатого января Гюллинг телеграфировал Кочанову, прося обеспечить присутствие Шотмана на встрече Президиума ЦИКа. Однако его старый товарищ должен был уехать 19 января в командировку на Урал¹²⁹. В тот же день Кочанов посетил Наркомфин СССР, где выяснил, что член коллегии Я. А. Теумин, который отвечал за карельский вопрос, заболел, а больше никого, знакомого с делом, он найти не смог¹³⁰. Несмотря на очевидное недовольство Кочанова, 23 января Президиум ЦИК ратифицировал без поправки декрет «О республиканском бюджете Карельской АССР»¹³¹.

Согласно декрету от 23 января 1931 г., бюджет автономии должен был получать 100 % налога с оборота всех предприятий, подчиненных республиканскому правительству и производств союзных ассоциаций, находившихся на территории Карелии (Союзлеспром и т. д.), а также со всех товаров, импортированных в автономную республику и товаров, произведенных в Карелии и продаваемых на территории Союза. В результате этой реформы налоги стали глав-

¹²⁶ Письмо Кочанова Совнаркому Карелии, 15 декабря 1930 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 143. Л. 4.

¹²⁷ Резолюция ЦИК и Совнаркома СССР «О республиканском бюджете Карельской АССР», 9 января 1931 г. Там же. Л. 23–23об.

¹²⁸ Письмо Кочанова Гюллингу, 15 января 1931 г. Там же. Л. 3.

¹²⁹ Телеграмма Гюллинга Кочанову, 17 января 1931 г. Там же. Л. 2.

¹³⁰ Письмо Кочанова Гюллингу, 17 января 1931 г. Там же. Л. 1.

¹³¹ Протокол 54, 23 января 1931 г. Там же. Л. 59.

ным источником дохода Карелии, заменив доходы от экспорта леса (табл. 4.3.)¹³².

И все же карельское правительство не ощущало в полной мере ту автономию, которую получило десять лет назад от Ленина. Конечно, со стороны казалось, что все идет по-прежнему, но в действительности все изменилось. Гюллинг и Ровио, казалось, этого не замечали.

В мае Гюллинг отправил Архипову, который заменил Кочанова на посту представителя Карелии в Москве, записку, где говорилось, что декрет от 23 января не решил бюджетный спор Карелии с российским и союзным центрами, т. к. несколько дней назад Наркомфин РСФСР издал специальную инструкцию, ограничившую налоговый оборот Карелии на своей территории (за исключением продукции, произведенной в Карелии, но продаваемой по всему Союзу)¹³³. Российское правительство отказалось вернуть эту сумму, составившую в 1931 г. 3,6 млн руб., в бюджет Карелии.

До конца 1931 г. карельское правительство подало ряд апелляций в правительство РСФСР, прося включить в их бюджет дополнительные источники дохода, которые январский декрет несправедливо отнял. В другой раз они протестовали против незаконного вмешательства российского Наркомфина в бюджет республики (например, налог на кино)¹³⁴.

Таблица 4.3

Источники бюджетных доходов Карелии, 1926/1927–1932 (% от общей прибыли)

Год	Налоги	Не налоги	Другое
1926–1927 (а)	24,3	46,1	29,6*
1928–1929 (б)	42,3	54,6	3,1
1929–1930 (в)	35,2	51,8	13

¹³² Налог с товарооборота, который перечислялся в центр, а затем обратно в республику (повод для переживаний Карелии, которая абсолютно обоснованно опасалась нелегального удержания части средств СССР), восполнял дефицит в республиканском доходе. В 1931 г. из 42 млн руб., которые поступили в бюджет Карелии, 35 млн приходились на налог с товарооборота, см.: Единый финплан и бюджет АКССР на 1931 г. // Советская Карелия. 1931. № 3–4. С. 25–26.

¹³³ Письмо Гюллинга Архипову, 16 мая 1931 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 143. Л. 46.

¹³⁴ Напр., см.: Письмо Совнаркома Карелии Совнаркому РСФСР, 12 августа 1931 г. Там же. Л. 37.

Год	Налоги	Не налоги	Другое
1932 (г)	51,8	10,8	27,4**
1933 (д)	71,9	10,7	17,4**

Примечания:

* Включая 12,3 %, полученные в 1925–1926 гг., а также дотации и субсидии.

** Компенсация из центра в бюджет Карелии за союзные предприятия, действовавшие на территории Карелии.

Источники: (а) Местные и государственные бюджеты Карельской АССР на 1927/1928 г. Петрозаводск, 1947. С. 145; (б) Местные бюджеты и бюджеты автономных республик РСФСР на 1929/1930 г.: Статистический сборник. Москва, 1930. С. 176; (в) Единый финплан и бюджет Карельской АССР на 1931 г. Петрозаводск, 1931; (г) Бюджет Карельской АССР на 1933 г. Петрозаводск, 1933. С. 1; (д) Бюджет Карельской АССР на 1934 г. Петрозаводск, 1934. С. 84.

В конце 1931 г. Наркомфин РСФСР смягчил свою позицию относительно налогов и согласился в виде компенсаций выделить дополнительные суммы в бюджет Карелии¹³⁵. Однако в следующем году споры возобновились. Во-первых, Наркомфин РСФСР в ноябре уменьшил первоначально предложенный бюджет Карелии с 81 до 54 млн руб. и исключил подоходный налог из доходов автономной республики¹³⁶. После жалобы Гюллинга в Наркомфин СССР комиссариат согласился увеличить бюджет Карелии до 64 млн руб., но настаивал, чтобы автономная республика не получала подоходный налог. Лидер Карелии категорически отказался принять это условие.

Тогда, в январе 1932 г. союзные власти решили, что ввиду пересмотра центрального бюджета бюджет Карелии не может превышать 58 млн руб., после чего правительство Карелии согласилось на сумму в 64 млн, но отказалось от дальнейшего сокращения¹³⁷. По словам Гюллинга, бюджет в 58 млн руб. ограничивал рост республики. Он заявил, что «правительство Карелии никоим образом не может

¹³⁵ Отчет представителя Карелии Президиуму ВЦИК за 1931 г., без даты (начало 1932 г.) // НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 13–15. Л. 25–34.

¹³⁶ См.: Письмо Гюллинга и представителя Карелии Президиуму ВЦИК, адресован Совнаркому СССР (Молотов), 5 февраля 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 2456. Л. 7. Хорошим источником дохода был налог на алкоголь: в 1929–1930 гг. он принес 6616 тыс. руб. прибыли или около 15 % всей бюджетной прибыли республики. См.: Республиканский и местный бюджеты Автономной Карельской ССР на 1929–1930 гг. Петрозаводск, 1930. С. 269.

¹³⁷ См.: Письмо Наркомфина СССР Совнаркому СССР (Молотов), 10 февраля 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 2456. Л. 6.

согласиться на это»¹³⁸. Совместное ходатайство Гюллинга и Ровио в ЦК в январе 1932 г. подчеркивало роль Ленина в установлении специальных прав Карелии, приграничного статуса и ее «особого политического значения» как «форпоста на советском северо-западе». Они полагали, что декрет от 23 января 1931 г. «явно являлся продолжением предыдущего законодательного акта в соответствии с решениями ЦИК и Совнаркома от 3 августа 1923 г.». Наконец, они осуждали практику российского центра ежегодно устанавливать суммы отчислений Карелии в зависимости от запланированных расходов автономной республики. Эта процедура «нарушала основную политико-экономическую цель Карелии», и они потребовали получения всего дохода с территории, включая налог с оборота алкоголя»¹³⁹. ЦК довел до сведения Молотова эту резкую критику, и он согласился в начале марта увеличить бюджет Карелии на 3 млн – до 61 млн руб. (бюджет СССР должен был компенсировать РСФСР недостающую сумму) ввиду необходимости дальнейшего развития приграничной республики¹⁴⁰.

В августе 1932 г. правительство Карелии сообщило российским властям, что три новых решения центра, которые оно не контролировало, угрожали крахом ежегодному бюджету: во-первых, снижение планов производства многих союзных и российских предприятий означало сокращение налога с оборота, во-вторых, резкое увеличение экспорта леса за счет внутреннего рынка означало более низкие доходы от налога с оборота на продажу леса (декрет от 23 января 1931 г. запретил Карелии получать доход от налогов с товаров, произведенных на экспорт); в-третьих, Наркомфин РСФСР отказался вернуть Карелии налоги с оборота, полученные в Ленинграде (прежде всего, от «Севзаплеса»), хотя юридически автономная республика должна была их получить¹⁴¹. 13 августа российское правительство согласилось на финансирование из собственного бюджета, чтобы покрыть дефицит в Карелии, и предложило СССР покрыть разницу. Председатель Совнаркома РСФСР Лебедь тогда написал в Совнаркоме СССР требование принять это предложение,

¹³⁸ Письмо Гюллинга и представителя Карелии в Президиум ВЦИК, адресован Совнаркому СССР (Молотов), 5 февраля 1932 г. Там же. Л. 7.

¹³⁹ Письмо Ровио и Гюллинга в ЦК, 23 января 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1281. Л. 9–10.

¹⁴⁰ Совнаркоме СССР, 6 марта 1932 г. Там же. Л. 2.

¹⁴¹ См.: Письмо Главы Совнаркома РСФСР Лебеда Совнаркому СССР, 18 августа 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 1552. Л. 2; письмо Архипова Совнаркому Карелии, 14 августа 1932 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 191. Л. 13.

цитируя первые два аргумента Карелии и предусмотрительно опускающая третий¹⁴².

В то же самое время представитель Карелии в Москве Архипов послал сообщение с российским предложением секретарю Совнаркома Карелии В. М. Петровскому. Он признал, что предложенное российскими властями урегулирование содержало явное нарушение бюджетных прав республики и юридических прав на территориальный доход, но при этом просил Петровского убедить Гюллинга не сопротивляться этому плану, т. к. Карелии срочно требовались деньги, и было жизненно необходимо «найти общий язык с Наркомфином РСФСР». Если же лидер Карелии действительно собирался отклонить предложение, Архипов просил отправлять протесты прежде всего в Москву¹⁴³.

Тем временем, документ Лебеда был в центре внимания заинтересованных сторон в Москве. Наркомфин СССР согласился принять его при условии, что это будет последняя просьба о дополнительных инвестициях в Карелию, но Госплан СССР рекомендовал отклонить документ, утверждая, что Карелия должна была учесть возможные изменения в планах производства при расчете ежеквартальных бюджетов¹⁴⁴. В Наркомфине преобладало доброжелательное отношение к Карелии, поэтому 13 сентября союзное правительство одобрило выделение дополнительных 2,33 млн руб. из союзного бюджета для компенсации бюджетного дефицита Карелии¹⁴⁵.

Очевидно, Архипов осознал ситуацию и признал равновесие сил между Карелией и центром, понимая неизбежность работы в имеющейся системе. Гюллинг же явно не хотел ничего понимать и продолжал энергично сопротивляться любому нарушению статуса Карелии. В действительности, автономная республика могла сделать немного в ответ на покушения центра на ее права: либо положиться на законодательство, минимизируя последствия административного производства, либо надеяться на центр, который будет решать проблемы по мере

¹⁴² ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 1552. Л. 2.

¹⁴³ Письмо, 14 августа 1932 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 191. Л. 13.

¹⁴⁴ Бюджет РСФСР на IV квартал должен был покрыть бюджетный дефицит автономных республик, см.: Письмо председателя Госплана В. И. Межлаука Совнаркому СССР, 27 августа 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 1552. Л. 5; письмо Главы отдела республиканского и местного бюджета Наркомфина СССР Смилги (нет инициалов, возможно, И. Т. Смилга), 3 сентября 1932 г. Там же. Л. 4.

¹⁴⁵ Совнарком СССР, 13 сентября 1932 г. Там же. Л. 1.

их поступления. Единственная удавшаяся хитрость Карелии – стравливать союзные и российские органы управления.

Фактически к началу второй пятилетки Карелия уже потеряла контроль над своими доходами и расходами, хотя декрет от 23 января 1931 г. в принципе подтвердил привилегированный бюджетный статус республики. В декабре 1934 г. Гюллинг и Ровио поделились своими опасениями о ситуации в Карелии со Сталиным и Молотовым. Во-первых, автономная республика утратила почти все источники независимого территориального дохода (помимо прямого дохода от лесозаготовок, налогов на алкоголь и экспорта). Во-вторых, строгие ограничения центра на использование капитала мешали полноценному применению получаемого дохода. В-третьих, российские власти не могли ежегодно перечислять Карелии деньги в соответствии с заключенными соглашениями¹⁴⁶. Для решения этих проблем лидеры Карелии просили предоставить республике ресурсы, полагающиеся ей по закону. Они хотели использовать их по своему усмотрению. Также они просили лицензию на импорт машин и дефицитных товаров из-за границы (включая иностранную литературу). В свое оправдание Гюллинг и Ровио привели тот факт, что Карелия ежегодно зарабатывала для Советского Союза 15–20 млн руб. в свободно конвертируемой валюте. Лидеры автономии не получили всего, чего хотели, но этот протест не остался неслышанным, о чем пойдет речь ниже.

ЗАСЕЛЯЯ ПЕРИФЕРИЮ: ПЕРЕСЕЛЕНИЕ И ВЕРБОВКА

В 1926 г. население Карельской АССР составляло 269 734 человека, в 1931 г. – 312 458 человек, а к следующей переписи в 1933 г. – 368 892 человека (см. табл. 5.9 по демографическому развитию различных округов в 1931–1933 гг.)¹⁴⁷. Несмотря на такой быстрый рост, в годы первой пятилетки Карелии отчаянно не хватало рабочей силы. Уже в 1929 г. правительство СССР исключило республику из списка приоритетных областей для переселения, лишив ее центрального финансирования и сделав невозможным выполнение даже части пятилет-

¹⁴⁶ Письмо Ровио и Гюллинга в ЦК (Сталин) и Совнарком СССР (Молотов), 13 декабря 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 628. Л. 14–20. Письмо и подробный доклад, о котором пойдет речь в следующей главе, см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 4–5.

¹⁴⁷ Данные за 1926 и 1933 гг. см. в: Автономная Карельская ССР. Ежегодник, 1932–1933 гг. С. 68. Данные за 1931 г. из: Советская Карелия. Очерки партийного, советского и культурного строительства АКССР / под ред. Г. С. Ровио, Н. А. Ющева, Э. А. Гюллинга. М., Л., 1933. С. 119. В данных за 1933 г. есть сведения о спецпоселенцах.

него плана¹⁴⁸. В том же году автономии и железной дороге пришлось потратить более 5 млн руб. из собственных доходов, чтобы мобилизовать 50 тыс. сезонных рабочих для лесозаготовок¹⁴⁹. Народный комиссариат труда (Наркомтруд) РСФСР впоследствии осудил «злоупотребление служебным положением и ошибочные» методы вербовки рабочей силы Карелией¹⁵⁰.

Второго июля 1930 г. Совнарком СССР и ЦИК в совместном постановлении «О переселении» переложили всю ответственность за вербовку рабочей силы как сезонной, так и постоянной на Наркомтруд и частные тресты¹⁵¹. Ряд последовавших в 1931 г. декретов систематизировал действия предприятий по вербовке и отрегулировал процедуру заключения контрактов между директорами и колхозами на крестьянский труд¹⁵². Главным трестам Карелии, теперь подчинявшимся центру, удалось принять на работу относительно большое количество постоянных рабочих, особенно в 1931 г. (табл. 4.4). Организованная вербовка в промышленные отрасли облегчалась присутствием массы добровольных мигрантов. Химический комбинат в Кандалакше и «Нивастрой» на Крайнем Севере республики особенно преуспели в увеличении числа постоянных рабочих в 1932–1933 гг. (приблизительно половина чернорабочих «Нивастро́я» были вынужденными поселенцами, о чем пойдет речь далее)¹⁵³.

¹⁴⁸ Пеллинен С. О. О колонизационной работе в Карелии // Карело-Мурманский край. 1929. № 3. С. 8.

¹⁴⁹ О количестве и стоимости см.: Письмо представителя Карелии в Совете национальностей Карелии, 9 июля 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 292. Л. 10; Речь Кочанова перед Советом национальностей ЦИК, 6 января 1931 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 5. Д. 169. Л. 33.

¹⁵⁰ Письмо Наркомтруда РСФСР в Президиум ВЦИК, 25 октября 1930 г. // ГА РФ 1235. Оп. 125. Д. 293. Л. 2. Ш. Фицпатрик рассуждает о методах вербовки в: Fitzpatrick Sh. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the ussian Village after Collectivisation*. Oxford, 1994. P. 97–99.

¹⁵¹ Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917–1941 гг.). Томск, 1976. С. 138 и т. д. О Наркомтруде в 1930–1931 гг. см.: Davies R. W. *The Soviet Economy in Turmoil*. P. 419–426.

¹⁵² Платунов Н. И. Переселенческая политика... С. 141–145. Роль Наркомтруда постепенно снижалась вплоть до июня 1933 г., см.: Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy*. P. 354–355.

¹⁵³ 1933 г.; с 1926 г. население Кандалакшского района увеличилось на 75,4 %, включая 97 % работников «Нивастро́я». См.: Автономная Карельская ССР. Ежегодник, 1932–1933 гг. С. 18–21.

Однако большинство трестов недовыполнило планы по рекрутированию, а из-за плохих условий жизни и увеличивающейся нехватки продовольствия наблюдалась высокая текучка. «Кареллес» продолжал испытывать особенно острую нехватку рабочей силы. В 1931 г. нормы по лесозаготовке для Карелии были подняты на 70 %. К июлю республиканский лесной трест принял на работу лишь три четверти от запланированного числа постоянных рабочих и был не в состоянии в достаточной мере мобилизовать местное коллективизированное крестьянство на лесозаготовку (причина – саботаж кулаков)¹⁵⁴. Вновь трест зависел от сезонных рабочих, из которых к концу года ему удалось рекрутировать приблизительно 122 тыс. человек¹⁵⁵. В начале 1932 г. республика подсчитала, что ей необходимо 176 тыс. сезонных рабочих для выполнения годового плана по лесозаготовкам и промышленному производству, но она опасалась вследствие напряженности на общенациональном рынке труда не найти 62 тыс. человек¹⁵⁶. Ее прогнозы оправдались. В 1933 г. Карелия приняла лишь 4,6 % от запланированного количества постоянной рабочей силы и наняла только 116 тыс. сезонных чернорабочих¹⁵⁷.

Для решения этой затянувшейся проблемы правительство Карелии предприняло специальные меры, чтобы увеличить число постоянных рабочих. В конце 1931 г. оно учредило в рамках Переселенческого комитета специальный отдел для перебежчиков, чтобы ассимилировать незаконных финских иммигрантов в региональную экономику, как

¹⁵⁴ Резолюция Совнаркома Карелии о показателях Карельской промышленности с 1928–1929 гг. до 1 июля 1931 г., датирована 10 августом 1932 г., см. в: Индустриализация Северо-Западного района... С. 144, 147. О диверсиях см., напр., доклад главы ГПУ Карелии Иванченко (нет инициалов) в Бюро обкома Карелии, 6 января 1930 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 423. Л. 12–15; см. также: Советская Карелия: очерки партийного советского и культурного строительства АКССР / под ред. Г. С. Ровио. М.; Л., 1933. С. 139–142 (описывается агитация и вербовка кулаков, отказ работать по религиозным праздникам, террор против комсомольцев и забастовки, незаконное проникновение злоумышленников, бывших белых офицеров, духовенства и полицейских, из леспромхозов).

¹⁵⁵ Письмо Ровио и Гюллинга в ЦК, 23 января 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1281. Л. 9–10.

¹⁵⁶ Там же. О дефиците см.: Доклад ЦСНХ Карелии, без даты (1932) // НАРК. Ф. 794. Оп. 1. Д. 20–255а. Л. 35.

¹⁵⁷ Доклад обкома Карелии о результатах первого пятилетнего плана, 10–15 января 1934 г. // Вавулинская Л. И. Народное хозяйство Карелии. С. 23.

Переселение в Карелию, 1931–1933 гг.

Год	Запланировано				Выполнено			
	Всего	Иностранные	СССР	Национальные	Всего	Иностранные	СССР	Национальные
1931	10 254	2846	7407	8254	4238	1387	2851	1521
1932	8811	2250	6561	6811	1890 (а)	1124	766	1719
1933	3470	1425	2045	3470	158	10	148	146
Всего	22 535	6521	16 013	18 535	6286	2521	3765 (б)	3386
Из них карелов	12 459	4570	7889	10 909	3631	1482	2149	0

Примечания:

(а) плюс 852 финских перебежчика.

(б) из которых около 50% вернулись домой.

Источник: Статистика Карплана по переселению // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 36-257. Л. 83.

только они пройдут необходимую проверку органами безопасности¹⁵⁸. Оно также использовало в своих интересах политику центра по расселению демобилизованных солдат Красной Армии в приграничных колхозах¹⁵⁹. Хотя большая часть красноармейских колхозов должна была размещаться на Дальнем Востоке, чтобы обеспечить безопасность в случае возможной японской агрессии, Карелии удалось в 1931 г. получить 133 тыс. руб. в качестве «приграничного финансирования» на строительство трех колхозов, разместивших в общей сложности 150 бывших солдат и их семьи (всего 744 человек)¹⁶⁰. В 1932 г. Наркомзем Карелии создал три колхоза для 150 семей в Ухтинском, Ребольском и Петровском приграничных районах и предоставил средства для привлечения еще 335 семей для работы в колхозах, организованных в предыдущем году¹⁶¹. Однако республика настояла на том, что все красноармейцы должны быть этническими карелами, демобилизованными из егерского батальона. К началу 1935 г. в Карелии существовало десять красноармейских колхозов («Красное знамя», «Победа», «Карельский пограничник» и др.). Начальник управления НКВД Карелии (УНКВД) Н. С. Шершевский сообщал, что строительство продвигалось очень медленно, а большинство работников находилось на краю гибели из-за ужасных условий существования, нерегулярных поставок и проникновения «враждебных элементов»¹⁶². К началу 1936 г.

¹⁵⁸ Это решение было принято специальной комиссией обкома по перебежникам 11 ноября 1931 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 548. Л. 27, 46. См. также: Доклад ГПУ Карелии о правилах лагерей относительно перебежников на территории республики, 3 декабря 1932 г. // Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. / под ред. В. Г. Макурова. Петрозаводск, 1997. С. 188–194; Доклад ГПУ о настроении перебежников в Прионежском районе, конец 1933 и начало 1934 гг., 12 января 1934 г. Там же. С. 208–09; Такала И. Финское население Советской Карелии в 1930-е гг. // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. статей и докладов / под ред. М. Н. Губагло и др. М., 1992. С. 158–163.

¹⁵⁹ Декрет ЦК, 12 апреля 1959 г., основан на директиве РВС от 30 января 1930 г., см.: Платунов Н. И. Переселенческая политика... С. 200–201.

¹⁶⁰ Резолюция, Совнарком СССР, 13 марта 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13а. Д. 1294. Л. 36, 41. 66. О финансировании см.: Отчет о встрече Оборонного отдела Карплана, 27 марта 1932 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 751. Л. 4.

¹⁶¹ Резолюция, Секретариат обкома // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 687. Л. 35.

¹⁶² Доклад главы УНКВД Карелии Шершевского главе УНКВД Ленинградской области Л. М. Заковскому, Ровию и Гюллингу, 28 февраля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 314. Л. 19–22.

лишь 69 семей красноармейцев проживали в приграничной территории Карелии¹⁶³.

Фактором, ограничивающим успех политики переселения в республике, являлось настойчивое желание властей «говоря о необходимых Карелии кадрах, прежде всего иметь в виду национальные кадры»¹⁶⁴. Конечно, это условие строго ограничило круг потенциальных поселенцев. Пытаясь решить проблему, красные финские лидеры в 1931 г. вспомнили о своих первоначальных планах инициировать иммиграцию квалифицированных рабочих-финнов из Скандинавии и Северной Америки. В мае 1932 г. Ровио в личном обращении к Сталину просил одобрить эту схему на том основании, что наличие постоянной квалифицированной рабочей силы станет предварительным условием «создания в Карелии образцовой социалистической республики, способной революционизировать соседнюю Финляндию и Скандинавские страны»¹⁶⁵. Первоначально эта политика пользовалась успехом и поддержкой и привела к известной «карельской лихорадке» среди радикально настроенных американских и канадских финнов, из которых 6–10 тыс. человек эмигрировали в советскую Карелию в начале 1930-х гг. (см. в табл. 4.4 количество иностранных поселенцев по оценкам Карплана). Однако по крайней мере половина из них вскоре вернулась обратно¹⁶⁶.

Процесс переселения и поиска рабочей силы для Карелии тормозился не только из-за лучших условий, предлагавшихся рабочим в других районах, или сопротивления местных властей в местах вербовки, но и потому, что условия жизни и запасы продовольствия в

¹⁶³ Резолюция обкома Карелии об организации красноармейских колхозов, конец 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 57. Л. 38–43. См. также: Письмо Наркомзема Совнаркому СССР, 16 июля 1933 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 258. Л. 41; Письмо Лебеда Молотову, 13 ноября 1933 г. Там же. Л. 21.

¹⁶⁴ Доклад ЦСНХ Карелии, без даты (1932) // НАРК. Ф. 794. Оп. 1. Д. 20–255а. Л. 37об.

¹⁶⁵ Письмо Ровио Генеральному Секретарю ЦК Сталину, 20 мая 1932 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141–296. Л. 24–27.

¹⁶⁶ Последние архивные исследования см.: Sevander M. *Red Exodus: Finnish-American Emigration to Russia*. Duluth, Minnesota, 1993; Такала И. В поисках Эльдorado. Североамериканские финны в довоенной Карелии // *Вопрос истории Европейского Севера: Сб. научных статей* / под ред. И. А. Дорохова и др. Петрозаводск, 1993. С. 91–110; Gelb M. «Karelian Fever»: the Finnish Immigrant Community during Stalin's Purges // *Europe-Asia Studies*. 1993. № 45 (6). P. 1091–1116. Обзор других работ см.: Baron N. *Soviet Karelia*. P. 189 (прим. 184).

автономной республике были очень скудными. Большая часть тех, кто все-таки решался переселиться в область, вскоре уезжали¹⁶⁷. Другие просто отказывались работать, если условия не улучшат¹⁶⁸. В результате правительство Карелии не достигло ни одной из своих главных целей: ни увеличения рабочего населения пропорционально росту экономической деятельности, ни исправления этнической ситуации в республике (см. табл. 4.4.). В 1931 г. из тех, кого Карелия наняла на работу в рамках индустриального плана переселения, только четверть имела карельское или финское происхождение¹⁶⁹. Если в 1926 г. русские составляли 57 % всего республиканского населения, составлявшего 269 734 человека, то следующая перепись 1933 г. показала: из 368 892 жителей республики русских было 60 %¹⁷⁰.

Провал этих планов заставил обратиться к принудительным мерам для мобилизации рабочей силы. В сентябре 1930 г. милиция Карелии сообщила, что количество приговоренных к «принудительной работе» (в данном контексте – неоплачиваемому труду на рабочем месте без лишения свободы) на «периферии» республики было «недостаточно и иррационально». В центральных районах Карелии в первую половину года местные суды вынесли 1604 приговора о принудительной работе, каждый сроком в среднем на три месяца, а управление издало 443 декрета, установивших шестидневную рабочую неделю для приговоренных к принудительным работам (этот срок составил приблизительно 400 лет неоплачиваемых работ). Однако отчеты показали, что только около трети приговоров были отработаны¹⁷¹.

¹⁶⁷ Доклад ЦСНХ Карелии. Без даты (1932) // НАРК. Ф. 794. Оп. 1. Д. 20–255а. Л. 37об; Доклад агента вербовки Карелии Гришкина во время его поездки в Москву, Тверь, Бежецк и Ленинград, январь–март 1930 г. // НАРК. Ф. 689. Оп. 1. Д. 46–499. Л. 5–11. О поставках продовольствия см.: Записка о выполнении декрета Президиума ВЦИК от 30 июля 1930 г. по докладу правительства Карелии, февраль–март 1932 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 284. Л. 110–110об.

¹⁶⁸ О забастовках см.: Доклад обкома Карелии в ЦК, 16 октября 1931 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 94–564. Л. 53.

¹⁶⁹ Доклад обкома Карелии на XII областном партийном съезде, 10–15 января 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 74. Л. 37об, 46–47, 49–53 (опубл. в: Индустриализация Северо-Западного района... С. 274–280). Этот документ освещает увеличивающееся количество женщин, занятых принудительным трудом (рост с 26,5 % в 1931 г. до 35,2 % в 1933 г.).

¹⁷⁰ Автономная Карельская ССР. Ежегодник, 1932–1933 гг. С. 68.

¹⁷¹ Доклад Совнаркому Карелии о работе дружины и криминальных следователей в первой половине 1930 г., 13 сентября 1939 г. // НАРК. Ф. 966. Оп. 1. Д. 1–32. Л. 219.

Другим более значимым источником рабочей силы являлись коллективизированные крестьяне. Правительство Карелии, как и многие другие региональные правительства, сначала спокойно относилось к выполнению задач массовой коллективизации на своей территории и медлило с опубликованием и осуществлением полученных из центра директив¹⁷². К 10 февраля 1930 г. менее 2 % крестьянских домашних хозяйств Карелии объединились в колхозы¹⁷³. Однако Гюллинг осознал, что коллективизация создаст дополнительный резерв рабочей силы, которую можно использовать для выполнения республиканских планов по лесозаготовке, что было значительно важнее для экономики области, чем сельское хозяйство, ремесла или рыболовство (в меньшей степени колхозные крестьяне должны были работать в дорожном строительстве)¹⁷⁴. В любом случае социальная организация сельского населения Карелии имела мало общего с борьбой красных финнов за экономическую и финансовую автономию и преобразование республики в эффективную модель современного индустриального общества. Поэтому Гюллинг и его товарищи решили не тратить силы и сохранить остатки той доброжелательности, которая еще была в центральном управлении, возражая против этой политики. Выступления центра против непокорных крестьян также давали республиканским властям возможность для принудительной мобилизации. В декабре 1929 г. ЦИК Карелии решил ввести обязательную трудовую повинность для «кулаков и преуспевающих элементов в сельской местности и городах»¹⁷⁵. Решением Совнаркома Карелии от 3 января 1930 г. предполагалось мобилизовать все здоровое население мужского пола. Тем, кто отказывался, следовало урезать поставки, отправлять на принудительные работы (без лишения свободы) или наказывать по ст. 61 Российского Уголовного кодекса: от выписки штрафа до года заключения. Те, кто агитировал против мобилизации, подлежали судебному преследованию по ст. 51.10 «за контр-

¹⁷² Подробное исследование коллективизации Карелии см. в: Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии, 1929–1932 гг. // Карелия. 1997.

¹⁷³ Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Саватеев Ю. А. и др. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 538.

¹⁷⁴ Доклад Карелии о дорожном транспорте, 1932–1933 гг. (без даты, 1933) // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 139–954. Л. 1–7.

¹⁷⁵ Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг. Документы и материалы / под ред. Н. А. Ивницкого, В. Г. Макурова. Петрозаводск, 1991. С. 255.

революционную деятельность»¹⁷⁶. Позднее правительство Карелии декретом установило частичную коллективизацию сельского населения. Вскоре и эти меры оказались недостаточными, чтобы справиться с нехваткой рабочей силы. Три дня спустя после статьи И. Сталина «Головокружение от успехов» (т. е. 5 марта) власти республики издали резолюцию, стремясь контролировать проявления чрезмерного энтузиазма в сельской местности при выполнении декрета о полномасштабной коллективизации¹⁷⁷. Это происходило в разгар зимнего сезона лесозаготовок, когда срочно требовалась дополнительная рабочая сила для переправки леса по дорогам, пока оттепель не сделает их непроезжими.

Карелия также наблюдала за процессом коллективизации в других регионах. 13 февраля 1930 г. правительство РСФСР санкционировало введение оплачиваемого труда в лесозаготовительных районах (так называемая трудповинность, термин не использовался со времен военного коммунизма; очень напоминала царскую барщину)¹⁷⁸. В соответствии с этим декретом Ленинградская область в течение 1930 г. послала 12 тыс. крестьян на работу по контрактам на карельском лесозаготовительном предприятии «Желлес». По данным Наркомтруда, они трудились плохо и возвратились домой «очень возмущенные»¹⁷⁹. На следующий год «Желлес» должен был получить около 25 тыс. чернорабочих, но получил только часть из них – большинство крестьян отказалось повиноваться, а региональные власти хотели оставить их для иных работ¹⁸⁰. По мнению Наркомпути, это угрожало крахом региональной программе лесозаготовок¹⁸¹. В конце 1930 г. Карелия снова отправляла свое население на лесозаготовительные работы. Сопротивлявшимся кулакам грозило уголовное наказание¹⁸². Согласно английским данным о советских принудительных работах,

¹⁷⁶ Там же. С. 14–16.

¹⁷⁷ О реализации резолюции см.: Кораблев Н. А., Макуров В. Г., Саватеев Ю. А. и др. История Карелии.... С. 537–556.

¹⁷⁸ Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. P. 128–129, 133–134.

¹⁷⁹ Письмо Наркома Труда Сталину и Молотову, 14 февраля 1931 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 1712. Л. 8. Самовольное оставление работы было весьма распространено в Карелии. См.: The Times. 1930. 9 апр. и 20 сент.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 1712. Л. 8; Наркомтруд РСФСР и записку «Желлеса», 14 февраля 1931 г. Там же. Л. 6.

¹⁸¹ Письмо Совнаркома СССР исполкомам и обкомам Ленинградской и Западной областей, 17 февраля 1931 г. Там же. Л. 1.

¹⁸² Из истории раскулачивания в Карелии. С. 117, 265.

около 30 тыс. крестьян Карелии были призваны на лесопилки в начале 1931 г.¹⁸³

Помимо коллективизированного крестьянского труда и принудительных работ для остального гражданского населения, Карелия также использовала в своей экономике высланных кулаков. В апреле 1930 г. власти республики переселили приблизительно 500 семей раскулаченных крестьян из приграничных районов в Пудожский район, где они должны были работать на каменоломнях, принадлежащих «Карелграниту»¹⁸⁴. Одновременно правительство Карелии отказывалось принимать высланных кулаков из других областей, утверждая, что для политически важного пограничного района у них уже достаточное количество «ненадежных элементов» в растущей системе лагерей ОГПУ¹⁸⁵. Однако правительство автономии согласилось поселить «раскулаченных» «специальных поселенцев» на Крайнем Севере в районе Кандалакши для возведения НиваГЭС (однако они отказали «Нивастрою» в разрешении переселить ингрийцев из граничащих с Ленинградом районов, возможно, из национальной солидарности)¹⁸⁶. К началу 1932 г. специальный отдел «Нивастроая» разместил почти 1500 раскулаченных семей (всего 6200 человек), 45 % из которых работали на стройке, составляя более половины занятой там рабочей силы¹⁸⁷. В 1938 г. в Карелии все еще существовали два специальных поселения в Пудожье и «Нивастрое» с населением в 6167 человек (к этому времени, однако, в Карелии и Мурманской области также существовало более 20 поселений под управлением ГУЛАГа с населением в 30 тыс. человек, о чем пойдет речь далее)¹⁸⁸.

Власти Карелии также обращались к судебным органам за рабочей силой. В ноябре 1929 г. обком Карелии разрешил «Кареллесу» подпи-

¹⁸³ Stewart-Murray K. M. (the Duchess of Atholl). *Conscription of a People*. London, 1931. P. 75.

¹⁸⁴ Из истории раскулачивания в Карелии. С. 76–81, 181–183, 240–243.

¹⁸⁵ См., напр.: Резолюция закрытого Бюро обкома Карелии по раскулачиванию, 6 февраля 1930 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 423. Л. 32.

¹⁸⁶ Секретариат обкома Карелии, 17 мая 1931 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 540. Л. 6.

¹⁸⁷ Из истории раскулачивания в Карелии. С. 245–254; Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове, 1930–1936 гг. Мурманск, 1993. С. 76–79.

¹⁸⁸ Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 1930 гг: численность, расселение, состав // *Население России в XX веке. Исторические очерки*. Т. 1. 1900–1939 гг. / под ред. В. Б. Жиromской. Москва, 2000. С. 293, табл. 57.

сать контракт с ГУМЗ для привлечения заключенных к труду на лесопилках и направил партийных представителей в Совнарком для организации тюремных колоний под юрисдикцией Наркомата внутренних дел Карелии¹⁸⁹. В мае 1930 г. обком Карелии решил временно увеличить число нанятых заключенных ГУМЗ с 5 до 6 тыс. человек: дополнительные работники требовались для дорожного строительства, которое незадолго до этого стало приоритетным по стратегическим причинам. Это побудило Совнарком Карелии поставить вопрос о передаче управления тюремными колониями ГУМЗ на своей территории от российских федеральных властей НКВД Карелии и в соответствии с центральными декретами перевести всех местных заключенных ГУМЗ с тюремными сроками более трех лет в УСЛОН¹⁹⁰. Безусловно, самым большим резервом для принудительных работ в Карелии оставался Соловецкий лагерь ОГПУ, который в этот период переживал демографическую, экономическую и территориальную экспансию.

РАСШИРЕНИЕ ГУЛАГа КАРЕЛИИ

К концу первого десятилетия советского правления стало очевидно, что гражданские схемы добровольной колонизации отдаленных областей провалились, и ОГПУ обещало заняться урегулированием и ассимиляцией приграничных районов¹⁹¹. В мае 1929 г. Политбюро приняло план, составленный заместителем руководителя ОГПУ Г. Г. Ягодой, по расширению специальной системы лагерей в Ухтинской и Печорской областях Северного края¹⁹². Он хотел «колонизировать эти области и использовать природные ресурсы при помощи труда заключенных»¹⁹³, охватить всю северную границу от Карелии

¹⁸⁹ Бюро обкома Карелии, 18 ноября 1929 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 331. Л. 54.

¹⁹⁰ Секретариат обкома Карелии, 20 мая 1930 г. // КГАНИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 434. Л. 72–73.

¹⁹¹ Я обсуждаю предпосылки этой политики, а также исследую стратегии ОГПУ строительства империи на периферии в: Baron N. Conflict and complicity: the expansion of the Karelian GULAG, 1923–1933 // Cahiers du monde russe. 2002, № 43 (1). P. 616–617, 627–629. См. также: Khlevniuk O. V. The History of the Gulag. From Collectivization to the Great Terror. New Haven, 2004.

¹⁹² Ухтинский концентрационный лагерь был образован согласно резолюциям Политбюро от 16 и 23 мая 1929 г. «Об использовании труда заключенных» // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 740. Л. 6 и Д. 41. Л. 4.

¹⁹³ Политбюро, 27 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 746. Л. 2, 11.

до Дальнего Востока. Общенациональная кампания ОГПУ против кулаков должна была обеспечить необходимые трудовые ресурсы. Соловецкий лагерь являлся моделью для других областей.

Ягода также убедил советских лидеров, что в дальнейшем исправительные трудовые лагеря (ИТЛ, позже известные как концентрационные лагеря) могли превратиться в поселения свободных рабочих, при помощи труда которых можно интегрировать периферийные северные территории государства в его основное пространство. Заключенных, отличавшихся образцовым поведением, можно освобождать раньше срока, если они согласны остаться в этих суровых краях. Те, кто отработывал весь тюремный срок и был лишен права выбора места жительства, так же как и те, кто решил остаться добровольно, могли рассчитывать на льготы при распределении земли и дотации в виде наличных или оборудования. Декрет гласил, что все наркоматы внутренних дел республик должны отправлять физически здоровых заключенных, приговоренных более чем к трем годам, в новые лагеря ОГПУ¹⁹⁴.

Лидеры Карелии видели как минусы, так и плюсы в расширении специальной системы лагерей на своей территории. Риск скопления большого количества заключенных в пограничном районе был очевиден, и велика вероятность, что некоторым из них удастся бежать в Финляндию и рассказать о территориальной системе лагерей и использовании республикой принудительного труда, что повредит репутации советской Карелии за границей (именно так многие и поступили). Они могли также подстрекать местное население, которое уже однажды, в начале десятилетия, восставало и которое (по регулярным «сводкам о настроениях» политической полиции) все еще до конца не примирилось с советской властью или доминированием красных финнов в своем регионе¹⁹⁵. В феврале 1929 г. глава ГПУ Карелии Нельке отметил, что, когда «Кареллес» в предыдущем году нанял для работы 347 соловецких заключенных в дополнение к 700 постоянным рабочим на лесопилке № 40 на острове Революции в Кемском заливе, заключенные попытались вести антисоветскую и антисемитскую агитацию среди свободных рабочих (чего власти Карелии опасались уже в 1923 г.). Хотя постоянные рабочие не поддались пропаганде, присутствие лагерного контингента создавало нервную обстановку. Заключенные

¹⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 746. Л. 2, 11. См.: Декрет Совнаркома СССР «Об использовании труда заключенных», 11 июля 1929 г. // Экономика Гулага и ее роль в развитии страны. 1930-е годы: Сб. док. / Под ред. М. И. Хлюсова. Москва, 1998. С. 19–20.

¹⁹⁵ Подборку докладов этого периода см. в: Макуров В. Г. Неизвестная Карелия. С. 103–126.

выполняли такую же работу, как и свободные граждане, но бесплатно. Поэтому последние опасались увольнения. Также они полагали, что заключенные получают лучшие пайки от коррумпированной, но гораздо менее эффективной, чем лагерная, гражданской сети поставок продовольствия¹⁹⁶.

Расширение принудительных трудовых лагерей ОГПУ в Карелии со временем привлекло бы большие капиталовложения в область, обеспечило бы постоянное наличие необходимой рабочей силы для лесопилок и строительства, а в целом это означало бы дальнейшее освоение отдаленных северных районов республики. На это была способна только подобная мощная структура. Неизвестно, что думали об этом лидеры Карелии: перевесили ли практические выгоды опасности такой политики или красные финны смогли отбросить остатки моральных принципов, не позволявших им использовать принудительный труд. В любом случае лидеры республики больше не имели влияния на соответствующие решения центра. Единственный способ привести политику Москвы и собственные интересы к общему знаменателю заключался в том, чтобы совместить их с интересами управления, которое имело власть в центре – ОГПУ было как раз таким учреждением.

В конце лета 1929 г. коммунистическая партия Карелии признала, что нужно сделать все необходимое для «максимального использования рабочей силы УСЛОНа на территории Карелии», особенно это касалось лесной промышленности. Также следовало нанять освобожденных заключенных, которые еще оставались на территории республики, для помощи в сельском хозяйстве и колхозах в малонаселенных северных районах. Смирившись с неизбежным, лидеры Карелии стремились получить максимальную экономическую выгоду от УСЛОНа, смягчая политические последствия расширения его деятельности на территории республики. Во-первых, обком помог УСЛОНу заключить контракт с «Кареллесом» на поставку требуемой рабочей силы для удвоения объема лесозаготовок в текущем году. Во-вторых, он дал распоряжение правительству республики передать несколько лесных районов под юрисдикцию УСЛОНа для их независимого использования¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Доклад Нельке управлению ОГПУ Ленинградского военного округа, 10 февраля 1929 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 80–365. Л. 22–37. В докладе подчеркиваются как приоритеты центральной политики того времени (например, борьба против антисемитизма), так и озабоченность местной администрации проблемами, связанными с использованием труда заключенных.

¹⁹⁷ Бюро обкома Карелии, 28 сентября 1929 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 329. Л. 57.

Одновременно лидеры Карелии пытались ограничить независимость чекистов и обеспечить взаимодействие между гражданским населением и управлением лагеря. В марте 1929 г. обком Карелии попросил ЦК учредить партийный комитет УСЛОНа, подчинить его компартии республики и дать статус партийного районного комитета (райкома). Обком утверждал, что три фактора делают необходимым подчинение ему всех партийных служащих лагеря. Во-первых, сеть Соловецких лагерей была географически разбросана по всей Карелии, Северному краю и Мурманскому округу, но все еще не имела объединенного территориального партийного руководства. Во-вторых, отдаленность членов партии, служивших на периферийных заставах, препятствовала эффективному управлению УСЛОНа сетью лагерей из штаб-квартиры в Кемь. В-третьих, необходимо было разъяснить роль райкомов в жизни лагерей, расположенных под их территориальной юрисдикцией, иначе продолжатся существующие «неправильные отношения между районом и местным управлением лагерей»¹⁹⁸. Очевидно, карелы надеялись, воспользовавшись имеющейся у них партийной властью над чекистами – членами партии, повлиять на политику ОГПУ в республике.

Однако ЦК отказался учредить партийный комитет УСЛОНа или подчинить разрозненные партийные ячейки чекистов обкому Карелии. В том же году декрет ЦК опроверг каждый из приведенных обкомом аргументов. Во-первых, перемещение штаб-квартиры УСЛОНа в Кемь в августе 1929 г. означало, что система лагерей теперь была сконцентрирована на территории Карелии. Во-вторых, предложенная мера не наладила бы отношений членов партии с центральным управлением УСЛОНа. Таким образом, чекисты были защищены от вмешательства партии. В-третьих, обком Карелии мог улучшить отношения между местными служащими и управлением лагеря, усилив свое влияние на окружные комитеты¹⁹⁹. В качестве уступки Карелии оргбюро ЦК согласилось поддержать очередное ходатайство в президиум ВЦИК с требованием передачи Соловецких островов от Северного края Карелии²⁰⁰.

¹⁹⁸ Апелляция в ЦК, 28 марта 1929 г., цит. по: Письмо Орграспреда в обком Карелии, Ленинградский обком и обком Северного края, 18 июня 1929 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 437. Л. 71. Карелы подали вторую апелляцию 28 августа, см.: Записку Секретариата ЦК, без даты (вскоре после 28 августа 1929 г.). Там же. Л. 80, 98; просьба о поддержке Ленинграда, см.: Бюро обкома Карелии, 28 сентября 1929 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 329. Л. 57.

¹⁹⁹ Письмо ЦК, без даты (после 28 августа 1929 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 437. Л. 80.

²⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 33. Д. 437. Л. 71.

Фактически к этому времени небольшие изменения в административном делении перестали устраивать руководство. Чтобы осуществить честолюбивые планы Ягоды по территориальной экспансии ОГПУ и обеспечить восприятие Соловецкого лагеря как центра принудительного труда на Советском Севере, начальник УСЛОНа А. П. Ногтев в апреле 1930 г. утвердил план по всестороннему реструктурированию региональной системы лагерей в соответствии с изданным в начале месяца новым Положением об ИТЛ²⁰¹. Согласно этому плану у лагеря появлялась четкая структура центральной администрации, разделенная на отделения (для лесной промышленности, рыболовства), и обширная территориальная сеть из двенадцати лагерей на территории Карелии и Кольского полуострова. Каждое отделение имело подотделы, подведомственные как начальнику отделения (выполнял экономические и административные функции управления), так и соответствующим отделениям в центральном управлении. По словам Ногтева, новая структура разрабатывалась для максимизации производительности принудительного труда в отдаленных областях: «при территориальном делении УСЛОНа первостепенное значение было уделено экономическим вопросам (например, концентрации отдельных отраслевых функций)»²⁰².

По задумке Ногтева, новая структура лагеря должна была устранить конфликт между экономическими и административными функциями УСЛОНа, подчинив управление населением лагеря задачам его эксплуатации. (План основан на организационных реформах партии 1929 г., которые были разработаны для увеличения эффективности ее вмешательства в гражданскую экономику во время первой пятилетки.) В центре отдел контроля планирования будет доминировать над местными отделениями. В местных отделениях новая субструктура, подчиняющаяся центру и территориальному управлению, обеспечила бы более автономное и экономически логичное управление. Ранее Ногтев заявил, что центр «переборщил с централизацией работы периферии, и часто, не имея возможности достаточно хорошо изучить потребности периферии, превращал свое управление в мелочную опеку, связывая последнюю по рукам и ногам»²⁰³. Именно из-за этого каждый лагерь нес ответственность за выполнение планов, не участвуя в их разработке, а «слепо выполняя указания центра».

²⁰¹ Статут см.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1930. № 22. С. 686.

²⁰² Записка от апреля 1930 г., подписана Ногтевым // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1. Л. 2–4, 30–35. Мой перевод.

²⁰³ НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1. Л. 2–4.

Благодаря новой организационной структуре местные отделения должны были вести собственную бухгалтерию (в соответствии с решениями XVI съезда ВКП(б) и ЦК). В таком случае у управления отделениями появлялась мотивация и экономические средства для управления рабочей силой и извлечения максимальной прибыли из производства.

Реформа позволила бы лагерю утроить рабочее население (до 50 тыс. человек) и выполнить план производства в течение последующего года. В дополнение к организационным мерам была разработана новая система по стимулированию труда заключенных, усилена дисциплина среди населения лагеря и охранников. Позднее один из бывших заключенных рассказывал:

«Избиения и сверхурочная работа прекратились..., заключенных сгруппировали в различные категории в соответствии с их физической подготовкой. Были установлены нормы выработки, которые должны быть выполнены. Если работа не была вовремя закончена, паек заключенного уменьшался пропорционально выполненному объему. Это вынуждало заключенных стараться, иначе они бы голодали»²⁰⁴.

Так как план Ногтева был осуществлен, население СЛОНа росло еще быстрее, чем он предполагал: с 21,9 тыс. человек в 1928–1929 гг. до 65 тыс. человек в 1929–1930 гг. и 71,8 тыс. человек в начале 1931 г. (за исключением недавно приехавших на строительство Беломорканала, см. табл. 4.5 и рис. 4.6). Это увеличение не было прямым результатом реструктурирования УСЛОНа, а, скорее, жестокого преследования кулаков со стороны ОГПУ по всему Советскому Союзу, а также кампаний против индустриальных специалистов, предпринимателей и старой интеллигенции. Многие из них оказались на Соловках, где стали свидетелями абсолютной тирании Ногтева («тут нет советской власти, – говорили служащие вновь приехавшим, – тут есть соловецкая

²⁰⁴ Интервью с Реверандом Дейнасом, сбежавшим заключенным из СЛОНа, консульство США, Каунас, Литва, 31 октября 1933 г. // Национальный архив США, 1930–1939 гг., 861.5017-living conditions/726. О бывшем заключенном Н. А. Френкеле см.: Solzhenitsyn A. The Gulag Archipelago, 1918–1956 // An Experiment in Literary Investigation. Part 3. London, 1975. P. 73–75; Чухин И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990. С. 30–32; Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939: Факты – Домыслы – «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч. США: Изд. автора. 1979. Кн. 2. С. 174–191.

власть»)²⁰⁵. В том случае, когда организационные реформы Ногтева побуждают нас думать о нем как о холодном бюрократе, тронутым «банальностью зла», стоит процитировать одного заключенного, который описал его как «абсолютно ненормального человека, маньяка»²⁰⁶. Ногтев был уволен в мае 1930 г., после того как расследование ОГПУ выявило факты пыток и убийств заключенных в лагере²⁰⁷.

Таблица 4.5

Население СЛОНа и Белбалтлага, 1928/1929–1933 гг. (чел.)

Год	СЛОН	Белбалтлаг
1928–1929	21 900	–
1929–1930	65 000	–
1931 (в среднем)	71 800	64 100
1932 (в среднем)	15 130	99 095
1933 (в среднем)	19 287	84 504

Источник: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 гг.: Справочник // под ред. М. Б. Смирнова. Москва, 1998. С. 162–164, 394–397.

Наряду с демографическим ростом Соловецкий лагерь переживал быстрое увеличение производства, что поддерживало веру руководителей в новую систему. С 1 октября 1929 г. УСЛОН работал на основе финансовой автономии (хозрасчет), которая в принципе означала, что не стоит больше рассчитывать на субсидии из центра²⁰⁸. К 1931 г. помимо работ на лесопилках, в дорожном и железнодорожном строительстве на материке заключенные также занимались рыболовством, сельским хозяйством, производством кирпичей и изделий из кожи. В 1930 г. официальный «Соловецкий журнал» писал, что если в 1926 г. УСЛОН выполнил заказы «Желлеса» и «Кареллеса» стоимостью в 63 тыс. руб., то к 1929 г. цена работ увеличилась до 2 млн 355 тыс. руб. Участие УСЛОНа в дорожном строительстве выросло с 105 тыс. руб. в 1926 г. до 6 млн в 1930 г.²⁰⁹

²⁰⁵ «Здесь власть не советская, здесь власть соловецкая» в: Likhachev D. S. Reflections on the Russian Soul. A Memoir. Budapest, New York, 2000. P. 87. Лихачев также использует эту фразу в документальном фильме Марины Голдовской «Власть соловецкая» (Мосфильм, 1989).

²⁰⁶ Цит. по: Letters from Russian Prisons. London, 1925. P. 70.

²⁰⁷ См.: Khlevniuk O. V. The History of the Gulag. P. 91–93.

²⁰⁸ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 гг.: Справочник / под ред. М. Б. Смирнова. М., 1998. С. 396.

²⁰⁹ Соловецкие острова. 1930. № 2–3. С. 56–57, цит. по: Solzhenitsyn A. The Gulag Archipelago. Part 3. P. 51. Эти цифры даны без учета инфляции рубля.

Правительство Карелии, как мы видим, уже признало роль УСЛОНа в региональной экономике. Когда летом 1930 г. оно представило очередное ходатайство в центр о передаче Соловецких островов, запрос пытались оправдать тем, что СЛОИИ участвует «в той или иной форме во всех отраслях экономики Карелии». В письме говорилось: Соловецкий лагерь, работавший как независимо, так и по контракту с «Кареллесом» и «Желлесом», производил 10 % лесозаготовок в Карелии; был второй по величине рыболовецкой организацией в республике (ему принадлежало 40 % вылова в 1929–1930 гг.). Он также был занят в дорожном строительстве и землеустройстве (имелся контракт с Наркомземом Карелии). В ходатайстве отмечалось, что в наступавшем году УСЛОИИ намеревался отправить 60 % заключенных на лесозаготовки, а также организовать собственные лесопилки, построить новые швейные фабрики и судостроительные заводы (в Кеми), увеличить объем рыбной ловли и сельскохозяйственных работ²¹⁰.

В требовании пересмотреть морские границы для включения острова в свою территорию правительство республики напоминало, что центры УСЛОИИ разделены между Карелией и Северным краем²¹¹. В то же время автономия напомнила о своей старой просьбе передать ей Мурманскую область для объединения лесных областей. ОГПУ, Госплан СССР и административная комиссия ВЦИК теперь поддерживали ходатайство Карелии, ссылаясь на то, что центры УСЛОИИ имели более тесное экономическое взаимодействие с республикой, чем с Северным краем. Однако в октябре Президиум ВЦИК отклонил оба запроса, согласившись с аргументом Архангельска, что во время выполнения первого пятилетнего плана край зависел от рабочей силы УСЛОИИ, особенно в дорожном и железнодорожном строительстве²¹².

Ни одна из этих сторон, конечно, не говорила о человеческих потерях при расширении лагеря. Согласно сведениям ведущего российского специалиста по лагерям смертность в СЛОИИ в 1931 г. составляла 6,2 %, т. е. почти 4500 случаев за год²¹³. Хотя инициа-

²¹⁰ Письмо административной комиссии Президиума ВЦИК, 6 сентября 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 290. Л. 7–8.

²¹¹ В Карелии – штаб-квартира УСЛОИИ и прокуратура лагеря (в Кеми), партийные организации по территории области. В Северном крае – суд УСЛОИИ, профсоюз и партия на Соловецких островах.

²¹² Президиум ВЦИК, 20 октября 1930 г. // ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 125. Д. 290. Л. 1.

²¹³ Земсков В. Н. в кн.: Население России в XX веке. С. 320. Заметьте, что он также приводит цифру 1438, говоря об умерших в Соловецком ла-

тива строительства Беломорско-Балтийского канала (Беломорканал) в 1931 г. означала, что план Ногтева по реструктурированию УСЛОНа полностью никогда не осуществится, его проект создания гигантского регионального производственного комплекса, основанного на принудительном труде, должен был стать моделью для Беломорско-Балтийского Комбината (ББК) в Карелии и Мурманской области, а также для организации и расширения системы ГУЛАГа по всему Советскому Союзу в 1930-х гг.

Отношения Карелии с УСЛОНам, 1930–1931 гг.

В начале нового десятилетия правительство Карелии столкнулось с неприятным, но ценным потенциальным союзником при лоббировании своих интересов в ЦК партии и правительстве. На X съезде партии в Карелии в мае 1930 г. представитель УСЛОНа Д. В. Успенский добивался путем уговоров и неявных угроз полного сотрудничества с республикой. Он обрисовывал в общих чертах новое обязательство ОГПУ перед сложным региональным развитием. Как он объявил, следует шире использовать рабочую силу СЛОНа в лесозаготовках, дорожном строительстве, рыболовстве и сельском хозяйстве, чтобы позволить Карелии достичь региональной самостоятельности. Представитель УСЛОНа тщательно подбирал слова: безусловно, автаркия Карелии долгое время была заветной целью Гюллинга. Успенский обещал, что впредь УСЛОН направит все ресурсы на региональное развитие. Но в то же время республиканским лидерам не стоило ожидать достижения своих экономических целей без признания необходимости борьбы режима с социальными врагами, в особенности с его продолжающимися нападениями на неколхозное крестьянство и признания ведущей роли политического управления (у автора «тайной полиции». – *Прим. пер.*) в этой классовой войне. Другими словами, ценой индустриального роста являлось полное отступление перед политическими приоритетами центра и помощь в репрессиях. По словам Успенского:

«У нас есть грандиозные возможности использовать то утильсырье, те отбросы октябрьского шквала, те осколки социальной стройки, которых становится тем больше под нашей властью, чем успешнее продвигается борьба по абсолютному искоренению остатков капитализма».

гере в 1931 г. Там же. С. 319. Большие цифры появляются только в мемуарах, см. напр.: Dallin D. J., Nicolaevski B. I. Forced Labor in Soviet Russia. New York, 1974. P. 188–190.

Тем временем обком Карелии должен был направить свои силы на улучшение отношений между УСЛОНОм и региональными партийными организациями, недовольными тем, что «УСЛОН был классовым врагом, который замедляет партийное развитие и распространяет разврат». Он не рассказал, как узнал о подобных разговорах между местными партийными активистами. Он также напомнил: не стоит забывать, что социально чуждыми элементами являются заключенные, а не чекисты. В заключение он сказал: карельские товарищи, боящиеся влияния населения лагерей в республике, ошибаются, т. к. заключенные «являются воском в наших руках, и мы лепим из них все, что нам захочется». По его словам, это составляет часть «творческой работы УСЛОНа». Аудитории оставалось только догадываться о формах и методах чекистского «творчества»²¹⁴.

Меньше чем через месяц, перед началом летнего сезона лесозаготовок, секретариат обкома Карелии заслушал доклад нового главы УСЛОНа А. А. Иванченко, сменившего Ногтева 19 мая 1930 г. Компартия Карелии приняла решение, призванное закрепить отношения республики с управлением лагеря и использовать последнее для дальнейшего регионального развития. Решение от 18 июня «О новых задачах лагерей специального назначения ОГПУ в вопросах освоения территории» гласило:

1. В связи с нехваткой рабочей силы в Карельской АССР использовать рабочую силу УСЛОНа для экономического развития Карелии посредством заключения контрактов между УСЛОНОм и экономическими организациями Карелии на долгосрочной основе; в то же самое время предоставлять УСЛОНу собственную экономическую основу для развития индустриально-экономических предприятий.

2. Достичь соглашения на освоение определенных территорий группами заключенных УСЛОНа, с оговорками для политических аспектов вопроса и согласовав это с правительственными планами Карелии.

3. Учитывая приграничное расположение Карельской АССР, принять во внимание, что население лагерей УСЛОНа в Карелии уже достигло максимума и не может увеличиваться²¹⁵.

В этом документе правительство Карелии пошло на три решающих уступки: согласилось на заключение долгосрочных контрактов с ОГПУ для использования принудительного труда, передавало территорию лагеря для его самостоятельного индустриального развития,

²¹⁴ Стенограмма, 28 мая 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. 1910. Л. 41–50.

²¹⁵ Секретариат Обкома Карелии, 18 июня 1930 г. // КГАНИ. Ф. 2. Оп. 434. Д. 100.

выделило дополнительную территорию для расселения освобожденных заключенных, ни один из которых, по сути, не был финном или карелом. Взамен на контроль большей части территориальной, экономической и национальной автономии республики правительство потребовало, чтобы лагерь ограничил свое дальнейшее расширение. Однако Карелия не имела такого авторитета, чтобы заставить управление ОГПУ пересмотреть концепцию территориальной империи на периферии. Как только республика согласилась на эти условия, она все больше втягивалась в репрессии и способствовала принудительному труду.

В соответствии с декретом обкома от 18 июня УСЛОН спустя несколько недель предложил построить большое целлюлозно-бумажное предприятие в населенном пункте Поньгоме на севере Кемского района и попросил власти Карелии передать этот район в его «долгосрочное автономное пользование». Соловецкие власти возмущались, что «Кареллес» включал план лесозаготовок УСЛОНа в общий региональный план. Как бы ни были преданны власти лагеря идее о региональном развитии, они также стремились поддерживать территориальную независимость от организаций Карелии²¹⁶. Они настаивали, чтобы их исключили из общего плана, поскольку иначе пришлось бы нести ответственность за неудачи гражданских ведомств.

Не желая играть второстепенную роль на собственной территории, лидеры Карелии решили взять под контроль управление лагеря. Этого можно было добиться только при помощи партии. В июле 1930 г. секретариат обкома Карелии принял другое решение, призывающее ЦК подчинить УСЛОН республиканским властям. Тем временем райкомы Карелии должны были осуществлять политическое руководство не только УСЛОНОм, но и его внутренними партийными делами и «ежедневной экономической деятельностью лагерей», а также образованием и пропагандой среди свободной рабочей силы. Окружные комитеты также отвечали за местное население с целью недопустить идеологического «загрязнения» из-за контактов с заключенными. В то же время местным членам партии рекомендовалось воздерживаться от вмешательства в повседневную работу ОГПУ с заключенными. Руководство Карелии полагало, что управление лагеря едва ли обратит внимание на другие пункты документа²¹⁷.

²¹⁶ Письмо из отдела лесозаготовок УСЛОНа Кареллесу, 12 августа 1930 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 85–447. Л. 29.

²¹⁷ Секретариат Обкома Карелии, 23 июля 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1986. Л. 6.

Сотрудничество между управлением Соловецкого лагеря и гражданскими властями было особенно трудным из-за неразрешенных споров по расходам. В мае 1930 г. «Кареллес» выразил протест новому секретарю обкома Ровио в связи с тем, что УСЛОН потребовал грабительские 7 руб. 06 коп. за кубометр леса и его транспортировку из Кемского леспромпхоза, тогда как обычно цена была немногим более 3 руб. После переговоров чекисты согласились снизить цену до 6 руб. 36 коп., которую «Кареллес» был вынужден заплатить. Однако лесной трест не мог внести дополнительную сумму, которую просил УСЛОН за сплав леса. «Кареллес» просил ЦК воздействовать на УСЛОН, чтобы тот предоставлял рабочую силу по тем же ставкам, что и гражданские предприятия. В случае отказа УСЛОНа республиканский лесной трест пригрозил прекратить нанимать на работу заключенных²¹⁸. В тот же день, когда «Кареллес» подал протест в органы компартии, Гюллинг написал региональному представителю Лесэкспорта и наркому союзного Рабкринна Г. К. Орджоникидзе, прося центр вмешаться, чтобы «изменить неправильное отношение УСЛОНа», т. к. «организации Карелии не способны повлиять на УСЛОН в этом вопросе»²¹⁹.

За угрозой «Кареллеса» отказаться от рабочей силы УСЛОНа ничего не стояло – лесозаготовка напрямую зависела от нанятых заключенных, и, как мы знаем, многие предприятия в республике пользовались рабочей силой УСЛОНа. В конце 1930 г. западные страны объявили бойкот советскому экспорту леса, протестуя против использования принудительного труда на лесопилках²²⁰. В ответ Молотов выступил на VI съезде Советов в марте 1931 г. и опроверг иностранные обвинения²²¹. В подготовке к этой речи и в ожидании визитов западных делегаций Политбюро в конце февраля 1931 г.

²¹⁸ КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 85–447. Л. 25.

²¹⁹ Там же. Л. 26.

²²⁰ См., напр.: The Times. Forced Labour in Russia. 1930. 8 окт. С. 13а; Soviet Timber Trade. «Slave» Labour of Prisoners 1930. 16 дек. С. 13а. Подробности и ответ Советского Союза см.: Dallin D. J., Nicolaevski B. I. Forced Labor in Soviet Russia. P. 217–230.

²²¹ См. доклад о речи Государственного департамента США, T1249, 861.5048/36 и Dallin D. J., Nicolaevski B. I. Forced Labor in Soviet Russia. P. 222–224. На том же съезде представитель Северного края С. А. Бергавинов объяснил иностранные обвинения в «рабстве» и «имперской лжи» подготовкой к интервенции и войне с советской властью при участии кулаков, меньшевиков и злоумышленников, см.: Стенограмма, 11 марта 1931 г. // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 6. Д. 38. Л. 67–70. Ровио больше обвиняли во лжи, заявив, что Молотов уже опроверг всю «клевету и ложь», рост лесозаготовок Карелии он объяснял энтузиазмом эмигрантов из Северной

срочно издало секретную инструкцию для ОГПУ, приказав «в течение двух недель эвакуировать всех заключенных, работающих на лесопилках в Мурманской области, Карелии и Северном крае», а также тех, кто транспортирует лес для экспорта²²². На тот момент более 12,4 тыс. заключенных УСЛОНа работали по контракту на гражданских предприятиях Карелии (как и те, кто делал пиломатериалы или строили канал)²²³. В первую неделю марта компартия Карелии обязалась воплотить в жизнь эту директиву, но встретила отчаянное сопротивление «Желлеса», чья экономическая деятельность полностью зависела от принудительного труда, и ОГПУ, которое отказалось указать место работы заключенных гражданским чиновникам²²⁴. Обком компартии Карелии убеждал ЦК заставить ОГПУ предоставить эту информацию, чтобы все заключенные, работавшие на лесопилках, были «вывезены недалеко [недалеко от Мурманской железной дороги, маршрута иностранных инспекций] для работ по дорожному строительству и др.»²²⁵ Английская делегация была обманута (работники лесопилок «были сильными, здоровыми, энергичными, хорошо одетыми», отличались высоким уровнем морали, сознательностью и не показали признаков принуждения); за что центральная власть похвалила Карелию²²⁶.

Америки и Финляндии, а также увеличившейся производительностью // ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 6. Д. 38. Л. 91–93.

²²² Постановление Политбюро, 20 февраля 1931 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 141–142.

²²³ «Желлес» нанял около 7150 человек, Мурманская железная дорога – 300, а «Кареллес» – 495 человек, см.: Доклад главы УСЛОНа А. А. Иванченко комиссии обкома Карелии по рабочей силе и поставкам леса на Беломорстрой, 1 марта 1931 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1987. Л. 126–131.

²²⁴ Доклад второго секретаря обкома Карелии А. М. Аполоника, 5 марта 1931 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1988. Л. 31; Письмо обкома Карелии в ЦК, Ленинградский обком, Мурманскую железную дорогу, «Желлес» и ГПУ, 23 апреля 1931 г. // КГАНИ (особая папка). Ф. 3. Оп. 65. Д. 2. Л. 2. Эвакуация происходила также в Архангельскую систему лагерей. См. описание Джорджем Китчином своей эвакуации из Котласа в: Kitchin G. Prisoner of the OGPU. New York, 1970. P. 265–272.

²²⁵ КГАНИ (особая папка). Ф. 3. Оп. 65. Д. 2. Л. 2.

²²⁶ Лекция Е. П. Тетсалла, бывшего президента Федерации лесной торговли Великобритании, приводится в: The Times. 1931г. 17 дек. С. 14а; советскую позицию по вопросу см. в: Tuominen A. The Bells of the Kremlin. An Experience in Communism. Hannover, London, 1983. P. 75–76.

Официально после 1931 г. «Кареллес» не использовала принудительный труд для экспорта леса²²⁷. Однако республика все еще пользовалась трудом заключенных на лесозаготовках для внутреннего пользования. «Вся Карелия находится под властью ОГПУ, – сообщил побывавший в Союзе американский журналист в июле 1932 г. – К северу от Петрозаводска вы должны обратиться в ОГПУ, чтобы купить железнодорожный билет»²²⁸. Западные страны скептически относились к советским опровержениям, поскольку заключенные, бежавшие в Финляндию, продолжали рассказывать о рабском труде в северных лесах. В апреле 1931 г., например, Валентин Островский заявил американскому консулу в Хельсинки, что УСЛОН «продал» его с группой рабочих в 1929 г. «Желесу» за 5 руб. в день (в буквальном смысле это не было рабским трудом – за свою работу он получал 9 руб. 34 коп. в месяц плюс продовольствие от УСЛОНа и дополнительные 10 руб. от «Желеса»). Другой сбежавший заключенный, украинский специалист по сельскому хозяйству, сообщил, что он был «продан» Наркомзему Карелии²²⁹. Для подтверждения этой информации иностранные делегации еще несколько раз посещали доступные районы карельских лесов, но каждый раз советскими органами принимались предупреждающие меры.

Фактически местные государственные служащие Карелии были бессильны перед всевластием чекистов и запуганы наличием многонаселенных лагерей в этих районах. В августе 1930 г. райком Медвежьей Горы попросил 250 револьверов для самозащиты местных партийных и советских работников от мародерства сбежавших заключенных. В докладе обкому говорилось о «позорном поведении заключенных УСЛОНа». Обитатели лагеря могли свободно бродить по району, грабя и пугая местное население до такой степени, что граждане даже боялись собирать ягоды и грибы в лесу (в Карелии того времени эти продукты были основными в рационе голодающего крестьянства). Райком просил, чтобы в УСЛОНе уве-

²²⁷ См., напр.: Резолюция секретариата обкома Карелии, 16 февраля 1933 г., она разрешала использовать 2–3 тыс. человек «специальной» рабочей силы для неэкспортных лесозаготовок // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 18. Л. 79.

²²⁸ Цит. по: Inside Stalin's Russia. The Diaries of Reader Bullard, 1930–1934 / ed. J. Bullard, M. Bullard. Oxfordshire, 2000. P. 123.

²²⁹ Доклады см. в: Государственный департамент США, T1249, 861.5048/44. См. также показания о принудительном труде на лесозаготовках, опубликованные в парижском журнале *L'ami du Peuple*. 1931. Июнь. Там же. Л. 63.

личили количество охранников и ограничили «свободу заключенных». Ходили слухи, что вскоре на строительство канала придут новые заключенные. Это вызвало еще большее беспокойство местных властей²³⁰.

Строительство Беломорско-Балтийского канала, 1931–1933 гг.

Здесь мы создаем географию.

*(Заключенный Беломорканала инженер Садовский – персонаж пьесы Н. Погодина «Аристократы», 1934 г.)*²³¹

Впервые идея построить искусственный канал, соединяющий Белое море с Онежским озером, появилась у английских исследователей в 1560-х гг. Это должно было дать Московскому государству выход к северным торговым маршрутам. В конце XVIII в. английский фабрикант из Петрозаводска Адам Армстронг составил первый детальный план этого канала²³². В XIX в. благодаря интересу к российскому Северу частные лица представили царю 15 подобных проектов. В 1858 г. губернатор Архангельска разработал план канала для увеличения коммерческой и стратегической роли незамерзающей части Мурманского побережья²³³. Как раз перед Первой мировой войной профессор В. Е. Тимонов представил свой проект канала в Глазго на Международном конгрессе инженеров²³⁴. Но отсутствие интереса Санкт-Петербурга к этим проектам означало, что ни один из них не будет реализован.

В официальной истории ОГПУ о строительстве Беломорканала, написанной коллективом авторов под руководством Максима Горького, говорилось, что это строительство требовало «единой воли партии и сильной теории Ленина и Сталина»²³⁵. Фактически оно

²³⁰ Доклад от 22 августа 1930 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 436. Л. 3, 16.

²³¹ Цит. по: Ruder C. A. Making History for Stalin. The Story of Belomor Canal. Gainesville, 1998. P. 161.

²³² Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства, 1931–1934 гг. / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Фирина. Москва, 1934 (переиздано в 1998 г.). С. 97–99.

²³³ Предпосылки строительства Беломорканала см., напр.: Крылов Н. А. Экономическое значение Беломорского канала. Петрозаводск, 1889.

²³⁴ Тимонов В. Е. О Петроградском узле путей сообщения в связи с вопросом развития и улучшения порта. Петроград, 1918. См. также: Килин Ю. ББК как фактор военной стратегии // Север. 1995. № 7. С. 102, 108.

²³⁵ Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. С. 25.

было нужно ОГПУ, чтобы поразить всех масштабами использования принудительного труда заключенных, большое количество которых было результатом коллективизации, и лично Ягоде, чтобы доказать экономическую эффективность и пропагандистскую ценность использования преступников и сосланных для завоевания, освоения и ассимилирования периферийных областей в соответствии с его представлениями о приграничном развитии, ратифицированным Политбюро в 1929 г.

Безусловно, строительство канала было вызвано стратегическими и экономическими причинами. Это позволило бы судам Балтийского флота свободно попадать в незамерзающий порт Мурманска, оттуда на запад к Атлантике и через Большой Северный морской путь (в это время он был в процессе разработки) на Дальний Восток, где СССР опасался японской агрессии. Это также позволило бы советскому индустриальному центру осваивать ресурсы Крайнего Севера, Сибири (через полноводные реки, текущие в Северный Ледовитый океан) и побережья Тихого океана: лес, уголь, металлы и полезные ископаемые. Связывая Большой Северный морской путь с Мариинской водной системой на юге (в то время усовершенствовалась), далее по Московско-Волжскому каналу в столицу и по новому Волго-Донскому каналу к Каспийскому и Черному морям, а на западе через Свирь – Ладогу – Невский канал, ведущий в Ленинград, Беломорский канал должен быть стать решающим звеном в новой сети водного транспорта СССР, которая свяжет и объединит самые отдаленные периферии. Помимо разгрузки железной дороги, эта новая система устраняла необходимость плыть вокруг Скандинавии на севере или через Дарданеллы на юге, чтобы попасть в Мировой океан. Это давало государству необходимую независимость²³⁶. Экономическим и символическим ядром новой системы должен был стать речной порт в Москве²³⁷.

С точки зрения Карелии и региональных интересов ОГПУ, этот проект давал республике возможность развиваться как главному ин-

²³⁶ См.: Доклад Наркомпути по Беломорско-балтийскому водному пути (ББВП), без даты (середина 1930 г.) // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 1–3. О строительстве Мариинской водной системы см.: Резолюция Совнаркома СССР от 27 июля 1934 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 720. Л. 1 и т. д. В следующей главе я коснусь темы освоения Арктики Советским Союзом.

²³⁷ О культурной составляющей этого проекта см.: Widdis E. *Visions of a New Land. Soviet Film from the Revolution to the Second World War*. New Haven, London, 2003. P. 168–177 и т. д. Карты новой системы см. там же. С. 172 («Moscow – Port of Five Seas»); Mikhailov N. N. *Soviet Geography*. («The Reconstruction of Waterways. The Joining of Five Seas»).

дустиальному центру по обработке леса, срубленного и заготовленного заключенными исправительно-трудовых лагерей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Канал также можно было использовать для получения дешевой гидроэнергии, которой планировалось обеспечивать индустриальное строительство. (Позиции различных партий о пространственной и экономической роли канала будут рассмотрены подробнее в следующей главе.)

ОГПУ также утверждало, что строительство канала поможет перенести советскую цивилизацию ближе к границе. У этой «культурной» цели было два аспекта. Во-первых, канал стимулировал бы экономическую деятельность на Севере, что было важно для пропаганды советского образа жизни. Приведенное ниже стихотворение, написанное каналоармейцем, рисует образ советского государства – фабрики, города, трубы, электрический свет, читальные залы, клубы и театры. Оно дает следующее представление о развитии периферии:

Где мшистые скалы, воды
Дремали, там силой труда
Построены будут заводы
И вырастут там города.
Взовьются фабричные трубы
Под северные небеса,
Читален, театров и клубов
Огнями блеснут корпуса²³⁸.

Во-вторых, строительство канала помогло бы реабилитировать антисоветские и социально чуждые элементы через целеустремленный принудительный труд. Горький позже написал, что через «воспитательный опыт Беломорско-Балтийского канала... и других колоний такого типа мы, литературные деятели, должны понять, какие фантастические результаты обеспечивает наша правдивая система образования и как велика сила этой единственной революционной правды»²³⁹.

²³⁸Медведков, цит. по: Карелин П. Первая годовщина Беломорско-Балтийского комбината // Карело-Мурманский край. 1934. № 7–8. С. 1. Поэзию и песни о Беломорстрое см.: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. С. 475–478; Чухин И. Каналоармейцы. С. 109, 111, 130–131; Ruder C. A. Making History for Stalin. P. 12–13, 138–139, 173–185.

²³⁹Горький М. О кочке и о точке. О литературе. Москва, 1935. С. 175, цит. по: Ruder C. A. Making History for Stalin. P. 98. Ср. с популярным в Англии XIX в. утверждением, что ссылка «лучший способ сделать человека честным, перевоспитать босяков, самых бесполезных людей в стра-

Пропаганда Беломорканала, как и книга Горького, должны были показать власть этой «правды». Строительство канала, преобразовывая физическую и человеческую натуру, укрепило бы идеологию режима и подковало бы общество на периферии и в центре²⁴⁰. ОГПУ называло себя инструментом этой революционной человеческой переделки. Со слов современника, «не случайно, а очень симптоматично, что самое главное оружие пролетариата, "карательный меч" пролетариата, ГПУ, является не только орудием репрессий, но и... органом *образования и перевоспитания людей*»²⁴¹. Сложно найти более четкое его воплощение, чем политическая полиция, которая расширяла полученную ею власть, соединяя безопасность и функции производства (хотя и неразрывно связанные с идеологической чисткой и политическим «приспособленчеством») в сталинском государстве, и особенно в республике Карелии в следующее десятилетие.

Пятого мая 1930 г. Политбюро издало постановление «О канале», в котором были изложены главные цели и расписание строительства. Строительство Южного сектора (для которого требовалось прорыть канал вдоль берегов Ладожского озера и углубить русло реки Свирь) должно было начаться в 1931 г. и закончиться через два года, с итоговой глубиной, рассчитанной на проход 18-футовых судов, стоимость этого участка не должна превышать 60 млн руб. Строительство Северного сектора, проходящего через Центральную Карелию (между Повенцом на северном берегу

не в активных граждан, тем самым создавая новый центр цивилизации». Меривейл Г. Лекции о колонизации. Оксфорд, 1841. Цит. в: Shaw A. G. L. *Convicts and the Colonies. A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Astralia and Other Parts of the British Empire*. London, 1966. P. 19–20. В книге «Heart of Darkness» (J. Conrad. London, 1967) Колонель Курц, «миссионер жалости, науки, прогресса и фиг знает чего еще» (79) верит, что «каждая колония должна быть путеводной звездой не только к лучшим вещам, центру торговли, но и к человечности, развитию, учению» (91). Конечно, в конце концов он говорит: «Искорените все животные инстинкты!» (118).

²⁴⁰ Советский режим решил «самую большую научно-психологическую и философскую проблему перевоспитания людей», как считает Иоганн Альтман. См. Альтман И. Книга о большой победе // Литературный критик. 1934. № 6. С. 255. Цит. по: Ruder C. A. *Making History for Stalin*. P. 151.

²⁴¹ Курсив в оригинале. Альтман И. Книга о большой победе. С. 255–256. Цит. там же.

Онежского озера и Сорокой на южном побережье Белого моря, см. рис. 5.1 в следующей главе) разрешалось совместно Наркомпутем, военными властями и ОГПУ. Затраты следовало минимизировать, принимая во внимание возможность использования труда заключенных²⁴². 15 мая 1930 г. был учрежден специальный комитет по строительству Беломорканала (Беломорстрой) под председательством наркома путей сообщения Я. Е. Рудзутака. В него также входили Ягода и представители армии и флота²⁴³. 26 мая Наркомпуть учредил управление по строительству Беломорско-Балтийского водного пути (ББВП) под председательством комиссара Г. И. Благоврадова²⁴⁴, также осуществлявшее управление Беломорстроем. В последний день месяца специальный комитет принял два важных решения. Во-первых, согласился на пожелания военных представителей углубить южный сектор канала так, чтобы там могли проходить 28-футовые суда. Во-вторых, принял требование Ягоды, что ОГПУ должно обеспечить всю рабочую силу как для южного, так и для северного секторов²⁴⁵. Политическая полиция, взяв на себя ответственность за строительство, была теперь недовольна необходимостью углублять южный сектор канала. Ягода лоббировал первый вариант в Политбюро, и несколько дней спустя самый высокий партийный орган подтвердил прежнее решение, предусматривающее глубину в 18 футов²⁴⁶.

Чтобы исключить дальнейшие межведомственные споры по проектам, глубинам и затратам, Политбюро в следующем году передало всю ответственность за строительство южного сектора политической полиции. Также Ягода, заменив Рудзутака, занял пост председателя Специального комитета по Беломорстрою. К этому времени планировщики ОГПУ уменьшили максимальную глубину канала с 18 до 12 футов. Этого было недостаточно для прохода большинства военноморских судов, но позволяло гарантировать, что будет потрачено не больше 60–70 млн руб. на строительство и «ни одной копейки в

²⁴² Политбюро, 5 мая 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 784. Л. 2. Резолюция была опубл. в: Stalin's Letters to Molotov. P. 212. № 1.

²⁴³ Специальный комитет // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 5.

²⁴⁴ Инструкция Наркомпути, 26 мая 1930 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 10.

²⁴⁵ Специальный комитет. Там же. Л. 8.

²⁴⁶ Резолюция СТО «О строительстве Беломорско-Балтийского канала», 3 июня 1930 г. Там же. Л. 4. Политбюро утвердило декрет от 5 мая 1930 г. такой резолюцией «О Беломорско-Балтийском канале», 20 июня 1930 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 788. Л. 3.

свободно конвертируемой валюте», и завершится проект открытием навигации в 1933 г.²⁴⁷ В апреле 1931 г. служащие ОГПУ занимали большинство главных должностей в Беломорстрое, страдавшем от постоянного вмешательства их недоброжелателей из транспортного комиссариата²⁴⁸. Тогда 16 ноября Политбюро передало полную ответственность за Северный сектор от Наркомпути ОГПУ. В тот же день политическая полиция учредила Беломорско-Балтийский ИТЛ (Белбалтлаг), разместившийся в Медвежьей Горе. Этот город скоро переименовали в Медвежьегорск. Ему предстояло стать административным центром ОГПУ Карелии, заменив УСЛОН и Соловецкий ИТЛ по важности и количеству населения (к тому времени большинство заключенных было переправлено с островов для строительства канала)²⁴⁹. Поглощение Беломорстроя ОГПУ усилило его роль как сильной экономической организации и заложило основу для последующего расширения.

Вместе с ОГПУ лидеры Карелии также энергично продвигали проект строительства канала, стремясь играть роль в принятии решений, но без особого успеха²⁵⁰. В конце августа 1930 г. Гюллинг обеспечил себе место в Специальном комитете (спустя шесть недель после его учреждения). Протоколы заседаний комитета, однако, указывают, что он редко посещал регулярные встречи, которые проводились в Москве. В апреле 1931 г. Гюллинг подал Рудзутаку (председателю Совнаркома СССР) жалобу, что несмотря на его членство в Специальном комитете, он не получил информации от ОГПУ о будущем местоположении спроектированного канала. Он возмущался, что

²⁴⁷ Политбюро, 10 февраля 1931 г., см. 15 октября // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 813. Л. 11.

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 24–25. Хотя Благодоров в качестве главы Беломорстроя был заменен чиновником ОГПУ Г. Е. Прокофьевым (до августа 1931 г., когда этот пост занял Л. И. Коган), пост председателя Специального комитета мог занять как Ягода, так и Янсон, глава нового Народного комиссариата водного транспорта (Наркомвод), учрежденно-го 30 января 1931 г. (отвечал за строительство порта в Сороке у устья канала у Белого моря).

²⁴⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 162, 394, 396. Соловецкий ИТЛ был распушен только 1 ноября 1933 г.

²⁵⁰ В связи с этим интересно отметить, что Гюллинг отказался сотрудничать с Горьким и писателями ОГПУ, которые сочиняли историю строительства канала. Он думал, что их книга будет отражать лишь мнение ОГПУ, см. письмо инженера Лунева главному редактору издательства ББВП, октябрь 1932 г. // НАРК. Ф. 520. Оп. 2. Д. 3. Л. 18. С. 115.

УСЛАГ начало лесозаготовки в обход Центральной Карелии, которая подлежала затоплению. Строительство канала повлекло за собой обширные гидротехнические работы, необходимые для регулирования уровня воды в реках и озерах. При этом он даже не получил уведомления о необходимости эвакуации из зоны затопления почти 4 тыс. жителей, включении этих лесозаготовок в общий региональный план и пересмотре планов для местной промышленности²⁵¹.

Рудзутак отправил жалобу Гюллинга сопредседателю Специального комитета наркому водного транспорта Н. М. Янсону, переславшему ее Ягоде с пометкой наверху страницы: «Гюллинг действительно член комитета? Никто не сказал мне! Если так, мы должны пригласить его на следующие заседания». Ягода подтвердил членство Гюллинга. Только месяц спустя он отправил правительству Карелии информацию о строительстве канала. Там имелось примечание, что Наркомзем республики должен объединиться с администрацией Беломорстроя (которая располагалась в Москве, рядом с ОГПУ на Лубянке) по поводу эвакуации местных жителей из деревень, подлежащих затоплению²⁵².

Гюллинг понял, что он должен быть активнее, если хочет участвовать в принятии решений. В декабре 1931 г. он отправился в Москву с целью убедить центр субсидировать 6 млн руб. для переселения тех граждан республики, которые проживали в зоне канала. Однако его просьба была отклонена. Он не присутствовал на заседании, когда в апреле 1932 г. представитель РВС в Специальном комитете выступил против новых планов ОГПУ уменьшить глубину Южного сектора канала до шести футов. «Это, – объявил военный, – полностью обесценит работу, проделанную между Онежским озером и Белым морем»²⁵³. Было ясно: Ягоду не волновало, что каналом нельзя будет пользоваться ни для военных, ни для других транспортных целей.

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15. Д. 1404. Об изменении названия с УСЛОН на УСЛАГ, скорее всего, при учреждении УЛАГ ОГПУ в мае 1930 г. см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 395 (прим. 1). Какое-то время лагерь подчинялся ГПУ Карелии (назывался Соловецкие и Карело-Мурманские (СКМ) ИТЛ.ОГПУ). Учитывая, что область лесозаготовок была отодвинута от канала, Белбалтлаг валил лес преимущественно в зоне Мурманской железной дороги под руководством Наркомпути, которому заплатили 3 млн руб. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 519.

²⁵² ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1805. Л. 81–84.

²⁵³ Особое мнение Р. А. Муклевича, члена РВС, 26 апреля 1932 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 44. Подробнее см. в: Килин Ю. ББК как фактор военной стратегии. С. 109–112.

Его основной задачей являлось окончание проекта, которое должно быть как можно дешевле, состояться вовремя и торжественно. Как только весной 1931 г. началась навигация, ОГПУ перевезло большую часть рабочей силы с Соловков на сушу, опасаясь того же, чего и власти Медвежьей Горы предыдущей осенью²⁵⁴.

По оценкам историков, количество заключенных ОГПУ, задействованных в строительстве Беломорканала, колебалось от 100 до 500 тыс. человек, количество умерших – от 50 до 250 тыс.²⁵⁵ Рассекреченные архивы содержат более точные сведения. В июле 1931 г. планировщики ОГПУ предполагали, что на строительство потребуется ежедневно 100 тыс. человек, но потом согласились на 75 тыс. заключенных, которые будут очень интенсивно работать²⁵⁶. Фактически Беломорстрой в результате продолжавшегося раскулачивания получил значительно больше чернорабочих, чем планировалось. В мае 1932 г. Янсон доложил, что на канале работают уже 100 тыс. человек, а к июлю и августу их число увеличится до 125 тыс. (он отметил, что бараков хватало лишь на 60 тыс. человек, а остальные жили в палатках)²⁵⁷. Строительство Беломорканала шло 21 месяц (на три месяца дольше, чем предполагалось) и длилось 90 млн рабочих дней. В среднем одновременно на канале работали 143 тыс. заключенных²⁵⁸. Большинство занималось земляными работами, таскало землю и камни, пользуясь элементарными инструментами или вручную. Один из надзирателей

²⁵⁴ В это время Лихачева перевели с Соловецких островов в деревню около Медвежьей Горы, см.: Likhachev D. S. *Reflections on the Russian Soul*. P. 178–187.

²⁵⁵ Эти сведения из исследования: Stettner R. *Archipelag GULag: Stalin's Zwangslager. Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant*. Paderborn, 1996. S. 231, 234.

²⁵⁶ «Объяснительные записки к оценщикам, июль–декабрь 1931 г.», 2 июля 1931 г. // ГА РФ. Ф 9414. Оп. 1. Д. 1805. Л. 102об–103.

²⁵⁷ Доклад о государственном строительстве ББВП, 1 мая 1932 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 45–55.

²⁵⁸ И. В. Первозванцев указывает точное количество рабочих дней в статье «Беломорско-Балтийский комбинат», которую запретили печатать в антологии «Вся Карелия» из-за использования там секретной информации, см. КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 165–159. Л. 37. Эти цифры совпадают с данными бывшего главы Белбалтлага С. Г. Фирина в октябре 1933 г., которые он привел в своей речи в Коммунистической академии и Институте советского строительства см.: Вестник Коммунистической академии. 1933. № 5. С. 90–91 (также цит. в: Davies R. W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy*. P. 32).

ОГПУ позже признался: «мы выжали все из заключенных»²⁵⁹. Согласно данным, приведенным российским историком Земсковым, ежегодная смертность в Белбалтлаг в 1933 г. составляла 10 %. Если исходить из приведенных выше цифр, то за все время строительства канала там умерло 25 025 человек²⁶⁰.

Это значительно больше числа 10 936, которое приводит Земсков, говоря о смертности в Белбалтлаг в 1932–1933 гг. При этом данный показатель совпадает с показателем смертей в Белбалтлаг, Соловецком ИТЛ и Свирлаг (отвечал за Южный сектор канала) в течение трех лет, с 1931 по 1933 г.²⁶¹ Даже допустив, что ежегодно из-за травм умирало лишь 2 % (одна пятая нормы по смертности), общее количество заключенных, занятых на Беломорстрое, составляло бы около 175 тыс. человек²⁶², что равняется почти половине населения среднестатистического трудового лагеря в 1931–1933 гг.²⁶³

Качество работы заключенных Беломорстроя зачастую оставляло желать лучшего. 29 ноября 1930 г. заместитель начальника транспортного отдела ОГПУ В. А. Кишкин и заместитель начальника

²⁵⁹ Успенский Иркису, 24 февраля 1936 г. (см. предыдущую ссылку) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. 165-159. Л. 36. Заметьте, что Смирнов приводит следующие архивные данные о среднегодовом населении лагерей: Белбалтлаг: 1931 г. – 64 000 человек, 1932 г. – 99 095, 1933 г. – 84 504; Свирьлаг: 1932 г. – 30 935 человек, 1933 г. – 41 975; Соловецкий ИТЛ: 1932 г. – 15 130 человек, 1933 г. – 19 287; в: Система исправительно-трудовых лагерей... Р. 162, 376, 394. Более подробно о рабочих Беломорстроя идет речь в: Baron N. Conflict and complicity. Р. 641–665.

²⁶⁰ Население России в XX веке. С. 320. (Нет данных за 1931–1932 гг., а уровень смертности в 1933 г. был довольно высоким из-за голода.) Заметьте, что в 1933 г. смертность в Соловецком лагере достигала 18,1%. Там же. С. 320. Скорее всего, причина в том, что большая часть трудоспособных заключенных была переведена в Белбалтлаг, а на островах остались слабые.

²⁶¹ Население России в XX веке. С. 119.

²⁶² К сожалению, нет данных о количестве заключенных, получивших увечья. Известно, что на 1 января 1931 г. 1,8 % всего населения ГУЛАГа считалось «нетрудоспособным» (источник неизвестен), Smirnov M. B., Sigachev S. P., Skapov D. V. Il sistema dei luoghi di reclusione in Unione Sovietica, 1929–1960 гг. // GULag. IL sistema dei lager in URSS / ed. M. Flores, F. Gori. Milan, 1999. Р. 61.

²⁶³ В. Н. Земсков дает следующие данные об общем количестве специальных поселенцев (количество смертей в скобках): 1931 – 240 350 (7283), 1932 – 301 500 (13 267), 1933 – 422 304 (67 297). Опубл. в: ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. Л. 14–15.

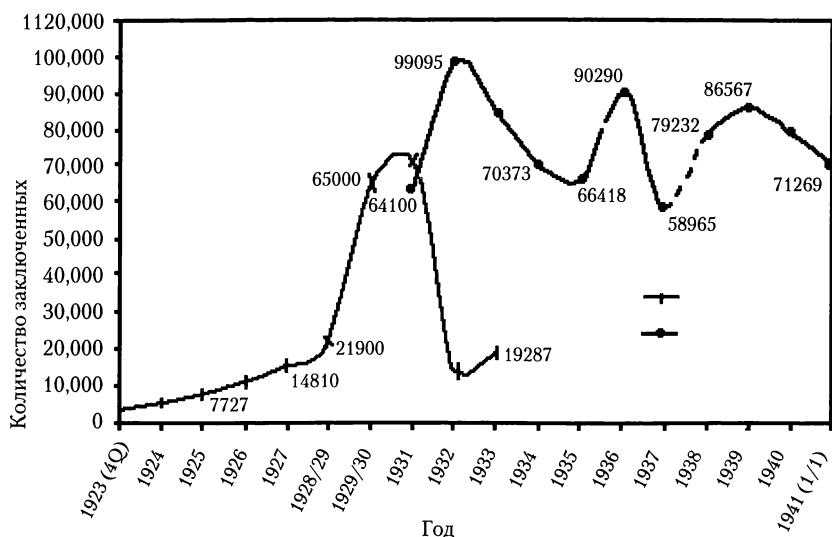

Рис. 4.6. Население Карельского Гулага, 1923–1941 гг.

управления лагерями (УЛАГ) Я. Д. Рапопорт (позднее руководитель ББК, 1933–1935 гг.) пожаловались Ягоде, что валовая рабочая сила УЛАГа не могла выполнить некоторые технически сложные задачи в Южном секторе канала. Они предложили транспортному отделу направить в УЛАГ недавно арестованных «вредителей», среди которых были два главных эксперта по углублению русел рек, 8–10 инженеров и 10–15 техников. С большей долей вероятности они могли рассчитывать на специалистов, арестованных в связи с процессом промпартии, который начался в Москве четырьмя днями ранее²⁶⁴.

Хотя непосредственно в суде было восемь ответчиков, они обвинялись в вербовке в саботажники более 2000 специалистов, включая весь центральноазиатский отдел гидрологии²⁶⁵. Рапопорт и Кишкин предлагали разместить этих специалистов в специальном лагере, который будет сооружен около Ленинграда. Особое конструкторское бюро Беломорстоя (ОКБ), одна из самых первых «шарашек», было создано в Москве, а затем в ноябре 1931 г. перемещено в Медвежью Гору, позже оно переросло в научно-исследовательское бюро пла-

²⁶⁴ О деле промышленной партии см.: Medvedev R. *Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism*. Oxford, 1989. P. 263–289; Davies R. W. *The Soviet Economy in Turmoil*. P. 406–411.

²⁶⁵ Heller M. *Stacheldracht der Revolution. Die Welt der Konzentrationslager in der Sowjetischen Literatur*. Stuttgart, 1975. S. 130, 134, 137, цит. по: Stettner R. *Archipelag GULag*. S. 231 (прим. 223).

Рис. 4.7. Заключение женщины, строящие дамбу № 22, Беломорстрой, 1933 г.

нирования ББК, которое переехало в Ленинград²⁶⁶. В заключение Рапопорт и Кишкин сообщали: «Расследованием предусмотрено, что дополнительно будет арестовано еще несколько подходящих людей»²⁶⁷.

Как и ожидалось, процесс промпартии закончился арестом большого количества инженеров и специалистов, многие из которых вскоре уже работали на Беломорстрое²⁶⁸. Ответственность ОГПУ за политическую безопасность и использование принудительного труда привели к существенной динамике. Управление явно стремилось расширить свою экономическую деятельность, когда политические репрессии режима привели к увеличению количества заключенных. Таким образом, начало коллективизации и

²⁶⁶ О шарашках см.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. С. 452–453. См. также: Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 36–37.

²⁶⁷ Неизвестно, имели ли они уже готовый список людей, которых надо было арестовать или это было обусловлено необходимостью выполнить план // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1805. Л. 66.

²⁶⁸ Портреты членов «промышленной партии», работавших в Беломорстрое, см.: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. Гл. 3. С. 77–97.

раскулачивания побудило ОГПУ взять основную ответственность за переселение и освоение новых территорий и провести организационные реформы для повышения производительности, увеличения капиталовложений и планов производства, а также интегрирования структуры в региональные программы развития. Такое существенное расширение экономической деятельности и влияния политической полиции, однако, создали дальнейший спрос на труд, тем более что некоторые заключенные были освобождены, получили травмы или умерли. Было еще неизвестно, приведет ли это в свою очередь к более радикальным и массовым вмешательствам со стороны «карающего меча пролетариата».

Учреждение Беломорско-Балтийского комбината

В июне 1933 г. ОГПУ, несмотря на снижение финансирования, закончило строительство Северного сектора канала, связавшего Белое море и Онежское озеро, благодаря безжалостной эксплуатации заключенных. В следующем месяце Сталин рекомендовал Ягоде подать рапорт на получение медалей и амнистий в честь празднования завершения строительства канала почти вовремя и с меньшими затратами²⁶⁹. В начале августа Сталин официально открыл канал, а в середине месяца комиссия Политбюро, возглавляемая В. В. Куйбышевым, согласилась на строительство нового индустриального комплекса Беломорско-Балтийского комбината (ББК) на территории, примыкающей к водному пути²⁷⁰.

Декрет Совнаркома СССР от 17 августа подтвердил создание ББК и к разочарованию Гюллинга передал его под управление ОГПУ. За месяц до этого правительство Карелии всерьез думало потребовать канал под свою юрисдикцию²⁷¹. Согласно декрету Совнаркома ББК должен был отвечать за развитие экономики построенного канала и прилегаю-

²⁶⁹ Политбюро, 1 июля 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 925. Оп. 2.

²⁷⁰ Политбюро 15 августа рассмотрело возможность углубления и расширения канала для использования его в военных целях // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 928. Л. 24. Этот проект был заменен более дешевым вариантом строительства второго канала, который должен был идти вдоль первого. Проект так и остался невыполненным. См.: Килин Ю. ББК как фактор военной стратегии. С. 111–112.

²⁷¹ 21 июня 1933 г. бюро обкома Карелии обсуждало подачу петиции на управление Беломорканалом и промышленным комбинатом. Было решено отказаться от помощи Ленинграда, отзывав запрос, см.: КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 12.

щих лесных территорий²⁷². Комиссия под руководством Куйбышева дала ББК два месяца на заключение соглашения с правительством Карелии и исполкомом Северного края, чьи территории, поселения и лесные зоны стремились к каналу и поэтому должны были перейти под его юрисдикцию²⁷³. ББК освободили от уплаты налогов вплоть до 1936 г. и предоставили полную финансовую независимость.

Административно-территориальная структура ББК была основана на реорганизации Ногтевым Соловецкого лагеря в 1930 г. Таким образом, комбинат объединил многие «территориально разделенные предприятия, организованные для выполнения определенных строительных задач, [или] индустриального и экономического использования». Каждое территориальное отделение состояло из лагерей для военнопленных, поселений для рабочих и особых лагерей²⁷⁴. К концу десятилетия ББК увеличился с пятнадцати до приблизительно двадцати территориальных отделений, каждое из которых подразделялось на несколько отдельных лагерных пунктов или трудовых колоний в разных местах района, а также ряд особых поселений для сосланных²⁷⁵. Кроме того, ББК имел власть над молодежной колонией в Надвойцах и совхозом в Повенце. Время от времени некоторым из этих организаций поручали независимое строительство или управление предприятиями в непосредственном подчинении ГУЛАГа НКВД в Москве. Структура центрального управления ББК в Медвежьей Горе, которое принимало на работу как свободных граждан, так и заключенных, была такой же, как и УСЛОНа. Она включала в себя от 22 (в 1935 г.) до 36 (в конце 1939 г.) отделов, каждый из которых был представлен подотделами в каждом территориальном отделении²⁷⁶.

Вот что заявило руководство ББК относительно своей экономической роли:

«В исключительно короткий период ББК ОГПУ должен выполнить огромную работу по ассимиляции и эксплуатации природных

²⁷² НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 1. Л. 35–36.

²⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 928. Л. 48–49.

²⁷⁴ Директива по отделам ББК, 13 октября 1934 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 3. Л. 10–20. Разницу между «специальными поселениями» и «трудовыми поселениями» см.: Khlevniuk O. The History of the Gulag. P. 55–56 и т. д.

²⁷⁵ С 1 октября 1937 г. ББК насчитывал 140 лагерей, которые находились на территории Карелии и Кольского полуострова. См. структуру ББК в: НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1. Л. 8. С. 1–37. Структуру Кондопожского отдела с 1 января 1938 г. см. там же. Л. 87; Сегежский отдел 1.49.

²⁷⁶ См.: Директива ББК от 30 апреля 1935 г. о назначениях в первом отделе ББК (Медвежьегорск) // НАРК. Ф. 865. Оп. 2. Д. 3. Л. 324–330.

ресурсов Карелии, а также максимальному использованию широких возможностей, которые нам предоставляет Беломорско-Балтийский водный путь. Мы должны создать ряд новых крупномасштабных гидротехнических установок, ГЭС и индустриальные предприятия, развивать горнодобывающую промышленность и добычу полезных ископаемых, строить социалистические города и т. д.»²⁷⁷

Такая грандиозная перспектива побудила политических деятелей и планировщиков в Петрозаводске, Ленинграде, а также в российских и союзных учреждениях в Москве существенно пересмотреть свои представления о региональном развитии Карелии на период второй пятилетки. Это также вызвало увеличивающийся интерес, хотя и не означало восстановления отношений между гражданскими властями Карелии и ОГПУ–НКВД, о чем пойдет речь в следующей главе.

²⁷⁷ НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 51. Л. 190–191, также см.: Гулаг в Карелии: Сборник документов и материалов 1930–1941 / под ред. А. Ю. Жукова, В. Г. Макурова, И. Г. Петухова. Петрозаводск, 1992. С. 91.

ГЛАВА 5

«УРАЛО-КУЗНЕЦКИЙ КОМБИНАТ В МЕНЬШЕМ МАСШТАБЕ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТИ ПЕРИФЕРИЙНОГО РАЗВИТИЯ, 1933–1937 гг.

В 1931 г. казалось, что карта России ожила., можно было наблюдать гармонию в этой новой карте, скоординированном образце гигантских деталей, которые слились в единое целое. Это была карта целой заново рожденной страны, но ее было также просто читать, как и план города... В Карелии была жива только карта; на бумаге появлялись новые города, фабрики в тех местах, где раньше были фактически только лес и трясина; дороги в реальности все еще проходили через сосновые и березовые леса.

(М. Горький и др. «Беломор», 1935 г.)¹

Такая характеристика советского экономического пространства позволяла представить объединенное, интегрированное и гармоничное целое, картографическое видение в процессе осознания, одновременно эстетически приятное, логически последовательное и такое же реальное в жизни, как и в графическом представлении. Это пространство было организовано по региональному принципу, контролировалось центральными экономическими органами и оживлялось ритмами социалистического строительства. Мало внимания обращали на специфику местного пейзажа, языка или культуры, этнические особенности и межнациональные перспективы, которые формировали пространственное отражение местных интересов, например красного финского руковод-

¹ Belomor. An Account of the Construction of the New Canal between the White Sea and the Baltic Sea / ed. M. Gorky, L. Auerbach, S. G. Firin et al. New York, 1935. P. 18, 21. Это сокращенная версия российского издания: Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства / под ред. М. Горького, Л. Авербаха, С. Г. Фирина. М., 1934. С. 24–25, 68–69. Обсуждение перевода см.: Ruder C. A. Making History for Stalin. The Story of the Belomor Canal. Gainesvill, 1998. P. 192–205.

ства Карелии. Конечно, подобное описание советского пространства было не менее фантастичным, чем описанная ранее карта времен первой пятилетки. Одна такая висела на стене в кабинете Горького, пока он сочинял дифирамбы искупительной власти рабского труда на Беломорканале, другая – карта индустриализации Карелии, которая использовалась как фон X Всекарельского съезда советов в январе 1935 г. на праздновании пятнадцатилетия автономии региона.

Первый пятилетний план отчасти являлся фантастикой, которая должна была скорее служить прототипом, а не предопределять преобразованную и восстановленную реальность. Мы уже видели, что развитие Карелии в эти годы диктовалось не государственным планом по ускорению умеренной модернизации «национальных периферий и отсталых областей», а особыми вмешательствами более влиятельных центральных органов, которые эффективно свели на нет экономическую автономию республики и ее стратегию жизнеспособного, интегрированного развития. Карелия потеряла контроль над своими главными предприятиями в пользу централизованных министерств и отдала большую часть дохода дополнительным местным бюджетам. Будучи вынужденными уступить бо льшую часть леса ОГПУ, власти Карелии считали союз с управлением исправительных трудовых лагерей единственным шансом для восстановления некоторых из потерянных ими в центре рычагов.

В течение следующих нескольких лет изменения сталинского режима и радикальные перемены в политике национальностей, которую они вызвали, преобразовали двойную трансграничную периферийную ориентацию красных финнов из источника убеждения в источник подозрения и в конечном счете привели к их крушению. В то же время ситуация на границе республики, а также совпадение интересов наиболее влиятельных региональных властей гарантировали, что центр станет больше интересоваться экономическими и политическими вопросами периферии. В этой главе пойдет речь о перспективах пространственного развития Карелии с разных точек зрения, сформировавшихся во время подготовки второго пятилетнего плана в начале десятилетия. Совокупность различных политических интересов и меняющихся обстоятельств привела к сумбурным директивам центрального планирования. Речь пойдет об изменениях во внешней и внутренней политике и увеличении материальной помощи, повлиявших на отношения Карелии с ленинградским и московским центрами в середине десятилетия, приведших к вмешательству со стороны для обеспечения безопасности границы региона при помощи чисток населения и органов управления. В конце главы будут проанализированы результаты экономических и демографических преобразований этого периода.

ВОПЛОЩЕНИЕ КАРТЫ В ЖИЗНЬ: КОНЦЕПЦИЯ КАРЕЛЬСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Было бы неправильно говорить о втором пятилетнем плане, определившем экономическое развитие Карелии в течение 1933–1937 гг. Такого плана никогда не существовало². Вместо этого в Карелии наблюдалась постоянная борьба различных представлений о ее настоящей и будущей роли в советском пространстве. Эти представления о «структуре» пришли из экономической, политической, национальной и стратегической географии и объединили политические цели и существовавшие потребности различных заинтересованных групп. Архивные источники помогают нам сформулировать четыре видения пространственной роли и отношений Карелии: видение красных финских лидеров республики, ББК (с 1934 г. при содействии нового Народного комиссариата внутренних дел СССР, НКВД), ленинградских властей и союзного «центра».

Представления Карелии

Транспорт помогает преодолевать пространство. Он делает далекое близким, приближая отдаленные места, оторванные пространством и временем, к общей жизни страны. Транспорт отражает географию промышленности и сельского хозяйства; но при этом он создает новую экономическую географию страны.

(Н. Н. Михайлов. «Советская география. Новые промышленные и экономические реалии СССР», 1935 г.)³

Планирующие органы Карелии, начавшие работу над вторым пятилетним планом в конце 1931 г., уже к тому времени признали, что Беломорско-Балтийский водный путь (ББВП) «изменил экономическую географию Севера»⁴. Хотя в течение последующих двух лет они неоднократно меняли свой план в соответствии с изменением

² Концепция «хаотического планирования» подробно рассматривается в: Baron N. Stalinist Planning as Political Practice: Control and Repression on the Soviet Periphery, 1935–1938 // *Europe-Asia Studies*. № 56 (3). P. 439–462. См. также: Zaleski E. Planning for Economic Growth in the Soviet Union, 1918–1932. Chapel Hill, 1971.

³ Михайлов Н. Н. Советская география. Новые промышленные и экономические реалии СССР. Лондон, 1935. С. 175.

⁴ Документ без даты (1933 г.), автор неизвестен // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 118–39. Л. 9.

центральных приоритетов и вариантов дальнейшего развития, новыми экономическими условиями и пересмотренного финансирования, они последовательно стремились максимизировать преимущества от эксплуатации канала, стараясь устранить риски для региональной экономической целостности.

Прежде роль Карелии в советской промышленности ограничивалась получением целлюлозы из Ленинграда для целлюлозно-бумажного комбината в Кондопоге и отгрузкой леса в Ленинград для экспорта или последующей обработки⁵. В оптимистичном докладе Карплана середины 1933 г. ББВП открывал «самые широкие перспективы для индустриального и культурного развития Карелии». Во-первых, он создавал единственную «колоссальную сферу влияния», простиравшуюся по всей Северо-Западной области, объединяя «ранее автономные и независимые сферы влияния» Мурманска, Архангельска и Ленинграда. Деревообрабатывающие предприятия Карелии, добыча полезных ископаемых и порты сформировали центр этого обширного «мощного транспортного комплекса». Во-вторых, Беломорско-Балтийский комплекс (как отмечено ранее) должен был связать Мариинскую водную систему с внутренними районами России и далее через систему водных путей по Волге и Дону с портами Черного моря. Эта сеть каналов с центром в Москве сплотила бы все советское экономическое пространство, и Карелия стала бы его неотъемлемой частью. ББВП также сделал Карелию основной транзитной областью между Арктическим морским путем и российским центром. Регион стал зоной особого интереса планирующих органов ОГПУ, о чем пойдет речь ниже⁶.

Власти Карелии надеялись, что недавно возобновленные пространственные отношения республики с Ленинградом, Москвой, Крайним Севером и Союзом в целом будут способствовать фундаментальному преобразованию структуры и объемов региональной экономики, особенно в отношении добычи и обработки металлов и полезных ископаемых. Одновременно они понимали, что более глубокая ассимиляция Карелии в общее разделение труда могла навести советский центр на мысль усилить специализацию республики на производстве древесины. Согласно авторитетному центральному журналу «Большевик», новая «транспортная артерия» укрепила «территориальную интеграцию Ка-

⁵ Перспективы развития экономики Карельской АССР во втором пятилетнем плане (далее – Перспективы) Карплана, 16 февраля 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 839. Л. 7.

⁶ Доклад Карплана в обком Карелии, без даты (середина 1933 г.) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 118–139. Л. 7, 59 и т. д.

релии во [всесоюзную] транспортную систему и экономику» и впервые ввела в региональную экономику термин «социалистическое строительство» – действительно злоеющие слова для автономной республики⁷. Новая географическая роль Карелии, таким образом, не повлияла на ее экономическую роль, но подхлестнула продолжавшийся конфликт и соревнование в принятии решений о ее будущем.

В декабре 1931 г. комиссия Карплана по второму пятилетнему плану предоставила правительству автономии и республиканским комиссариатам первое издание Директив развития народного хозяйства Карелии на 1933–1937 гг. Этот документ в общих чертах обрисовывал схему «максимально рациональной» эксплуатации природных ресурсов республики. В частности, он предусматривал объединение уже существовавших и новых предприятий в индустриальные комплексы для обработки местного сырья и отходов на базе использования гидроэнергии. «Правильное географическое расположение новых предприятий» подразумевало их близость к материальным и трудовым ресурсам, энергии и транспорту. При формулировании плана отраслевым администрациям также рекомендовалось учитывать «спрос на рынке» на конкретный продукт⁸.

К февралю 1932 г. Карплан объединил планы, представленные ЦСНХ (которому в тот момент подчинялась местная, кооперативная и надомная промышленность) и другими экономическими организациями Карелии (включая предприятия, в тот момент подчинявшиеся ассоциациям СССР и комиссариатам), в документ, названный «Перспективы развития экономики Карельской АССР во второй пятилетке». Если первый пятилетний план для Карелии основывался на лесозаготовках и последующей обработке древесины, то второй базировался на «электрификации и отраслях промышленности, зависящих от электроэнергии», а также на максимальном использовании ее новых транспортных возможностей (табл. 5.1)⁹. Строительство 15 главных гидроэлектростанций требовало 273,5 млн руб. (43 % всех запланированных капиталовложений в промышленность и лесозаготовки республики) и увеличивало мощность гидросооружений республики к 1937 г. до 590,5 тыс. кВт (сравните с 80 тыс. кВт к 1941 г., предложенными в 1926 г. в «Генеральном плане развития народного хозяйства Карелии», упоминавшемся в главе 3). В более широком масштабе на территорию

⁷ Яковлев С. Беломорско-Балтийский водный путь и его роль в экономике Союза // Советская Карелия. 1933. № 8–9. С. 50, 52 (перепечатано из: Большевик. 1933. №. 20).

⁸ Основные директивы промышленного развития Карелии, 1933–1937 гг. (далее – Основные директивы) // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 81–569. Л. 30–30об.

⁹ Перспективы // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 126-839. Л. 7–10об.

Карелии пришлось бы $\frac{1}{35}$ всего производства электричества в Советском Союзе, что позволило бы построить 55 новых промышленных предприятий на территории республики¹⁰.

Таблица 5.1

Три ведущих промышленных сектора Карелии, 1928/1929–1937 гг.
(доля полного объема промышленного производства, включая электроэнергию и обработку леса, за исключением лесозаготовок)

Сектор	1928/1929 (факт.)	1932 (факт.)
Лесная промышленность	66	43
Машиностроение	18	11,7
Добыча полезных ископаемых	8	15,6
	1933 (прогноз)	1937 (прогноз)
Химическое производство	22	28,4
Лесная промышленность	20,8	16
Добыча полезных ископаемых	16,1	14,8

Источник: Карплан. Перспективы экономического развития Карельской АССР во второй пятилетке, 16 февраля 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 839. Л. 10об.

На севере Карелии план предусматривал строительство в Канда-лакше огромного индустриального комплекса по обработке апатитов, добытых на Кольском полуострове, для изготовления и поставки химикатов и алюминия в Ленинград. В Центральной Карелии планировалось построить завод по производству алюминия для Ленинграда и использовать месторождения шунгита, обнаруженного в Пудожском районе, для производства тяжелых металлов (ванадия и молибдена) и электрографита (для электрокомпонентов), а также вырабатывать электроэнергию для металлургической промышленности Ленинграда¹¹. В Южной Карелии предполагалась добыча полезных ископаемых, дальнейшая обработка легких металлов для ленинградского рынка, строительство в Кондопоге целлюлозного комбината и расширение существовавшей бумажной фабрики. По мнению плановых органов, выпуск в Карелии бумаги (по плану – к 1937 г. ежегодный объем производства составит 66 тыс. т), алюминия и шунгита впервые даст автономной республике возможность сделать существен-

¹⁰ Доклад Карплана. Энергия в Карелии во втором пятилетнем плане, без даты (1932 г.) // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 19–198. Л. 46; Перспективы // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 126–839. Л. 7–10об.

¹¹ О карельском шунгите см.: Резолюция Совнаркома СССР от 4 апреля 1932 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 13. Д. 680. Л. 1 и т. д.

ный вклад в экономику СССР в других секторах, помимо лесной промышленности (табл. 5.1). План также предусматривал появление нескольких новых крупных пищевых предприятий, что позволило бы Карелии, традиционному импортеру продовольствия, достигнуть большей независимости в этом вопросе¹².

В начале 1932 г. Гюллинг объявил ЦИК республики, что «к концу второй пятилетки Карелия будет неузнаваема!»¹³ План по развитию автономии соответствовал его намерениям: согласно документу от августа 1932 г., если в текущем году новые предприятия производили 10 % продукции, то к 1937 г. этот показатель увеличивался до 80,5 %. Вместо существовавших на территории республики на тот момент 27 предприятий появится 84, производительность увеличится в восемь раз (по ценам 1932 г.). Большинство новых предприятий занималось бы выработкой электроэнергии, выпуском машин, металлов и химикатов (табл. 5.2)¹⁴. Красные финские лидеры пытались изо всех сил сохранить хотя бы немного организационной или финансовой независимости от СССР и РСФСР, они думали о будущем, особенно об автаркистском региональном развитии и равенстве во внутренней торговле, как было предусмотрено декретом об основании автономии принятом десять лет назад.

Таблица 5.2

**Три ведущих отрасли промышленности Карелии, 1932 и 1937 гг.
(доля продукции главных предприятий НКТП, Наркомлегпрома и Наркомснаба)**

Сектор	1932 (факт.)	1937 (прогноз)
Производство алкоголя	38,4	–
Добыча полезных ископаемых	23	–
Машиностроение	19,7	23
Производство химикатов	–	26
Металлургия	–	16,7

Источник: Письмо Карплана второму секретарю обкома Карелии А. М. Аполонику, 19 августа 1932 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 108-751. Л. 8.

Концентрация внимания Карплана на добыче энергии и тяжелом машиностроении означала, что в лесной промышленности следовало

¹² Перспективы // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 126–839. Л. 7–10об.

¹³ Гюллинг Э. Карелия перед второй пятилеткой // Советская Карелия. 1932. № 1–2. С. 8.

¹⁴ Письмо Карплана второму секретарю обкома Карелии А. М. Аполонику, 19 августа 1932 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 108–751. Л. 8.

ожидать лишь скромный рост производительности: в 1931 г. она составляла 6,9 млн погонных м, в 1937 г. должна была увеличиться до 18,3 млн погонных м (мы помним, что в «Генеральном плане развития народного хозяйства Карелии» от 1926 г. максимальная производительность автономии составляла 9,7 млн погонных м в год, для гарантии стабильности необходимо было производить 6,4 млн погонных м)¹⁵. В этом столь важном вопросе позиция Карелии решительно отличалась от концепции центра. На двух главных конференциях по планированию в первой половине 1932 г. Москва объявила, что в 1937 г. Карелия обязана заготовить 35,5 млн погонных м леса (табл. 5.4)¹⁶. Еще обиднее было то, что большая часть этой древесины должна была попасть не на прибыльный экспортный рынок, а пойти на внутренние нужды (такую переориентацию призваны были облегчить восстановленная Мурманская железная дорога и новая сеть внутренних водных путей)¹⁷. К концу мая Карплан снизил показатели ожидаемой производительности в 1937 г. в новом документе «Основные задачи второй пятилетки» до 24,5 млн погонных м, пытаясь удовлетворить требования государства¹⁸. Стало очевидно, что видение Карелией будущего своей промышленности противоречило приоритетам планирования союзного центра.

Представления НКВД

Согласно декрету об основании ББК комбинат работал независимо от руководителей Карелии, но должен был согласовывать свои экономические планы с Совнаркомом Карелии, прежде чем представить их через ОГПУ в Москве в союзный центр для ратификации. Формально отношения были такими же, как и в 1920-х гг. между Карелией и Северо-Западной областью для гарантии координации регионального планирования. Однако на практике договоренность существенно отличалась. Во-первых, советская экономика теперь регулировалась не договорами и обменом между равными сторонами, а центральными директивами подчиненным перифериям. Во-вторых,

¹⁵ Доклад Карплана. Лесозаготовки в Карелии во время второго пятилетнего плана, без даты (1932 г.) // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 18–195. Л. 1–6.

¹⁶ Там же; Тезисы о разработке перспективного плана развития лесной промышленности Карелии Карплана, май 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 131–877. Л. 43.

¹⁷ Первозванский И. В. Эксплуатация леса в Карелии во второй пятилетке // Советская Карелия. 1932. № 1–2. С. 61.

¹⁸ Доклад Карплана. Лес в Карелии // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 18–195. Л. 1–6; Тезисы Карплана // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 131–877. Л. 43.

красные финны потеряли большую часть своего политического влияния на переговорах с РСФСР или комиссариатами СССР. Режим больше не был заинтересован в интернационализме, не существовало прежней терпимости к двойной периферийной ориентации. Он также не доверял иностранцам безопасность своей государственной границы, как мы увидим позже в этой главе. В-третьих, вряд ли ОГПУ, «карающий меч пролетариата», независимо от любого формального юридического обязательства, позволил бы гражданским региональным властям контролировать свою деятельность.

Отказавшееся от амбиций, реалистично настроенное правительство Карелии знало, что должно вовлечь ББК в конструктивный диалог для гарантии выполнения экономических задач и координации долгосрочного планирования. Уже в октябре 1933 г., спустя два месяца после учреждения ББК, Совнарком Карелии издал указ, предлагая меры, призванные гарантировать «деловые отношения, взаимный обмен информацией и регулирование текущих вопросов» с новой администрацией исправительно-трудовых лагерей, включая назначение координаторов с обеих сторон¹⁹. ББК не отвечал. В феврале 1934 г. старший экономист промышленного отдела Карплана жаловался своему руководству, что не может составить план по лесозаготовкам республики, потому что экономический отдел ББК не предоставил информации о местонахождении своих лесозаготовок, количестве рабочей силы и объемах продукции²⁰. Немного изменилось в последующие годы. На съезде компартии Карелии в 1937 г. глава статистической службы объявил, что было легче получить информацию непосредственно от ГУЛАГа НКВД в Москве, чем от ББК в Медвежьегорске. ББК даже отказался предоставить данные о своей валовой продукции и рабочей силе в праздничном отчете ВЦИКа Карелии двумя годами ранее, сделанном по случаю пятнадцатой годовщины республики. Тогда глава ББК надменно заявил:

«Гос. органы Карелии – Госплан и другие – оскорблены ББК. С какой стати они интересуются, сколько у нас заключенных? И все же они все время нас спрашивают: “Сколько у вас заключенных?” А я отвечаю: “Для вас они только лишь другая категория рабочих. Вы не должны знать, сколько у нас заключенных, это не интересно”»²¹.

¹⁹ Резолюция, 6 марта 1933 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 1. Л. 13.

²⁰ Письмо, 16 февраля 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 613. Л. 15–18.

²¹ З. А. Алмазов на XIII съезде обкома Карелии, май 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 187.

Это было, конечно, лицемерие. Депортация в Карелию сотен тысяч крестьян и специалистов, которые работали не только на частных лесопилках ББК и промышленных предприятиях, но также по контракту в региональных организациях, очень интересовало республиканские плановые органы и власти.

Действительно, экономика Карелии не могла функционировать без трудовых ресурсов из лагеря. В марте 1934 г. руководитель Ленинградской партийной организации Киров послал Ровию закодированную телеграмму с требованием, чтобы в течение 24 часов все заключенные были вывезены с лесопилок, участков лесозаготовок и дорожных работ, – по-видимому, он ожидал очередную иностранную инспекцию. В это время ББК по-прежнему поставлял региональным организациям более чем 10 тыс. заключенных согласно контракту. Служащие быстро выполнили указание Кирова, отправив контингент назад за колючую проволоку, поставив свободных рабочих на их место, в отчаянии мобилизуя даже старшеклассников, чтобы набрать необходимое количество. На следующий день второй секретарь обкома Карелии А. М. Аполоник сообщил Кирову, что «все следы деятельности заключенных были устранены». Но гражданские организации Карелии не могли обеспечить достаточное количество рабочих рук, чтобы компенсировать отсутствие заключенных, а ленинградские организации были не в состоянии удовлетворить их просьбу о дополнительных трудовых ресурсах. В результате «люди находились в отчаянии от мысли, что план по лесозаготовкам в этом году определенно не будет выполнен»²².

Большая потребность Карелии в рабочей силе из лагерей, естественно, дала ББК преимущество в установлении и обеспечении выполнения сроков использования заключенных. В мае 1934 г. ББК отозвал всех заключенных из «Кареллеса» до тех пор, пока республиканский трест не выплатил долг в 750 тыс. руб. за их труд. (Наркомлес задолжал «Кареллесу» более 4 млн руб. и был должен собственным рабочим 1,5 млн руб., что служило причиной широко распространенного дезертирства и забастовок и осложняло дальнейшую вербовку среди гражданского населения). Руководитель «Кареллеса» сообщал Аполонику, что отзыв ББК заключенных превратил и без того ужасную ситуацию в катастрофическую, что привело к полному прекращению производства и транспортных работ по крайней мере в двух леспромпхозах²³.

²² Письмо Аполоника Кирову, 9 марта 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 130–173. Л. 9.

²³ Письмо, 20 мая 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 130–173. Л. 36–37.

Несмотря на сильное взаимное недоверие и непрерывные конфликты из-за использования труда заключенных, ОГПУ–НКВД и власти Карелии поняли, что у них одни и те же представления относительно роли республики в экономике СССР и ее долгосрочном пространственном изменении. В частности, они полагали, что будущее Карелии лежит в преобразовании региональной экономики, по словам плановых органов ББК, от одной специализации по «поставке и распиливанию леса в очень структурированную [по их мнению] отрасль производства, основанную на использовании местной энергии и сырья вместе с импортом ресурсов по межрегиональной транспортной сети»²⁴.

В 1931 г. ленинградское отделение управления гидроэлектрического планирования НКТП (Гидроэлектропроект) (терминология автора. – *Прим. ред.*) начало работу над проектом по переносу русел центральных рек Карелии в бассейн Выгозера–Сегозера. Появление ББК в этой области (рис. 5.1) дало новый импульс этому плану и увеличило его значение.

В феврале 1934 г. ленинградское бюро ББК (состоявшее в основном из специалистов-заключенных, как говорилось ранее) взяло на себя ответственность за этот проект. Два месяца спустя Карелия, чиновники и эксперты ББК, а также заключенные собрались для обсуждения проекта и формулировки единого предложения центру. Из двух вариантов выбрали тот, который в большей степени учитывал местоположение потребителей энергии относительно запланированного строительства сетей передачи, хотя его первоначальная стоимость была на 30 млн руб. выше, чем у другого плана. Столь высокая цена оправдывалась тем, что «экономика здесь должна быть подчинена энергии как стимулу для развития промышленности области и культурной жизни». В предложении также подчеркивалось, что этот вариант принесет пользу не только Карелии, но и Ленинграду, так как его выполнение поднимет уровень Онежского озера (переместив русло реки Сегежа на юг к озеру, вместо северного направления к Белому морю). Как следствие, это увеличило бы производительность Свирской и Невской ГЭС, расположенных в Ленинградской области в нескольких сотнях километров южнее территории ББК²⁵.

²⁴ Приоритетный план гидроэлектрического (так у автора) строительства и развития промышленности в районах ББК (далее – Приоритетный план), Ленинградское Бюро НКВД ББК, 1 мая 1935 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197–1425. Л. 2.

²⁵ Стенограмма встречи ББК и Гюллинга по вопросам энергетического строительства в бассейне Выгозера и Сегозера, 20 апреля 1934 г. //

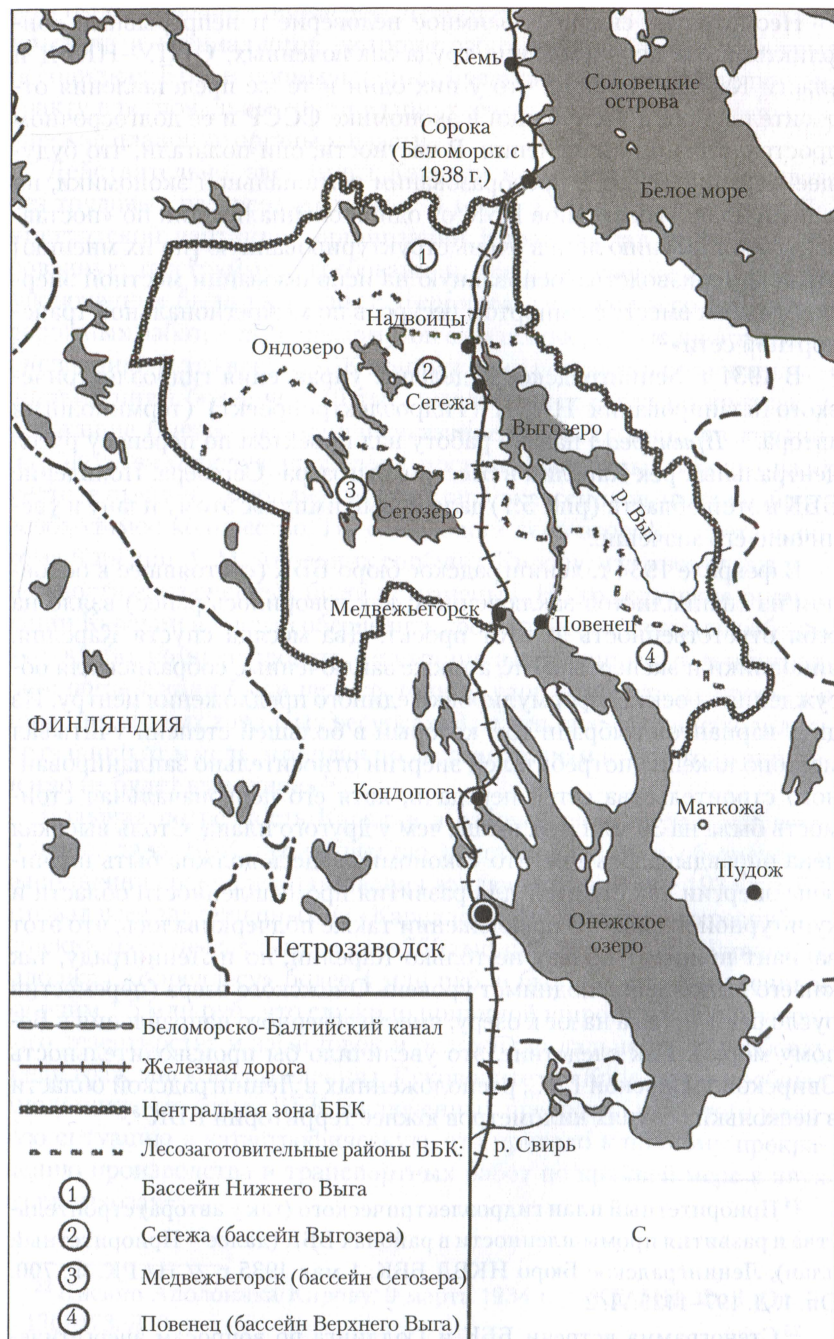

Рис. 5.1. Беломорско-Балтийский комбинат. Центральная Карелия, 1933–1939 гг.

На основе этого решения Совнарком Карелии дал инструкцию комитету по планированию собрать общее предложение об индустриальном строительстве в центральных районах республики. Проект Карелии предусматривал создание значительного количества химических предприятий и заводов по изготовлению синтетического каучука в дополнение к строительству алюминиевой фабрики, запланированному ранее²⁶. В июне лидеры ББК сообщили о принятии этого проекта, но его реализация была отложена до ратификации центром выделения необходимых бюджетных средств²⁷. Главное энергетическое управление НКТП (Главэнерго) рассмотрело общее предложение в августе и ратифицировало его 30 сентября 1934 г.²⁸ В декабре Гюллинг подал прошение Молотову о выделении средств для покрытия расходов на строительство в Карелии в рамках этого проекта²⁹. ББК просил о финансировании ГУЛАГ НКВД в Москве.

Хотя концепция ББК о региональном экономическом пространстве Карелии строилась на «гигантской системе электрификации» (ББК оценил суммарную мощность центральной системы Карелии в 310 тыс. кВт) и в значительной степени совпадала с представлениями Карелии, существовало два главных расхождения в их интересах³⁰. Сначала плановые органы ББК сосредоточили свое внимание исключительно на той части территории Центральной Карелии между Белым морем и Онежским озером, через которую прошел Беломорканал, находившийся под их управлением (см. карты 9 и 10). Правительство Карелии занималось планированием для всей республики, предусмотрев три центра производства: на севере в Кандалакше, на юге в Кондопоге, а также в зоне ББК в центре³¹. Это различие могло привести к конфликту. ББК, например, выступал против планов Ка-

НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 28. Л. 1–22. Два варианта подробно рассматриваются в Приоритетном плане НКВД // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197–1425. Л. 17–39.

²⁶ Резолюция Совнаркома Карелии, 28 апреля 1934 г. // НАРК. Ф. 520. Оп. 1. Д. 28. Л. 21–22. См. также: А. А. Колпаков. Энергетическое использование водных ресурсов Средней Карелии // Беломорско-Балтийский комбинат. 1935. № 5. С. 3–6.

²⁷ Доклад главы ББК Я. Д. Рапопорта Совнаркому Карелии, 10 июня 1934 г. // НАРК. Ф. 520. Оп. 2. Д. 4–29.

²⁸ Приоритетный план // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197–1425. Л. 36–39.

²⁹ Письмо Гюллинга Молотову, 26 декабря 1934 г. // НАРК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

³⁰ Приоритетный план // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197–1425. Л. 2.

³¹ Перспективы // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 126–839. Л. 7.

релии построить большой Северный химический комбинат (в основном для производства алюминия) в Кандалакше, утверждая, что такое производство будет проще контролировать исключительно на их собственной территории³². ББК отправил запрос на 51,7 млн руб. для строительства главного алюминиевого комбината в Маткоже недалеко от канала (табл. 5.3). Его ходатайство было удовлетворено, хотя центр выделил только 30 млн руб. в 1934 г. в рамках второго пятилетнего плана. Позже проект был отложен, т. к. центр в июле отказался выделить даже эту сумму³³. Тем временем правительство Карелии продолжало строительство в Кандалакше, о чем пойдет речь далее.

Во-вторых, Карелия стремилась поддерживать целостность экономического пространства республики, даже уступив большую часть своей территории управлению исправительно-трудовых лагерей. Учитывалось, что на новые обрабатывающие заводы будут поставляться полезные ископаемые, добытые на территории области (главным исключением являлся Северный химический комбинат, который должен был получать апатиты из Хибиногорска, в 1935 г. переименованного в Кировск, с Кольского полуострова. См. рис. 5.2). Новые внутренние водные пути должны были использоваться прежде всего для того, чтобы увеличить экспорт готовой продукции и полуфабрикатов в Ленинградский порт и другие российские регионы. В то же время НКВД имел «намного более грандиозную» концепцию пространственной роли Центральной Карелии в экономике СССР: от узкого регионального значения до территориального «завоевания» и ассимиляции³⁴.

По этой концепции строительство Беломорканала существенно обновило «географическо-транспортные условия», которые определяли пространственные отношения Центральной Карелии с другими областями. Во-первых, появление канала разрушило существовавшее прежде деление Карелии на территорию Белого моря и Балтийские области с административными центрами в Кемь и Петрозаводске и экономическими центрами в Кандалакше и Кондопоге. Территория ББК географически находилась в центре республики, и региональное индустриальное планирование должно было концентрироваться вокруг этого нового центра. Во-вторых, после завершения работ по углублению Беломорканала, Центральная Карелия превратилась бы

³² Приоритетный план// НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197–1425 Л. 4.

³³ Проект второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 2. План развития районов. М., 1934. С. 18, 310.

³⁴ В анонимном документе без даты (скорее всего, служащий ОГПУ, 1933 г.) ББВП назван «грандиозным» // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 118–39. Л. 9.

в центр всесоюзной водной транспортной сети, связывающей советскую периферию со всеми ведущими индустриальными областями страны, друг с другом и с мировыми морскими маршрутами, о чем шла речь в предыдущей главе. В-третьих, новый объем производимой центральной Карелией гидроэнергии позволил бы провести полную электрификацию территории от Ленинграда до Мурманской железной дороги, укрепив интеграцию Ленинградской области по оси север–юг и увеличив значение промышленной территории ББК по направлению Медвежьегорск–Сегежа–Сорока (рис. 5.1). Наконец, что важнее всего, плановые органы ББК полагали, что центральная Карелия может стать «Северными воротами» – главным транзитным пунктом для сырья из исправительно-трудовых лагерей НКВД в Печоре, Вайгаче, районе Пай Хой и на арктическом острове Новая Земля (рис. 5.2)³⁵. Благодаря Большому Северному морскому пути, открытому в декабре 1932 г., ББК мог также получать сырье из лагерей Дальстроя на Дальнем Востоке³⁶. В заключение ББК объявил, что его цель «географически объединить сырье, топливо и энергию целой области по модели Урало-Кузнецкого комбината». Почти машинально было добавлено «в меньшем масштабе»³⁷.

ББК оправдывал такое представление о региональном развитии Карелии и требуемые большие инвестиции (табл. 5.3) тремя принципами размещения промышленных предприятий:

1. Рациональностью комплексного использования местного потенциала и природных ресурсов при помощи транспортной системы других областей.

2. Потребностями экономики СССР и равноправным распределением производительных сил по стране.

3. Политикой национальностей, которая требует особого внимания к отсталым в промышленном отношении национальным республикам³⁸.

Первые два принципа ясно отражали современные традиции в пространственном планировании (и формулировали его двусмысленно).

³⁵ Приоритетный план // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197-1425. Л. 3, 22–24. Отчет о развитии НКВД на Севере см.: Smolka H. P. Forty Thousand Against the Arctic. Russia's Polar Empire. London, 1948, P. 149–163 и т. д. Советские представления об Арктике см. в: McCannon J. Red Arctic. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union. Oxford, 1998; Armstrong T. The Northern Sea Route. Soviet Exploration of the North-East Passage. Cambridge, 1952.

³⁶ См. также: Доклад о центральном развитии Карелии в третьем пятилетнем плане ББК в 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 1–2. Л. 3–57.

³⁷ Приоритетный план // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197–1425. Л. 24.

³⁸ Приоритетный план. Там же. Л. 68.

Рис. 5.2. Карелия – «ворота Севера»: позиция НКВД

ность), третий был лицемерен, так как большинство заключенных и тех, кто жил в специальных поселениях ББК, имели славянское происхождение (об этом речь пойдет ниже), а его демографическое расширение скорее сводило на нет, чем усиливало стремление Карелии к специальному национальному статусу.

В то время как ББК ждал в течение 1934 и в начале 1935 г. выделения Москвой 514,6 млн руб. для финансирования индустриализации Карелии, он стремился сам компенсировать свои эксплуатационные расходы, увеличив количество лесозаготовок. В 1933 г. от правительства Карелии потребовали передать под юрисдикцию ББК леса в центральной Карелии, часть из которых ранее принадлежала Севзаптранслесу, и несколько лесозаготовительных предприятий, ранее управлявшихся железной дорогой. Карелия на них претендовала с момента роспуска «Желлеса» в 1931 г.³⁹ Поскольку к середине 1935 г. республика все еще не передала требуемую территорию ББК, 10 июля Совнарком СССР издал указ, подтверждавший статус комбината как одной из «основных лесозаготовительных организаций» Карелии с эксклюзивным правом на использование более 30 тыс. кв. км леса, включая три леспромхоза и части трех других (карта 9)⁴⁰. Эти области составляли почти половину лесозаготовительной деятельности «Кареллеса» в 1933 г. и $\frac{1}{5}$ всех лесозаготовок республики. К тому времени красные финны уже боролись за политическое выживание, поэтому не возражали против такой радикальной территориальной конфискации.

Таблица 5.3

**Запланированные капиталовложения ББК в центральной Карелии. 1934–1937 гг.
(кроме строительства жилья)**

Объект	Инвестиции (млн руб.)
Алюминиевый завод	51,7
Цинковый завод	15,5
Производство криолита*	4,0

³⁹ См.: Докладную записку о развитии лесной промышленности после открытия Беломорканала Карплана // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 776а. Л. 2–3.

⁴⁰ Указ. О лесной территории ББК // НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 1. Л. 2. ББК немедленно получил три леспромхоза (Доклад ББК НКВД за 1935 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 761. Л. 2, 37), но Карелия медлила с передачей этих лесных территорий вплоть до 1938–1939 гг. Распределение лесных территорий Карелии между организациями подробно рассматривается в: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 776а. Л. 104 (см. выше).

Объект	Инвестиции (млн руб.)
Производство серной кислоты	5,0
Лесохимический комбинат Нижней Выги	12,5
Лесохимический комбинат Сегежи	175,0
Лесохимический комбинат Медвежьегорска	194,0
Лесохимический комбинат Повенца	14,5
Тяжелая металлургия (шунгит-ванадий)	42,4
Всего	514,6

Примечание: * используется в электрометаллургии как флюс при выплавке алюминия.

Источник: План приоритетного строительства гидроэлектростанций и развития промышленности в районах ББК. Ленинградское бюро ББК НКВД, 1 мая 1935 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197-1425. Л. 2.

Позиция Ленинграда

В начале 1934 г. Карплан уполномочил профессора Я. К. Берзтыса из ленинградского отдела Коммунистической академии ЦК исследовать пространственный потенциал развития Карелии. В подготовке отчета, который был представлен правительству Карелии год спустя под названием «Перспективы промышленного развития Карельской АССР во второй и третьей пятилетках», также участвовали отделы сельского хозяйства и экономики Коммунистической академии⁴¹. Этот документ подчеркнул интегрирующую роль автономной республики в более обширной Северо-Западной области. «Ленинградская область чрезвычайно важна для экономики Карелии, — писал Берзтыс, — как потребитель ее сырья, полуфабрикатов и готовых изделий из полезных ископаемых и обрабатывающей промышленности»⁴². Карелия была также важна для Ленинграда, хотя и в чуть меньшей степени. Ради тяжелой металлургии, алюминиевого производства и геологических исследований ленинградские плановые органы включили республику в собственные региональные проекты и контрольные данные. В остальных трех секторах ленинградские отделы по планированию принимали во внимание Карелию, разрабатывая свое представление о региональном пространстве.

⁴¹ Берзтыс Я. К. Перспективы размещения промышленности в АССР во второй и третьей пятилетке (далее – Перспективы размещения) // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 185-1318. Л. 108–132.

⁴² Перспективы размещения. Там же. Л. 125.

Во-первых, транспорт: с 1927 г. Карелия была анклавом в Ленинградской области, зоной транзита сырья с Кольского полуострова (на Крайнем Севере) для промышленности Ленинграда (на юге). У области был свой интерес в строительстве (и впоследствии в согласованном проекте углубления) ББВП и в запланированной электрификации Мурманской железной дороги на территории Карелии⁴³. Во-вторых, энергетическое строительство: построенная специальными поселенцами на севере НиваГЭС обслуживала не только карельский Северный химический комбинат в Кандалакше, но также и добычу апатитов с центром в Хибиногорске (Кировск)⁴⁴. Действительно, экономические связи Кандалакши с Кольским полуостровом оказались настолько тесными, что в середине 1938 г. район и его предприятия были переданы от Карельской АССР под управление вновь учрежденной Мурманской области.⁴⁵ Ленинград также был заинтересован в проекте карельского ББК по переносу русел и в строительстве плотин на крупнейших реках Центральной Карелии, впадавших в Выгозеро и Сегозеро. Как упоминалось выше, Ленинград первоначально отвечал за разработку этого крупномасштабного гидротехнического проекта, затем, в начале 1934 г. проект был передан в ведение ББК. По плану уровень Онежского озера должен был подняться, увеличив течение в реке Свирь, и таким образом повысить производительность двух крупных ГЭС в Ленинградской области, что позволило бы Мурманской железной дороге стать полностью электрифицированной на территории Карелии. В-третьих, древесина. Мало того, что тресты Карелии были главными поставщиками леса и пиломатериалов на фабрики Ленинграда и топлива на Мурманскую железную дорогу, но Ленинград непосредственно управлял лесозаготовками в Пудожском районе через «Севзаплес» (позже через «Ленлес», «Пудожлес» и «Свирлес»).

Ленинград также интересовался развитием и других отраслей промышленности Карелии. Северный химический комбинат в Кандалакше должен был получать сырье с Кольского полуострова и производить алюминий и химикаты для ленинградской промышленности. Спроектированный ББК алюминиевый завод в Маткоже в Центральной Карелии обеспечивал бы поставку легких металлов.

⁴³ Перспективы размещения // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 839. Л. 7.

⁴⁴ О строительстве НиваГЭС см. гл. 4. Первая очередь была открыта в конце июня 1934 г.

⁴⁵ Резолюция Президиума Верховного Совета СССР, 28 мая 1938 г. // ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 9. Д. 159. Л. 3. Она ратифицировала резолюцию ВЦИК предыдущего дня. Там же. Л. 1–2.

Добыча шунгита в Пудожье давала бы энергию и редкие тяжелые металлы (вместо импортируемых) для металлургического сектора и появляющегося в Ленинграде производства электроники. Южная Карелия должна была поставлять полезные ископаемые, строительные материалы (особенно гранит и ценный мрамор) и цемент. Рыболовецкий промысел Белого моря (часть рыбы перерабатывалась на большом консервном заводе в Кандалаксе) призван был обеспечить Мурманск и Кольский полуостров продуктами питания⁴⁶.

В годы второй пятилетки Ленинград получал все больший контроль над Карелией. Как уже упоминалось, с июня 1928 г. коммунистическая партия Карелии подчинялась Ленинградскому обкому, который проверял ее деятельность и издавал основные директивы по общему экономическому развитию (специально для лесной отрасли) и по определенным проектам (особенно тем, в которых Ленинград был особенно заинтересован). В июне 1933 г. Ленинградский обком порицал Карелию за «недостаточное внимание к лесозаготовкам», призывая принять меры против тех иностранных и классовых враждебных элементов в ее администрации, которые говорили о «так называемом последовательном и сбалансированном использовании лесов» (другими словами, предлагали экологическую программу лесозаготовок, как план Гюллинга в предыдущем десятилетии)⁴⁷. В течение 1933 г. ленинградское партийное руководство позволило себе резкую критику национальной политики Карелии, о чем речь пойдет позже. У Ленинграда также была прерогатива наложить вето на главные номенклатурные назначения в автономной республике. Возглавляющий коммунистическую партию в Ленинграде Киров часто ставил своих людей на наиболее важные должности в Карелии, такие как руководители машинно-тракторных станций (МТС) и более крупных предприятий⁴⁸.

В то же время ленинградское партийное руководство нередко подерживало ходатайства Карелии в центр. С конца 1920-х гг. секретари коммунистической партии Карелии просили Кирова поехать в Москву от их имени, чтобы разрешить большинство важных проблем. Резолю-

⁴⁶ Перспективы развития // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 185-1318. Л. 125-126; также см.: НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 81-569. Л. 112.

⁴⁷ Декрет Ленинградского обкома, 25 июня 1933 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 80б.

⁴⁸ Например, 4 мая 1933 г. Киров одобрил назначение Ленинградского чиновника В. С. Кондратьева директором Северного химического комбината в Кандалаксе, см.: Секретариат Ленинградского обкома // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 2.

ция XI областной Карельской конференции обкома от 1932 г. содержало требование «привлечь внимание всех экономических органов Ленинграда и центра к использованию больших сырьевых и энергетических ресурсов Карелии»⁴⁹. Отношения между Кировым и Ровио (который прятал Ленина, скрывавшегося в Финляндии летом 1917 г.), были особенно близкими⁵⁰. Гюллинг являлся членом ленинградского обкома, а Ровио – членом бюро ленинградского обкома, но до 1933 г., когда карельская политика национальностей начала подвергаться все большим нападкам, они посещали только те заседания, на которых решались вопросы, касающиеся Карелии (такие, как Нивастрой и химический комбинат в Кандалакше)⁵¹. Кроме того, Ленинград отправил в Карелию рабочих и квалифицированные кадры (многие ленинградские фабрики и институты шефствовали над предприятиями республики). Правда, большинство из них даже не появилось в Петрозаводске, другие, увидев примитивные условия жизни в столице автономии, отказались работать в глубинке и вернулись в Ленинград⁵².

В середине 1933 г. Совнарком Карелии учредил постоянное представительство в Ленинграде. Его возглавил В. И. Калинин, который раньше занимался вербовкой кадров для Карелии в Ленинградской области. Официально функции представителя состояли в том, чтобы координировать планирование с ленинградскими учреждениями и заключать контракты с предприятиями города на поставку товаров из Карелии или импорт в автономную республику машин для новых строительных проектов⁵³. Фактически, большую часть времени пред-

⁴⁹ Резолюции и постановления XI Карельской областной конференции ВКП(б). Петрозаводск, 1932 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1912. Л. 4.

⁵⁰ См. собственноручно написанную записку Кирова Ровио 15 января 1932 г. об оппозиции ОГПУ и Ленинградского военного округа североамериканской иммиграции в Карелию // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 708. Л. 1. См. также реакцию Ровио на статью: Киров С. М. Организатор победы Советской Карелии // Карело-Мурманский край. 1934. Дек. С. 12–13.

⁵¹ 9 марта 1932 г. Ровио и Гюллинг обсуждали Нивастрой; 23 марта Ровио обсуждал строительство Кандалакши // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2715. Л. 14, 26, 46. В течение 1933 г. Ровио посетил шесть из 22 заседаний Бюро обкома // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2717–18.

⁵² Резолюции и постановления XI Карельской областной конференции ВКП(б) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1912. Л. 4–5.

⁵³ Резолюция Совнаркома Карелии, 10 мая 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 6. Д. 6–19. Л. 369. Представителем Карелии был В. И. Калинин, назначенный резолюцией Совнаркома Карелии от 31 мая 1933 г. // НАРК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 1–3. Л. 1. Ранее Калинин занимался вербовкой в Ленинградской об-

ставитель тратил на борьбу с должниками по поставкам или по просроченным платежам, пытался переманить рабочих и специалистов из Ленинграда на холодный север. Он также приглядывал за жизнью карельских студентов в ленинградских общежитиях⁵⁴.

Позиция Москвы в региональном развитии

Первый пятилетний план привел к изменениям в распределении отраслей промышленности на восточном направлении, а также способствовал демографическому росту на всей территории Союза (хотя это было скорее результатом массовых перемещений, сопровождавших индустриализацию, а не специальной политикой)⁵⁵. Современный советский географ считает, что в результате «индустриальный центр больше не являлся островом на карте СССР. И он был не один на карте». По его мнению, увеличивая норму экономического роста на периферии, советская плановая экономика «уменьшает различие между областями по уровню развития»⁵⁶.

Второй пятилетний план, опубликованный в 1934 г., должен был поддерживать такое пространственное выравнивание, по нему продолжалось создание новых индустриальных центров в слабо развитых областях⁵⁷. В частности, он определял приоритеты в инвестициях национальным республикам для преодоления отсталости, унаследованной от царской России. Однако второй пятилетний план меньше уделял внимания сложному региональному развитию в новых областях, а в основном сосредоточивался на экономике, базирующейся на добыче сырья. Он продемонстрировал предположения, предубеждения и страхи руководства по поводу отношений центра и периферии: более развитым российским и украинским центрам позволялось экономическое разнообразие и дифференцирование, в то время как периферийные территории обязаны были специализироваться на разработке природных ресурсов и почвы.

Такая политика имела не только экономические, но и политические и стратегические предпосылки. Если периферийные области сосредото-

ласти // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 18-191. Л. 68. Он оставался на этом посту до 1937 г., когда пост отменили // НАРК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 1-3. Л. 106, 8, 23.

⁵⁴ Переписку Калина по этому вопросу за 1934 г. см. в НАРК. Ф. 711. Оп. 1. Д. 1-4. Л. 7-11, 57-60 и Ф. 711. Оп. 1. Д. 1-6. Л. 95.

⁵⁵ Проект второго пятилетнего плана. Т. 2, 3-4.

⁵⁶ Михайлов Н. Н. Советская география. С. 55.

⁵⁷ Куйбышев В. В. Предисловие // Проект второго пятилетнего плана. Т. 2, 3-4.

точатся исключительно на развитии специфических отраслей производства в рамках «нового социалистического распределения производительных сил Советского Союза», они станут зависимее как друг от друга, так и от центра, и менее восприимчивыми к сепаратистским тенденциям. Чтобы структурировать и облегчить межрегиональное сотрудничество и обмен, во втором пятилетнем плане было предусмотрено «повсеместное увеличение транспортного строительства». Окончательной неафишируемой целью плана являлась рационализация пространственного распределения факторов производства, учитывающая естественные конкурентоспособные преимущества регионов, ресурсов и предшествующего развития в разделении труда, и объединение экономического пространства в единую систему коммуникаций. Специализированные региональные экономические системы на периферии будут поставлять сырье и полуфабрикаты в центральные интегрированные промышленные области, которые, в свою очередь, станут производить товары промышленного назначения и способствовать политическому развитию и культурному просвещению на периферии. В долгосрочном прогнозе национальные республики должны были догнать центр (предполагалось, что модернизация пролетаризирует национальные поселения и ослабит этнические и культурные различия); на тот момент они могли в лучшем случае стремиться стать полуперифериями и заниматься обработкой сырья. Этого не было в плане, но по стратегическим соображениям уязвимые пограничные области не получали инвестиций для тяжелой промышленности или военно-промышленного строительства. Финасировались лишь сельское хозяйство и отрасли легкой промышленности.

В соответствии с этой позицией, второй пятилетний план 1934 г. гласил, что Карелия «сохранит свою основную специализацию в лесной и бумажной промышленности, которые будут развиваться дальше и создадут много новых производств, что ускорит индустриализацию республики»⁵⁸. В центре единогласно решили: республика должна специализироваться на лесе, что ограничит ее индустриальные претензии. Однако было бы неточно говорить об единственной «центральной» концепции советского экономического пространства, не учитывая интересы различных территориальных, секторальных и политических группировок Москвы. Фактически, разные политические силы имели различные представления о пространственной роли и экономических перспективах автономной республики.

⁵⁸ Проект второго пятилетнего плана. Т. 2. С. 18.

С одной стороны, власти СССР сделали во втором пятилетнем плане явный акцент на развитии национальных республик, прежде всего, чтобы продвигаться к Средней Азии в соответствии со стратегической политикой режима по развитию промышленности в восточном направлении. С другой стороны, правительство РСФСР отстаивало интересы своих автономных республик, включая Карелию, хотя оно отказывалось тратить собственные ресурсы на эти территории и часто отклоняло просьбы об увеличении финансирования, при этом поддерживая их запросы в центральные органы. Карелия, как и другие национальные территории в РСФСР, могла получить только то, что просила у российского центра, обратившись непосредственно к правительству СССР или в партийные центры (конечно РСФСР не имел никакой собственной партийной организации) (так у автора! – *Прим. пер.*). Неоднозначные отношения между Союзом и бюрократическими «центрами» РСФСР осложнялись для региональных деятелей еще и тем, что служащие часто перемещались с одной должности на другую в рамках учреждений на этих двух уровнях.

С другой стороны, московская индустриальная бюрократия, как на союзном, так и на уровне РСФСР действовала преимущественно в интересах собственных отраслей производства, мало или вообще не заботясь о выполнении общего плана или целостности экономики. Когда доходило до распределения финансирования, большинство стремилось вписать второстепенные проекты в номинальные списки других регионов, чтобы максимизировать инвестиции в свои приоритетные проекты. Это привело к концентрации ресурсов в границах нескольких крупных проектов. И, конечно, они не имели никакого отношения к Карелии. Даже когда республика получала одобрение крупномасштабных строительных планов, межведомственный конфликт и недостаток координации быстро сводили на нет объем получаемых инвестиций.

Чем больше организаций участвовало в одной и той же сложной схеме, тем меньше оставалось шансов получить полное финансирование. В 1930 г. Карелия предложила расширить бумажную фабрику в Кондопоге и построить крупное целлюлозно-бумажное производство поблизости. Эти проекты, однако, зависели от увеличения производительности Кондопожской ГЭС, что требовало гидротехнических работ и строительства плотины на реке Суна. Между октябрем 1930 и июнем 1931 г. правительство Карелии активно лоббировало проект целлюлозно-бумажного комбината в Кондопоге, гидротехнические проекты на Суне (Сунастрой) и Кондопожской ГЭС в не менее чем восьми управляющих структурах в Москве. Параллельно оно искало другие отделы, ответственные за разрешение на строительство и оплату работы немецкого

инженера, нанятого Гюллингом для просчета этих планов⁵⁹. Все центральные органы признали, что увеличение Карелией производства бумаги имело приоритетный характер (так как советское руководство решило увеличить выпуск газет). Поэтому схема развития Кондопоги, представленная Карелией, получила одобрение на всех уровнях. В 1934 г. Калинин даже назвал кондопожский проект «бумажным вариантом Магнитостроя»⁶⁰. Однако в течение второй пятилетки Наркомлес и НКТП по разным причинам откладывали выделение средств правительству Карелии на строительство Кондопожского комплекса, что существенно осложнило реализацию смежных проектов⁶¹.

Образование в январе 1932 г. НКТП и Наркомлеса должно было частично смягчить соперничество между отраслевыми предприятиями. Но различные отделы и уровни этих учреждений продолжали придерживаться прежней инвестиционной стратегии. Например, в сентябре 1934 г. управление Главэнерго НКТП поддержало совместное предложение Карелии и ББК о создании «гигантской электрической сети» в республике. Однако впоследствии управление НКТП, детально изучив расходы на промышленное строительство, отказалось финансировать главные производства, основанные на гидроэлектричестве, уменьшив финансирование зависимых от электроэнергии промышленных объектов. Заметив снижение мощности этих предприятий, Главэнерго еще больше сократил масштаб и производительность (и затраты) ГЭС⁶².

⁵⁹ Переписку Карелии по поводу Кондопоги и Сунастроа с Союзбумажной и Энергоцентром (оба подчинялись союзному ВСНХ), лесным бюро Госплана РСФСР, Гидроэлектростроем (подчинялся Энергоцентру), планирующим отделом ВСНХ РСФСР, Госпланом СССР, Энергоотделом ВСНХ РСФСР и ЭКОСО РСФСР в 1930–1931 гг. см. в: НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 16–171. Л. 1–56.

⁶⁰ Цит. по: Фридлианд Ю. С., Эйгер М. Я. Пути электрификации АКССР во второй пятилетке // Советская Карелия. 1934. № 6. С. 29.

⁶¹ О Сунастрое до 1934 г. см.: Андин Е. Сунастрой // Карело-Мурманский край. 1934. № 7–8. С. 5–8. О НКТП и Сунастрое см.: НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 71–624. Л. 285–291. О строительстве целлюлозно-бумажного Кондопожского комбината см.: Письмо секретаря райкома Кондопоги Аполонику, 26 июля 1933 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 118–39. Л. 56. О расширении Кондопожской ГЭС см., напр.: Письма Председателя Совнаркома Карелии (после смещения Гюллинга) П. И. Бушуева Жданову и Молотову, 8 декабря 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–299. Л. 68–71.

⁶² Письмо Совнаркома Карелии Совнаркому СССР, копия в Госплан, НКТП и Наркомлес, 5 июня 1935 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 34. Л. 3–3об.

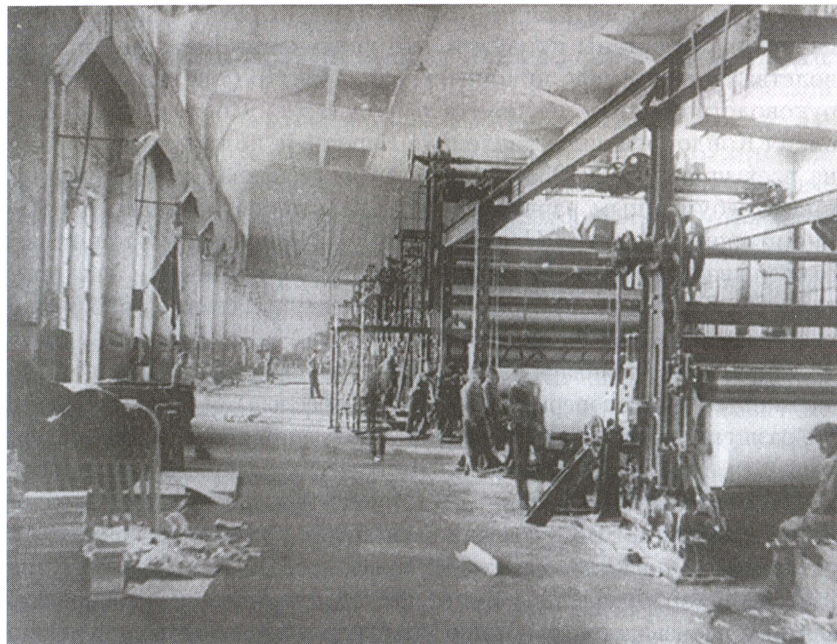

Рис. 5.3. Кондопожская бумажная фабрика, 1932 г.

Помимо конкурирующих интересов предприятий наблюдалась основательная дизъюнкция между территориальными органами планирования и их действиями. В сентябре 1932 г. заместитель руководителя Карплана Тиуваев приехал в Москву, чтобы проследить, как центральные органы работают над планом развития республики. В Госплане РСФСР он встретился с Г. И. Смирновым и другими чиновниками, в т. ч. С. С. Лобовым, который занимал должность куратора Карелии. Он выяснил, что никто не работал над планом развития автономной республики, так как не было информации от отраслевых комиссариатов РСФСР, чтобы обобщить. Задача планирующих органов осложнялась тем, что планы развития некоторых отраслей Карелии являлись частью плана развития Ленинградской области. Ее развитием (как и Москвой, Уралом, Нижней Волгой и сибирскими областями) занимался Госплан или министерства не РСФСР, а соответствующие органы СССР. Затем Тиуваев побывал в Госплане СССР, но там также ничего не предпринимали. Позже он писал Гюллингу, что разделение ответственности за развитие Карелии вызвало волокиту, задержки и беспорядок. Никто не знал или не хотел ничего знать о Карелии. Процесс планирования не был скоординирован. Директивы Гос-

планов СССР и РСФСР и комиссариатов СССР часто противоречили друг другу. Предприятия Карелии непосредственно подчинялись комиссариатам СССР и игнорировали директивы местных планирующих органов, в то время как Карплан ничего не знал о директивах из министерств. В заключение он написал, что при таких обстоятельствах эффективное территориальное планирование невозможно⁶³.

Три месяца спустя Тиуваев вернулся в Москву. На сей раз он отправил в Карелию еще более длинный и жесткий меморандум⁶⁴. Он жаловался, что советский центр по распределению финансирования страдает от сильной «неустойчивости», особенно это касалось Карелии. Пока планирующие органы на карельском, российском и союзном уровнях спорили о контроле, границы их компетенции постоянно менялись. Комиссариаты подвергли сомнению цифры, представленные Госпланом, а союзный Госплан в свою очередь усомнился в цифрах РСФСР (в тот момент он отказывался утвердить планы РСФСР по Северному химическому комбинату в Кандалакше). По его мнению, Госплан СССР не изучал планы детально: он автоматически принимал числа, представленные отделами Госплана РСФСР, но отклонял данные территориальных планирующих органов РСФСР и подчинял себе региональные предприятия, если только они не предоставляли объяснительные записки и оправдания. Очевидно, Госплан СССР больше верил в отраслевое, чем в центральное планирование. Это отражает равновесие сил, сложившееся в Москве и Политбюро между индустриальными и региональными интересами, продолжающихся спорах о характере экономического районирования; отношениями между пространственными единицами, используемыми для экономического планирования, национальными и административными территориальными подразделениями, а также гиперцентрализацией промышленных предприятий, подвергшиеся в последующие годы ограниченной реформе, о чем пойдет речь в следующей главе.

Помимо быстрого роста промышленности и территориальных предприятий, каждое из которых придерживалось своей концепции пространственного видения экономического развития и изо всех сил пыталось отстаивать собственные интересы на бюрократическом поле битвы, еще одно серьезное учреждение последовательно требовало

⁶³ Письмо Г. Д. Тиуваева, 25 сентября 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 123–819. Л. 606–706.

⁶⁴ Письмо председателю Карплана И. А. Данилову, декабрь 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 124–824. Л. 195–207.

увеличения расходов на Карелию. Это были советские Вооруженные силы, которые добивались строительства коммуникаций и транспортных сетей в изолированных западных приграничных районах для укрепления планов по мобилизации. Российский историк писал, что второй пятилетний план для Карелии был «почти полностью военизирован, а Госплан КАССР был частью Ленинградского военного округа (ЛВО), распределяя директивы, полученные от Вооруженных сил, между союзными комиссариатами и местными властями»⁶⁵. Это отчасти является правдой, но все же содержит преувеличения. Стратегическое восприятие было действительно главным в определении роли Карелии во втором пятилетнем плане, а также в определении ее фактического развития, о чем пойдет речь далее. Но большая часть планирования не была выполнена военными властями. В то время как Объединенный штаб Красной армии и Народного комиссариата военных и военно-морских дел (Наркомвоенмордел, с июня 1934 г. Народный комиссариат обороны, Наркомоборон) с готовностью поддерживал Карелию и ходатайства ББК о финансировании региональных проектов, вооруженные силы не были склонны к перераспределению собственного бюджета в пользу пограничной области из-за ее стратегического значения.

Как уже говорилось, советская плановая экономика являлась хаотичной. Она состояла из ряда решений, каждое из которых было рационально и разработано для максимизации преимущества отрасли и минимизации личного риска. Но в совокупности они оказывались несвязными и экономически невыгодными (но не политически бесцельными)⁶⁶. В следующей главе речь пойдет о том, что репрессии 1937–1938 гг. возникли отчасти и из потребности объяснить и решить конфликты, последовавшие за хаотичным планированием. Прежде всего будут подробнее рассмотрены природа планирования и его результаты.

МИФ ВТОРОГО ПЯТИЛЕТНЕГО ПЛАНА

Как столь различные представления о пространственном развитии Карелии, бюрократическое соревнование и конфликт дополняли планы республики в этот период? Госплан СССР разработал первоначальный проект второго пятилетнего плана в начале 1932 г.

⁶⁵ Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 115, 128–137. Интерпретация Килина более подходит к третьему пятилетнему плану, 1938–1941 гг.

⁶⁶ Baron N. Stalinist Planning as Political Practice.

В мае того же года Карплан представил свое видение развития республики в документе под названием «Основные направления». Они предусмотрели увеличение объемов лесозаготовок почти в четыре раза в последующие пять лет (попытка компромисса с центром, который требовал почти 550 %-ного увеличения, см. табл. 5.4), а также огромные инвестиции в промышленность. Однако почти сразу Москва отказалась от своих честолюбивых намерений, узнав об ухудшении экономических и финансовых условий и абсолютной невозможности выполнения плана лесозаготовок⁶⁷. В свою очередь плановые органы Карелии были проинструктированы, что второй пятилетний план республики будет «органично связан с фактическим выполнением первого пятилетнего плана», а не с любыми «формальными» экстраполяциями предыдущих целей⁶⁸. Москва уменьшила требования по лесозаготовкам; в свою очередь ожидалось, что республика снизит требования инвестиций и роста промышленности.

В конце 1932 г. работа над согласованием плана для Карелии все еще продолжалась. Частично это происходило из-за неясности требований центра. Мы уже знаем, как Тиуваев доказывал неэффективность и инерцию территориального планирования в Москве в течение этих месяцев. Частично это являлось результатом постоянного вмешательства в действия Карплана членов комсомольской организации, которая пропагандировала «легкие» операции по борьбе с «бюрократизмом». Увы, им удавалось лишь нарушать ежедневную работу органов. В то же время активисты компартии подвергали Карплан непрерывным чисткам в течение 1931–1932 гг.; за 18 месяцев свыше половины работников плановых органов были объявлены социально инородными и уволены⁶⁹. Большая их часть была незаменима, так как проблема квалифицированных кадров существовала в республике всегда, а центр отказался помогать. Во время своего визита в Москву в сентябре 1932 г. Тиуваев обратился в отдел кадров Госплана СССР за дополнительными трудовыми ресурсами, но ему сказали, что эксперты направляются только в «более важные периферии и регионы»⁷⁰.

⁶⁷ См.: Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke, 1996.

⁶⁸ Письмо 28 сентября 1932 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 18-191. Л. 117.

⁶⁹ О чистках Карплана в 1931 г. см.: Советская Карелия. 1931 № 3–4, 9–12 и 5–7. С 1–10.

⁷⁰ Письмо, 25 сентября 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 123–819. Л. 5об.

Ожидаемый объем лесозаготовок на 1937 г. (млн погонных м)

Вид	Объем
Карплан, февраль 1932 г. (а)	18,3
Госплан СССР и НКЛес, февраль 1932 г. (б)	35,5
Карплан, май 1932 г. (в)	24,5
Карплан, 1934 г. (г)	14,5 / 15
Госплан СССР, второй пятилетний план 1934 г. (д)	16,5
Годовой план, 1937 г. (е)	12,877
Выполнено, 1937 г. (ж)	9,465*

Примечания: * Составлено следующими лесозаготовительными предприятиями: «Кареллес» – 4851, ББК – 3486, «Пудожлес» (преемник «Севзаплеса») – 5338, Наркомлес АКССР – 0,44, Оборонлес (Наркомобпром) – 0,46, Карпроммлессоюз, Ругозерская железная дорога.

Источники: (а) Карплан «Перспективы», 16 февраля 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 126-839. Л. 7об; (б) доклад Карплана «Лесная промышленность в Карелии во второй пятилетке», без даты (1932 г.) // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 18-195. Л. 5; (в) Карплан «Основные направления», май 1932 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 126-839. Л. 105; (г) более низкие показатели из: Карплан «План второй пятилетки лесной промышленности в Карельской АССР», без даты (1934 г.) // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 157-1086. Л. 44об; более высокие показатели из: Карплан «Объяснительные записки по лесной промышленности Карелии во второй пятилетке», 7 февраля 1934 г. // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 18-195. Л. 25; (д) Проект второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 2. План развития районов. М., 1934. С. 308, утвержден последней версией Госплана, см.: Резолюция Совнаркома Карелии, 8 марта 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 69-613. Л. 29; (е) вычислено Карпланом, «Итоги второй пятилетки», январь 1939 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 212-1588. Л. 27; (ж) там же. С. 48–51.

В Москве сохранялась заинтересованность в Карелии, столичные плановые органы в течение 1933 г. пересмотрели свою позицию и решили учесть, во-первых, новые перспективы гидроэнергетического строительства и обрабатывающих отраслей промышленности, развиваемых ББВП и ББК, и, во-вторых, потребности в дальнейшем сокращении инвестиционных объемов в связи с увеличением экономического кризиса и голода⁷¹. Эти два подхода явно противоречили друг другу. Гюллинг и его подчиненные попытались уловить неоднозначные и часто неразборчивые сигналы из центральных органов и, учитывая их предыдущую конфронтацию, выработать

⁷¹ О кризисе 1933 г. См.: Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 362 и далее.

собственное представление о развитии в соответствии с новыми приоритетами Москвы, более жесткими границами и скромными темпами⁷². К началу 1934 г. Карплан учетверил предложенные Наркомлесом инвестиции в лесную промышленность республики. В то же время это сократило предполагаемые расходы НКТП (преимущественно на энергетику и создание химической промышленности) приблизительно на одну треть. Результат был достигнут благодаря внедрению большей части Кондопожского проекта в список Наркомлеса. Таким образом, проект получил почти половину увеличенных инвестиций Народного комиссариата лесной промышленности в республике⁷³.

Оставив относительно высокий уровень капиталовложений, Карелия снизила предполагаемые темпы роста в соответствии с основными принципами XVII съезда ВКП(б) в январе 1934 г.⁷⁴ Таким образом, Карплан уменьшил число предполагаемых лесозаготовок республики в 1937 г. до 15 млн погонных м (ниже уровня, предложенного в феврале 1932 г. в Основных направлениях, см. табл. 5.4). Все еще запрашивая огромные инвестиции на энергетическое строительство, Карелия решительно сократила плановое расширение производства на текущий период планирования (табл. 5.5).

Проект второго пятилетнего плана, изданный Госпланом СССР накануне XVII съезда ВКП(б), давал несколько подсказок госслужащим Карелии относительно единой концепции развития республики⁷⁵. Различные части плана противоречили друг другу. Пункты, описанные в тексте, отсутствовали в номинальных списках и наоборот. Данные по энергетике и химическому строительству, к сожалению, были особенно неточными. Подробный анализ плана указывает

⁷² См.: Телеграмма Гюллинга Карплану и республиканским комиссариатам, 21 января 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 69–613. Л. 34.

⁷³ Пересчитанные Наркомлесом данные из Карплана «О втором пятилетнем плане для лесной промышленности Карельской АССР», без даты (1934 г.) // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 157–1086. Л. 44об; данные НКТП из: Перспективы развития // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 185–1318. Л. 133.

⁷⁴ Baykov A. The Development of the Soviet Economic System. An Essay on the Experience of Planning in the USSR. Cambridge, 1946. P. 183. Ответ Карелии на резолюции XVII съезда партии см.: Тезисы доклада об экономическом развитии Карельской АССР во втором пятилетнем плане, без даты (март 1934 г.) // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 157–1086. Л. 4.

⁷⁵ Проект второго пятилетнего плана. Т. 2. См. также: Baron N. Soviet Karelia, 1920–1937. A study of space and power in Stalinist Russia: PhD thesis, University of Birmingham, 2001. P. 245–248.

на источник многих из этих аномалий: московские плановые органы, очевидно, полагали, что район Кандалакши находился в Мурманской области, которая в это время все еще была частью огромной Ленинградской области. Поэтому они вычеркнули Нивастрой и Северный химический комбинат из строительных планов Карелии, а их ожидаемую гидроэнергию, металлургическую и химическую продукцию – из планового производства (табл. 5.5 и 5.6)⁷⁶.

Таблица 5.5

Предполагаемая суммарная мощность электрических станций Карелии (тыс. кВт)

Ленинградский энергетический исследовательский институт, конец 1931 г., проект 1937 г. (а)	578*
План-проект Карплана от 1932 г. на 1937 г. (б)	562,4 / 590,5*
План-проект Карплана от 1934 г. на 1937 г. (в)	52,4*
Второй пятилетний план на 1937 г., проект Госплана СССР от 1934 г. (г)	44,7 / 106,7**
Фактически в 1936 г. (д)	45,97*
Фактически в 1940 г. (е)	65 / 150,32***

Примечания:

* Эти данные включают НиваГЭС.

** Более низкие показатели не включают НиваГЭС, более высокие данные включают ее предполагаемую производительность.

*** Вероятно, что более низкий показатель не включает НиваГЭС, а более высокий включает (плюс, возможно, энергетические установки на территории, полученной от Финляндии).

Источники: (а) вычисления произведены на основе данных из: Гидроэнергетические ресурсы Карело-Мурманского края и пути их использования / под ред. С. В. Григорьева, А. Б. Жигулина. М.; Л., 1933; (б) более низкий показатель из: Карплан «Основные направления» // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 126-839. Л. 105, более высокий показатель из: доклад Карплана «Энергия в Карелии во втором пятилетнем плане», без даты (1932 г.) // НАРК. Ф. 682. Оп. 1. Д. 19-198. Л. 46; (в) Карелия и Мурман в 1934 г. // Карело-Мурманский край. 1934. № 5–6. С. 2; (г) Перспективы развития // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 185-1318. Л. 125; (д) Труды Карело-Мурманской комплексной экспедиции // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 1469. Л. 129–130, опублик. в: Вавулинская Л. И. Народное хозяйство Карелии, 1926 – июнь 1941 г. Документы и материалы. Петрозаводск, 1991. С. 36–37; (е) более низкий показатель в: И. М. Юдин, И. Е. Кривченко. Карельская АССР. 50 лет. Цифры и факты. Петрозаводск, 1970. С. 31, показатель выше в: Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925–1928 гг.) / под ред. С. И. Тюльпанова. Л., 1964. С. 129.

⁷⁶ Впервые упоминается в: Перспективы развития // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 185-1318. Л. 131–132.

Следующий и, возможно, конечный проект второго пятилетнего плана, изданного вскоре после XVII съезда ВКП(б), вернул Кандалакшу в границы Карелии, таким образом существенно увеличив инвестиции в промышленность республики (табл. 5.6)⁷⁷. Однако объем, о котором докладывали в Москве, был все еще существенно ниже показателей последнего плана Карелии. Капиталовложения в тяжелой промышленности снизились приблизительно на треть. Инвестиции в лесную промышленность упали более чем на 50 %, но самый значительный спад произошел в строительстве Кондопожского комбината. Но Москва все еще ожидала большего роста объемов лесозаготовок, чем предлагала Карелия, хотя к тому моменту планировалось не более 16,5 млн погонных м в 1937 г. (табл. 5.4).

Как это ни парадоксально, заключительный текст второго пятилетнего плана гласил, что Карелия сохранит «свою основную специализацию», даже учитывая то, что теперь 36 % финансирования приходилось на тяжелую промышленность, а 32 % на лесозаготовку и обработку древесины. Вероятно, даже после того, как московские плановые органы восстановили инвестиции в Кандалакшу на территории Карелии, они продолжали думать об этом районе в связи с добычей апатитов (в Хибиногорске, позднее Кировске, в 160 км на север Кольского полуострова) как о сложном для освоения из-за тундры и скалистого рельефа. Эта территория «естественно» и экономически выпадала из границ Карелии. В представлении плановых органов это была густая тайга, отличное место для лесозаготовок и обработки древесины. (Четыре года спустя Карелия действительно передала этот район восстановленной Мурманской области, как упомянуто выше.) Кроме промышленного строительства в Кандалакше, плановое развитие автономной республики больше соответствовало «характеру ее основной специализации».

После публикации Госпланом окончательного варианта различные региональные власти, связанные с планированием, получили инструкцию предоставить в центр пересмотренные планы к концу марта⁷⁸. Вероятно с некоторой долей облегчения правительство Карелии согласилось «считать цель Москвы в 16,5 млн погонных м на 1937 г. достижимой»⁷⁹. Однако Гюллинг был крайне недоволен, что Госплан

⁷⁷ Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 2. План развития районов. Москва, 1934.

⁷⁸ Совнарком РСФСР, 28 февраля 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 69–613. Л. 34.

⁷⁹ Совнарком Карелии, 8 марта 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 69–613. Л. 29.

СССР отклонил предложенные им цифры требуемых инвестиций и подал петицию в центр с просьбой внести изменения в план. Три месяца спустя постоянный представитель Карелии в Москве сообщал, что Госплан СССР все еще изучает новые предложения республики. У Гюллинга по-прежнему оставалась надежда на дальнейшие уступки⁸⁰. Предположительно, отдел лесной промышленности Госплана представил сообщение относительно распределения рабочей силы в лесопромышленном комплексе, которое вообще не включало условия для Карелии. Отдел легкой промышленности (отстаивающий интересы отрасли) благоприятно относился к проектам Карплана по расширению этой отрасли хозяйства, но Северная группа (отстаивающая территориальные интересы в целом) отклонила все предложения по развитию промышленности Карелии, утверждая, что из-за «нестандартного сырья и плохого транспорта» автономная республика должна сконцентрироваться исключительно на лесозаготовках.

Таблица 5.6

Инвестиции Карелии во второй пятилетке (млн руб., цены 1933 г.)

	Проект (а)	План (б)
Всего	513,3	651
Включая:		
НКТП	113,15	236,8
Энергетическое строительство	31,6	31,1
Легкие металлы (алюминий)	30	30
Машиностроение	27	13,5
Химикаты	–	127
Наркомлес	208	208
Наркомлегпром	10,3	10
Наркомснаб	21,5	9,6

Источники: (а) Проект второго пятилетнего плана. Т. 2. С. 18–19, 307; (б) Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). Т. 2. План развития районов. М., 1934. С. 19–22.

Представитель Карелии также подал протест председателю Госплана СССР по поводу исключения легкой промышленности из основных показателей республики в первом томе второго пятилетнего плана, в котором шла речь о промышленном развитии отрасли

⁸⁰ См. письма Берзтыса Гюллингу, 26 февраля и 9 июня 1934 г. Там же. Л. 54–56.

(второй том, в котором описывалось территориальное развитие, действительно предусматривал инвестиции в легкую промышленность Карелии в размере 10 млн руб., см. табл. 5.6). Однако он полагал маловероятным, что предложения автономной республики о создании легкой промышленности будут приняты, и предлагал Карелии отказаться от этих планов. Вместо этого республика должна попытаться не потерять 10 млн руб., которые были ей выделены согласно территориальному плану, представив альтернативные проекты для использования этих средств, учитывая приоритетность лесозаготовок для Северной группы. Таким образом, сопротивление специализации было подавлено не столько центральной диктатурой, сколько бюрократией и остатками первоначальной экономической автономии Карелии.

Тем временем второй пятилетний план быстро потерял свою актуальность из-за улучшения экономического положения. В ежегодных планах 1934 и 1935 гг. Москва выделяла Карелии, а именно Сунастрою, Кондопожскому комбинату и Сегежстрою, инвестиций больше, чем это было предусмотрено (о них см. далее). Однако никто не собирался связывать эти новые ежегодные распределения, не все из которых, между прочим, были выплачены вовремя или пришли по назначению, с любыми долгосрочными плановыми инвестициями. В 1936 г. Берзтыс отметил, что Москва никак не выберет между запросом Карелии больших инвестиций в тяжелую промышленность в январе 1934 г. и гораздо более низкими суммами, предусмотренными ее собственным планом того же года. «Такое острое различие», неоднократно писал он, «... самое категоричное свидетельство отсутствия плана, который был бы признан и одобрен всеми заинтересованными властями»⁸¹.

Отсутствие регулирующей развитие концепции означало, что плановые органы, экономическое управление и руководители предприятий должны были как можно лучше улавливать пожелания лидеров из специальных директив и отчетов. 20 июня 1935 г. М. И. Калинин выступил с речью перед Президиумом ВЦИК в Москве на XV юбилейном ежегодном съезде Совнаркома Карелии, в которой он изложил свою концепцию будущей экономической роли республики. И красные финские лидеры Карелии, и местное крестьянское население считали Калинина старым другом (он жил там в ссылке до революции), и, как правило, он положительно относился к обра-

⁸¹ Автодорожное и автотранспортное хозяйство Карелии и перспективы его развития на 2-е и 3-е пятилетия. Ленинград, 1936 // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 201-456. Л. 51.

щениям республики в центр. Однако на сей раз Калинин обрушился на нее с критикой. Во-первых, он объявил, что ей не удалось разработать «перспективный комплексный <...> план, а лишь схемы развития отдельных отраслей экономики» несмотря на то, что она была одной из самых богатых национальных республик России в смысле природных ресурсов и бюджетных привилегий (причиной этого, как мы знаем, было бездействие и неэффективность центра, а не республики). Во-вторых, отчет Карелии не включал статистических планов по рабочей силе или лесу (мы знаем, что ББК отказался предоставить необходимые сведения). В-третьих, Калинин высмеивал попытки автономной республики осваивать новые промышленные сектора и предложил вместо того, чтобы развивать производство ванадия или металлургию, сосредоточить свои усилия на максимизации лесозаготовок. Лесная отрасль должна составлять 70 % или больше от всего регионального производства. В конце своей речи Калинин публично осудил преждевременный запрос Гюллинга об изменении названия Петрозаводска на более современный «Краснокарельский» (для Гюллинга это был скорее шаг к финскому пространству, чем к прошлому царской России)⁸². Шаг действительно несвоевременный, после речи Калинина обстановка ухудшилась. В течение следующих пяти месяцев было отправлено в отставку красное финское руководство Карелии. Еще через три года большинство из них погибло.

Последовательного второго пятилетнего плана по Карелии никогда не существовало. Вместо этого Союз, российские органы планирования и министерства определили для республики ряд ежегодных и ежеквартальных контрольных цифр и лимитов как на отраслевом, так и на территориальном уровнях, которые часто противоречили друг другу и редко финансировались. Центральные органы испытывали недостаток в последовательной информации. Они также не знали, когда расходы ББК были включены, а когда нет, что делало невозможным разработку единого регионального плана. Второй пятилетний план как средство направлять экономику Карелии был, по сути, подрывной беллетристикой. Однако он имел существенное значение в определении роли республики во всесоюзном разделении труда – как специализированного производителя леса и обработанных пиломатериалов; в долгосрочном экономическом и экологическом благосостоянии области – как стимула для одностороннего расширения лесозаготовок и развития лесной промышленности в целом.

⁸² Стенограмма // НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 65. Л. 232–233. По-фински, от Петроская до Пункарельска.

В промышленном развитии ББК в это время происходило примерно то же самое. За исключением финансирования строительства ББК алюминиевого завода в Маткоже и новой бумажной фабрики в Сегеже пятилетний план не предусматривал выделения средств на энергетические строительные проекты, включая плотину на реке Сегежа. ББК воспринял это упущение как оплошность и отметил, что алюминиевый завод в Маткоже напрямую зависел от строительства главной ГЭС, которая должна была поставлять ему энергию. Коллегия НКТП согласилась с этим и мгновенно отменила оба проекта⁸³.

Было очевидно: основные принципы пространственного планирования в Москве и ее региональные приоритеты также применялись и к распределению финансирования через специальную систему лагерей. Соответственно советское правительство направляло большую часть инвестиций на расширение сетей ГУЛАГов НКВД в СССР и на Дальнем Востоке (Бамлаг был самым быстрорастущим лагерем во время второй пятилетки)⁸⁴. Как и гражданские власти Карелии, управление ББК должно было сконцентрироваться на лесозаготовках. Оно получило существенное финансирование на строительство Сегежского целлюлозно-бумажного комбината (началось осенью 1935 г.), но незначительные суммы на обработку леса⁸⁵. В июне 1935 г. партийный комитет ББК предупредил, что «резкое сокращение капиталовложений в ББК за 1935 г. не позволит продолжать работу в этом году в таких же темпах <...> и не сможет гарантировать реализацию всех задач, поставленных перед комбинатом партией и правительством на момент его учреждения»⁸⁶.

До некоторой степени ББК был жертвой «успеха» проекта канала, требовавшего много рабочей силы, и линии НКВД по ее постав-

⁸³ Бюро Ленинградского ББК, План электрического развития центральной Карелии, 9 января 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 41. Д. 63–753. Л. 1–3. См. также: Бюро Ленинградского ББК, Объяснительные записки о плановом гидроэлектрическом строительстве в районе ББК // НАРК. Ф. 865. Оп. 41. Д. 63. Л. 756.

⁸⁴ Темы роста см. в: Население России в XX веке. Исторические очерки / под ред. В. Б. Жиромской. М., 2000. Т. 1. 1900–1939. С. 315.

⁸⁵ В 1936 г. ББК получил 4,7 млн руб. для порта Сороки и 8,8 млн для кораблестроительства в Пиндуше. Сегежстрой (в тот момент находился под собственным управлением) получил 30 млн руб. ББК также получил 43 млн на строительство Туломской ГЭС (в Мурманском регионе). См.: Списки НКВД за 1936 г., июнь 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 637. Л. 212, 215.

⁸⁶ Из резолюций первого партийного съезда ББК НКВД, 21–23 июня 1935 г. Медвежьегорск, 1935 // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 33об–34.

ке, начавшейся в начале десятилетия. В середине 1935 г. Госплан СССР попросил советское центральное правительство заставить Карелию передать лесные территории комбинату. Он подчеркнул, что использование принудительного труда дает возможность достичь «существенных результатов при относительно небольших капиталовложениях»⁸⁷. Если рабочая сила из трудовых лагерей так хорошо справлялась с лесозаготовками, зачем надо было давать деньги ББК для сложного промышленного развития? Комбинат был вынужден отложить свои грандиозные строительные планы в Карелии и сосредоточиться исключительно на Сегежстрое и увеличении его производительности (табл. 5.7).

По мнению некоторых чиновников ББК, специализация комбината на лесозаготовке была предательством первоначальной цели крупномасштабного сложного регионального промышленного развития. На II съезде райкома ББК в апреле 1937 г. (о развитии партийной организации лагеря речь пойдет далее) представитель Сегежстроя возмущался, что ББК превратился в «организацию по экономической эксплуатации». Комбинат пренебрегал экономическими и политическими задачами, прописанными в декрете об его учреждении (т. е. региональным освоением и развитием), и «занимался исключительно узким вопросом нашей экономики». «Мы строим Туломскую ГЭС [на Кольском полуострове], – объявил он, – и Сегежский бумажный комбинат, и это все! Наверное, решение Совнаркома предполагало совсем не такой большевистский темп»⁸⁸.

Оценка чиновником ББК работы комбината была правильной, но в стремлении к коммунистической самокритике он не смог понять первопричину этого. Она состояла в отказе центра финансировать комплексное строительство тяжелой промышленности в неспокойном приграничном районе, который, по меньшей мере, имел преимущество – лесозаготовки – и не в последнюю очередь благодаря повсеместному использованию труда заключенных. В «Докладе о деятельности райкома ББК», изданном в апреле 1937 г., говорилось, что «не было выделено никаких серьезных инвестиций, чтобы решить задачу ассимиляции области». Он просил ЦК донести до Совнаркома СССР мысль о необходимом минимальном финансировании в 750–800 млн руб. на третью пятилетку⁸⁹. ББК еще не отказался от своего видения промышленного развития Карелии. Только 28 авгу-

⁸⁷ Письмо Молотову, 13 мая 1935 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1330. Л. 5.

⁸⁸ Стенограмма // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.

⁸⁹ Там же. Л. 100.

ста 1937 г., когда комбинат возглавил М. М. Тимофеев, ББК начал специализироваться исключительно на двух видах деятельности: лесозаготовках и массовых убийствах, о чем пойдет речь далее.

РЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ ВЛАСТИ НА ПЕРИФЕРИИ

Для советского периода истории Карелии 1935 г. стал переломным. С момента стремительного прихода Гитлера к власти (1933), Москву все больше волновал рост влияния Германии в северо-восточной Европе и роль Финляндии в ее планах⁹⁰. В 1934 г. советский представитель в Хельсинки сообщил, что финны после вступления Советского Союза в Лигу Наций собираются вновь поднять «карельский вопрос»⁹¹. Восстановление финской экономики позволило правительству провести перевооружение. По мнению другого советского дипломата, уязвимость СССР в связи с возможной атакой со стороны Японии на Дальнем Востоке давала Финляндии возможность завоевать советскую Карелию с запада⁹².

В ответ на обостряющуюся международную ситуацию советский центр в середине десятилетия начал интересоваться автономной республикой. Он стал проводить двойную политику. С одной стороны, советские лидеры приняли меры по решению имевшихся экономических проблем Карелии, особенно это касалось поставок продовольствия и товаров промышленного назначения в приграничные районы. С другой стороны, центр последовательно ужесточал административный и политический контроль над республикой. Особую роль в выполнении обоих пунктов этой политики сыграло назначение А. А. Жданова на пост первого секретаря Ленинградского обкома в декабре 1934 г. после убийства Кирова. В новой должности Жданов собирался увеличить обороноспособность и безопасность северо-

⁹⁰ См., напр.: Paasivirta J. Finland and Europe. The Early Years of Independence, 1917–1939. Helsinki, 1988. P. 426–510; Сойкканен Т. Борьба за скандинавскую ориентацию как линия внешней политики Финляндии, 1934–1939 гг. // Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы / под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 1999. С. 145–169; Leskinen J. The Silenced Bridge of Finland. Secret Military Cooperation Between Finland and Estonia Against the Soviet Union, 1930–1939. Там же. С. 116–128; Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. London, 1984 (особ. гл. 5).

⁹¹ Б. Е. Штейн Стомонякову, 8 октября 1934 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 14. Д. 101–93. Л. 41–45.

⁹² Поздняков Стомонякову, 17 ноября 1934 г. Там же. Л. 58–62.

западной границы, а также укрепить коммунистическую власть, партийную демократию и политическую ортодоксальность среди зависимых региональных структур, включая коммунистическую партию Карелии, которая находилась во власти красных финнов. Они продолжали упорно проповедовать свои интернационалистские устремления, пограничные перспективы и политику двойной периферии.

Обеспечение безопасности границы

Возрастающее недоверие к финским намерениям относительно советской Карелии заставило поволноваться Москву и Ленинград, ведь они не были уверены в лояльности лидеров и населения республики в случае войны. Российский центр всегда относился к приграничному населению Карелии с недоверием. В начале 1922 г., как мы говорили, он отправил Красную армию на подавление крестьянского восстания в пограничных районах. В 1925 г. ОГПУ организовало ряд показательных судов над жителями пограничной области (см. главу 2). В 1933 г. ОГПУ Карелии начало новую волну репрессий, арестовав 1358 (данные приведены автором. – *Прим. пер.*) крестьян в связи с «Общим финским заговором», который, как предполагают, возник в пограничных районах Ленинградской области и южной Карелии за год до этого⁹³. Большинство из этих 1048 крестьян (такую цифру указывает автор. – *Прим. пер.*), которые предстали перед административными тройками ОГПУ, были карелами по национальности. Они обвинялись в установлении контактов с заключенными Беломорстроя и ББК с целью приобрести оружие, чтобы поддержать финское вторжение (скорее всего, они пытались получить еду от заключенных во время голода в приграничных районах)⁹⁴. Почти половина задержанных участвовала в восстании 1921–1922 гг., затем пересекла границу Финляндию как беженцы и вернулась благодаря амнистии лишь в середине десятилетия⁹⁵. В Москве двойное пересечение государственной границы явно подвергало

⁹³ См.: Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Корни травы. Сб. ст. молодых историков / под ред. Л. С. Ереминой, Е. Б. Жемковой. М., 1996. С. 35–44.

⁹⁴ ОГПУ отметило, что в Медвежьегорске многие женщины спали с заключенными Белбалтлага за хлеб, см.: Такала И. Национальные операции ОГПУ–НКВД Карелии // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на северо-западе России в 1920–1950-е годы / под ред. И. Такала, Т. Вихавайнена. Петрозаводск, 1998. С. 176–177.

⁹⁵ Там же. С. 177–178.

сомнению лояльность беженцев советскому центру. Почти 80 человек были застрелены, более 200 приговорены к принудительному труду на десять лет, столько же осудили на более короткие сроки, многих выселили из республики или запретили проживать в приграничных районах⁹⁶. Вдобавок 150 крестьянских семей были высланы в конце года в процессе раскулачивания⁹⁷.

Аресты в этой области Карелии продолжались в течение 1934 г., даже когда советское и финское правительства возобновили работу по демаркации границы. Планировалось провести конференцию в Ленинграде для ратификации документа о линии границы; для обеих сторон это было предпосылкой урегулирования дипломатических и экономических отношений⁹⁸. В конце февраля ГПУ Карелии арестовало почти 50 крестьян из пограничных деревень Петровского и Олонецкого районов. После пятидневного допроса большинство призналось в участии в фашистских ячейках, работающих на финскую правую группу «Академическое Карельское общество». В мирное время они якобы должны были собирать информацию и саботировать сельское хозяйство и лесозаготовки. Если бы началась война, то они занялись бы диверсиями на территории СССР. Большинство подозреваемых являлись карельскими беженцами, вернувшимися по амнистии, в некоторых случаях оставившими семью по ту сторону границы. ГПУ Карелии отправило их досье в коллегию ОГПУ в Москве с пояснениями, что тяжелые условия жизни вдоль границы Карелии облегчают вербовку Финляндией местного населения⁹⁹. В других районах провели подобные проверки. Местные жители, должно быть, удивлялись: их деревни были отдаленными, изолированными, и они почти ничего не знали о международной и внутренней политике. Когда их спрашивали, какая партия руководила СССР, председатель деревенского комитета в Ухтинском районе безучастно ответил: «Я никогда не бывал дальше Кеми, поэтому я не знаю»¹⁰⁰. Необра-

⁹⁶ Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии... С. 37–38, 40–42.

⁹⁷ ОГПУ бюро обкома Карелии, 7 марта 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 140. Л. 9.

⁹⁸ Резолюция Совнаркома СССР, 21 апреля 1934 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1047. Л. 10. Для этого была вновь созвана объединенная советско-финская пограничная комиссия.

⁹⁹ Глава ГПУ Карелии Зеленюк бюро обкома Карелии, 7 марта 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 140. Л. 5–6.

¹⁰⁰ Доклад о результатах чисток партии Карелии, без даты (начало 1934 г.) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 20. Д. 100. Л. 43.

зованность, а не подрывная деятельность была реальной опасностью для единства советского центра и периферии.

Обком Карелии двояко относился к таким репрессиям. Обсуждая аресты на границе в феврале 1934 г., региональные партийные функционеры осторожно признали, что сообщение ГПУ «вероятнее всего передает все, как есть». При этом они отметили, что тайная полиция могла «много чего использовать: юридически неграмотные контракты [между леспромпхозами и колхозами] в этом году <...> плохая работа <...> поздний отъезд [колхозников] на лесозаготовки <...> непрекращающееся дезертирство и т. д.» Сам Гюллинг полагал, что показательный суд, как, например суд 1925 г. (см. главу 2), был полезен, чтобы предать гласности политические последствия действий недовольных крестьян и предостеречь жителей приграничных территорий от опасности «быть обманутыми агитацией». Фактически он уже в конце предыдущего года предлагал руководителю ленинградского ОГПУ Ф. Д. Медведю проводить показательные суды (в вопросах пограничной безопасности Карелия подчинялась Ленинградскому пограничному округу). Очевидно он верил, что проведя показательный суд над меньшинством, ОГПУ не станет трогать большинство. Но Гюллинг подчеркнул: прежде всего республика должна была разобратся с «недостойными условиями жизни» в пограничных районах, наконец разработав план их развития. Советские и партийные власти издали специальный декрет, содержащий план, но он так и не был осуществлен¹⁰¹.

В соответствии с этой политикой правительство Карелии издало в августе 1934 г. декрет «О мерах укрепления пограничных районов». В документе было отмечено отставание в развитии данных областей (например, население пограничных районов между 1926 и 1933 г. увеличилось только на 8,5 %, тогда как по республике в целом – на 38,1 %), говорилось о нехватке коммуникаций, незначительных поставках, о росте случаев волнений местного населения и саботажа кулаков. Чтобы исправить положение, в декрете предлагалось увеличить инвестиции, ускорить переселение, улучшить поставки, строить школы и больницы и развивать транспорт и коммуникации¹⁰².

Две последние позиции, конечно, тоже имели стратегическое значение. Чтобы подчеркнуть необходимость работы в этом направлении, второй секретарь Коммунистической партии Украины и Политбюро П. П. Постышев разослал в апреле 1934 г. директивы ЦК во все

¹⁰¹ Бюро обкома Карелии, 7 марта 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 140. Л. 9, 12, 23.

¹⁰² Декрет от 2 августа 1934 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 6. Д. 7-20. Л. 290–296.

пограничные районы республики. Он заявил, что «увеличение риска войны и электрификация и механизация Красной Армии требуют от партийных организаций пограничных зон исключительного внимания к дорогам и дорожному строительству как самым стратегически значимым объектам»¹⁰³. К началу 1935 г. Карелия закончила почти 87 % плановых дорожных работ на 1934 г., в значительной степени используя труд ссыльных и заключенных. В то же время, Наркомхоз Карелии выделил за предыдущий год только 70 % запланированных инвестиций на строительство жилья и обустройство в приграничных районах и меньше одной трети плановых расходов на увеличение местных поставок Петрозаводского хлебобулочного комбината¹⁰⁴.

Лидеры Карелии стремились улучшить благосостояние пограничных районов, понять причины недовольства местного населения и избежать дальнейших репрессий, но они сами попали под удар. Поворотным моментом стал 1933 г., когда Москва напустилась на Коммунистическую партию Украины и Н. А. Скрипника по поводу «местного национализма». Скрипник, который два года назад громче всех критиковал правительство Карелии (см. главу 4), покончил жизнь самоубийством в июле 1933 г.¹⁰⁵ В том же месяце в Петрозаводске этнический карел, занимавший высокий пост в республиканской администрации, опираясь на доклад Ленинградского обкома, резко осудившего проводимую руководством политику национальностей, обвинил некоторых товарищей в преувеличении значения национальной специфики республики, чтобы избежать появления центральных партийных директив. «В результате, – сказал он, – мы имеем ослабление общей государственной плановой дисциплины и бесконечное пререкание по так называемым специальным бюджетным правам Карелии»¹⁰⁶. В течение второй половины года Гюллинг и Ровио упорно игнорировали решения Ленинградского обкома, обвинявшего их в «местном национализме»¹⁰⁷. В тот

¹⁰³ Директива Ровио, 4 апреля 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 564. Л. 34.

¹⁰⁴ Доклад главы УНКВД Карелии Шершевского главе Ленинградского УНКВД Л. М. Заковскому, Ровио и Гюллингу, 28 февраля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 314. Л. 17–19.

¹⁰⁵ См.: Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cambridge, 2001. P. 345–356 и далее; Conquest R. The Great Terror. A Reassessment. London, 1990. P. 227–234.

¹⁰⁶ И. П. Гришкин. Пятый пленум Обкома Карелии, 15–17 июля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 2. Л. 54–55.

¹⁰⁷ О национальной политике красных финнов, оппозиции и их последующей участи см.: Кангаспуру М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. С. 138–146; Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu

год красные финны использовали партийную чистку для укрепления своего доминирующего положения в республике, центре и окрестностях: партийные работники – этнические карелы – попали под масштабные репрессии¹⁰⁸.

В декабре обком Карелии созвал VI съезд для изучения «примера борьбы украинской партии», в особенности декларации украинского ЦК о том, что «местный национализм» стал самой большой опасностью, «поскольку теперь он дополнялся международным вмешательством»¹⁰⁹. Осознавая значение этого утверждения для своего понимания границы, Гюллинг все-таки произнес положенную торжественную речь: «Карелия была создана как форпост советской власти на Севере, – объявил он. – Это было и все еще является сущностью существования нашей национальной республики, и должно остаться таким, пока ситуация на границе не будет стабилизирована». Для достижения этого Гюллинг предложил уделять больше внимания выплате плановых инвестиций на развитие пограничных районов. Например, учреждая колхозы Красной армии (см. главу 4), он даже перешел в наступление: так как второй по значимости задачей, стоявшей перед Карелией, являлось стремление показать финскому пролетариату, как можно достичь автономии на собственной территории, любое нападение на его политику он расценивал как выпад скрытых классовых врагов. Обком Карелии, до того момента частично дополнявший правительство республики, был напуган не-

itsehallinnosta. Р. 278–332; Такала И. Дело Гюллинга и Ровио. Их называли КР // Репрессии в Карелии 1920–1930 гг. / под ред. А. Цыганкова. Петрозаводск, 1992. С. 34–73; Яровой А. О «карелизации», «финнизации» и «хромом барине» // Север. 1991. № 11. С. 137–144 (Гюллинг прихрамывал).

¹⁰⁸ См.: Доклад на VI пленуме Карелии, 22 декабря 1933 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5. Л. 1–17. До чисток финны составляли 33,2 % сотрудников обкома и райкома, в то время как карелы лишь 13,7, а русские 31,4 %. Во время чисток уволили 10,9 % финнов, 20,8 % карелов и 22,6 % русских (КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5. Л. 2, 16). См. также: Кангаспуру. На фоне политики «большой ненависти»: партийная чистка 1933 г. в Карелии // Teoksessa Kansallisuus ja valtio. Karjala i Komi Neuvostoliiton tasavaltoina 1920-ja 1930-luvuilla / ed. A. Laine. Joensuu, 1995 (краткое изложение на рус. яз. С. 149).

¹⁰⁹ Шестой пленум Карелии // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5. Л. 72; Косиор С. Итоги и ближайшие задачи проведения национальной политики на Украине. Москва, 1933 (были опубликованы вскоре после пленума ЦК Украины в ноябре 1933 г., как цит. в: Martin T. The Affirmative Action Empire. Р. 356. Т. Мартин пишет, что советские лидеры признали: «теперь принцип Пьемонта использовали против Советского Союза» (С. 227).

гательными характеристиками дискриминационной политики национальностей Гюллинга из Москвы и Ленинграда. Особенно возмущала центр его лояльность по отношению к бывшим карельским беженцам, перебежчикам и североамериканским иммигрантам, многие из которых были завербованы финскими интервентами в качестве шпионов и саботажников¹¹⁰.

Месяц спустя Гюллинг и Ровио поехали в Москву на XVII съезд ВКП(б)¹¹¹. В своей длинной вступительной речи, прозвучавшей на вечерней сессии 26 января, Сталин зловеще отметил: «Дело Скрипника и его партии на Украине не исключение. Подобные вещи также наблюдаются среди определенных товарищей в других национальных республиках». Красные финны едва ли пропустили предупреждение лидера партии. «Отклонение к национализму, – продолжал Сталин, – является адаптацией политики интернационалистского рабочего класса к националистической политике буржуазии». Таким образом, лозунг Гюллинга о «революционном национализме» резко осуждался. Он подчеркивал его «буржуйскую» природу и то, что это попытка «восстановить капитализм»¹¹². Вернувшись в Петрозаводск, красные финны признали: то, что сказал Сталин относительно Украины, полностью применимо и к Карелии. Однако они настаивали, что карельский «великодержавный шовинизм» (т. е. российский национализм) представлял такую же опасность, как и «местный национализм». Имелись в виду ущемление их автономии Москвой и Ленинградом и критика местных лидеров русским населением Карелии. Кроме того, они утверждали, что обвинения в «местном национализме» должны быть выдвинуты не против них, а против карельских кулаков. Тремя годами ранее в своей статье о языковой политике, раскритикованной Президиумом Совета Национальностей ЦИК за «острый язык» (см. главу 4), Ровио и его соратники стремились приписать негативное отношение к себе представителям других этносов в самой республике и

¹¹⁰ Речь Гюллинга // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 5. Л. 72, 77–78; также цит. в: Левкоев А. А. Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930 гг. // Новое в изучении истории Карелии / под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Саватеева. Петрозаводск, 1994. С. 114. Тезисы VI пленума Карелии об Украине, «местном национализме» и «шовинизме власти» // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 7. Л. 1–3, 26–31, 31–70.

¹¹¹ Делегатами от Карелии, обладавшими правом голоса, являлись: А. М. Аполоник, Э. А. Гюллинг, И. С. Петров и Г. С. Ровио; имели право выступать, но не голосовать Н. А. Гаппоев, К. М. Полин.

¹¹² Речь Сталина была напечатана в газете «Правда» 28 января 1934 г., приводится в: Stalin J. V. Problems of Leninism. Peking, 1976. P. 747–748.

тверским карелам, которые продолжали просить Москву разрешить им собственный письменный карельский язык – первый шаг к закату власти красных финнов¹¹³.

Лидеры Карелии понимали, что больше всего центр беспокоил статус двойной периферии, определявший суть их политики национальностей и видения региональной автономии. В январе 1935 г. Ровио на X Всекарельском съезде Советов, проходившем под председательством недавно назначенного и враждебно настроенного Жданова, еще раз попытался заверить присутствующих, что Карелия «росла и процветала как часть Советской России». Он также осудил финские «империалистические стремления» захватить Карелию и категорически заявил: «Мы, карелы [так], не являемся соплеменниками финской буржуазии». Его речь была впоследствии издана под названием «Мы готовы защитить Советский Союз»¹¹⁴. XII съезд обкома Карелии позже (в январе) издал резолюцию «с удовлетворением признать доминирование большевистского Ленинградского обкома над партией Карелии»¹¹⁵. Однако красные финны не отказались от своего двойного пространственного видения или от националистической концепции регионального социалистического развития. Их декларации о лояльности являлись всего лишь временной отсрочкой.

В начале 1935 г. Советский Союз усилил обеспечение безопасности своей северо-западной границы. 25 марта Ягода, возглавлявший НКВД, выпустил директиву для ОГПУ–НКВД Ленинграда, одобрявшую планы очистить Ленинградскую область и пограничные районы Карелии от кулаков и «антисоветских элементов». 316 семей предполагалось выслать из 22-километровой пограничной полосы в Западную Сибирь¹¹⁶. Комиссия по очистке Карелии была учреждена при

¹¹³ См.: Хиппонен П. Местный национализм – главная опасность в Карельской парторганизации на данном этапе // Советская Карелия. 1934. № 1–2. С. 18; Итоги и ближайшие задачи по проведению Ленинской национальной политики в Карелии. Тезисы культпропа Каробкома ВКП(б), утвержденные бюро обкома ВКП(б) 7 марта 1934 г. Петрозаводск, 1934. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 140. Л. 116–141. Дискуссию об этих тезисах бюро обкома см. там же. Л. 26–114.

¹¹⁴ Речь напечатана в: Советская Карелия. 1935. № 1. С. 33–44, цит. по: С. 36, 42.

¹¹⁵ Решения XII Карельской областной конференции ВКП(б). Петрозаводск, 1934 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1913. Л. 6.

¹¹⁶ Приводится в: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Док. и матер. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга и др. М., 2002. Т. 4. 1934–1936 гг., С. 417–418. См. также: Бугай Н. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4. С. 95–96.

третьем секретаре Ленинградского обкома Петре Ирклизе и включала в свой состав Гюллинга, Ровио и начальника УНКВД по Карелии К. Р. Шершевского. Эта комиссия в свою очередь организовала окружные тройки (состоявшие из секретаря райкома, председателя окружного исполнительного комитета и районного представителя УНКВД), чтобы завершить работу в семи районах за десять апрельских дней¹¹⁷. В течение апреля и мая 300 семей были переселены в Пудож и «специальные поселения» ББК в Центральной Карелии¹¹⁸. Большое количество жителей, включая бывших перебежчиков, было выслано в том же году после тотальной паспортизации 50-километровой пограничной области¹¹⁹. НКВД выслал почти 30 тыс. ингрийцев из 100-километровой зоны, смежной с границей, проходящей по территории Ленинградской области¹²⁰. Тем временем коммунисты Ленинграда наблюдали за все более беспощадными чистками в администрации, промышленности и компартии Карелии: в начале 1935 г. уволили многих работников «Кареллеса» (об этом подробнее см. в следующей главе), а несколько сотен «инородных элементов» были высланы из Петрозаводска¹²¹. Всего за

¹¹⁷ Декрет Обкома Карелии, 1 апреля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 65. Д. 6. Л. 4–8; Пограничная комиссия по чисткам Ленинградского обкома, 4 апреля, и резолюции Петровского района, 6 апреля // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 202. Л. 1, 8–10, 15, 31–32.

¹¹⁸ Шершевский главе УНКВД Ленинградской области Заковскому, Ровио и Гюллингу, 28 февраля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 314. Л. 23. Нет точных данных, идет ли речь о подлежащих депортации согласно приказу НКВД от 25 марта или о дополнительных депортациях.

¹¹⁹ Такала И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Славянская финляндская студия. Хельсинки. 1994. № 11. С. 125; Советская лесная экономика. Москва–Север, 1917–1941 гг.: Сб. док. и матер. / под ред. В. Г. Макурова, А. Т. Филатовой, Н. Барона. Петрозаводск, 2005. С. 271–272.

¹²⁰ По приказу от 25 марта 3457 ингрийцев должны были быть депортированы в Центральную Азию, см.: Суни Л. Ингерманландские финны // В семье единой. С. 73; Гильди пишет, что в течение 1935–1936 гг. было снесено 100 ингрийских деревень, жителей депортировали в Вологодский и Новгородский районы, см.: Гильди Л. А. Расстрелы, ссылки, мучения. СПб., 1996. С. 27; см. также: Полян П. Не по своей воле. История и география принудительной миграции в СССР. Москва, 2001. С. 245; Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. 1996. № 24 (2). P. 237–268, особ. 238–244.

¹²¹ Декрет Обкома Карелии, 15 марта 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 314. Л. 1; доклад главы УНКВД Карелии Карпова «О проникновении в

этот период под чистки попали приблизительно 400–500 местных партийных деятелей и служащих¹²².

В июне 1935 г. Советский Союз получил неожиданный удар: Англия подписала военно-морской договор с Германией. Это означало начало расширения немецкого влияния на Балтике¹²³. В том же месяце советский представитель в Хельсинки сообщил, что финская правая газета опубликовала статью, защищавшую финский «Дранг нах остен» (натиск на Восток). Финское правительство опасалось советского недовольства в ответ на провокацию и срочно запретило оскорбительную статью¹²⁴. Одновременно Финляндия энергично осуждала высылку ингрийцев и карелов из советской пограничной зоны¹²⁵. По мнению советских аналитиков, «фашистские центры», такие как нацистская Германия, устанавливали империалистические отношения с военными «колониями» или «местными фашистскими очагами». Теоретически туда входила и Финляндия. Следовательно, там появлялись «большие концентрические территориальные сферы борьбы под надзором и руководством определенных центров»¹²⁶. Ясно, как модель центр–периферия повлияла на такое видение глобальной геополитической конфронтации. Также очевидна опасность, которую представлял идеологический центризм для этносов, проживавших на советской периферии и на уязвимых и нестабильных окраинах социалистического пространства. Это было связано с противопоставлением центров и субцентров, являвшихся (по мнению Москвы) восприимчивыми к влиянию таких конкурирующих систем.

партию, советскую и экономическую организации в Карельской АССР», 23 апреля 1935 г. Там же. Л. 27–35.

¹²² Gelb M. «Karelian fever»: the Finnish immigrant community during Stalin's purges // *Europe-Asia studies*. 1993. № 45 (6). P. 1097–1098.

¹²³ Барышников Н. И., Брагин Н. Ф., Барышников В. и др. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 25–26. О советских подозрениях по поводу позиции Финляндии в то время см.: *New York Times*. 1935. 23 апреля, 4 (3); 3 июля, 1 (4); 9 июля, 10 (1); 20 июля, 13 (2).

¹²⁴ Е. А. Асмус Стомонякову, 9 июня 1935 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. Д. 110–92. Л. 18–23.

¹²⁵ См.: Стомоняков Асмусу, 25 июня 1935 г. Там же. Л. 14–17. Также см.: *The Times*. 1936. 10 июля. С. 13b; 1936. 25 июля. С. 16d.

¹²⁶ Henri E. Hitler over Russia? *The Coming Fight Between the Fascist and Socialist Armies*. London, 1936. P. 151. Генри (С. Н. Ростовский) был агентом Коминтерна в Германии и профессиональным журналистом, который имел связи с советской военной интеллигенцией, см.: Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle...* Прилож. 2.

В ответ на финскую угрозу Жданов прежде всего решил разобраться с красными финскими лидерами советской Карелии. Несколько факторов обуславливали необходимость их скорейшего удаления. Во-первых, целью Жданова было укрепление северо-западной границы для гарантии безопасности Ленинграда и обеспечение жесткого контроля над смежными территориями¹²⁷.

Во-вторых, Москва больше не могла терпеть упорное нежелание красных финнов отказаться от политики национальностей. В-третьих, конкурент Жданова секретарь ЦК Г. М. Маленков посетил Петрозаводск в конце апреля, чтобы проконтролировать проверку партийных документов (об этом речь пойдет в главе 6) и обнаружил крайне неудовлетворительные результаты, особенно в пограничных районах¹²⁸. Но Жданова нельзя обвинить в недостатке бдительности или невыполнении своих обязанностей. Наконец, центр теперь выступал против всех проявлений локализации. В июне 1935 г. Жданова послали на юг, в Саратов, где он осудил региональных лидеров за их «ошибочное суждение о двойных центрах»¹²⁹. Его заявление опубликовали в центральной партийной газете: это было явным предупреждением всем региональным политическим элитам. В начале августа Ровио уволили с поста руководителя компартии Карелии и вызвали в ЦК в Москву (его представитель Аполоник был уволен в то же время). На пост Ровио Жданов назначил своего третьего секретаря латыша Петра Ирклиса¹³⁰.

Затем Жданов отправился в поездку по Карелии и Мурманской области вместе с членом Политбюро и своим союзником А. И. Микоя-

¹²⁷ Рибер отмечает, что Жданова отличал «территориальный подход к внешней политике, который отражал его специфическое видение обороны Ленинграда», см.: Rieber A. J. Zhdanov in Finland. *Carl Beck papers in Russian and East European studies* // *European Studies*. 1995. № 1107. P. 5. Речь идет о позиции Жданова в 1938–1939 гг., но сказанное верно и для более раннего периода.

¹²⁸ О визите Маленкова, 24 апреля 1935 г., см.: КГАНИ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 13а. Л. 173. Резолюция Маленкова в Оргбюро ЦК о проверке Карелии от 8 августа // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 591. Л. 11.

¹²⁹ Правда. 1935. 12 июля, цит. по: Easter G. M. *Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia*. CUP: Cambridge, 2000. P. 149.

¹³⁰ По решению Политбюро от 7 августа Ровио и Аполоник были уволены, Ирклис назначен; также была утверждена резолюция Оргбюро ЦК от 4 августа // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 591. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 970. Л. 20. Чудов заявил об этих перестановках на бюро обкома Карелии 19 августа // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1959. Л. 53.

ном для исследований местной специфики и критики местных государственных служащих¹³¹. На встрече с работниками обкома Карелии, многих из которых ошеломили недавние события, ленинградский лидер раскритиковал красных финнов за низкий уровень экономического развития региона при наличии у них достаточных средств, и за неверно понятую и неэффективную политику переселения (им следовало больше использовать заключенных ГУЛАГа для заселения области, вместо того чтобы приглашать канадских финнов и тверских карелов). Его критические замечания напоминали высказывания Калинина в конце июня и совершенно очевидно были частью согласованной политики. Причиной неудач красных финнов стал местный национализм и остатки социальной демократии. В свою очередь, их ошибочная политика национальностей питалась надеждой, что когда-нибудь они станут лидерами советской Финляндии. Подобная убежденность заставила их взять слишком многое из финской буржуазной культуры и изолировать Карелию от советского влияния. В заключение он сказал, что их последовательные попытки «маневрировать между двумя государствами» могли подорвать лояльность местного населения¹³². В сентябре Ирклис распорядился проверить партийные записи о Гюллинге. О найденных несоответствиях в этих документах он сообщил второму секретарю Ленинградского обкома М. С. Чудову. В частности, не было сведений, в какой партии он сначала состоял. Гюллинг объяснил, что Ленин лично пригласил его из Швеции в Москву и выдал ему партийный билет. «Очевидно, – написал Ирклис, – мы должны быть начеку»¹³³. Политбюро сместило Гюллинга с его поста в конце ноября. Как и Ровио, его вызвали в Москву, чтобы он находился «в ведении ЦК»¹³⁴.

Другой ленинградский чиновник, тверской карел П. И. Бушуев, был назначен в начале декабря на место Гюллинга в Совнарком Ка-

¹³¹ О посещении Нивастроя см.: Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930–1936 гг. Мурманск, 1993. С. 79.

¹³² Речи Жданова: 14 августа 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 489. Л. 33; 28 августа // РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 495. Л. 19–21, цит. в: Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. С. 148–149.

¹³³ Ирклис Чудову, 21 сентября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 299. Л. 41–42.

¹³⁴ Политбюро, 29 ноября // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 972. Л. 54. В тот же день Политбюро назначило нового главу ББК (З. А. Алмазов) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 973. Л. 8. Неизвестно, было это совпадением или свидетельством того, что Москва и Ленинград подозревали прежнего главу Д. В. Успенского в связях с красными финнами.

релии¹³⁵. В последующие месяцы в Карелию направили новых партийных работников из Ленинграда¹³⁶. С этого времени сложно проследить независимую позицию Карелии в любой сфере политики. Формы и последствия роста контроля Ленинграда над республикой анализируются в следующей главе.

ГУЛАГ и региональная власть

Как мы знаем, летом 1935 г. Калинин и Жданов раскритиковали Карелию за то, что она не использовала рабочую силу ББК в полном объеме. Позже посол СССР в Хельсинки Е. А. Асмус отправился в поездку по Карелии. В своем отчете наркому иностранных дел М. М. Литвинову он сообщал: «У меня возникло ощущение, что товарищи в Карелии считают ББК чужим и чужеродным вместо того, чтобы им гордиться и получать выгоду от его существования». Он противопоставил «ослепляющий размах» деятельности ББК и «пафос строительства» с дрянным и деморализованным состоянием промышленности Карелии. Он также напомнил о нежелании красного финского правительства включить рабочую силу ББК в региональную экономику («они страдают от психоза, являющегося результатом их специфического понимания национальной политики – что у них недостаточно рабочих») и их отказ включить статистику лагерей в общие планы¹³⁷. Это были, конечно, откровенные нападки на красных финских лидеров Карелии, однако любой проницательный и честолобивый служащий знал, что благоразумнее польстить ОГПУ–НКВД. Но интерес Жданова к Карелии сразу не решил проблемы регулирования отношений между гражданскими властями республики и управлением принудительных лагерей на ее территории. В отсутствии взаимного согласия и сотрудничества больше нельзя было эксплуатировать буржуазный националистический «психоз» Гюллинга или социальную демократию.

К концу 1920-х гг. красные финские лидеры фактически уже не пытались предотвратить или сдержать использование принудительного труда в автономной республике. Вместо этого они стремились, хоть и безуспешно, ограничить независимость управления Соловецких лагерей путем введения партийной дисциплины. Обком Карелии

¹³⁵ Напр., см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 972. Л. 54.

¹³⁶ Бюро Ленинградского обкома, 1 сентября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2723. Л. 5.

¹³⁷ Асмус Литвинову из Хельсинки, 5 ноября 1935 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. Д. 110-92. Л. 69.

возобновил свои усилия в 1931 г., после того как центр регионального исправительно-трудового лагеря сместился к материку. Он просил передать под свою власть партийный комитет Беломорстроя. И вновь Секретариат ЦК отказался подчинить чекистов властям республики¹³⁸. Однако с учреждением ББК в 1933 г. ситуация изменилась. С одной стороны, в Москве теперь пытались восстановить отношения между лидерами партии и ОГПУ–НКВД, которое сделало шаг к примирению на региональном уровне. С другой стороны, учитывалось, что Ленинград стремился получить ББК, который теперь простирался на север в Мурманскую область (все еще бывшую частью Ленинградской области, главное управление лагеря находилось в городе), под свой контроль, в лагере явно предпочитали компартию республики, которую можно было запугать или просто проигнорировать. В августе 1933 г. первый начальник ББК Я. Д. Рапопорт согласился на присоединение к Бюро обкома Карелии¹³⁹. Рапопорт и карелы совместно предложили чекистам – членам партии организовать первичные партийные организации (ППО) в каждом административном отделе или территориальной секции. Они должны были подчиняться объединенному партийному комитету ББК с теми же правами, какие имел райком под управлением обкома Карелии. Киров, однако, отклонил эту схему, настаивая, что ББК должен иметь маленький политический отдел (политотдел), подчиненный непосредственно Ленинграду, чтобы контролировать действия его рассеянных партийных членов¹⁴⁰. Карелия предложила компромисс: объединенный партийный комитет ББК учреждался под руководством Рапопорта, а окружные комитеты Карелии должны были наблюдать за партийными ячейками в лагерях, расположенных в зонах их компетенции. Получив принципиальное согласие ЦК, обком Карелии в мае 1934 г. издал соответствующий декрет¹⁴¹. Но Ленинград отказался ратифицировать как учреждение объединенного партийного комитета ББК,

¹³⁸ Секретариат ЦК, 7 апреля 1932 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 290. Л. 2.

¹³⁹ Бюро обкома Карелии, 29 августа 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1953. Л. 250.

¹⁴⁰ Материалы о партии ББК // КГАНИ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 13а. Л. 160–161, 156–158.

¹⁴¹ См. Секретариат обкома Карелии, 9 декабря 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1996. Л. 156; КГАНИ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 13а. Л. 160–161. Декрет Карелии см. в: Бюро обкома Карелии, 8 мая 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 135об. Он был опубл. в: Бюллетень Карельского обкома. 1934. № 3–4. С. 41–42.

так и усиление партийной власти Карелии над системой лагерей. Вместо этого в августе Ленинградский обком сформировал под своим управлением политотдел ББК¹⁴². Таким образом Киров, а вовсе не лидеры Карелии, поставил под вопрос возможность более близкого сотрудничества между работниками лагеря и республики.

В начале 1935 г. Рапопорт повторил свой запрос об учреждении единого партийного комитета, допустив, что он может подчиняться непосредственно Ленинградскому обкому. Ожидая, что Жданов согласится на такую схему, ББК назначил партийную конференцию на 19 апреля. Ленинградский лидер, однако, не принимал решения. 16 апреля глава политотдела ББК в отчаянии написал Рапопорту, что конференцию придется отложить до принятия решения. Он даже не знал, сколько будет участников в партийном комитете, одобрил ли Ленинград план конференции, или комитет должен подчиняться Ленинграду или Карелии (хотя второй секретарь карельской компартии Аполоник уже позвонил ему и попросил прислать материалы конференции, так что в любом случае придется их отправить). Пришлет ли Ленинградский обком своих представителей или нужны специальные приглашения? В конце он добавил: «Надо пригласить Аполоника и Ровио, но обком Карелии будет решать, кого пригласить»¹⁴³. Ему явно не хватало смелости превысить свои полномочия, и он болезненно относился к любому увеличению контроля за своими действиями.

Неделю спустя Рапопорт получил телеграмму от своего представителя в Москве, попросившего вновь отложить конференцию, проведение которой и так уже задерживалось на пять дней. Жданов не только отказался учредить комитет ББК, но даже не принял представителя ББК для обсуждения этого вопроса. По мнению второго секретаря Ленинградского обкома Чудова, Жданов хотел, чтобы ППО ББК подчинялись исключительно тем окружным комитетам Карелии, на чьей территории они находились¹⁴⁴. Теперь, когда ленинградский руководитель усиливал контроль над Карелией, он больше не возражал против надзора республиканской партии над лагерем, но все еще пытался избежать единого партийного руководства ББК (во главе которого будет стоять руководитель ББК, вследствие чего сам Жданов утратит рычаги контроля). По совету Чудова Рапопорт встретился с секретарем ЦК Маленковым, который был в Петрозаводске в это время (см. главу 6). Резолюция Маленкова от имени ББК, направленная

¹⁴² Декрет Ленинградского обкома // КГАНИ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 13а. Л. 156, 157–158.

¹⁴³ Письмо, 16 апреля 1935 г. Там же. Л. 156, 168.

¹⁴⁴ Письмо, 24 апреля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 214. Оп. 1. Д. 13а. Л. 173.

против Жданова, казалось, стала решающей – 20 июня оргбюро ЦК издало директиву об учреждении партийного комитета ББК «с такими же правами, как и у райкома», который подчинялся обкому Карелии¹⁴⁵. В то же самое время, т. к. коммунисты ББК тоже подчинялись обкому Карелии, его комсомольцы объединились в первичные организации под властью коммунистической партии Карелии¹⁴⁶.

В конце концов, 21 июня партийная конференция ББК все же состоялась. Она началась с поздравлений Сталина («бурные, продолжительные аплодисменты») и затем Жданова и Ягоды («в нашей каждодневной работе... мы постоянно чувствуем ваше внимательное и сильное руководство»), Ровио, М. Д. Бермана (руководитель ГУЛАГа в Москве) и Рапопорта¹⁴⁷. Через семь недель Ровио был уволен. Наконец, 25 июля 1936 г., когда Ягода еще оставался в центре (его уволят через два месяца), под абсолютным контролем Жданова над карельской периферией, ЦК дал партийному комитету ББК статус райкома под управлением республики¹⁴⁸. С 1 января 1937 г. райком ББК включал 24 ППО и 13 первичных партийных комитетов (т. е. один на каждую территориальную единицу, леспромхоз и охранный пункт), в ББК было 342 члена партии и 131 кандидат. 390 комсомольцев из числа административных работников и охранников и не менее чем 8342 пионера (т. к. все дети трудовых поселенцев автоматически вступали в пионерскую организацию)¹⁴⁹. Компартия Карелии теперь являлась проводником идей влиятельной компартии

¹⁴⁵ Оргбюро ЦК // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 587. Л. 16. Это подтверждало резолюцию обкома Карелии от 10 мая 1935 г., ратифицированную Ленинградским обкомом // КГАНИ. Ф. 214. Оп. 13а. Д. 104–106.

¹⁴⁶ Доклад о состоянии комсомола ББК НКВД, 15 сентября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 779. Оп. 18. Д. 29.

¹⁴⁷ Опубликованные решения первого партийного съезда ББК НКВД, 21–23 июня 1935 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 28. Национальный состав делегатов (63 мужчины и четыре женщины) включал 52 русских, шесть украинцев, двух поляков, одного немца и одного молдаванина // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

¹⁴⁸ КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

¹⁴⁹ Структуру см.: Доклад райкома ББК обкому Карелии, сентябрь–декабрь 1936 г., датирован 30 декабря 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 5. Л. 255–256, также опубл. в: ГУЛАГ в Карелии: Сб. док. и материалов, 1930–1941 гг. / под ред. А. Ю. Жукова, В. Г. Макурова, И. Г. Петуховой. Петрозаводск, 1992. С. 134–136. Количество членов организаций взяты из записок первого секретаря райкома Романова для первой конференции райкома ББК, 3 сентября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 74–77.

Ленинграда, администрация ББК все чаще подвергалась партийным проверкам и наказаниям в случае нарушения партийной дисциплины или политических ошибок (мало мер было предпринято по партийной линии, чтобы гарантировать более тесное сотрудничество плановых и экономических органов Карелии). Наоборот, НКВД все сильнее вовлекал партийные органы как в центре, так и на периферии в свои репрессивные действия, о чем пойдет речь далее.

Укрепление границы

Помимо репрессий, чисток и контроля Москва в очередной раз занялась укреплением внешней границы государства, что повлекло за собой более внимательное отношение к экономике Карелии. В течение 1935 г. Жданов играл ключевую роль в продвижении этой политики в центре. Правительственные и партийные организации, органы НКВД–ОГПУ, а также военные структуры Карелии и Ленинграда призывали увеличить расходы на содержание пограничных районов, особенно на поставки, коммуникации и транспорт, чтобы связать отдаленные деревни с их окружными центрами, а периферии – с центром республики. Впервые с 1920-х гг. взаимоотношения Москвы с Карелией характеризовались не только невежеством, презрением и лицемерием.

Тринадцатого декабря 1934 г., спустя две недели после убийства Кирова, Ровио и Гюллинг послали очередную просьбу Сталину и Молотову (как кратко упоминалось в предыдущей главе). Это было их последним ходатайством и по иронии судьбы самым успешным. Они потребовали дополнительные средства на создание постоянного контингента рабочих для лесозаготовок, повышение зарплат, улучшение поставок продовольствия и товаров народного потребления (особенно в пограничные районы) и на строительство дорог. Также речь шла о гарантиях на получение положенного по закону бюджетного дохода. Красные финны надеялись, что смогут использовать все доступные фонды для строительства и разработок в рамках плана развития даже при превышении «лимита расходования средств»¹⁵⁰. Молотов наложил резолюцию (зеленым карандашом): «В. Я. Чубару и В. И. Межлауку. Стоит обратить внимание на Карелию. Надо обсудить в Замсе»¹⁵¹.

¹⁵⁰ Доклад Гюллинга и Ровио Сталину и Молотову, 13 декабря 1934 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 15–18.

¹⁵¹ Ответное письмо с примечаниями Молотова, 13 декабря 1934 г. Там же. Л. 4–5. В то время Чубар являлся председателем Совнаркома СССР и СТО. Межлаук был председателем Госплана СССР, председателем Совнаркома СССР и СТО.

Письмо было передано в Верховный Совет. В то же время лидеры Карелии отправили отдельное послание Ворошилову с просьбой увеличить оборонную мощь республики. Они также лоббировали свои проекты через наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе (Серго)¹⁵². В феврале 1935 г. Орджоникидзе рассказал Сталину о письме Гюллинга и Ровио с требованием 17,5 млн руб. на строительство в Кандалакше, которые они смогут возместить из бюджетного излишка 1934 г. Сталин переслал письмо Молотову с примечанием (коричневым карандашом): «Что мы должны сделать?»¹⁵³

Как только Молотов проявил интерес к Карелии, центральные органы энергично принялись за работу над проектом экономической помощи автономной республике. В начале февраля 1935 г. Межлаук послал письмо Сталину и Молотову с заключением Госплана СССР по Карелии, заявив:

«Госплан СССР полагает, что ввиду особой ситуации в республике Карелия, учитывая ее пограничное расположение и характер природных условий, уместно предпринять меры для гарантии увеличения экономического роста и полного использования республикой своих специальных прав на доход, прописанных в резолюции правительства от 1921 г. и подтвержденными ЦИК СССР в 1931 г.»¹⁵⁴

Он предложил разрешить Карелии использовать дополнительные 21 млн руб. из сверхприбыли за 1934 г., чтобы нанять больше людей на лесозаготовки и строительство. За последующие два месяца представитель Карелии посетил несколько раундов переговоров в Госплане СССР под председательством Межлаука и представителя наркома финансов К.К. Аболина. В это время Гюллинг слал телеграммы Молотову, а Ровио требовал от ЦК быстрого урегулирования этого вопроса¹⁵⁵.

Однако к концу апреля комиссия Госплана СССР оставила без внимания специальные проекты финансирования и сократила годовой бюджет Карелии на 1935 г. с 202,5 до 150,5 млн руб., уменьшив центральный налог на зерно и пропорционально снизив уровень уча-

¹⁵² Письмо Гюллинга Комиссару НКТП Орджоникидзе, 27 декабря 1934 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 75.

¹⁵³ Письмо Орджоникидзе Сталину, 17 февраля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 74.

¹⁵⁴ Письмо Межлаука Сталину и Молотову, 8 февраля 1935 г. Там же. Л. 19–20.

¹⁵⁵ Телеграмма Ровио Молотову (переправлена Межлауку), 23 марта 1935 г. Там же. Л. 81; и письмо Ровио в ЦК, 11 марта 1935 г. Там же. Л. 65.

ствия республики в расходах Союза. Правительство Карелии жаловалось, что такой принцип определения бюджета «в процентах» «нарушает все бюджетные права Карелии»¹⁵⁶. К началу мая, после того как заместитель председателя Совнаркома РСФСР Д. З. Лебедь решил пересмотреть проекты по Карелии Совнаркома СССР, комиссия Госплана уменьшила бюджет республики до 110,5 млн руб.¹⁵⁷ Лебедь также настаивал на исключении из документа двух пунктов, ясно демонстрировавших принципы, на которых основывался бюджет Карелии. Они частично повторяли формулировки декрета от 23 января 1931 г. Их наличие в документе, полагал он, будет лишь свидетельствовать о «нарушениях прав правительства РСФСР или даст возможность убедиться в несоблюдении этих прав»¹⁵⁸.

Семнадцатого мая Молотов представил эту версию документа Совнаркома СССР в Политбюро, включив дополнительно 21 млн руб. и другие привилегии. Он просил о срочной ратификации ввиду «особой роли» проекта¹⁵⁹. 21 мая высший партийный орган одобрил проект, и на следующий день он был опубликован как правительственный декрет¹⁶⁰. Таким образом, бюджет Карелии возвратил часть своих средств, но не вернул автономных прав. Помимо установленного законом дохода (довольно высокого в пересчете на душу населения по сравнению с другими российскими национальными территориями), Карелия должна была получать процент от Наркомлеса за срубленный на ее территории лес (предполагалось, что это послужит стимулом для улучшения организации и работы лесных трестов). Республика освобождалась от установленных законом союзных и российских отчислений; предполагала получать 38 млн руб. из союзного бюджета. Сумма ее максимального финансирования из собственного бюджета на 1935 г. была увеличена на 21 млн руб., которые должны были пойти на поддержку переселен-

¹⁵⁶ См.: Письмо представителя Карелии во ВЦИКе И. Данилова и комиссара по финансам Карелии А. Мутзеника председателю Совнаркома СССР Межлауку и председателю Совнаркома РСФСР Д. Е. Сулимову, 27 апреля 1935 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 99.

¹⁵⁷ Комиссия Межлаука по бюджету и бюджетным правам Карелии, 22 апреля 1935 г., материалы прокомментированы Лебедем // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 42–47.

¹⁵⁸ Письмо Лебеда Межлауку, 7 мая 1935 г. Там же. Л. 48.

¹⁵⁹ Письмо Молотова в Политбюро, 17 мая 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1063. Л. 144.

¹⁶⁰ Ратификацию Политбюро см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1063. Л. 143; Декрет Совнаркома СССР // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 102. Л. 44–46.

цев, сельское хозяйство, геологические исследования, дорожное строительство, муниципальные нужды и завершение уже просроченного строительства Сунастроа. Таким образом, бюджет Карелии должен был составить 110,5 млн руб.¹⁶¹

Тем временем плановые органы Ленинграда, следуя инструкциям Жданова и проконсультировавшись с руководством Карелии, выработали свою программу экономического и культурного развития автономной республики. Она была представлена партийному руководителю Ленинграда в середине мая. В преамбуле к предложенному ими декрету говорилось:

«Рассматривая пограничное местоположение Карельской АССР, потребность укрепления ее обороноспособности и гарантии ее длительного экономического и культурного развития, ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР считают необходимым предлагать всем народным комисариатам...»

На 37 страницах документа речь шла о развитии пограничных районов, обеспечении необходимой рабочей силы для лесозаготовок, улучшении обрабатывающей отрасли лесной промышленности республики и транспортном строительстве¹⁶².

В сентябре 1935 г. новый первый секретарь обкома Карелии Иркис и второй секретарь Ленинградского обкома Чудов представили эти предложения в Москве на переговорах с Молотовым и секретарем ЦК Н. И. Ежовым (ответственный за партийные чистки и дисциплину). В конце месяца Политбюро одобрило план Ленинграда и издало резолюцию, в которой предлагало Госплану СССР обратиться на Карелию особое внимание, т. к.:

«ЦК полагает, что реализация этих экономических мер должна помочь компартии [Карелии] исправить те политические ошибки в управлении и многочисленные недоработки и недостатки на практике, которые были отмечены в решении обкома Ленинграда от 26 сентября 1935 г.»¹⁶³

¹⁶¹ Бюджетные условия // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 1–2. Дополнительную информацию о бюджетах Карелии, РСФСР и Союза см.: Материалы Политбюро // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1063. Л. 147; Резолюция Совнаркома // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 3.

¹⁶² Письмо председателя исполкома Ленинградской области А. М. Иванова Жданову и проект декрета, 15 мая 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141–291. Л. 1–38.

¹⁶³ Резолюция Политбюро, 29 сентября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 971. Л. 73. Чудов добавил этот пункт в проект резолюции ЦК.

Несколько дней спустя Совнарком СССР издал указ, предоставив Карелии еще больше привилегий, разработанных специально для усиления ее пограничных районов. Зарплаты специалистов увеличились, колхозные крестьяне в пяти пограничных областях были полностью освобождены от сельскохозяйственного налога на три года, а в четырех других районах снизили налоговые ставки. Учредили еще десять МТС, что удвоило их общее количество в республике. Три секретных пункта документа предписывали Госплану СССР пересмотреть план по Карелии на 1936 г. в целях создания постоянной рабочей силы, увеличения механизации лесозаготовок и дорожного строительства, дальнейшего роста культурно-экономического развития в пограничных районах¹⁶⁴. В республике никто не ожидал такой щедрости. Нарком сельского хозяйства Карелии воскликнул: «О господи! Что мне теперь делать! Еще десять МТС осложнят жизнь!»¹⁶⁵ Дальнейшие решения 1936 и 1937 гг. расширили привилегии Карелии, вмешавшись в ежегодный и ежеквартальный процесс планирования, чтобы максимизировать количество строек в стратегически важных зонах и районах республики¹⁶⁶.

Экономические преобразования

В течение 1936 и 1937 гг. большинство действий Карелии состояло в выполнении этих декретов. Однако, несмотря на увеличенные инвестиции, производительность лесной промышленности Карелии все не повышалась. Она достигла своего максимума в 1934 г. (табл. 5.7) и в 1936–1937 гг., когда наиболее существенное увеличение лесозаготовок республики (на 34 %) приходилось на ББК («Кареллес» увеличил производство на 10, ББК – на 108 %).

В других секторах экономики республики дела обстояли немногим лучше. Невыполнение плана на Сунастрое замедлило вторую очередь строительства Кондопожской ГЭС. Это означало, что Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат недополучал энергию для увеличения производства. Между 1932 и 1936 г. производство бумаги в Карелии фактически упало, хотя отмечался неожиданный рост про-

¹⁶⁴ Декрет Совнаркома СССР, 5 октября 1935 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 108. Л. 27–30.

¹⁶⁵ Письмо Ирклиса Чудову, 21 сентября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–299. Л. 41–42.

¹⁶⁶ Резолюция Совнаркома СССР, 17 марта 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 113. Л. 179–181; и совместная резолюция Совнаркома и ЦИК, 11 января 1937 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 132. Л. 165–167.

изводства в 1935 г.¹⁶⁷ Причина, возможно, в том, что в целях экономии сырья в 1934 г. уменьшили толщину листа. Однако появилась возможность улучшить статистику производства (так как производительность считали не по весу, а в квадратных метрах)¹⁶⁸. В 1937 г. Кондопожский комбинат увеличил производство на 70 %, но это составляло лишь 45,5 % от запланированного на год объема. В целом комбинат выполнил план всего на 75 %. По мнению администрации, это произошло главным образом из-за плохой работы внешних подрядчиков¹⁶⁹. На самом деле управленцы, специалисты и рабочие Кондопоги трудились под бдительным оком ОГПУ–НКВД, как мы увидим в следующей главе.

Таблица 5.7

Лесозаготовки в Карелии, 1932–1937 гг. (тыс. погонных м)*

	1932	1933	1934	1935	1936	1937
«Кареллес»	3180	3675	4097	4215	4401	4852
В том числе Медвежьегорский, Повенецкий, Выгозерский ЛПХ**	1859	1264	983	442	–	–
ББК	–	123	734	1130	1676	3486
Всего по Карелии	6439	6010	6810	6849	7043	9465
Доля ББК от общего объема, %	–	2,0	14,4	16,5	23,8	36,8
Итоговая доля от запланированного вторым пятилетним планом, %	–	82,3	94,0	90,1	73,0	73,5

Примечания:

* Общие показатели включают район Кандалакши, перешедший от Карелии под управление Мурманской области в 1938 г. Другие существенные лесозаготовительные предприятия: «Пудожлес» (бывший «Севзаплес», «Ленлес»), Наркомлес КАССР, Оборонлес (с 1936 г.), еще Карпроммлессоюз и Ругозерская железная дорога.

** Эти ЛПХ были переданы ББК между 1933 и концом 1935 г.

Источник: Итоги второго пятилетнего плана в Карелии, 1938–1939 гг. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 212-1558. Л. 27, 48–51.

¹⁶⁷ Администрация совнархоза Бумдревпрома Карелии. Результаты второго пятилетнего плана на Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, без даты (1942) // НАРК. Ф. 2034. Оп. 1. Д. 3–16. Л. 23.

¹⁶⁸ Керт Л. Кондопога // Карело-Мурманский край. 1934. № 1–2. С. 47.

¹⁶⁹ Отчет Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината за 1937 г. // НАРК. Ф. 2034. Оп. 1. Д. 2-10. Л. 1.

Таблицы 5.1 и 5.2 иллюстрируют структурные преобразования в экономике Карелии, которые Гюллинг пытался осуществить при помощи второго пятилетнего плана. В табл. 5.8 приводится пример фактического изменения в экономической структуре республики в течение этого периода. Поражает то, что объем лесной отрасли (т. е. лесозаготовка, обработка и другие работы за исключением производства бумаги) в республике упал с 72,7 до 53,1 % (результат, обратный тому, которого требовал Калинин). Зато выросла производительность в сфере обработки металлов и машиностроении (благодаря реконструкции Онежского завода, который сначала выпускал машины для Беломорканала, а затем для Наркомлеса), в продовольственном секторе (в соответствии со вторым пятилетним планом и специальными декретами об улучшении условий жизни в пограничном регионе перестроили Петрозаводский хлебобулочный комбинат, во много благодаря заключенным ББК и посланным вырос объем рыболовства), в производстве кожи, меха и обуви, швейных изделий (увеличило свою долю в экономике Карелии на 30 %). Последние отрасли в начале десятилетия почти не играли роли в экономике Карелии, их появление и развитие явилось результатом деятельности ББК, которому пришлось заниматься трудоустройством заключенных женщин и многочисленных инвалидов.

Таблица 5.8 отражает главенствующую роль ББК в экономике Карелии в конце второй пятилетки. Это заметно и по объему инвестиций в него в сравнении с предприятиями гражданской экономики. В 1936 г., например, ББК получил 46,3 млн руб. для строительства на территории Карелии (и это помимо финансирования Туломстроя на Кольском полуострове, которое составило 43 млн руб.), что эквивалентно трети всех денежных вложений в республику в течение года¹⁷⁰. Помимо кожевенного и швейного производств, комбинат играл доминирующие роли в дорожном строительстве (не включено в табл. 5.8) и рыболовстве. Он один нес ответственность за работу Беломорканала, осуществлял почти 40 % всех лесозаготовок в республике и управлял верфями по среднему судостроению в Пиндуше. Кроме того, он возводил огромный целлюлозно-бумажный комбинат в Сегеже (этот список не включает экономическую деятельность в Мурманской области). Производство леса, кожи и швейных изделий ББК составляло более чем 28 % дохода республики. Заметна также роль ББК в преобразовании демографической и национальной структуры Карелии, о чем пойдет речь далее.

¹⁷⁰ Рассчитано из списков НКВД за 1936 г., июнь 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 637. Л. 212, 215 и Народнохозяйственный план на 1936 г. Т. 2. С. 289. Отметим, что территориальный план Карелии включает финансирование ББК.

Таблица 5.8

**Фактическое распределение производства в промышленности Карелии,
1932–1937 гг. (в % от валового продукта в ценах 1926/1927 гг.)***

Отрасль	1932	1937
Электростанции	0,8	1,3
Лесозаготовки и лесосплав	51,8	35,9
Лесохимическая промышленность	0,1	0,1
Стройматериалы	8,3	6,2
Добыча металлов	1,5	3,7
Машиностроение	7,1	9,8
Обработка леса	0,9	4,2
Распиловка леса	19,0	13,0
Бумажное производство	5,6	4,3
Продовольствие	3,4	7,5
Швейные изделия	0,4	11,3
Кожа, меха и обувь	0,2	2,1
Печатная продукция	0,3	0,5
Всего	99,4	99,9

Примечания: *Эти данные не включают промышленную деятельность Кандалакши (химическое производство).

Источник: Цифры взяты из доклада ЦУНХУ КФССР, опубликованного после января 1941 г. // НАРК. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 360. Л. 10–11, опубл. в: Вавулинская Л. И. Народное хозяйство Карелии. С. 27.

*Рис. 5.5. Строительство Сегежского бумажного завода
(Сегежстрой) ББК, август 1938 г.*

РЕСТРУКТУРИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ПЕРИФЕРИИ

В 1933 г. гражданское население Карелии (за исключением особых поселенцев, заключенных и солдат) составляло приблизительно 330 тыс. человек (табл. 5.9)¹⁷¹. К 1936 г. оно выросло до 398,3 тыс. человек¹⁷². В основном это произошло за счет внутренней миграции, а не благодаря запланированной вербовке¹⁷³. Действительно, количество гражданских специалистов и рабочих снизилось в тот период с 18 041 до 17 771 человека¹⁷⁴. Поэтому республика испытывала огромную нехватку кадров. Республиканская программа переселения в первой половине десятилетия явно не удалась.

Как мы знаем, Жданов и его соратники критиковали демографическую политику Карелии. Они обвиняли Гюллинга и Ровио в торможении демографического и экономического роста, препятствовании переселению некарелов, сопротивлении расширению системы исправительно-трудовых лагерей. Когда во второй половине 1935 г. Ленинград получил контроль над республикой, одним из первых его шагов стал роспуск переселенческого комитета Карелии, а также всех пунктов вербовки в самой автономии, Союзе и Северной Америке (функции последних были переданы Интуристу). В то же время была учреждена инспекция, призванная контролировать вербовку на предприятиях республики¹⁷⁵. Новый обком Карелии отдал приказ о расследовании причастности карельских чиновников по переселению (главным образом финнов) к политическим преступлениям. Утверждалось, что большая часть переселенцев и иммигрантов, при-

¹⁷¹ Рассчеты сделаны по кн.: Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 45; Автономная Карельская ССР. Ежегодник, 1932–1933 гг. С. 18; Население России в XX веке. Исторические очерки / под ред. В. Б. Жиромской. В 3-х т. М., 2000. Т. 1. 1900–1939. С. 285; Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: Док. и матер. / под ред. Н. А. Ивницкого, В. Г. Макурова. Петрозаводск, 1991. С. 245–254. Методология разъясняется в: Вагон N. Soviet Karelia. P. 272 (ссылка 184).

¹⁷² Доклад Карплана, 1 июля 1936 г. // НАРК. Ф. 689. Оп. 5. Д. 11–65. Л. 239–241.

¹⁷³ Доклад правительства Карелии в Президиум ВЦИК и Совет национальностей ВЦИК к пятидесятилетию Карельской АССР, 3 июля 1935 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 79–730. Л. 50–56.

¹⁷⁴ Мезенцев Г. И. Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР, 1926 – июнь 1941 г.: Сб. док. и матер. Петрозаводск, 1984. С. 17.

¹⁷⁵ Резолюция Совнаркома Карелии, 13 октября 1935 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 6. Д. 9–25. Л. 312.

бывших в предыдущие пять лет, – «социально инородные» элементы¹⁷⁶. Эти местные реформы отражали изменения взглядов центра на администрирование демографического перераспределения. 10 июля 1936 г. ВПК, который с 1925 г. отвечал за координацию переселения крестьянства по всей стране, был распущен, а все его функции передали отделу по переселению НКВД (22 июля Ягода назначил руководителя ГУЛАГа М. Д. Бермана главой этого отдела)¹⁷⁷.

Отстранение от дел красных финских лидеров Советской Карелии и новая недискриминационная подборка кадров и политика переселения не ускорили темпов роста гражданского населения. К 1937 г. в республике проживало приблизительно 416,5 тыс. свободных граждан, к 1939 г. – 443 тыс.¹⁷⁸ Однако это мало интересовало новое руководство республики, его не мучили угрызения совести в связи с увеличением числа заключенных в регионе или использованием принудительного труда. Проанализировав данные о росте населения Карелии в течение 1930-х гг., осознаешь ключевую роль ББК в демографическом развитии республики (надо отметить, что табл. 5.9 включает специальных поселенцев ББК, но не заключенных). Все три района с наибольшим приростом населения, Беломорск (раньше назывался Сорока, переименован в 1938 г.), Медвежьегорск и Тунгуда, находились в зоне ББК в Центральной Карелии (карта 9). Более того, первые два являлись участками главных спецпоселений¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Обком Карелии, 4 октября 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1959. Л. 97.

¹⁷⁷ Письмо Ягоды Молотову, 5 сентября 1936 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 617. Л. 65; Петров Н. В., Сорокин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 гг.: Справочник. М., 1999. С. 109.

¹⁷⁸ 1937 г. – рассчитано из: Перепись населения СССР 1937 г. История и материалы / под ред. А. Г. Волкова, Г. К. Оксенойта, В. Н. Барановского. М., 1990. С. 67; Доклад о структуре ББК на 1 октября 1937 г., датирован 1 января 1938 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Л. 1-8. Д. 1–37; доклад отдела трудовых поселений (ОТП) ББК НКВД. 1936 г., датирован февралем 1937 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 846. Л. 25. 1939 г. – рассчитано из: Покровская И. П. Население Карелии. С. 45; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги / под ред. Ю. Полякова, В. Б. Жиромской и др. М., 1992. С. 232. По результатам переписи 1939 г., 80 тыс. заключенных Карелии перевели в другие регионы. На 1939 г. там оставалось 26 тыс. спецпоселенцев. Данные аудита ББК НКВД, 1937, без даты // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 960. Л. 4.

¹⁷⁹ Доклад о структуре ББК на 1 января 1938 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1-8. Л. 38. Карту поселений ББК в центральной Карелии см. в: Семкин В. Архипелаг Белбалтлаг. Ленинградская правда. 1989. 17 июня.

Такая демографическая ситуация неизбежно привела к уменьшению численности этнических карелов в республике. Согласно опубликованным данным о переписи 1939 г., русские составляли 63 % населения, а карелы, вепсы и финны всего 27 %. Украинцев оказалось не менее 5 %; большинство из них – ссыльные¹⁸⁰.

Спецпоселенцы

Декрет об основании ББК от 17 августа 1933 г. давал ему полномочия не только развивать экономику канала, но и колонизировать прилегающую территорию, прежде всего за счет труда ссыльных¹⁸¹. Директива от 10 сентября 1933 г. гласила, что ББК заселит «большие пространства» вдоль канала спецпоселенцами и заключенными, отбывшими свой срок и пожелавшими остаться в качестве свободных граждан. Вдобавок ББК обещал тем, кто «доказал трудом, образцовым поведением и привычками, а также добросовестным отношением к выполняемой работе», досрочное освобождение и возможность остаться в Карелии в качестве колонистов¹⁸².

Уже к концу 1933 г. ОГПУ разместил приблизительно 15 тыс. сосланных крестьян на территории возле канала¹⁸³. Большинство приехало с Урала, из Средневолжской области, Центральной России и Украины¹⁸⁴. Главные поселения находились в Сорокском и Медвежьегорском районах и к востоку от Мурманской железной дороги, хотя были также меньшие участки в Сегозерском, Ругозерском и Тунгудском районах (к западу от железной дороги)¹⁸⁵. В письме Сталину и Молотову в декабре 1934 г. (обсуждалось выше) Гюллинг и Ровио отметили этот приток и повторно попросили не расселять высланных кулаков в пограничной области к западу от же-

¹⁸⁰ Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М., 1999. С. 50.

¹⁸¹ НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 1. Л. 35–36.

¹⁸² НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 51. Л. 190–191, опуб. в: ГУЛАГ в Карелии. С. 91.

¹⁸³ Население России в XX веке. С. 285.

¹⁸⁴ Письмо главы ББК Успенского Совнаркому Карелии, 10 декабря 1933 г. // НАРК. Ф. 689. Оп. 18. Д. 1. Л. 35, опубл. в: Советская лесная экономика. Москва–Север, 1917–1941 гг. : Сб. док. и матер. / под ред. В. Г. Макурова, А. Т. Филатовой, Н. Барона. Петрозаводск, 2005. С. 246.

¹⁸⁵ Там же. С. 243; № 2. С. 246; Структура ББК, 1 января 1938 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1–8. Л. 38; Семкин В. Архипелаг Белбалтлаг.

Изменения в населении Карелии, 1931–1939 гг. (включая специальных поселенцев, не учитывая заключенных ББК)

Район	Территория кв. км	Население, чел.			Изменения, %		Плотность населения, чел. на кв. км		
		1931	1933	1939*	1931–1933	1933–1939	1931	1933	1939
Сорока / Беломорский	8385	20 542	22 889	47 675	111	208,3	2,4	2,7	5,7
Ведлозерский**	2534	Нет данных	10 329	9285	Нет данных	89,9	Нет данных	4,1	3,7
Заонежский	2200	30 048	25 717	21 450	86	83,4	13,7	11,7	9,8
Ухта / Калевала	20 286	11 352	10 627	11 421	94	107,5	0,6	0,5	0,6
Кемский	10 035	13 616	19 515	30 201	143	154,8	1,4	1,9	3,0
Кестеньгский	10 914	6452	6447	6453	100	100,1	0,6	0,6	0,6
Кондопожский	2698	18 044	21 597	34 883	120	161,5	6,7	8	12,9
Лухский	7494	6680	10 876	17 188	163	158,0	0,9	1,5	2,3
Медвежьегорский	14 479	19 009	30 180	65 239	159	216,2	1,3	2,1	4,5
Олонецкий	3509	30 439	27 634	28 761	91	104,1	8,7	7,9	8,2
Петровский	7536	12 167	12 065	12 652	99	104,9	1,6	1,6	1,7
Прионежский	3377	Нет данных.	17 423	26 983	Нет данных	154,9	Нет данных	5,2	8,0
Пряжинский	4036	23 463	15 050	16 268	64	108,1	5,8	3,7	4,0
Пудожский	10 250	25 532	28 242	29 693	111	105,1	2,5	2,8	2,9
Ребольский	6843	2536	2524	2405	100	95,3	0,4	0,4	0,4
Ругозерский	8341	2975	3242	5607	109	172,9	0,4	0,4	0,7

Район	Территория кв. км	Население, чел.			Изменения, %		Плотность населения, чел. на кв. км		
		1931	1933	1939*	1931–1933	1933–1939	1931	1933	1939
Сегозерский	7706	6213	6483	8750	104	135,0	0,8	0,8	1,1
Тунгудский	5100	4616	5312	11 175	115	210,4	0,9	1	2,2
Шелтозерский	704	10 453	9097	8135	87	89,4	14,8	12,9	11,6
г. Петрозаводск	132	53 372	54 141	74 674	101	137,9	404,3	410,2	565,7
Кандалакша	11 250	14 949	34 407	–	230		1,3	12,9	
Всего (вкл. Канд.)	147 809	312 458	373 797	–	120	–	2,1	2,5	–
Всего (не вкл. Канд.)		297 509	339 390	468 898*	114	138,2	2,0	2,3	3,2

Примечания: * Ведлозерский был образован путем соединения юго-восточной части Пряжинского района и северной части Олонецкого района.

** Все население в 1939 г., включая заключенных ББК, составляло 548 898 человек. Эти данные за 1939 г. не включают заключенных ББК, которых, по мнению И. П. Покровской, было 80 тыс. чел.

Источники: Данные на 1931 г. из: Советская Карелия. Очерки партийного, советского и культурного строительства АКСССР / под ред. Г. С. Ровио, Н. А. Ющева, Э. А. Гюллинга. М.; Л., 1933. С. 119; данные на 1933 и 1939 гг. из: И. П. Покровская. Население Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 45 (включают спецпоселенцев, но не охватывают Кандалакшу, о которой см.: Автономная Карельская ССР. Ежегодник, 1932–1933 гг. С. 18).

лезной дороги¹⁸⁶. Стоит отметить, что Ровио и Гюллинг в принципе не возражали против принудительного переселения в автономную республику, хотя понимали, что никто из этих вновь прибывших не является этническим финном или карелом¹⁸⁷. Действительно, в апреле этого года представитель Карплана с воодушевлением констатировал, что из запланированного к концу второй пятилетки прироста населения на 260 тыс. человек «более половины придется на ББК» (он имел в виду только спецпоселенцев и освобожденных заключенных, которых можно причислить к постоянной рабочей силе)¹⁸⁸.

В мае 1935 г. ленинградские специалисты бюро ББК выяснили: для выполнения Карелией и ББК объединенного проекта регионального развития необходимо увеличить численность рабочего населения зоны (т. е. гражданское население, включая сосланных, а также освобожденных заключенных, но без учета жителей лагеря) с 26,5 тыс. человек на 1 января 1934 г. (общее количество населения 62 тыс. человек) до 32,5 тыс. (96,5 тыс.) к 1937 г. и до 98 тыс. (168 тыс.) к 1942 г.¹⁸⁹ Однако они признали, что

«абсолютно очевидно: это требование для промышленных предприятий невозможно выполнить за счет исключительно местного населения. Поэтому возникала потребность разработки проекта по освоению района ББК, учитывающего план промышленного развития, особенно лесной промышленности».

Самое большое беспокойство при освоении зоны ББК вызывала необходимость создать собственное сельское хозяйство, удовлетворяющее потребности увеличивающего населения лагеря в продовольствии. В июне, за два месяца до увольнения Ровио, правительство

¹⁸⁶ Гюллинг и Ровио Сталину и Молотову, 13 декабря 1934 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 567. Л. 15–18. Более ранние декреты Карелии см. в: Советская лесная экономика. С. 243. № 2.

¹⁸⁷ Специальные поселенцы в основном состояли из русских кулаков, но среди них были также чуваша, татары, мордва, украинцы и поляки. См. письмо Успенского Совнаркому Карелии от 10 декабря 1933 г. в: Советская лесная экономика. С. 246.

¹⁸⁸ Доклад «Баланс трудовых ресурсов в АКССР в 1934 г.» главного экономиста социально-культурного отдела Карплана И. З. Полюко, апрель 1934 г. // ГА РФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 1. Л. 163–178.

¹⁸⁹ Увеличение числа работающих среди населения в 1937–1942 гг. отмечено в «Плане использования зоны ББК», 1 мая 1935 г. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 197–1425. Л. 170–171.

Карелии пообещало поддержку проекту колонизации ББК, заметив, что он имел «большое значение для Карельской АССР, так как это увеличило бы количество рабочих рук для промышленности и решило бы задачу расширения земель для сельского хозяйства»¹⁹⁰. Это едва ли можно назвать отклонением от демографической политики ББК, за которую Жданов и другие так порицали красных финнов.

К январю 1936 г. в ББК входили 23 трудовых поселения с общим числом жителей приблизительно в 30 тыс. человек (включая Мурманскую область)¹⁹¹. Это количество постепенно уменьшалось¹⁹². На октябрь 1938 г. национальный состав спецпоселенцев был приблизительно таким: 45 % русских, 26 % украинцев, 10 % немцев, 10 % поляков, 3 % молдаван и 3 % карелов, которых переселили из пограничных деревень в начале 1935 г.¹⁹³

Ответственность за этих поселенцев сначала лежала на отделе колонизации ББК, который имел представительства во всех территориальных подразделениях. Согласно статуту об отделах ББК от 13 октября 1934 г., в задачи отдела колонизации входили планирование колонизации, вербовка поселенцев из числа освобожденных заключенных, их распределение на подходящие участки на территории ББК, управление поселениями, строительство удобного жилья и инфраструктуры и сотрудничество с местными органами Советской власти¹⁹⁴. Однако в середине 1936 г. отдел колонизации ББК и его подотделы распустили, а все функции по управлению переселением передали Наркомату лесной промышленности и леспромпхозам, что

¹⁹⁰ Проект резолюции Совнаркома Карелии на основе доклада главы ББК Успенского, июнь 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 1–1. Л. 51.

¹⁹¹ Доклад ОТП ББК НКВД, 1936, датирован февралем 1937 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 846. Л. 25.

¹⁹² Количество высланных семей – 8064 в 1935 г. (нет данных об общей численности населения) // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 172. Л. 3–5; 9760 семей (30 745 чел.) на 1 января 1936 г.; 9026 семей (28 164 чел.) на 1 января 1937 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 846. Л. 25; 8572 семей (26 957 чел.) на 1 января 1938 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 960. Л. 4. Причиной уменьшения населения в 1936 г. стало освобождение сосланных, в меньшинстве случаев – их переселение в обычные карельские деревни.

¹⁹³ См.: Доклад главы НКВД Карелии С. Т. Матузенко от 14 октября 1938 г. главе НКВД Ежову // Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по республике Карелия (далее АУФСБ РФ по РК). Фонд секретного делопроизводства. Оп. 1. П. 82. Д. 1938. Л. 84.

¹⁹⁴ НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 3. Л. 10об.

свидетельствовало о переориентации комбината с долгосрочных проектов развития на непосредственное производство, как полагали некоторые из служащих (см. выше)¹⁹⁵.

В конце 1936 г. ББК стремился делегировать ответственность за благосостояние спецпоселений гражданским властям Карелии (в соответствии с новой сталинской конституцией, которая восстановила определенные гражданские права сосланных), хотя он не отказывался от контроля использования их труда. Однако власти Карелии не спешили принимать эти поселения под свое управление. Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав) Карелии отказал поселенцам в медицинском обслуживании, а Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) республики соглашался предоставлять жителям лишь среднее образование, отказавшись финансировать ясли (неизвестно, какими были условия для начальных школ)¹⁹⁶. В мае 1937 г. ленинградская комиссия партийного контроля (КПК) осудила отсутствие сотрудничества между специальными поселениями и районными советскими работниками, которые номинально отвечали за их благосостояние¹⁹⁷. В январе 1938 г. Центральное управление ГУЛАГа издало очередную директиву, повторившую требование передать ответственность за ясли, детские дома и культурное просвещение поселенцев Наркомпросу Карелии. За нетрудоспособных поселенцев должен был отвечать Народный комиссариат социального обеспечения (Наркомсобес). Карелии. Правительство республики, однако, отказывалось принять эти обязательства до тех пор, пока Совнарком РСФСР не подтвердил, что выделит финансирование: в июне Наркомпрос согласился на патронаж яслей и детских домов, а в декабре Наркомздрав заверил, что будет предоставлять медицинскую помощь сосланным в Пудожье. Но даже после этого ББК продолжал заботиться об инвалидах и заниматься пропагандой среди поселенцев¹⁹⁸.

Учитывая стратегию колонизации Карелии освобожденными заключенными, ни ББК, ни властям республики не удалось создать достаточно комфортные условия бывшим заключенным, чтобы те

¹⁹⁵ Сталинская Трасса, 47, 8 мая 1936 г., 2.

¹⁹⁶ Доклад ОТП ББК НКВД 1936 г., февраль 1937 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 846. Л. 23.

¹⁹⁷ См.: Доклад уполномоченного представителя ЦК КПК в Ленинградской области Вейнгера Ирклизу «О специальных колониях ББК», 17 мая 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–266. Л. 68–69.

¹⁹⁸ См.: Доклад отдела рабочих колоний ББК, 1938 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1131. Л. 1.

остались в области после окончания тюремного срока. В июне 1935 г. чиновник ГУЛАГа на I конференции райкома ББК, говоря о положении комбината, саркастически заметил: «Мы готовим замечательных лесорубов, но отсидев положенный срок, ничто не заставит их остаться на лесопилках “Кареллеса”. Условия там отвратительные. Мы должны потребовать решения этого вопроса от обкома Карелии»¹⁹⁹. Весьма возможно, что условия в некоторых лесозаготовительных лагерях Карелии были такие же плохие или даже хуже, чем в лагерях ББК. Разница состояла в том, что свободные рабочие могли уволиться, и они делали это довольно часто. Партийный съезд ББК принял решение, чтобы обком Карелии учредил «специальную лесопилку» под управлением «Кареллеса» для освобожденных заключенных, где гарантировались бы лучшие условия и более высокая оплата, чем в других местах. Правительство Карелии покрыло бы расходы, сэконобив на вербовке. Через месяц обком по распоряжению Ровио опубликовал декрет, согласно которому «Кареллес» обязывался организовать специальный леспромхоз, в который будут направляться квалифицированные работники после освобождения из заключения²⁰⁰. Ровио уволили двумя неделями позже; его преемник не принял мер для выполнения этого решения.

Как только ленинградское партийное руководство возглавило Карелию, оно обратилось за помощью в центр, чтобы устранить проблему, препятствовавшую вербовке заключенных. В конце ноября представитель Гюллинга в правительстве Карелии подал ходатайство в Совнарком СССР. Каждый месяц ББК освобождал до 3 тыс. заключенных, «превратившихся» в квалифицированных и честных рабочих, которые могли бы принести пользу экономике Карелии. Однако 12 из 20 районов республики теперь попадали по классификации в пограничную группу «А» (т. е. находились в пределах 100-километровой западной пограничной зоны), а советские законы не позволяли бывшим заключенным жить в таких местах. (Фактически это был указ НКВД, который нарушал закон СССР.)²⁰¹ Поэтому правительство Карелии попросило «ослабления» ограниче-

¹⁹⁹ КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

²⁰⁰ Бюро обкома Карелии, 16 июля 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1958. Л. 226.

²⁰¹ Директива НКВД, 29 мая 1935 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1262. Л. 7. Советский прокурор Вышинский написал Молотову 17 июня, что это нарушает закон о паспорте Советского Союза (20 января 1933 г.), он считал, что не всем категориям бывших заключенных следует отказывать в праве жить в режимных областях, см.: ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1262. Л. 2.

ний, чтобы бывшие заключенные из классово близких слоев могли жить в пределах 100-километровой пограничной зоны, не пересекая 50-километровую зону. Это, конечно, абсолютно противоречило требованию Гюллинга, согласно которому заключенные ни до, ни после освобождения не могли проживать в пограничных районах к западу от Мурманской железной дороги. Его беспокойство, как мы видим, касалось вопросов безопасности и политики национальностей. Ни один из заключенных ББК – финн или карел после освобождения не смог слиться с местным населением²⁰².

Правительство республики просило Центральное управление ГУЛАГа НКВД способствовать вербовке в Карелии, а «Кареллес» («Ленлес» для Пудожского леспромхоза) – предоставить дополнительное финансирование²⁰³. Наркомлес поддержал запрос Карелии, и Ягода разрешил бывшим заключенным селиться в шести районах группы «А» (они должны были жить дальше 50 км от границы), но запретил проживание в юго-западных районах Карелии: Олонецком, Петровском и Пряжинском, так как они располагались как раз в 50 км от границы. На основе разрешения Ягоды 19 декабря Совнарком СССР опубликовал резолюцию²⁰⁴. Еще через два года ББК ввел милицейский учет паспортов в своих лагерях, хотя на практике это не было выполнено²⁰⁵.

Заключенные

Кажется странным, что ББК, как и гражданские предприятия, не мог найти необходимое количество рабочих рук. Но в советской плановой системе распределения ресурсов любая организация, которая

²⁰² С 1 октября 1937 г. заключенные ББК на 68 % состояли из русских, на 14 % из украинцев, на 4 % из белорусов и только на 0,6% из карелов или финнов (т. к. они были отправлены в другие места). См.: Статистический доклад НКВД // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1139. Л. 232–235, опубли. в: ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918–1960 гг. / под ред. А. И. Кукорина, Н. В. Петрова. М., Москва, 2002. С. 411–414; 10 октября 1939 г. НКВД издал приказ № 001461, подтверждавший, что национальные меньшинства не должны отправляться в лагеря рядом с их родной областью, см. НАРК. Ф. 865. Оп. 35. Д. 1-2а. Л. 340–341.

²⁰³ Письмо председателя Сонаркома Карелии А. Н. Лескова (ветеран администрации Карелии, недолго занимал место Гюллинга, когда того уволили) Совнаркому СССР, 21 ноября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142-299. Л. 58–60.

²⁰⁴ Письмо Ягоды Совнаркому СССР, 16 декабря 1935 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1346. Л. 6, 2. Неизвестно, какое решение было принято по трем оставшимся районам.

²⁰⁵ Директива ББК, 27 августа 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 35. Д. 1а. Л. 2–56.

не являлась приоритетной для экономики в целом или для одной из ее отраслей, была обречена на бесконечный дефицит. Как мы уже знаем, ББК столкнулся с теми же проблемами, что и гражданский сектор Карелии, когда республика лоббировала ресурсы. В частности, центр не желал финансировать «грандиозные» схемы развития тяжелой промышленности в пограничном районе.

Система ГУЛАГа также имела свои первоочередные проекты. Строительство Беломорканала являлось престижным и привлекало максимум внимания. Но как только оно завершилось, большая часть заключенных была отправлена на строительство Московско-Волжского канала (лишь немногие попали под амнистию, хотя сам факт широко рекламировался центром в пропагандистском мифе об «искупительном» канале)²⁰⁶. Впоследствии количество заключенных в ББК колебалось в пределах между 60 и 90 тыс. человек (табл. 5.10).

Таблица 5.10

Население ББК и ГУЛАГа, 1934–1939 гг. (за исключением поселенцев)

	На 01.01.1934	На 01.01.1935	На 01.01.1936	На 01.01.1937
ББК	70 373 (а, б)	66 418 (а, б)	90 290 (а, б)	58 965 (а, б)
Изменение, %	–	–5,62	35,94 %	–34,69
ГУЛАГ	617 895	782 445	830 144	908 624
Изменение, %	–	26,63	6,10 %	9,45
	На 01.01.1937	На 01.01.1938	На 01.01.1938	На 01.01.1939
ББК	68 050 (в)	79 882 (б) / 80 836 (г)	79 232 (а)	86 567 (а)
Изменение, %	Нет данных	35,47	Нет данных	8,37
ГУЛАГ	Нет данных	1 156 781	Нет данных	1 330 802
Изменение, %	Нет данных	27,31	Нет данных	15,04

Источники: (а) Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 гг.: Справочник / под ред. М. Б. Смирнова. М., 1998. С. 162; (б) Население России в XX веке. Исторические очерки / под ред. В. Б. Жиромской. М., 2000. Т. 1. 1900–1939. С. 315; (в) Доклад о структуре ББК от 1 октября 1937 г., датирован 1 января 1938 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1–8. Л. 1–37; (г) Доклад о структуре ББК от 1 января 1938 г. Там же. Л. 38; (д) Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 164.

²⁰⁶ Были опубликованы данные, согласно которым 12 484 заключенных амнистировали (7 % каналармейцев), а 59 516 человек получили ослабление приговора. См.: Известия. 1933. 5 авг. Однако 15 июля Политбюро решило, что ОГПУ должно амнистировать лишь 500 заключенных // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 926. Л. 23. Неизвестно, свидетельствует ли это об изменении отношения.

Служащие комбината регулярно жаловались на нестабильность обеспечения рабочей силой и, в частности, на ее чрезмерно быстрые переброски, т. к. заключенные постоянно прибывали и быстро отправлялись на проекты первостепенного значения. Из табл. 5.10 следует, что в течение 1935 г. большое количество заключенных было передано ББК. Скорее всего, это произошло вследствие поглощения ББК трех новых леспромхозов в конце года и запуска Сегежстроя и других строительных проектов осенью. Однако в середине 1936 г. Управление ГУЛАГа в Москве перенаправило большую часть рабочей силы ББК на другие объекты: в Калуглаг (строительства Московско-Киевского шоссе) и Вяземлаг в Смоленской области (строительство Московско-Минского шоссе)²⁰⁷.

В результате из лагеря выбыло более 70 тыс. заключенных, хотя за 1936 г. прибыло 39 тыс. человек²⁰⁸. В Сегежстрое текучесть кадров составляла 134 % (из тех, кто уехал, почти половина освободилась, большая часть оставшихся была переведена; конечно, какое-то количество людей умерли или убежали)²⁰⁹. По словам начальника ББК З. А. Алмазова, большинство новых рабочих комбината прибыло в четвертом квартале и являлось «отсевом» из других лагерей и тюрем: они обладали низкой квалификацией или были не в состоянии выполнять производственную норму. Это стало главной причиной недополучения комбинатом 17 млн руб. (примерно такая же сумма была запланирована как прибыль)²¹⁰.

Конечно, условия жизни в ГУЛАГе сделали многих здоровых людей инвалидами и погубили больных²¹¹. В декабре 1936 г. представитель ББК Бугман осмотрел четвертую секцию ББК (Выгозерский леспромхоз в Центральной Карелии). В его отчете говорилось, что в бараках не было света и отопления, в них жили вместе и мужчины, и женщины. В Майгубе он обнаружил шесть полуголых или плохо одетых женщин, которые спали на полу или в мужских бараках. В

²⁰⁷ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 199, 280.

²⁰⁸ Финансовый отчет ББК НКВД за 1936 г., 26 марта 1937 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 844. Л. 1–6.

²⁰⁹ Финансовый отчет Сегежстроя, 1936 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 849. Л. 92.

²¹⁰ Финансовый отчет ББК НКВД за 1936 г., 26 марта 1937 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 844. Л. 39.

²¹¹ Более детальный анализ условий жизни, культурного фактора и здравоохранения в ББК см.: Baron N. Production and Terror: the Operation of the Karelian Gulag, 1933–1939 // Cahiers du Monde usse. 2002. № 43 (1). P. 139–180.

леспромхозе проживало около 100 подростков, из которых лишь 10–15 человек могли работать. Так как в столовой не хватало посуды, еду получали самые сильные заключенные, которые могли пробиться сквозь толпу. Слабые оставались голодными, становились все более истощенными, не могли работать по болезни. У них оказалось мало одежды и не хватало постельного белья (на 4200 заключенных всего 154 простыни, 233 полотенца, 2445 пар ботинок и 952 шапки), что увеличивало риск обморожения, особенно для представителей южных национальностей, и приводило к увеличивающемуся количеству отказов от работы. Не было санитарной части, книг, газет или радио. Третий отдел, отвечающий за репрессивную политику в лагере, о котором пойдет речь в следующей главе, самостоятельно устанавливал наказания за нарушения инструкций²¹².

Питанию и здоровью рабочих, не говоря уже о развлечениях, уделялось минимум внимания. В последние годы существования Соловецкого лагеря порции еды выдавались заключенным соразмерно объему выполненной ими работы. Приоритет начальника ББК и главная цель центрального управления системой лагерей, ее территориальных представительств и около 140 отдаленных лагерей состоял в максимальном росте производства. Приказ ББК от 1935 г. гласил, что «первая обязанность <...> и честь» всех управляющих лагерем состояла в том, чтобы гарантировать «использование рабочих, внимательно относится к достижению максимально возможных показателей и в то же время <...> сохранять “полноценность” рабочей силы»²¹³. Другими словами, искать баланс между объемом работы и сохранением жизни заключенных трудно, но возможно.

В 1937 г., несмотря на огромный рост лесозаготовок, комбинат потерял более 28 488 тыс. руб. Объясняя ситуацию, новый начальник ББК М.М. Тимофеев ссылаясь на сумму в 23 млн руб., которую другие администрации лагерей ГУЛАГа задолжали комбинату. По его словам, главная проблема ББК в том году состояла в следующем: лагерь получил больше заключенных, чем инвестиций²¹⁴. В конце 1937 г., когда число арестов по стране существенно возросло, «население» ББК мгновенно увеличилось: с 68 050 человек (не включая сосланных) на 1 октября 1937 г. до 80 836 человек на 1 января 1938 г. и 83 810 человек в апреле 1938 г. Этот «демографический взрыв» происходил в период разгара массовых расстрелов

²¹² Доклад, 11–12 декабря 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

²¹³ Директива ББК, 15 июля 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 92.

²¹⁴ Проверка деятельности ББК в 1937 г., апрель 1938 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 14об.

в лагере, о чем пойдет речь в следующей главе²¹⁵. Однако Тимофеев сообщил, что большая часть прибывших заключенных – дети, инвалиды или представители «третьей категории» (годились только на легкую работу, такую как шитье или изготовление кожаных изделий). Они были переведены из других лагерей, в основном из Дмитлага (помимо других проектов занимался строительством Московско-Волжского канала)²¹⁶. Очевидно, политические заключенные, число которых увеличилось после чисток, меньше подходили для тяжелого ручного труда, чем высланные кулаки, построившие Беломорканал.

Невзирая на тщетные попытки руководства ББК сохранить «стоцентность» рабочей силы, трудная работа и суровые климатические условия, скудное питание и плохое медицинское обслуживание привели к высокому уровню смертности. В табл. 5.11 приводятся опубликованные данные по этому показателю в лагерях.

Таблица 5.11

Смертность в ББК и ГУЛАГе, 1934–1939 гг.

	1934	1935	1936	1937	1938	1939
Смертность в лагерях (а, б)	26 295	28 328	20 595	25 376	90 546	50 502
Средняя численность населения ГУЛАГа (а)	617 895	782 445	830 144	908 624	1 156 781	1 330 802
Смертность среди всего населения ГУЛАГа (а), %	4,26	3,62	2,48	2,79	7,83	3,79
Смертность в ББК (б)	1631	1362	1298	2271	3945	2462
Население ББК (в)	70 375	66 418	90 290	58 965	79 882	86 567
Смертность среди населения ББК, %	2,32	2,05	1,44	3,85	4,94	2,84

Источники: (а) Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект). Социологические исследования. 1991 № 6. С. 14–15; (б) Население России в XX веке. С. 319; (в) см. табл. 5.10.

Общеизвестный факт, что после катастрофического голода 1933 г. показатель смертности в ГУЛАГе и ББК снижался вплоть до 1937 г.

²¹⁵ Эти цифры не включают спецпоселенцев, число которых увеличилось с 27 072 в октябре 1937 г. до 28 100 человек в апреле 1938 г. См.: Доклад о структуре ББК, 1937–1938 гг. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1–8. Л. 1–38 и Ф. 865. Оп. 32. Д. 1–9. Л. 148.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 140б (прим. 214).

Причиной стало увеличение запасов продовольствия, а вовсе не ослабление жестокости в лагере²¹⁷. Также поражает, что смертность в ББК за 1937 г. увеличилась больше, чем смертность во всем ГУЛАГе: показатель ББК за тот год достиг почти 9 % (по сравнению с 6,5 % от общего по ГУЛАГу). Это явилось следствием увеличения числа заключенных «третьей категории», высланных в Карелию, о чем говорилось выше, а также жестокости и репрессий в лагере.

Репрессии 1937 г. увеличили население ГУЛАГа настолько, что было невозможно найти работу для всех его обитателей. Наличие в ББК в 1937 г. безработных (11,8 % заключенных) подорвало дисциплину и привело к резкому росту числа отказов от работы (более 5 % рабочих дней пришлось на забастовки) и побегов²¹⁸. Реакция Тимофеева на это в начале 1938 г. была очень жесткой, как мы увидим в следующей главе.

9,5 тыс. заключенных ББК, умерших в лагерях в период с 1934 по 1937 г., непропорционально высокое число сосланных, погибших в спецпоселениях, невыносимые страдания заключенных и переселенных в пограничные районы – не самая высокая цена, которую заплатила Карелия за экономический рост в этот период. В 6 главе я рассматриваю истоки, развитие и влияние большого террора как в отношении автономной республики, так и в отношении системы лагерей.

²¹⁷ В 1933–1934 гг. уровень смертности в ГУЛАГе снизился до 20,1 % (Население России в XX веке. С. 311, 319; заметьте, что он также дает альтернативную цифру – 15,7 %) и до 10% в Белбалтлаге: там же. С. 320.

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 10, 14, 163–165 (см. прим. 214).

ГЛАВА 6

«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НКВД УНИЧТОЖИЛ ВСЕ НАШИ КАДРЫ»: ТЕРРОР НА ПЕРИФЕРИИ, 1935–1939 гг.

Мы никогда не должны забывать, что Карелия – пограничная республика, что через нашу территорию пытаются пробраться агенты фашистских секретных служб в центр нашей страны, в город Ленина.

(«Красная Карелия», 26 марта 1937 г.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ И ПЕРЕХОД К ТЕРРОРУ, 1935–1936 гг.

До середины 1930-х гг. сталинский режим, устанавливая свою абсолютную гегемонию в центре, подавляя требования периферий и объединяя территорию государства в единое интегрированное политическое, культурное и экономическое пространство, не стремился к тотальному контролю. Осознав, что сама не сможет регулировать ежедневную жизнь большинства отдаленных областей, Москва передала власть региональным центрам, которые должны были сами контролировать свои внутренние районы. Как говорилось ранее, с июня 1928 г. Ленинградский обком отвечал перед ЦК за деятельность компартии в Карелии. Киров осуществлял надзор за Карелией достаточно поверхностно, обычно сотрудничая с красными финскими лидерами республики, с которыми он дружил даже во время осуждения их политики национальностей в течение 1933 и 1934 гг. Однако к середине десятилетия обеспокоенность Москвы вопросами безопасности привела к пересмотру политики национальностей и отношений центр–периферии; особенно это касалось пограничных областей. Установление Ждановым контроля над Карелией в конце 1935 г. снизило значение республиканской компартии под руководством Ирккиса до исполнительного отдела Ленинградского обкома. Уже в сентябре 1935 г. официальные лица Карелии сетовали, что ре-

спублика «превращалась в ленинградскую колонию» и что они никогда не «испытывали такого сильного давления, как теперь»¹.

Ленинград и Москва усиливали контроль над номенклатурой Карелии: все назначения на высокие административные и экономические посты утверждались сверху; назначенные обязаны были соблюдать партийную дисциплину, которая обеспечивалась проверками и чистками². КПК Ленинграда получил власть над контрольной комиссией республики, а ее сотрудники играли все более важную роль в проверке выполнения политических решений и докладывали о нарушениях и неудачах. В то же время коллегия КПК Карелии непосредственно подчинялась ЦК в Москве, являясь по сути главным органом, обладающим правом выявлять нежелательные связи на местном и региональном уровнях³. Так же Москва хотела контролировать Ленинград. В конце концов, сам Жданов написал в «Правде» (как цитируется в предыдущей главе), что не должно быть «ошибочной дискуссии о двойном центре».

Двадцать седьмого декабря, спустя месяц после отстранения Гюлинга, начальник УНКВД Ленинграда латыш Л. М. Заковский назначил вместо К. Р. Шершевского, долго возглавлявшего НКВД, К. Я. Тенисона (как и Ирклис, латыша)⁴. Ленинград и НКВД Карелии при содействии органов партийного контроля стали активнее вмешиваться в управление республикой и ее экономикой. В течение 1936 г. НКВД также возглавлял проверки служащих судебных инстанций и прокуратуры как в гражданской сфере, так и в региональной системе лагерей. Усиливавшееся вмешательство и запугивание со стороны партийной власти и НКВД, а также напряженные отношения между этими органами ускорили переход от процедурных чисток к массо-

¹ Доклад Ирклиса второму секретарю компартии Ленинграда М. С. Чудову, 21 сентября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142-299. Л. 41–42. Главной задачей Ирклиса было заставить чиновников Карелии, чтобы те подчинялись «новому порядку».

² Номенклатура Карелии от 2 ноября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 46. В Карелии из 803 номенклатурных должностей 20 % подлежали центральной ратификации; чиновники могли назначать служащих на более низкие посты.

³ Декрет КПК ЦК ВКП(б), 3 сентября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 48. Л. 4.

⁴ Петров Н. В., Сорокин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 гг.: Справочник. Москва, 1999. С. 403–404, 448. Об отношениях Тенисона с Заковским см.: Папчинский А. А. Репрессии в органах НКВД в середине 30-х годов // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 284–294.

вому террору. В первой части этой главы рассматривается динамика административного вмешательства в жизнь Карелии и ББК во время переходного периода – от убийства Кирова в декабре 1934 г. до начала массовых репрессий в первой половине 1937 г.

В этой главе будут проанализированы характер, форма, влияние и последствие большого террора на экономику республики и исправительно-трудовых лагерей с начала лета 1937 до конца 1938 г.

Экономическое вмешательство

После 1935 г. контроль осуществлялся едиными союзными, российскими и ленинградскими органами, управляющими экономикой Карелии. Он становился не только более навязчивым, но также и более независимым от рациональности и эффективности – экономика стала частью политики. В последней главе речь пойдет о том, что отсутствие реалистичного перспективного планирования создало ситуацию, которая способствовала произвольному вмешательству в деятельность автономии⁵. Краткосрочные планы избавляли от неуверенности на местах. Экономика теперь управлялась не директивами, а при помощи интуиции и импровизаций. Ежегодный бюджет Карелии и план СССР должны были упорядочить ежеквартальные программы расходов. Эти ежеквартальные лимиты призваны были учитывать фактическое распределение ресурсов и ограничения, чтобы определить объем и конечную цель инвестиций, исходя из ежедневных потребностей. На практике же постоянная задержка финансирования и вечный хаос в трактовке и выполнении этих основополагающих документов означали, что власти республики и руководители предприятий вынуждены были довольствоваться случайными финансовыми поступлениями, краткосрочными ссудами и собственной прибылью, если таковая была. Предприятия неизменно были должны как поставщикам, так и рабочим.

Хаотичное планирование и усиление вмешательства центра подталкивали к использованию статистических подтасовок, неправдивых докладов, нарушению инструкций и законодательства, незаконной торговле, коррупции и групповщине в целях самозащиты. Мы уже упоминали об уловке, которую применяли на Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, производя более тонкую бумагу, чем следовало, чтобы увеличить производительность. Краткосрочная

⁵ Я изучаю «двойственность пространства», о трактовке которой спорили чиновники в: Baron N. *Stalinist Planning as Political Practice: Control and Repression on the Soviet Periphery. 1935–1938* // *Europe-Asia Studies*. № 56 (3). 2004. P. 439 и др.

выгода как правило влекла за собой долгосрочные затраты как для предприятия, так и для экономики в целом. В январе 1937 г. знаменитый Алексей Стаханов пожаловался, что кондопожская бумага была крайне низкого качества, постоянно рвалась в печатающих машинах; это была не «стахановская бумага»⁶. В то же время управление соседнего Сунастроля, самого масштабного гидропроекта в республике, отбивалось от нападков окружной милиции Кондопоги за «умышленное нарушение» паспортного режима. Директор Сунастроля П. Н. Травкин, в распоряжении которого была лишь примитивная техника и который отчаянно нуждался в рабочей силе для строительства новых речных каналов и углубления озер, стал нанимать кулаков, высланных из 100-километровой пограничной области, в которой находилась Кондопога (рис. 4.2), а также других деклассированных и преступных элементов, не имевших разрешения селиться в районах категории «А»⁷. Однако обком Карелии был заинтересован в быстром завершении своего самого дорогостоящего проекта. Поэтому он взял Травкина и его администрацию под свою защиту, не обращая внимания на критику не только со стороны окружной милиции (отвечавшей за соблюдение паспортного режима), но также журналистов из региональных газет и партийных активистов, занятых на проекте⁸. Возрастающие санкции за невыполнение плана превратили изобретательность, хитрость и круговую поруку из узаконенных предпринимательских стратегий в тайную тактику выживания⁹.

История «Кареллеса» за 1935 г. демонстрирует последствия усиления политического вмешательства в экономику региона. В начале года Карельский лесной трест находился в плачевном состоянии и не мог заплатить рабочим¹⁰. После проверки ЦК КПК выяснил, что причиной хронической задолженности, а также сумбурных бухгалтерских отчетов являлись прежде всего «чрезвычайная засоренность аппарата

⁶ Письмо Стаханова // Красная Карелия. 1937. 5 янв. С. 1.

⁷ Письмо УНКВД Карелии обкому Карелии, 31 июля 1934 г. // КГАНИ. Ф. 16. Оп. 3. Д. 51. Л. 5; Письмо главы УНКВД Карелии Кондопожского района и главы паспортного отдела КПК, 1 февраля 1935 г. // Там же. Л. 1

⁸ См., напр.: Протоколы обкома Карелии, ноябрь–декабрь 1934 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1956. Л. 165–166, 208.

⁹ О круговой поруке см.: Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, 1957. P. 243–247; о семейственности в министерствах: там же, P. 259–263; о местной партии: там же, P. 264–271.

¹⁰ См.: Письмо Ровио чиновнику Наркомлеса А. К. Альберту, 19 марта 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–299. Л. 17.

«инородными» и «несоветскими» элементами». В конце января КПК порекомендовал два способа корректировки: Наркомлес должен был предоставить средства для ликвидации задолжности треста, а обком Карелии – произвести чистку его администрации¹¹. В начале февраля Главное управление северной лесной промышленности (Главсевлес) выделил 700 тыс. руб. для «Кареллеса», обещая перечислить эту сумму, как только трест представит свой первый ежеквартальный отчет¹².

Перед чисткой Ленинградский обком приказал УНКВД Ленинграда и экономическому отделу (ЭКО) Центрального управления государственной безопасности НКВД (УГБ) расследовать деятельность «Кареллеса» по лесозаготовкам.

Рис. 6.2. Доставка механического оборудования с помощью трактора и саней для строительного проекта (Сунастрой), зима 1936 г.

Трудно сказать, исполнял ли Ленинградский обком приказ ЦК КПК или действовал по собственному почину. Как и ожидалось, проверка выявила серьезные нарушения. Объемы лесозаготовок были неудовлетворительными, а планы не выполнялись большинством

¹¹ ЦК КПК, 20 января 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–301. Л. 3.

¹² Письмо Ровио чиновнику Наркомфина СССР Левину, 25 апреля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142-299. Л. 23.

краев (леспромхоз в Кандалакше не выполнил план IV квартала на 94 %). Рабочих не хватало. Задолженность по заработной плате приводила к забастовкам. Люди страдали от нехватки продовольствия (многие жили буквально на хлебе и воде, некоторые голодали) и ужасных условий жизни (в леспромхозе в Кондопоге у рабочих не было обуви).

Ленинградское расследование также выявило высокий уровень забастовок на лесопилках Карелии, хотя зачастую рабочие просто сбегали (особенно после того, как они получали аванс за первый месяц). Как говорилось в докладе, управление «Кареллеса» состояло из деклассированных и преступных элементов. Когда директор Кемского леспромхоза, задолжавший своим рабочим, получил деньги для выплаты заработной платы, он ушел в трехдневный запой. Начальник лесопилки использовал средства, предназначенные для выплаты персоналу, чтобы купить себе аккордеон. Для 108 агентов по вербовке, которые работали на «Кареллес», требовалось ежемесячно до 80 тыс. руб.: проверяющие выявили несколько очевидных случаев растраты. В докладе также отмечалось, что ОГПУ–НКВД Карелии в 1934 г. арестовало немало работников «Кареллеса» за саботаж, мошенничество, коррупцию и пренебрежительное отношение к рабочим, но лидеры Карелии амнистировали большинство из них в начале года в честь 15-летия республики. Московский ЭКО УГБ НКВД теперь возвращал соответствующие досье Петрозаводску. В середине февраля он попросил лидеров Карелии сделать «серьезные шаги для улучшения ситуации»¹³.

В начале месяца обком Карелии начал чистку в «Кареллесе» среди членов партии¹⁴. К концу марта было уволено 18 служащих центрального аппарата и 183 человека из 18 леспромхозов. Большинство пострадало, дав неверные сведения о своем социальном происхождении (они оказались «из кулаков») или из-за участия в сражениях на стороне белогвардейцев, участия в крестьянском восстании в Карелии в 1921–1922 гг. Другие были названы преступниками, алкоголиками, религиозными деятелями, социально инородными элементами или контрреволюционерами. Хотя уволенные составляли лишь 5 % штатных работников треста, большинство из них занимало высшие

¹³ Доклад «Об ошибках в лесозаготовках в Кареллесе», глава Ленинградского УНКВД Н. Г. Николаев и главы ЭКО НКВД УГБ обкома Ленинграда (Жданов, Чудов) и исполкома Ленинграда (П. И. Струппе), 15 февраля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–299. Л. 83–89.

¹⁴ Ровио в ЦК КПК, 15 февраля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–301. Л. 6.

административные, посты или должности специалистов. Все лидеры Кемской лесопилки были объявлены антисоветчиками и уволены¹⁵.

Чистка в «Кареллесе» привела к проблеме финансирования. По словам Ровио, трест потерял десятки бухгалтеров из своего центрального управления и множество служащих из пограничных районов, поэтому не смог вовремя представить свой первый ежеквартальный отчет. Наркомфин не разрешил Наркомлесу воспользоваться 700 тыс. руб. из специального финансирования, которое «Кареллес» получил в соответствии с январской директивой ЦК КПК¹⁶. Месяц спустя Ровио написал наркому лесной промышленности С. С. Лобову, что «Кареллес» на грани краха из-за дефицита в 18 млн руб. в оборотном капитале, и отметил, что «невозможно терпеть такую ситуацию, как наша, в пограничном районе»¹⁷. Таким образом, административное вмешательство партии в экономику только усугубило те проблемы, которые нужно было решить.

Однако чистки в «Кареллесе» не прекратились. Они продолжились в течение года, поскольку окружные комитеты копировали действия обкома, стремясь устранить подозрение в бездеятельности или соучастии. В октябре представитель Главсевлеса в Москве отметил, что особенно серьезное воздействие на текучку кадров («Кареллеса») имеют частые и порой необоснованные аресты и увольнения специалистов. Он посоветовал карельскому тресту просить помощи обкома в вербовке рабочих, а также в вопросе публикации «соответствующих директив окружными партийными комитетами, запрещающих увольнение ключевых рабочих и специалистов леспромхозов без предварительного разрешения треста и обкома»¹⁸. К этому времени недавно установившееся партийное руководство Ленинграда над Карелией консолидировало контроль над компартией республики, осуществляя ее чистку в связи с продолжающейся проверкой партийных документов, и не собиралось ограничивать окружные комитеты или органы политического контроля. Действительно, в ноябре, спустя лишь месяц после того, как была получена копия письма Главсевлеса, недовольного непрекращающимися и непредсказуемыми увольнениями работников

¹⁵ Доклад УНКВД Карелии «О чистке партии, советских и экономических организаций в Карельской АССР», 23 апреля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 314. Л. 35–36; Доклад обкома Карелии о чистках в «Кареллесе», 10 мая 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1958. Л. 45–46.

¹⁶ Ровио чиновнику Наркомфина СССР Левину, 25 апреля 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–299. Л. 23.

¹⁷ Без даты (май 1935 г.). Там же. Л. 25

¹⁸ Письмо, 10 октября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–299. Л. 48–49.

и экспертов по лесной промышленности Карелии (и за день до увольнения Гюллинга), обком Карелии заменил директора «Кареллеса» Г. И. Валлина (финн) на ставленника Ленинграда Шапиро¹⁹.

Безусловно, особо волновал новых лидеров республики вопрос безопасности карельского участка границы. В декабре 1935 г. Ленинградский КПК послал инспектора для изучения системы охраны промышленных предприятий и гражданских учреждений в пограничных районах республики. Тот сообщал, что в Кандалакше можно было беспрепятственно пройти на радиостанцию в два часа ночи или попасть на территорию фабрики без пропуска. Он также провел полчаса в служебных помещениях почтового отделения города, но, очевидно, так и не был замечен. Инспектор осуществил «преступное намерение»: он отправил телеграмму «генералу Юденичу, Ленинград». Это не вызвало никакой реакции, из чего он сделал неутешительный вывод об общем состоянии дел²⁰.

В марте 1936 г. секретари ЦК КПК А. А. Андреев и Ежов послали специального уполномоченного для проверки Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината, директор которого, красный финн Ханнес Ярвимаки, уже подвергся критике Ирклиса за «политику изоляции» и дискриминацию в пользу соотечественников²¹. Помимо длинного списка технических и административных нарушений и ошибок (включая «варварское отношение к новой технологии») Ярвимаки также обвинялся в недостаточной бдительности. Более чем 2 тыс. заключенных ББК могли беспрепятственно появляться на местных фабриках, смешиваясь с вольнонаемной рабочей силой. Более 300 перебежчиков без паспортов или документов работали на целлюлозном комбинате, многие из них занимали ведущие технические должности (скорее всего, это были те специалисты, которых Гюллинг пригласил в Карелию в начале 1920-х или 1930-х гг.). Согласно проверке, среди сотрудников предприятия было большое количество бывших чиновников, землевладельцев, торговцев и участников «белого карельского восстания» (то есть крестьянского восстания и массового бегства беженцев в 1921–1922 гг.). Финская элита на комбинате делала все возможное для сопротивления интернационализации труда, доверяя карелам и русским только низкоквалифицированную работу.

¹⁹ Без инициалов. См.: Бюро обкома Карелии, 26 ноября 1936 г. // РГА-СПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1960. Л. 2.

²⁰ Письмо представителя ЦК КПК в Ленинградской области Рубенова секретарю райкома Кандалакши Я. Я. Милиасу, копия Ирклису, 13 декабря 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 142–301. Л. 35.

²¹ Ирклис Андрееву, Маленкову, Жданову и др., 16 ноября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141–296. Л. 65.

Также отмечалось невыполнение плана, низкое качество продукции, финансовый хаос, злоупотребление ресурсами, задолженность по зарплате и отсутствие управления со стороны Наркомлеса и Главного управления северной бумажной промышленности (Главсеббумпром), которым подчинялся Кондопожский комбинат. Условия жизни рабочих ужасали: в комнате в 15 м² спало от семи до десяти мужчин, здоровые и больные одинаково мучились от «зловония, грязи, холода, вшей и клопов». Рабочие были недовольны, они не интересовались «политическим образованием, газетами, книгами, журналами, плакатами или портретами, а вместо этого выпивали, хулиганили, дрались и играли в азартные игры». «До недавнего времени в женских бараках процветала проституция»²². Подобные доклады лишь подтверждали опасения центральных лидеров: разветвленные националистические сети на периферии затрудняли успешное осуществление политики центра и таким образом бросали прямой вызов центральной власти. Учитывая вероятность того, что лидеры пограничных областей могут тайно сотрудничать с потенциальными иностранными интервентами, становилось ясно: они должны быть уничтожены.

Политические чистки

Административные меры, которые предприняли сталинские лидеры после убийства Кирова в декабре 1934 г. в целях проверки приверженности к идеологии коммунистической партии, не регулировали процедуру чисток. Она достигла своего апогея в течение последующих лет, превратившись в массовый террор против партийной и государственной элиты. Взаимные обвинения, оскорбления, самокритика, отречение, а также тайная слежка, закрытые допросы и обвинения являлись наиболее популярными методами политического контроля и социального регулирования в постреволюционном государстве²³. Но проверка 1935 г. и обмен партийных документов 1936 г., неизбежные хаос и беспорядок, которые их сопровождали, лишь активизировали процесс чисток. Они дали новый импульс режиму, обострив восприятие опасности, подтолкнули к ожесточенной борьбе за власть на ме-

²² Доклад В. Зебровского, 14 марта 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 157–56. Л. 5–15. Он по ошибке обвинил управление западной целлюлозно-бумажной промышленности (Главзапбумпром) в неспособности руководить Кондопожским комбинатом, хотя территориальная компетенция не распространялась на Карелию.

²³ См. напр.: Kharkordin O. *The Collective and the Individual in Russia. A Study of Practices*. Berkeley, 1999 (особенно гл. 4); Halfin I. *Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, 2003 (особенно гл. 5).

стах, которая усугубила страхи центра²⁴. Пафосные речи окружения, проникновения извне и подрывная деятельность изнутри стали преобладающими чертами населения края. Партию и население срочно призвали «разоблачить» и «учиться распознавать» врага²⁵. Впервые режим направил свою тайную полицию против рядовых членов партии. Одновременно, любое внезапное вмешательство партии и карательных органов в экономику предвещали последующее уничтожение чиновников и специалистов (большинство из которых состояли в партии, но все равно подвергались чисткам).

По сведениям Маленкова, который в апреле 1935 г. посетил Петрозаводск с группой следователей ЦК, и комиссии Ленинградского обкома проверка членов компартии Карелии показала массовую «зараженность» враждебными элементами. НКВД было поручено выявить наличие контрреволюционных групп в учреждениях республики²⁶. В декабре руководитель УНКВД Карелии Шершевский (за неделю до своего увольнения) представил доклад о «мерах по проверке» руководителю секретного политического отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД Г. А. Молчанову²⁷. Шершевский сообщал, что все контрреволюционные элементы были сконцентрированы в Карельском егерском батальоне (распущен в октябре того же года); в «группах поддержки» КПФ (красные финские фракции в партии Карелии, учрежденные Гюллингом, предположительно, при поддержке Молотова, чтобы они действовали как элитные «руководящие комитеты» на районном и республиканском уровнях даже при том, что это противоречило партийному уставу) и в нескольких пограничных районах. Из 226 человек, арестованных на тот момент УНКВД Карелии, 70 были русскими, 79 карелами и не менее 71 финнами²⁸.

²⁴ См. Getty J. A. *Origins of the Great Purges: the Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938*. New York, 1991.

²⁵ См. Fitzpatrick Sh. *Tear of the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia*. Princeton, 2005.

²⁶ Письмо Чудова Сталину, Кагановичу, Ежову, без даты (конец 1935 г.) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141–296. Л. 77–78.

²⁷ Цит. в записке Молчанова секретарю ЦК Ежову, 25 декабря 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 182. Л. 54.

²⁸ Доклад Шершевского и главы секретного политического отдела УГБ Карелии Молчанову, декабрь 1935 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 182. Л. 55–66. О разрешении Молотова на создание «групп поддержки» ФСП в компартии Карелии, которое он потом отозвал, см.: Tuominen A. *The Bells of the Kremlin. An Experience in Communism*. Hannover, London, 1983. P. 296–299.

К концу 1935 г. компартия Карелии исключила из своих рядов 837 членов (приблизительно 17 %). Из них арестовали 272 человека²⁹. Многие из тех, кто был исключен из партии, но не арестован, скрылись, опасаясь худшего. Кондопожский комбинат потерял несколько ведущих специалистов, которые сбежали после исключения из партии за участие в белом движении или за поддельные документы, за сокрытие своего социального происхождения и другие подобные «преступления»³⁰. Признание того факта, что чистки значительно ухудшили ситуацию с нехваткой квалифицированных кадров, не смогло притормозить репрессии³¹. В начале 1936 г. Ирклис писал секретарю ЦК Ежову и в Ленинградский обком, требуя одобрить дополнительные карательные меры против пока не найденных опасных элементов. В то время еще продолжались расследования, поэтому он даже не мог указать их количество, оставляя пустые строчки: «после проверки партийных документов исключенных стала очевидна необходимость в дальнейших репрессивных мерах, а именно арестах. Далее, обком ВКП(б) Карелии просит разрешение сослать этих людей – нежелательно их заселение в пограничных районах Карелии»³².

В феврале бюро Ленинградского обкома постановило «согласиться с предложением обкома выслать из Карелии враждебные элементы, исключенные из партии во время проверки». Одновременно ленинградскому руководителю УНКВД Заковскому (после назначения Тенисона все полностью контролировалось ОГПУ–НКВД республики) предписывалось принять меры по усилению охраны советских границ и очистки Карелии от «шпионов и антисоветских элементов»³³.

В начале 1936 г. Москва решила поменять все партийные билеты, обязав региональные организации перепроверить анкетные данные каждого коммуниста, пересмотреть и улучшить ведение записей и усилить взаимное подозрение между членами партии и населением региона в целом. Неудивительно, что второй этап общественных допросов

²⁹ Письмо Ирклиса Ежову, Маленкову, Жданову, Чудову, без даты (начало 1936 г.) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141-296. Л. 79–80.

³⁰ Список членов партии, которые были исключены, арестованы, сбежали, без даты (конец 1935 г.) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 333.

³¹ Письмо Ирклиса Андрееву, Маленкову, Жданову, Судову, 16 ноября 1935 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141-296. Л. 64–68.

³² Черновик письма Ирклиса Ежову, Маленкову, Жданову, Чудову, без даты (начало 1936 г.) // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 141–296. Л. 82. Отмечу, что эти строчки вычеркнуты в черновике, но, скорее всего, были позже восстановлены.

³³ Бюро обкома Ленинграда, 27 февраля 1936 г., отправлен в ЦК (Маленков), 28 марта // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 157-56. Л. 21.

усилил беспорядок и спровоцировал недобросовестное поведение некоторых членов компартии, в ответ на которые лидеры лишь продолжили расследования. 29 июля ЦК отправил закрытое письмо региональным и местным комитетам, озаглавленное «О террористических действиях троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», в котором приказывал объединить партийные бюрократические процедуры с «революционной бдительностью» к замаскированным или скрытым «врагам партии»³⁴. Обком Карелии и все подчиненные ему предприятия и окружные комитеты организовали встречи для обсуждения письма, побуждая членов партии возобновить допросы и пересмотреть списки тех, кто был исключен из ее рядов, но не арестован.

Эти встречи, сопровождавшиеся нарастающей истерией, помогли выявить новых «предателей»³⁵. Партийные функционеры, которые не смогли арестовать злодеев в своих организациях во время предыдущих проверок, теперь обвинялись в небрежности, соучастии или укрывательстве. Именно поэтому 16 августа обком приказал руководству Карельского рыбного треста провести перепроверку «в связи с обнаружением на встрече партийных организаций треста троцкистско-зиновьевских и других инородных элементов как в центре, так и на периферии»³⁶. В Кондопожском райкоме директор целлюлозно-бумажного комбината Ярвимаки выразил свое негодование «ужасающими контрреволюционными действиями» многих прежних подчиненных, которые объявлены врагами не партией, а ОГПУ–НКВД. Он заявил: «Мы должны гарантировать, что каждый коммунист также является чекистом»³⁷. Несмотря на попытку красных финнов продемонстрировать бдительность, доказать свою невиновность и лояльность органам безопасности, в августе директор Главсевбумпрома под давлением Ленинградского партийного руководства уволил Ярвимаки и его представителя А. А. Бетхера. Однако спустя несколько недель Ярвимаки был восстановлен в своей должности, так как замены ему найти не удалось³⁸.

³⁴ Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Self-destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, 1999. P. 250–255.

³⁵ Бюро обкома Карелии, 2 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1963. Л. 10–11.

³⁶ Бюро обкома Карелии, 16 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1963. Л. 198.

³⁷ Письмо Кондопожского райкома обкому Карелии, начало августа 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 158–58. Л. 54. Также цит. по: Чухин И. Карелия-37. Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999. С. 29.

³⁸ Доклад КПК Ленинграда о Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, 8 декабря 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 159–170. Л. 84–86.

В августе НКВД задержал 11 предполагаемых контрреволюционеров в Карплане, 13 в Наркомлесе Карелии и 17 в Наркомздраве. Десять процентов механиков Онежского комбината были исключены из партии; многих рабочих арестовали³⁹. На IX Пленуме обкома Карелии, созванном в конце месяца для обсуждения письма ЦК, финский партийный чиновник охарактеризовал «Кареллес» как основное место сосредоточения всех враждебных сил. «Так как “Кареллес” нуждается в рабочих, – утверждал он, – предприятие нанимает кого попало. Мы должны сконцентрировать свои силы там»⁴⁰. Во время пленума были уволены глава «Кареллеса» Валлин и руководитель УНКВД Карелии Шершевский⁴¹. Затем очередь дошла до бывших союзников. Заместитель начальника УНКВД Карелии убедил пленум, что «их нельзя считать изолированными группами – они все были связаны друг с другом, а также с ленинградским или московским центром»⁴². Таким образом, чиновники в областях очистили регион от нелояльных служащих из заговорщических «центров» и «периферий», положив конец их подрывной деятельности и саботажу, а затем стали ждать дальнейших распоряжений из центра.

Динамика репрессивных методов, достигших апогея в последующих массовых чистках, уже набирала силу, и на данном этапе их могло остановить только вмешательство центра. Сталин однако готовился расширять, а не уменьшать репрессии⁴³. В это время партийное руководство пыталось осуществлять обоснованные, но не слишком масштабные увольнения. Но неоднозначные приказы центра создавали атмосферу неуверенности, когда никто не мог предугадать, за какие действия последует наказание, а за какие – похвала. Решения принимали те, у кого было больше власти в центре. Периферии приходилось ждать какого-нибудь непредвиденного обстоятельства. Тем временем более радикальные действия влекли за собой меньше риска, чем пассивность или промедление.

³⁹ Доклад следователя КПК Ленинграда Черевко главе КПК Ленинграда Рубенову, 22 сентября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 112. Л. 9–19.

⁴⁰ Дж. Х. Хейконнен, стенограмма Пленума, 28–29 августа // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1934. Л. 161.

⁴¹ Об исключениях см.: Обком Карелии, 28 августа 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1964. Л. 73.

⁴² Председатель УНКВД Карелии Карпов, стенограмма, 28–29 августа // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1934. Л. 181. Об этих центрах см.: Conquest R. The Great Terror. A Reassessment. London, 1990. P. 46–49.

⁴³ О роли Сталина в этот период и о попытках остановить репрессии в экономических интересах см.: Хлевнюк О. В. 1937 год. Сталин. НКВД и советское общество. Москва, 1992. С. 121 и др.

Партийное руководство Карелии оказалось в щекотливой ситуации. После того как Петрозаводский городской партийный комитет (горком) произвел обмен документов, УНКВД Карелии «обнаружило» контрреволюционную группу среди городских коммунистов. Как предсказывал ЦК в письме от 29 июля, эти «враги» специально «извратили» процедуру обмена. Пришлось снова проверять всех членов партии⁴⁴. В августе из Ленинграда последовал выговор за недостаточную бдительность. ЦК опубликовал свое осуждение в журнале в качестве назидания другим партийным комитетам⁴⁵. Один из руководителей Карелии на IX Пленуме неохотно признал, что «у нас были категоричные и ясные директивы ЦК, но... мы обращали на них мало внимания», и что раз обком сидит в одном здании с горкомом, «мы не можем утверждать, что были отрезаны от них, как мы отрезаны от Медвежьегорска или Кандалакши»⁴⁶.

Чтобы предотвратить дальнейшие нападки, обком уволил секретаря горкома и сам провел чистку городской партийной организации. До этого из партии исключили 40 из 57 членов городского комитета и сотрудников других местных учреждений. В. П. Аверкиев, этнический карел и влиятельный государственный служащий, был исключен из партии 26 августа; на следующий день он повесился. Ленинградский обком, расследовав самоубийство, резко осудил исключение обкомом членов партии «по списку», даже без попытки проверить их партийные билеты. По его мнению, беспорядочные исключения явились «чрезмерной реакцией» для «перестраховки» и свидетельствовали о безответственности и нехватке подлинной бдительности⁴⁷. В последующие месяцы обком Карелии стремился показать себя с лучшей стороны, избегая спонтанных чисток в подчиненных ему организациях. Тем не менее его деятельность носила «двусмысленный» характер, т. к. он не имел определенных критериев для проверки партийных билетов⁴⁸. Например, в конце 1936 г. в пограничных районах многих членов партии исключили из ее рядов за пьянство. Это объяснялось тем, что «классовый враг поощряет пьянство среди коммунистов,

⁴⁴ Доклад Черевко Рубенову, 22 сентября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 112. Л. 9–19.

⁴⁵ «Казенный отчет Карельского обкома» // Партийное строительство. 1936. 15 авг.

⁴⁶ Леонинок, стенограмма, 28–29 августа // РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 112. Л. 9–19.

⁴⁷ Доклад Черевко Рубенову, 22 сентября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 112. Л. 9–19.

⁴⁸ Baron N. Stalinist Planning as Political Practice. P. 439 и др.

чтобы облегчить подрывную работу в партии». Позже подобную меру признали ошибочной и чрезмерной, и многие из исключенных были восстановлены⁴⁹.

Компартия Карелии отчитывалась не только перед ленинградским и московским партийным руководством, но также и перед органами безопасности. 26 сентября 1936 г. Сталин назначил главу КПК и отдела кадров ЦК Николая Ежова на место комиссара внутренних дел Ягоды. Первым шагом Ежова стала чистка служащих центральных и региональных отделов НКВД–ОГПУ, назначенных его предшественником, чтобы избавиться от лояльных ему лиц. Также он хотел убрать тех, кто, по его мнению, задержался в региональном руководстве⁵⁰. «Сильный партийный дух», который Ежов принес в НКВД, спровоцировал опасную нестабильность в его рядах в течение следующих двух лет⁵¹.

ББК: дисциплина и беспорядок

Экономика ББК, как и гражданская, страдала от хаотичного планирования. Руководство лагеря усиливало контроль и репрессии, события в гражданской сфере развивались параллельно. В ББК безусловно существовала определенная кооперация между органами безопасности и партией. Если Ярвимаки просил всех коммунистов стать чекистами, то служащие ББК подтверждали свою верность идеалам коммунизма после учреждения партийного комитета ББК в июле 1935 г. («ранее мы были в первую очередь чекистами, а потом

⁴⁹ Материалы доклада о работе специального отдела обкома Карелии Ленинградскому обкому и ЦК, июль–декабрь 1936 г., 27 января 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 158-160. Л. 53. См. также: Доклад // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 58-159. Л. 29–48. О чистках НКВД см.: Папчинский А. А. Репрессии в органах НКВД в середине 30-х годов // Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940. Stanford, 2002. P. 59–66.

⁵⁰ О чистках в НКВД см.: Папчинский А. А. Репрессии в органах НКВД в середине 30-х годов // Политический сыск в России: История и современность. СПб., 1997; Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. P. 59–66. Я. С. Агранов на пленуме ЦК в феврале–марте 1937 г., цит. по: Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 432.

⁵¹ Я. С. Агранов на пленуме ЦК в феврале–марте 1937 г., цит. по: Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 432. Секретарь райкома ББК Степченко на XIII Съезде обкома Карелии, май 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 230.

коммунистами», – вспоминал служащий лагеря в середине 1937 г., возможно с определенной долей самокритики)⁵².

У ББК было два главных механизма контроля деятельности служащих и заключенных. Третий отдел выполнял функции внутреннего органа безопасности лагеря, суда и прокуратуры. После учреждения СЛОНа в 1923 г. его администрация учредила информационный отдел расследования, который наблюдал за заключенными и осуществлял репрессии⁵³. В плане Ногтева на 1930 г. по реструктурированию УСЛОНа (см. главу 4) он числится среди 19 других подразделений в составе центральной администрации⁵⁴. К моменту издания «Устава отделов ББК» в октябре 1934 г. этот отдел (с подотделами в каждом районе) был переименован в третий. Как и в других лагерях, деятельность ББК регулировалась специальными директивами центрального управления ГУЛАГа НКВД и центрального управления безопасности НКВД ГУГБ⁵⁵. Примечательно, что руководство третьего отдела подчинялось непосредственно Москве, а не начальнику управления лагеря. Глава третьего отдела также докладывал в региональное УНКВД о повседневной жизни лагеря (вербовка агентов среди заключенных, свободных рабочих и служащих лагеря, охранников, проведение исследований и осуществление казней)⁵⁶.

Судебная власть была представлена в ББК сначала специальной судебной коллегией Ленинградской области, а с октября 1935 г. – специальной коллегией и судом лагеря, также подчинявшихся Ленинграду⁵⁷. В течение 1936 г. специальная коллегия Верховного Суда АКССР получила под свою юрисдикцию все судебные процедуры как в лагере, так и в специальных поселениях⁵⁸. Обычно суды при-

⁵² Секретарь райкома ББК Степченко на XIII Съезде обкома Карелии, май 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 230. Статут УСЛОНа, 23 апреля 1924 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1. Л. 5.

⁵³ Статут УСЛОНа, 23 апреля 1924 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1. Л. 5.

⁵⁴ НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 4.

⁵⁵ Статут об отделах ББК, 13 октября 1934 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 3. Л. 10об.

⁵⁶ «Временный статут о третьем отделе ИТЛ», 14 сентября 1937 г., // НАРК. Ф. 865. Оп. 35. Д. 1а-2. Л. 68. Подробности см. в: Baron N Soviet Karelia, 1920–1937. A Study of Space and Power in Stalinist Russia: PhD thesis, University of Birmingham, 2001. P. 302, 48.

⁵⁷ Доклад председателя суда лагеря ББК К. И. Каталя, май 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 6. Л. 124–126.

⁵⁸ Директива ББК, 9 января 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 8. Л. 277.

говаривали к одиночному заключению, но в случае серьезных нарушений (неоднократные попытки бегства, бандитизм, убийство) они могли прибегнуть к более суровому наказанию⁵⁹. ББК имел собственную прокуратуру, которая, согласно Уставу ИТЛ 1930 г., наблюдала за административными дисциплинарными процедурами ОГПУ (позднее НКВД) в пределах системы лагерей⁶⁰. Неизбежно возникло напряжение между гражданской судебной властью ББК и ее органом безопасности в вопросе управления лагерем. Вне лагерей НКВД неоднократно конфликтовал с государственной судебной властью и прокуратурой. В конце 1936 г. органы безопасности вместе с партийными структурами начали нападки на представителей судов и работников прокуратуры, лишивших эти органы некоторых полномочий и свободы принятия решений⁶¹.

Непосредственная ответственность за порядок в лагерях лежала на военных охранниках (ВОХР) – демобилизованных солдат Красной армии, многие из которых, согласно данным райкома ББК, имели «антисоветскую» ориентацию, и неполитических заключенных, включая осужденных сотрудников НКВД и красноармейцев⁶². В августе 1936 г. глава ВОХР и ББК Назаров сообщал, что у него на службе состоит всего 1618 человек (из них 829 заключенных) для охраны 43 232 обитателей лагеря в 114 отдельных поселениях на территории в 992 км с севера на юг и от 50 до 200 км с востока на запад⁶³. Образ их жизни и условия были ужасающими. Пограничные войска НКВД, которые должны были поддерживать дисциплину на территории

⁵⁹ Между 9 января и 3 апреля 1937 г. суд ББК приговорил шестерых заключенных к смерти за особо тяжкие преступления // НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 8. Л. 155, 178, 277.

⁶⁰ Часть IV статута ИТЛ, подтверждена декретом Совнаркома СССР, 7 апреля 1930 г., цит. по: Кокурин А. И., Петров Н. В. ГУЛАГ (Главное управление лагерей МВД СССР). 1917–1960. М., 2000. С. 65–72.

⁶¹ Этот процесс проходил на союзном уровне (конфликт между Вышинским и Аграновым), на уровне автономии, в пределах ББК. Подробности конфликта третьего отдела ББК и суда лагеря см. в: Baron N. Production and Terror: the Operation of the Karelian Gulag, 1933–1939 // Cahiers du Monde usse. 2002. № 43 (1). P. 166–167.

⁶² Доклад «О политически-моральном состоянии военных охранников», май 1938 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 13. Л. 186–188.

⁶³ Доклад Назарова райкому ББК, 16 августа 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 6. Л. 268–270об, также опубл. в: ГУЛАГ в Карелии: Сб. док. и матер. 1930–1941 гг. / под ред. А. Ю. Жукова и др. Петрозаводск, 1992. С. 127–131.

ББК, находились в плачевном состоянии. В конце 1936 г. 155-й полк НКВД, базировавшийся в Повенце, по-прежнему жил во временных бараках, построенных для заключенных Беломорстроя в 1932 г. По словам командующего, бараки были «отвратительными, грязными и обветшалыми»⁶⁴.

Это в свою очередь оказало влияние на дисциплину в лагере. Нет никаких систематических данных о количестве побегов из ББК в этот период, но в августе 1936 г. Назаров сообщал: в течение предыдущих двух месяцев сбежали 424 человека, что составило 0,53 % населения лагеря в месяц⁶⁵. Не учитывая возможные сезонные изменения, это было эквивалентно 6,36 % населения в год (согласно данным Земскова, в 1936 г. из ГУЛАГа сбежали почти 60 тыс. человек, т. е. 6,9 % всех заключенных)⁶⁶. Назаров полагал, что такое большое количество сбежавших напрямую связано с неспособностью ББК «урегулировать свои производственные задачи с корректирующей трудовой политикой ИТЛ НКВД». Другими словами, лагерь был чрезмерно озабочен своей экономической деятельностью и пренебрегал необходимым «лагерным режимом».

Следующий год отмечен беспрецедентным нарушением дисциплины, связанным с притоком самого большого числа заключенных за десятилетие. Между январем и мартом 1937 г., несмотря на зиму, из ББК сбежали почти 300 человек. Руководитель комбината Алмазов на II конференции райкома ББК в апреле констатировал, что ежегодно освобождалось почти 35 тыс. заключенных, и «что потеря достаточно высока [без учета побегов]. Мы не можем позволить себе такое движение»⁶⁷. К концу года из лагеря сбежали не менее 6720 заключенных, что равнялось почти 10,5 % населения лагеря (показатель по целому ГУЛАГу за 1937 г. составлял 6,4 %)⁶⁸.

В течение 1937 г. количество забастовок также достигло максимума. Более 5 % заключенных на лесопилках отказались работать, что вызва-

⁶⁴ См. письмо командира 155-го полка военных сил НКВД начальнику Белбалтлага Успенскому, 10 октября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 2. Д. 5. Л. 3–4.

⁶⁵ Из всех сбежавших 344 чел. были пойманы. См.: КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 6. Л. 68–70об, также опубл. в: ГУЛАГ в Карелии. С. 127–131.

⁶⁶ Около 36 тыс. человек было схвачено, см. в: Население России в XX веке. Исторические очерки / под ред. В. Б. Жиромской. М., 2000. Т. 1. 1900–1939. С. 314.

⁶⁷ КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 10. Л. 14–18.

⁶⁸ Все, кроме 840 чел., были пойманы. См. доклад начальника ББК Тимофеева комиссару иностранных дел Чернышеву «О состоянии Белбалтлага», 26 февраля 1939 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 14. Л. 1–10, опубл. в: ГУЛАГ в Карелии. С. 159–164.

ло снижение годовой производительности. Тогда новый руководитель ББК М. М. Тимофеев ввел в четвертом квартале специальные дисциплинарные меры (см. далее)⁶⁹. Иногда забастовки носили массовый характер. В марте до 3 тыс. заключенных Повенецкого леспромхоза отказались работать и пикетировали лагерь, чтобы помешать прибытию новых заключенных. В результате 165 человек были арестованы и обвинены в контрреволюционном саботаже по ст. 58.14 Уголовного кодекса⁷⁰.

Однако в докладе руководства Тунгудской лесопилки в леспромхозе Нижней Выги от июня 1937 г. сказано, что из 445 заключенных около 75 мужчин, включая и некоторых прорабов, регулярно отказываются работать. Один из бригадиров, свободный рабочий, исчез на три дня, чтобы обеспечить свою бригаду водкой. Кроме того, администрация лесопилки по ошибке указала, что 90 % заключенных принадлежит к «третьей категории», получив вследствие этого 25 %-ное сокращение нормы производительности, хотя на самом деле только половина работников была непригодна к тяжелому труду⁷¹. На сей раз управление ББК учредило специальную комиссию, чтобы расследовать причины нарушений дисциплины, реорганизовать трудовую деятельность и призвать к ответу провинившихся.

Проблему нарушений обострял тот факт, что трудовые лагеря располагались около гражданских поселений. В 1935 г. заключенные воровали у местных жителей и продавали краденое в других деревнях или меняли тюремную одежду (сшитую на швейных фабриках ББК) на самогон⁷². Заключенным, которые работали в управлении ББК в Медвежьегорске, разрешалось свободное передвижение по городу днем и вечером, но они часто нарушали комендантский час. Некоторые постоянно проживали на частных квартирах⁷³. В апреле 1937 г. третий отдел ББК произвел чистку в Медвежьегорске, в результате которой задержали 83 заключенных на рынке, станции, в театре, бане, магазинах и ресторанах. Большинство из них оказались пьяными, было конфисковано более 15 литров водки. В ходе той же чистки задержали трех заключенных – сотрудников отдела снабжения ББК в Карелторге (за наличие у них 7,2 тыс. руб.). Обнаружилось немало заключенных, которые жили

⁶⁹ Доклад о работе ББК за 1937 г., апрель 1938 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 8–9, 14.

⁷⁰ Директива ББК, 8 марта 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 8. Л. 208.

⁷¹ Директива ББК, 23 июня 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 6. Л. 708.

⁷² Резолюции первого съезда райкома ББК, 21–23 июня 1935 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 36.

⁷³ Директива ББК, 30 октября 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 2. Д. 6. Л. 7.

за пределами лагерей. Управление получило выговор, заключенные потеряли свои однодневные отгулы, которые они тратили на пьянство, общение с местным населением и «праздношатание»⁷⁴ (так у автора. – *Прим. пер.*). 13 заключенных, служивших в лагерном театре, были лишены однодневных отгулов за «пьянство, распущенность, тесную связь со свободными гражданами, явку в пьяном виде на репетиции, сожительство с заключенными женщинами» и другие проступки⁷⁵.

Власти ББК были также обеспокоены коррупцией и преступностью среди служащих НКВД, что начинало подрывать дисциплину заключенных и мешало производству. В список незначительных проступков входили пьянство, плохое обращение с заключенными, липовые отчеты и незаконное использование труда рабочих. За эти проступки назначали выговоры, штрафы и иногда арест на несколько суток. За существенные преступления чиновники получали более серьезные наказания. В середине 1935 г. начальник отдела колонизации водораздельной секции и его представитель были приговорены военным трибуналом (рассматривал криминальные дела служащих НКВД) к тяжелым работам за пьянство, «злоупотребление служебным положением и распутство» и соучастие в побеге трудового поселенца после кражи 31 тыс. руб. В то же время руководитель одной из швейных фабрик ББК в Кеми, который нанял заключенных женщин, предстал перед военным трибуналом за плохое обращение с ними и принуждение к «сожительству». Директива, подчеркнувшая эти меры, гласила, что рабочие ББК должны быть «образцом дисциплины и порядка»⁷⁶. Однако это не подействовало: уже через месяц военный трибунал обвинил другого чиновника в пьянстве на рабочем месте и попытке изнасиловать заключенную женщину⁷⁷.

Служащие ББК, состоявшие в партии, должны были подчиняться партийной дисциплине. Они часто получали выговоры и иногда даже понижались в должности или высылались партийными комитетами за так называемые политические преступления. В 1936 г., например, комендант трудовой колонии был осужден за хулиганство. Сопровождаемый охраной, он в пьяном виде залез в управление женской ссылкой и укра-

⁷⁴ Директива ББК, 4 мая 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 8. Л. 76–77.

⁷⁵ Директива ББК, 4 мая 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 1. Д. 10. Л. 30. О театре ББК см. директиву 148, 4 июня 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 8; Likhachev D. S. Reflections on the Russian Soul. A Memoir. Budapest, New York, 2000. P. 127–131; Kuziakina N. Theatre in the Solovki Prison Camp. Luxembourg, 1995.

⁷⁶ Директива ББК, 2 июля 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 2. Д. 2. Л. 65.

⁷⁷ Доклад, 5 августа 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 2. Д. 5. Л. 143.

сил комнату «надутыми презервативами (нарисовав на них лица)». Даже учитывая тот факт, что он сделал это в честь Дня Парижской Коммуны, партийный комитет на втором заседании исключил его из партии за «политическое хулиганство», так как он солгал на первом заседании⁷⁸.

Таким образом, региональные партийные власти могли вмешиваться в некоторые аспекты жизни ГУЛАГа, которые попадали под юрисдикцию партийной дисциплины. В частности, в ходе проверок 1935 г. и обмена партийных документов 1936 г. все решения в ББК о ссылке или смещении с должности чекистов и членов партии должны были сначала рассматриваться Карельским, а затем и Ленинградским обкомом. После того как эти высокие партийные инстанции подтверждали или отменяли решения, а также разбирались с апелляциями, в общей сложности 75 коммунистов ББК были исключены из партии (приблизительно одна десятая всех членов и кандидатов в члены партии, находившихся в лагерях)⁷⁹. Из них 16 человек обвинили в преступных связях с заключенными, других – в организации побегов, связях с троцкистами, халатном отношении к оружию и за «либеральное» отношение к партийным дисциплинарным мерам⁸⁰. По словам секретаря райкома ББК Романова на X Пленуме обкома в марте 1937 г., все это свидетельствовало, что ленинградский НКВД использовал ББК как место для наиболее политически ненадежных кадров⁸¹.

Региональные партийные органы могли также отменить дисциплинарные решения, принятые коммунистами ББК, хотя имеется лишь одно свидетельство о применении этой меры. В октябре 1936 г. бюро обкома Карелии одобрило решение «О проявлениях слабости в райкоме ББК» (формально учрежден в июле того года, см. главу 5). В решении райкому ББК запрещалось критиковать чекистских начальников и предлагалось обращать больше внимания на главные

⁷⁸ Нет данных о том, чьи лица он нарисовал. См.: Комитет ППО второго отдела ББК и второй отдел ВОХР, 14 июня 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 7. Л. 21–23. Наличие большого количества презервативов свидетельствует о том, что он имел доступ к специальным поставкам. В то время в Карелии достать презервативы было сложно, см.: Медицинский сборник. Вопросы социальной патологии и клиник в районах Ленинградской области / под ред. И. Д. Нейштадт. Л., 1934. С. 16.

⁷⁹ Доклад о райкоме ББК, сентябрь 1936 г. – апрель 1937 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 10. Л. 52.

⁸⁰ Первый съезд райкома ББК, 4 сентября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 1. Л. 74–77. Стоит отметить, что в этом докладе приводятся заниженные показатели о количестве исключенных в ходе двух чисток.

⁸¹ Стенограмма // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1935. Л. 22–23.

партийные принципы при объявлении выговоров⁸². Решение было принято спустя три недели после назначения Ежова на пост комиссара внутренних дел (26 сентября). Очевидно, обком Карелии пытался подчинить себе партию, службу контроля и представителей ОГПУ – НКВД в территориальных лагерях.

Когда обитатели лагеря начали возмущаться, руководители ББК постепенно стали снисходительнее к своим служащим. В мае 1936 г., например, заключенные обвиняли сотрудника НКВД в пьянстве, интимных отношениях с заключенными женщинами и принуждению к сексу свободных гражданок, приезжавших в лагерь навестить родственников. ППО сделал ему выговор и задержал на 15 суток. Однако в райкоме ББК решили, что заключенные оклеветали чекиста. Принятое ранее решение было аннулировано, а дело передано в третий отдел ББК, чтобы обвинить заключенных в провокации. Прокурору лагеря и председателю специальной коллегии поступил приказ устроить показательный суд над заключенными⁸³.

Безусловно, отношения контингента ББК и администрации являлись центральной проблемой между лагерями и гражданскими окружными властями. В Сороке, где Беломорканал впадает в Белое море, в середине 1936 г. возник серьезный конфликт: два военно-морских судна Мурманского Северного флота пришвартовались в порту, и пьяные команды устроили в городе погром. Расследование, проведенное милицией Сороки и специальным отделом Мурманского НКВД (изучавшими роль моряков в конфликте) обнаружило, что непосредственно перед беспорядками моряки и служащие устроили пьянку в Сорокинском управлении ББК. Милиция города настаивала, что заключенные были проинформированы о планировавшихся волнениях (и приглашены на пьянку), в то время как она сама ничего не знала. В докладе высказывалось требование уволить командира ББК Тудара за «безответственность и некомпетентность»⁸⁴. Руководители ББК однако не приняли дисциплинарных мер. Несколько месяцев спустя Тудара назначили начальником управления Беломорканала, которое находилось в Повенце⁸⁵.

⁸² Бюро обкома Карелии, 16 октября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1965. Л. 118.

⁸³ Райком ББК, 20 мая 1936 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 6. Л. 119.

⁸⁴ Письмо секретаря райкома Сороки Саккеуса секретарю обкома Иркису и секретарю райкома ББК Романову, 25 июля 1936 г. // КГАНИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 354. Л. 55–59.

⁸⁵ Тудар получил выговор за некачественную чистку управления канала в октябре 1937 г. См.: КГАНИ. Ф. 544. Оп. 1. Д. 2. Л. 58–58об, цит. по: ГУЛАГ в Карелии. С. 144; он выжил в период чисток и в 1939 г. возглавил восьмой Мончегорский отдел ББК. Там же. С. 171–172.

В том же году в ответ на протест обкома и УНКВД Карелии по поводу всплеска преступности в Сороке, связанного с наличием свободно разгуливавших заключенных, ББК пообещал ужесточить режим и заверил, что отныне контингент не сможет запросто проникать в город или на лесопилку⁸⁶. Однако это обещание не помогло успокоить жителей Карелии, боявшихся заключенных. В мае 1937 г. командующий ВОХР ББК, уже сталкивавшийся с проявлениями низкой дисциплины среди охранников, объявил, что из-за плохих поставок в отдаленные поселения местные граждане и солдаты должны стоять в общей очереди за продовольствием с заключенными, а всем известно, «какие разговоры ведутся в таких очередях»⁸⁷. Два месяца спустя ББК приступил к систематическому истреблению населения лагеря.

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР, 1937–1938 гг.

В учрежденной 10 марта 1936 г. газете «Новая Кондопога», которая должна была выходить на русском и финском языках, жители Кондопоги могли прочесть интервью, которое в начале месяца Сталин дал Рою Говарду, председателю американского газетного объединения «Скриппс-говард Ньюспейперс»⁸⁸. Советский лидер заявил, что большевистское государство никогда не имело планов на осуществление мировой революции и что распространение революции не имеет смысла. Двумя месяцами ранее Молотов выступил перед ЦИК с пламенной речью, которую также опубликовала карельская пресса. В ней осуждались захватнические планы Финляндии и ее растущие симпатии к империалистическим странам⁸⁹. Эти выступления – одно миролюбивое, другое угрожающее – свидетельствовали об увеличении закрытости политики Советского Союза. Последствиями такого пространственного видения стали пограничные чистки на Северо-Западе и экономическая помощь Карелии, описанные в предыдущей главе.

⁸⁶ Доклад УНКВД Карелии, 22 ноября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 17. Л. 12; письмо секретаря райкома ББК Романова второму секретарю обкома Карелии Никольскому, 24 декабря 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 17. Л. 10–11.

⁸⁷ Стенограмма XIII съезда обкома Карелии, май 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 235.

⁸⁸ Интервью в «Правде», 5 марта, перепечатано в «Новой Кондопоге», 10 марта.

⁸⁹ Известия. 1936. 11 янв. Финны были обеспокоены перебросом дивизии в Карелию, как следует из письма Асмуса Стомонякову, 10 февраля 1936 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 16. Д. 122–116. Л. 10–14.

В течение 1936 и 1937 гг. советская политика в отношении Финляндии была то запугивающей, то покровительственной. В конце 1936 г. СССР выступил с осуждением ряда пограничных инцидентов, которые, по его мнению, могли сорвать Ленинградскую конференцию по установлению государственной границы, назначенную на декабрь (демаркация тянулась с 1934 г.)⁹⁰. «Те в Финляндии, кто полагает, что Советский Союз будет терпеть нарушения на советско-финской границе, сильно ошибаются», – было сказано в октябрьском выпуске газеты «Правда»⁹¹. Зловещая речь Жданова, направленная против Финляндии, а также активизация советских войск в пограничных районах должны были насторожить западного соседа⁹². В феврале 1937 г. министр иностранных дел Финляндии Е. Хольсти посетил Москву (первый официальный визит после революции), и местная «Красная Карелия» перепечатала статью из центральной газеты, в которой заявлялось, что не было «никаких объективных причин для вражды, напряжения или неблагоприятных отношений между двумя государствами»⁹³.

Так как советские лидеры осознавали неизбежность войны «больших концентрических территорий» (см. главу 5), внешняя политика Союза по отношению к Финляндии имела характер тактического маневрирования, в то время как ее основными стратегиями оставались мобилизация внутренних ресурсов, внутреннее единство и усиление безопасности на границе в связи с подготовкой к военной конфронтации. Прослеживалась тесная связь между пространственной концепцией Сталина, приказом к боевой готовности и внутренними репрессиями. 3 марта 1937 г. советский лидер призвал пленум ЦК к дальнейшим партийным чисткам, «пока нас окружают капиталисты, среди нас есть злоумышленники, шпионы, саботажники и убийцы»⁹⁴.

Более того, по словам Сталина, установка Советского Союза на построение социализма, записанная в конституции 1936 г., была уже достигнута. Это означало обострение классовой борьбы как на местном, так и на международном уровне, что усиливало опасность иностранной интервенции. Государственная граница стала основной

⁹⁰ Дневник Асмуса, 18 декабря 1936 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. Д. 135–108. Л. 12–13.

⁹¹ Цит. по: New York Times. 1936. 27 окт. С. 4.

⁹² Асмус Литвинову, 11 января 1937 г. // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 17. Д. 135–108. Л. 20–24

⁹³ Красная Карелия. 1937. 9 февр. С. 1.

⁹⁴ Цит. по: Красная Карелия. 1937. 27 июля. С. 1. Подробный анализ речи см. в: Tucker R. C. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York, 1992. P. 424–431.

Рис. 6.3. Культ пограничника: патруль Карельских пограничных войск, 1937 г.

проблемой; пограничники и их четвероногие помощники прекратились в героев фильмов, книг и песен⁹⁵.

Террор в партийно-государственном аппарате Карелии

Первичными задачами компартии и органов безопасности в Карелии были гарантия защиты границы от вторжения и исключительная лояльность пограничной области советскому центру. «Мы никогда не должны забывать, — объявила газета «Красная Карелия» в передовице в марте 1937 г., — что Карелия — пограничная республика, что через нашу территорию пытаются пробраться секретные агенты фашистов в центр нашей страны, в город Ленина»⁹⁶. Проблема заключалась не только во вторжении. На пленуме обкома Карелии в августе 1936 г. председатель Совнаркома Бушуев отметил, что его речь в пограничном районе четыре дня спустя появилась в финской прессе⁹⁷. Девять месяцев спустя секретарь райкома Калевалы (прежде Ухта) этнический карел Н. А. Гаппоев сказал на XIII съезде обкома Карелии, что люди приезжали в республику

⁹⁵ См.: Widdis E. Visions of a New Land. Soviet Film From the Revolution to the Second World War. New Haven, London, 2003. P. 143–144.

⁹⁶ Красная Карелия. 1937. 26 мар. С. 1.

⁹⁷ Стенограмма, 28–29 августа // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1934. Л. 163, 105.

даже с Урала, чтобы попытаться перейти через границу в Финляндию⁹⁸. На том же съезде секретарь Ребольского райкома И. П. Сонников, тоже карел по национальности, подчеркнул необходимость воспитать «чувство ответственности за укрепление нашей границы»⁹⁹.

В апреле и мае 1937 г. правительство Карелии выпустило ряд декретов, направленных на улучшение материальных условий и усиление режима безопасности государственной границы, например при помощи усиления проверки паспортов, улучшения сотрудничества между окружными советами, местной милицией и пограничниками, мобилизации местного населения для слежки за злоумышленниками и сноса всех строений в 500-метровой пограничной зоне¹⁰⁰. 11 июня Политбюро продлило финансовые привилегии, полученные Карелией в октябре 1935 г.¹⁰¹

Однако для режима этих мер казалось недостаточно. Нельзя было говорить о безопасности границы без уничтожения внутренних врагов, особенно активных и опасных в национальных пограничных областях. В июле 1937 г. «Красная Карелия» объявила, что «мы должны выкурить шпионов и злоумышленников из их логова!» Как писали в газете, республика была особенно привлекательна для враждебной деятельности, так как находилась «на границе двух миров». «Специфика» вражеской деятельности заключалась в том, что «помимо троцкистско-правых бандитов и злоумышленников здесь еще действовали финские буржуазные националисты»¹⁰². Только в апреле Ленинградский КПК сообщил о всплеске националистической деятельности в пограничных районах. В Тунгуде, например, слышали, как финны заявили, что «мы никогда не будем повиноваться русским. Финская кровь никогда не подчинится русской крови. Мы будем бороться до конца»¹⁰³. Заместитель начальника УНКВД Карелии уже предупреждал в августе 1936 г. (см. выше), что все эти разрозненные вражеские группы фактически были связаны и подчинялись «центрам» в Москве, Ленинграде и за границей.

⁹⁸ Стенограмма, 11–17 мая 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 216–217.

⁹⁹ Стенограмма // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1915. Л. 165.

¹⁰⁰ См.: Доклад начальника пограничной службы на XIV съезде обкома Карелии, 13–14 июня 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1918. Л. 200; Декрет от 28 апреля 1937 г. // НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 100–909. Л. 1–3.

¹⁰¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 221–223. Этот декретом являлся частью общей политики улучшения жизни колхозников и предоставления финансовой передышки республикам и регионам.

¹⁰² Красная Карелия. 1937. 27 июля. С. 1.

¹⁰³ Следователь Астраханцев начальнику КПК Ленинграда Рубену, 15 апреля 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–266. Л. 58.

Доклад Ленинградского КПК от апреля 1937 г. также подчеркнул, что ни компартия Карелии, ни органы безопасности не исследовали недавние случаи контрреволюционной деятельности¹⁰⁴. Каждая организация хвасталась своей бдительностью по сравнению со слепотой и небрежностью других. После Пленума ЦК в феврале–марте 1937 г. региональные организации по всей стране собрались, чтобы обсудить его решения. В конце марта обком Карелии созвал X пленум. Учитывая, что в Москве только что арестовали Ягоду, была высказана резкая критика работы республиканских органов безопасности¹⁰⁵. Как сказал второй секретарь обкома Карелии М. Н. Никольский (этнический карел), в районе Шелтозера «нет ни одного коммуниста, которого не вызывали бы в суд, они преследуют оставшихся». Одного человека обвинили в перевыполнении плана весеннего сева и приговорили к году принудительного труда. В других районах партийные чиновники критиковали НКВД за бездействие. Секретарь Сороки (финн) утверждал, что, хотя он мог доказать присутствие в его районе множества «контрреволюционеров», представители органов ОГПУ–НКВД неоднократно уверяли его, что «все в порядке, успокойся, стреляли случайно». Глава компартии Прионежского района (русский) жаловался, что местные следователи отказались предпринять шаги против местного финского совхоза, где, по его мнению, наблюдались националистические настроения, три четверти партийной ячейки являлись социал-демократами, слушали финские радиопередачи и «неуместно использовали портрет Сталина». Руководитель НКВД Карелии Тенисон, защищаясь, признал, что его отдел работал плохо, но указал, что он работал в республике совсем недолго¹⁰⁶.

Компартия Карелии также обратила внимание на аппарат управления. Один за другим районные партийные и советские секретари обвинили петрозаводских чиновников в игнорировании периферии. Секретарь Пудожского райкома жаловался на X пленуме, что Совнарком «не воспринимает Пудож как часть республики Карелии»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Материалы // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–268. Л. 8.

¹⁰⁵ Глава агитационно-просветительского отдела обкома Карелии секретарю Ленинградского обкома Позерну, 2 марта 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 6–11; Доклад обкома Карелии на X пленуме // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 14, 16.

¹⁰⁶ Стенограмма, 30 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1935. Л. 17–18, 33–35, 44, 57. УНКВД Карелии получил статус народного комиссариата республики 16 февраля 1937 г. См.: Петров Н. В., Сорокин К. В. Кто руководил НКВД. С. 64.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1935. Л. 46.

На XIII конференции обкома (11–17 мая) председатель исполкома Сегозерского района (русский) охарактеризовал свое восприятие отношений центр–регион на региональном уровне:

«У нас есть ряд решений, но Совнарком [Карелии] не проверяет, а только публикует их. <...> Совнарком не прислушивается к районным жалобам, не знает местной ситуации, но все же берется за планирование расходов на их экономику. ... Я думаю, что они вообще обращают внимание только на те районы, откуда чиновники могут добраться до Петрозаводска и спорить с комиссариатами, комиссарами, председателем Совнаркома и его представителями. Но мы, кто работает в отдаленных районах, кто не может поехать в Петрозаводск, если только нас не вызвали, мы пишем и пишем, но не получаем ответов, и так случается всегда. Иногда мы действительно туда ездим, и нам говорят: “Вы опоздали, если бы вы приехали две или три недели назад, то мы, возможно, сделали бы кое-что для вас, но вы опоздали”»¹⁰⁸.

В то время как советский центр стремился консолидировать свою власть над перифериями и тем самым разрушить их «периферийность», усиливая их статус пограничных районов, Петрозаводск должен был ликвидировать все разногласия в своей собственной администрации и сфере политического контроля в отдаленных районах. Все периферии должны были подчиняться региональным центрам, а они, в свою очередь, – союзному центру. Нужно было устранить всех посредников. Больше не должно быть «двойных центров». Советское политическое пространство следовало закрыть для заграницы и сделать внутренне однородным.

Пленум ЦК в феврале–марте также разрешил извращенную форму популистской демократии, социальное выравнивание, аналогичное пространственному выравниванию, о котором говорилось ранее. Поддерживаемые Ждановым, такие тенденции были связаны с провозглашением «прав» граждан в Конституции 1936 г., неизбежным приближением переизбрания регионального партийного руководства и выборами в Верховный Совет, намеченными на конец года¹⁰⁹. Работники, функционеры и члены партии на всех уровнях стремились продемонстри-

¹⁰⁸ Стенограмма, 11–17 мая 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 144.

¹⁰⁹ См.: Getty J. A. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. 1991. № 50 (1). P. 18–35; «Excesses are not Permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the late 1930s // The Russian Review. 2002. № 61 (1). P. 113–138.

ровать свои полномочия и убедить окружающих в своей лояльности, критикуя начальство. В мае 1937 г., например, НКВД арестовал трех служащих из отдела планирования Карелии по обвинению в троцкизме. Их коллеги немедленно созвали заседание партийной ячейки, которая осудила глав Карплана за «бюрократическое, бумажное правление» и недостаток бдительности. В свою очередь, плановые органы Карелии осудили своих руководителей в Госплане СССР за недостаток бдительности и плохое руководство региональными отделами¹¹⁰.

На пленуме в феврале–марте сталинские лидеры также отметили связь между индустриальным «разрушением» и троцкистской оппозицией. Однако они воздержались от называния того, что считалось актом саботажа. Чиновники низшего уровня из всех сил пытались избавиться от двойного центра. Накануне X пленума обкома Ирклис созвал закрытую встречу ведущих партийных деятелей для обсуждения повестки дня¹¹¹. На ней секретарь Кондопожского райкома Г. П. Шерешков (который возглавлял «Кареллес» в 1920-х гг. и которого за пять дней до этого осудила региональная газета за «защиту» руководителей Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината) стремился отвлечь внимание от себя, осуждая «Карелгранит», региональную горную промышленность и тресты по добыче полезных ископаемых. Им не удалось предотвратить акты вредительства на пегматитной фабрике в Кондопоге даже после того, как ее проблемы были отмечены газетой «Правда»¹¹². Директор «Карелгранита» В. А. Елисеев защищался, спрашивая, в чем же заключалось вредительство, которое он пропустил. Разве причиной был не отказ Москвы обеспечить достаточное финансирование? Разве причиной разрушения фабрики не была постоянная инфляция? Разве не были виноваты управляющие фабрики в том, что не смогли обуздать «влияние иностранных элементов»? Ирклис предложил директору «Карелгранита» ответить на эти вопросы. Безусловно, отрицавшего проблемы чиновника могли обвинить в заговоре; если же он признавал их, то его можно было обвинить в недостаточной бдительности. Проявив благоразумие, он ограничился замечанием, что за семь лет работы фабрика имела не менее четырех руководителей и получала нерегулярное и недостаточное финансирование. Возможно, отвечал Ирклис, неудачи предприятия были лишь следствием неумелой ра-

¹¹⁰ Партийная встреча Карплана, май 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174-265. Л. 33.

¹¹¹ Стенограмма, 26 марта 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1997. Л. 34–36.

¹¹² О предыстории дела // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1966. Л. 118.

ботой, а не саботажем? «Я полагаю, что неумелая работа и саботаж – это одинаковые вещи», – сказал директор треста, очевидно, пытаясь вторить новой риторике режима. В этом случае, заключил партийный секретарь, чиновник допустил ошибку, не идентифицировав или не исправив появившуюся путаницу. В стенограмме нет ответа на это заявление, но значение этого утверждения было ясно: начальник треста, по его собственному определению, был злоумышленником¹¹³.

Таким образом, члены партии, стремясь защититься смягченной критикой, взаимными обвинениями и семантической манипуляцией, снова стали целью возобновившихся нападков органов безопасности. В середине апреля руководитель НКВД Карелии Тенисон призвал следователей ответить на партийную критику активизацией действий¹¹⁴. К началу лета НКВД, теперь очищенный от сторонников Ягоды, получил независимость от партии. В середине июня обком Карелии разумно решил наказать одного из своих членов за «необоснованные обвинения», которые он сделал на XIII конференции обкома в предыдущем месяце против ОГПУ–НКВД¹¹⁵.

Сразу после доклада Ежова Пленуму ЦК в конце июня, в котором он описал свое видение вездесущего заговора, органы безопасности Карелии начали ряд операций против «групп мятежников» среди населения республики (используя списки амнистированных после восстания 1921–1922 гг.) и «контрреволюционных разрушительных организаций» в региональной партии, правительстве и экономическом аппарате (на основе собственных более ранних расследований и докладов органов партийного контроля, а также сведений агентов и информаторов)¹¹⁶. Число финнов среди арестованных было непропорционально, что объяснялось недовольством их доминирующим положением в республике, а также официальной позицией, соединявшей черты «буржуазного национализма», политической оппозиции и иностранной подрывной деятельности. Чувствуя неизбежную

¹¹³ Как бы то ни было, Елисееву удалось избежать репрессий, см.: Дмитриев Ю. А. Поминальные списки Карелии. 1937–1938: уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. Петрозаводск, 2002, URL: <http://visz.nl.ru:8101/index.html> (Возвращенные имена: Северо-Запад России).

¹¹⁴ См.: Чухин И. Карелия–37. С. 30–31.

¹¹⁵ Бюро обкома, 14 июня 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 1969. Л. 89.

¹¹⁶ Речь Ежова см. в: Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner. P. 75–78. О деятельности и агентах НКВД (142 агента были признаны двойными и арестованы) см. доклад Тенисона Ежову и Заковскому, 10 января 1938 г., «О результатах выполнения директивы НКВД СССР № 00447» (далее «доклад по директиве № 00447») // АУФСБ РФ по РК. Фонд секретного делопроизводства. Оп. 1. П. 82. Д. 1938. Л. 43–77.

опасность, остальные финны попытались скрыться. В начале июля Иркис сообщил в ЦК и Ленинградский обком, что «недавно в Карелии был большой всплеск деятельности контрреволюционных националистических элементов, во время которого резко выросло число незаконных пересечений финской границы из Карелии»¹¹⁷. В конце июля Тенисон начал другую операцию против «контрреволюционных националистических организаций» в Карелии, нацеленную на тех финнов, которые остались в администрации республики после увольнения Гюллинга и Ровио¹¹⁸. Бывшие красные финские лидеры Карелии, которые жили в Москве с 1935 г., были также арестованы в это время: Ровио – 8 июля, а Гюллинг девять дней спустя¹¹⁹.

Первого июля Ленинградский обком утратил руководство компартией Карелии, которая (как и партии всех других автономных республик РСФСР) впредь должна была подчиняться непосредственно Московскому ЦК – следующий шаг в процессе пространственного выравнивания¹²⁰. Тем временем Жданов и Заковский провели очередную чистку среди коммунистов Ленинграда, которые работали под начальством их предшественников. Согласно «Секретному докладу» Никиты Хрущева в 1956 г., Заковский открыл дело против «Ленинградского центра», собираясь скомпрометировать Чудова, Позерна и многих других дано работавших высших партийных деятелей¹²¹. Этот «центр» распространил свое влияние в областях. Т. Я. Золотова, этническая карелка и единственная женщина – член ЦИК Карелии, на XIII съезде обкома Карелии в середине мая заявила: «Была целая группа партийных врагов в обкоме, которая приехала к нам из Ленин-

¹¹⁷ Письма Сталину, Андрееву, Жданову и Маленкову, 7 июля 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 38.

¹¹⁸ Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на северо-западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. И. Такала, Т. Ви-
хавайнена. Петрозаводск, 1998. С. 186. Отметим, что не было какой-либо операции, специально направленной против финнов, как против других национальностей, см.: Martin T. The Affirmative Action Empire. P. 337–339.

¹¹⁹ Такала И. Дело Гюллинга–Ровио. С. 53; Яровой А. О «карелизации», «финнизации» и «хромом барине». Север. 1991. № 11. Оба они были осуждены в конце месяца.

¹²⁰ Согласно апрельскому постановлению ЦК, который вступил в силу 1 июля (см.: Красная Карелия. 1937. 24 апр. С. 1). Эта реформа должна была обеспечить соблюдение прав автономной республики в соответствии с новой конституцией.

¹²¹ Цит. по: Conquest R. The Great Terror. P. 216–217.

града. Ленинградский обком должен обращать больше внимания на Карелию и посылать нам серьезных и талантливых людей, тем более, что мы – пограничная зона, окруженная врагами»¹²². Позерн, который представлял Ленинградский обком на съезде в Карелии, ответил критикой, направленной на распределение вины между его подчиненными: «Все главы отделов Ленинградского обкома должны были нести ответственность за работу в Карелии, как за работу в любом округе или районе Ленинградской области». Партийные чиновники Карелии тоже были виноваты в том, что они не замечали просчеты лидеров¹²³. Хотя показательный суд Заковского над «Ленинградским центром» так и не состоялся, следователи называли Ирклиса одним из союзников Чудова¹²⁴. Первый секретарь обкома Карелии был арестован 21 июля¹²⁵.

Двадцать третьего июля бюро обкома Карелии исключило Ирклиса из партии как «врага народа»¹²⁶. II пленум обкома Карелии ратифицировал это решение 26 сентября, обвиняя прежнего партийного главу в шпионаже, «пустой болтовне о бдительности», показательных действиях, поддержки «подхалимства», подавлении критики и притуплении бдительности партии против ее врагов¹²⁷. На самом деле Ирклис был уже расстрелян в Ленинграде 17 днями ранее (Бушуев, арестованный 11 августа, был расстрелян в то же время)¹²⁸. Их главной ошибкой было решение не производить в предыдущем году чистку всех оставшихся в партии республики финнов. Две злобные критические статьи о Карелии от 9 и 11 сентября, написанные «специальным корреспондентом центральной газеты» в республике Борисом Золотовым, напечатанные в «Правде», привели к увольнению 16 сентября преемника Ирклиса, его бывшего помощника Никольского, чье пребывание на данной должности даже не успели ратифицировать на II пленуме (вместо этого ратифицировали его исключение из партии)¹²⁹. На ме-

¹²² Стенограмма // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 147.

¹²³ Там же. Л. 28–29.

¹²⁴ Чухин И. Карелия-37. С. 105.

¹²⁵ Как показало исследование Карелии, списки жертв, их биографические данные, даты арестов и расстрелов были опубликованы в: Дмитриев Ю. А. Поминальные списки Карелии, а также на сайте «Возвращенные имена».

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1969. Л. 190.

¹²⁷ Стенограмма, 26–27 сентября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1935. Л. 96–99.

¹²⁸ См. сайт «Возвращенные имена».

¹²⁹ Статья «Рупор буржуазных националистов» (Правда. 1937. 9 сент.); ст. «Вражеские гнезда в советском аппарате Карелии» (Правда. 1937.

сто Никольского ЦК назначил Н. И. Иванова, представителя отдела партийных кадров Ленинградского горкома (который находился под властью Ежова)¹³⁰.

Одиннадцатого сентября в передовице газеты «Красная Карелия», вторившей передовой статье «Правды» «Мундштук для буржуазных националистов», которая обвиняла их в примирительной позиции к красным финнам, признавалось, что обком Карелии не мог останавливаться на увольнении Гюллинга и Ровио двумя годами ранее, а должен был очистить партию и администрацию республики от всех иностранцев и их союзников. Газета также призналась, что сама отчасти «разоружила и дезориентировала» своих читателей, преждевременно объявив об уничтожении националистов¹³¹. Теперь она требовала, чтобы Карелия «раз и навсегда уничтожила всех буржуазных националистов, троцкистско-бухаринских шпионов и злоумышленников!» В результате этих статей были арестованы такие видные деятели, как представитель Карелии в Ленинграде Калинин, обвиненный в «подхалимстве и сообщничестве» не только Гюллингу и Ровио, но также и Ирклису и Бушуеву, а также в защите «авантюристов, жуликов и преступников»¹³².

Помимо чисток и казней членов партии (репрессии среди экономистов обсуждаются далее), НКВД массово истреблял региональное население. 30 июля 1937 г. Ежов издал директиву НКВД № 00447, установив двухмесячную квоту на репрессии «бывших кулаков, криминальных и других антисоветских элементов» во всех регионах стра-

11 сент.). См. также: Красная Карелия. 1937. 10, 11, 12 сент. и многочисленные письма в последующие недели. Это упоминалось в «Правде» 16 сентября, Трудящиеся Карелии разоблачают врагов. Доклады Бориса Золотова редактору пересылались Сталину и Ежову, см.: Чухин И. Карелия-37. С. 68–73. Еще предстоит понять роль центральной прессы в чистках и интервенции «специальных корреспондентов», превративших простые данные в директиву. Никольский был арестован 17 октября, расстрелен 18 мая 1938 г., см. сайт «Возвращенные имена».

¹³⁰ Политбюро, 16 сентября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 991. Л. 15, подтвердившее предложение Ленинградского обкома. О связи Иванова с Ежовым см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1166. Л. 25.

¹³¹ Красная Карелия 1937. 11 сент. С. 1. См. также: Дневник редактора «Красной Карелии» В. М. Градусова (уволен в середине сентября, арестован 27 октября, расстрелян 18 мая 1938 г.) в: Дневник Василия Градусова // Их называли КР. Репрессии в Карелии 20–30-х годов / под ред. А. Цыганкова. Петрозаводск, 1992. С. 253–289.

¹³² Красная Карелия. 1937. 22 сент. С. 3.

ны¹³³. В течение года НКВД–ОГПУ и лидеры партии не раз просили увеличить сроки выполнения директивы и число возможных арестов. Они старались изо всех сил доказать центру свою бдительность и рвение, строго следуя принципу Ежова «лучше больше, чем меньше»¹³⁴. Также абсолютно очевидно, что они предпочитали интерпретировать квоты не как лимиты, а как отправные точки – также, как понималось понятие «цели» в административно-командной экономике. Согласно июльскому указу, Карелия должна была арестовать 1 тыс. кулаков, из которых 300 подлежали наказанию¹³⁵. Однако вскоре НКВД республики стал совмещать поиск «групп мятежников» среди гражданского населения и «массовые операции», так как для репрессий им требовалось минимум процедур (действительно, аресты и убийства часто были случайными: НКВД–ОГПУ совершал вечерние набеги на отдельные фабрики, лесопилки или деревни и арестовывал тех, кого находил). Между июлем 1937 и августом 1938 г. НКВД арестовал в Карелии более 5 тыс. человек согласно директиве № 00447 и еще 4250 человек в ходе других операций. Треть арестованных была финнами (хотя финны составляли только 2,5 % населения республики), в то время как карелы и русские – по 30 %. Более 83 % арестованных приговорили к смерти¹³⁶.

Напряженность привела к постоянному ожиданию заговоров, что объясняло распространяющиеся репрессии. В середине 1920-х гг. финская секретная служба использовала амнистированных этнических карельских беженцев, вернувшихся через советскую границу, для создания группы мятежников в автономной республике, как сообщил Тенисон Ежову 10 января 1938 г. Эти группы мятежников вступили в контакт с финской националистической организацией Гюллинга, укрепившейся в Карелии с 1920 г., которая сама занималась агитаци-

¹³³ См. Binner R., Junge M. *Wie der Terror «gross» wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447* // *Cahiers du Monde russe*. № 42 (2–4). 2001. С. 557–613; Биннер Ю. С этой публикой церемониться не следует. *Die Zielgruppen des Befehls № 00447* // *Cahiers du Monde russe*. № 43 (1). 2002. С. 181–228.

¹³⁴ Ежов начальнику Смоленского НКВД А. А. Наседкину, октябрь 1937 г., цит. по: Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner*. Р. 89.

¹³⁵ См., напр.: Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 186–201; Чухин И. Карелия-37. С. 17 и далее.

¹³⁶ Такала И. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии. С. 194–196. Другие данные, которые я нашел в Архиве УФСБ Карелии, не сильно отличаются от приведенных. Биографию более 13 тыс. жертв великого террора (включая заключенных ББК) см. в: Дмитриев Ю. А. Поминальные списки Карелии. Эти же данные в алфавитном порядке, с удобной системой поиска доступны на сайте «Возвращенные имена».

ей среди других заговорщических групп, частично среди североамериканских иммигрантов и финских перебежчиков. Финские националисты под руководством Гаппоева, Аверкиева и других сотрудничали с этническими карельскими буржуазными националистами, которые стремились установить демократию в республике Карелия и были особенно активны в пограничных районах. После увольнения в 1935 г. красных финских лидеров республики этот «карельский» центр под управлением второго секретаря обкома Никольского подчинялся правому «Ленинградскому центру» через Ирклиса и Бушуева (как мы помним, он был тверским карелом). Все эти группы были связаны с многочисленными иностранными тайными службами¹³⁷.

Спустя 20 дней после того, как Тенисон представил этот доклад, он был уволен. 28 апреля арестован (его начальника Заковского задержали двумя днями позже). Бывший начальник ОГПУ–НКВД Карелии умер несколько месяцев спустя в больнице Бутырской тюрьмы в Москве после допроса¹³⁸. При новом руководителе НКВД Карелии украинце С. Т. Матузенко (бывший командующий пограничных войск ОГПУ–НКВД) репрессии не прекращались; действительно, больше полугода он проводил по суду «массовые операции» социальных и этнических чисток с еще более широким размахом и интенсивностью¹³⁹.

Террор в экономике Карелии

Как отмечено выше, в конце июня 1937 г. НКВД Карелии начал ряд операций, направленных против «контрреволюционных разрушающих организаций» в администрации и экономике республики. Эта задача облегчалась не только работой агентов и провокаторов, бесчеловечными методами допросов заключенных, построенных так, чтобы соответствовать заранее придуманным рассказам следователей, но и постоянными взаимными обвинениями среди служащих, рабочих и начальства, полных страхов, предубеждений, амбиций и долго скрываемого негодования, которое придавало бесконечный импульс чисткам. Согласно определению террора Стивена Коткина, «неважно, насколько это странно или отвратительно, в некотором смысле в этом “есть смысл”, вот почему очень много людей действительно участвуют в процессе, который нередко приводит к их собственному уничтожению»¹⁴⁰. Рас-

¹³⁷ Доклад по директиве № 00447, АУФСБ РФ по РК. Фонд секретного делопроизводства. Оп. 1. П. 82. Д. 1938. Л. 43–77.

¹³⁸ Петров Н. В., Сорокин К. В. Кто руководил НКВД. С. 403–404, 199–200.

¹³⁹ О Матузенко см.: там же. С. 293.

¹⁴⁰ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilisation. Berkeley, 1995. P. 286.

смотрим три самые крупные гражданские экономические организации Карелии – «Кареллес», Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат и Сунастрой – чтобы понять, как уменьшение «здорового смысла» государственной власти и индивидуальных мотивов дало форму и сти-мул чисткам в экономике республики.

Уже более десятилетия «Кареллес» страдал от административных чисток. В ноябре 1936 г. его директор Шапиро, который занимал этот пост всего 12 месяцев (см. выше), был уволен после расследования КПК деятельности треста. На его место назначили партийного деятеля из Ленинградской области Ф. П. Иванова¹⁴¹. В апреле 1937 г. Ленинградский КПК представил очередной доклад о «Кареллесе». На сей раз он осуждал трест за «саботаж и действия, которые к нему приводят»¹⁴². В течение весны управление треста подверглось тщательной проверке и критике. В июне НКВД начал аресты. К началу июля были задержаны 13 чиновников, в течение следующего месяца еще 12¹⁴³. Среди них секретарь Кондопожского райкома Шерешков, арестованный 5 августа, чье обвинение в адрес директора «Карелгранита», очевидно, не помогло ему отвести внимание от руководства «Кареллесом» в 1920-х гг. или от сотрудничества с Ярвимаки, которого недавно исключили из партии, но пока не арестовывали (см. далее)¹⁴⁴.

В июле и августе НКВД утверждал, что ликвидировал десять «диверсионных разрушающих организаций» в «Кареллесе» и арестовал 33 руководящих сотрудника из аппарата треста, включая девять старших инженеров, семь начальников механических цехов и шесть директоров леспромхозов. Большинство арестованных было русскими (большинство финских служащих уже уволили в течение предыдущих двух лет), и поэтому оказывались вовлеченными через директоров Ленлеса И. Я. Мельникова и П. А. Алексеева (возможно, члены «Ленинградского центра») в чистки Наркомлеса от «реакционеров», проводимые в Москве наркомом С. С. Лобовым и его представителем

¹⁴¹ Доклад КПК, 2 сентября 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 159-70. Л. 54–59. О назначении Иванова см.: Оргбюро ЦК, 2 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 617. Л. 8; Бюро обкома Карелии, 15 ноября // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1966. Л. 6.

¹⁴² Астраханцев Рубену, 16 апреля 1934 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174-266. Л. 42–45

¹⁴³ См.: Доклад Иркиса Сталину, Андрееву, Жданову и Маленкову, 7 июля 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 41; Доклад Никольского Маленкову, 18 августа 1937 г. Там же. Л. 47.

¹⁴⁴ Об аресте и расстреле 9 февраля 1938 г. Шерешкова см.: АУФСБ РФ по РК, Архивная справка 1.

А. К. Альбертом¹⁴⁵. Однако НКВД также приписывал им связь с финскими «националистами», которые согласно заявлению использовали финна Валлина (которого Гюллинг назначил на место Шерешкова на должность главы «Кареллеса» в начале десятилетия и который с 1932 г. также действовал как полномочный представитель Наркомлеса в республике) для связи с московскими «реакционерами» в Комиссариате лесной промышленности. Как Тенисон объяснил Ежову в январе 1938 г., «почти все лидеры» треста как в его центральных офисах, так и на периферийных предприятиях были контрреволюционерами, поэтому «в результате их подрывной работы показатели ежегодных планов по заготовке древесины в Карелии становились все ниже и ниже»¹⁴⁶.

НКВД легко играл на двусмысленности политической риторики, чтобы сфабриковать неопровержимые обвинения и инкриминировать арестованным участие в заговорах, которые нельзя было проверить. Согласно сообщению НКВД Карелии, представленному в конце августа Сталину и партийному руководству страны, чиновник Наркомлеса во время своего визита в Петрозаводск в марте 1935 г. проинструктировал главного инженера «Кареллеса» П. М. Барчугова, что надо немедленно избавляться от саботажников, да «так, чтобы даже специалист ничего не заметил». Чиновник Наркомлеса заверил Барчугова, что не было никакой опасности обнаружения заговора, так как все опытные эксперты по лесу были контрреволюционерами, а недавно назначенные кадры слишком неопытны, чтобы отличить саботаж от несчастного случая или ошибки¹⁴⁷. Такие отчеты поддерживали семантическую неопределенность термина «саботаж». Они также помогали определить скрытую причину экономических проблем – те «объективные условия», о которых говорил осведомленный Сталин тремя годами ранее, «не объясняли» провал плана¹⁴⁸.

Запутавшись в этой смертельно опасной логике, работники экономических предприятий ускорили свое уничтожение. 14 августа руководитель «Кареллеса» Ф. П. Иванов представил сообщение в обком с детализацией всех неудач треста. Теперь было ясно, как заявил он, что «такие катастрофические показатели [...] могут быть только результатом саботажа», что было подтверждено недавней

¹⁴⁵ Доклад обкома Карелии, конец августа, Сталину, Жданову, Андрееву, Маленкову // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 87–88.

¹⁴⁶ Доклад по директиве № 00447, АУФСБ РФ по РК. Фонд секретного делопроизводства. Оп. 1. П. 82. Д. 1938. Л. 60.

¹⁴⁷ Доклад обкома Карелии, конец августа, Сталину и др. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 87–88. Барчугов был арестован 7 июля 1937 г.

¹⁴⁸ На XVII партийном съезде, январь 1934 г., цит. по: Harris J. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999. P. 155.

чисткой в лесной промышленности¹⁴⁹. Четыре дня спустя арестовали бывшего руководителя «Кареллеса» Валлина (в тот момент – директора Ленинградского научно-исследовательского лесного института)¹⁵⁰. К концу месяца Иванов повторил свое утверждение на встрече высокопоставленных гостей Главсевзаплеса и работников «Кареллеса», многие из которых за неделю до этого окончили Ленинградскую техническую лесную академию и были сразу направлены в автономную республику, чтобы занять большое количество имеющихся вакансий. Иванов очевидно надеялся, что обвинив во всех проблемах тех, кого уже арестовали, он спасет себя и своих подчиненных.

Однако Шамшин, один из руководителей профсоюза Карелии, думал по-другому. На конференции он объявил: «Странно, что все обвиняют лишь арестованных, а не называют имен тех, кто еще работает». Он привел в пример Готлиба, директора по техническому снабжению в «Кареллесе», «который на протяжении пятнадцати лет специализировался на колбасе», прежде чем при помощи Рабиновича, известного «врага народа», попал на работу в лесной трест¹⁵¹. За день до этого Шамшин осудил других работников «Кареллеса» в личной записке к республиканским партийным лидерам. Глава производственного сектора «Кареллеса» Н. Эпштейн был исключен из партии за пассивность, проявленную 12 годами ранее (хотя осведомитель отметил, что «маловероятно, что Эпштейна исключили действительно за пассивность, учитывая его энергичность, способности и квалификацию»). Позднее Эпштейн был приговорен к восьми годам за сомнительное поведение (тоже причина для подозрений). Он установил близкие связи с начальником отдела экономического планирования «Кареллеса» Д. Н. Ганзбургом и начальником строительного сектора «Кареллеса» В. И. Нечаевым (оба были арестованы месяцем ранее) и пользовался протекцией агента по вербовке для Карелии среди тверских карел, некоего Еремеева, сына бывшего землевладельца. Общеизвестный факт, что Эпштейн и Ганзбург были душой «Кареллеса» и успешно руководили производством. Шамшин написал об А. В. Миникесе, имевшем родственников в Палестине и до революции занимавшегося торговлей: «Сомневаюсь, что “Кареллесе” выгодно нанять его». В заключение Шамшин (этнический карел) рекомендовал уволить шестерых служащих, четверо из которых были евреями, как он

¹⁴⁹ Доклад, 10 августа 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 182–372. Л. 1–16.

¹⁵⁰ См. сайт «Возвращенные имена».

¹⁵¹ Стенограмма встречи «Кареллеса», 23–24 августа 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 182–372. Л. 26–48, здесь 44об.

заметил между прочим¹⁵². Таким образом традиционное предубеждение дало новый импульс чисткам «снизу» (конечно, в Карелии антифинские чувства играли самую существенную роль при чистке партии, а также при расследованиях НКВД среди служащих аппарата и местного населения).

В завершение встречи глава Главсевзаплеса высказал подозрение, что в Наркомлесе и республиканском тресте все еще полно саботажников, и что «без сомнения в ближайшее время будет раскрыт целый ряд новых попыток контрреволюционной деятельности»¹⁵³. Такие предсказания, обычно делавшиеся для перестраховки, конечно, стали сбывшимися пророчествами.

Десятого сентября газета «Красная Карелия», шокированная статьей в «Правде» от предыдущего числа (упоминалась ранее), пытаясь защитить себя, опубликовала статью «Искореняя раз и навсегда истоки саботажа в “Кареллесе”», в которой напала на обком за то, что он был не в состоянии уволить всех контрреволюционеров из аппарата после статьи в газете¹⁵⁴. Несколько дней спустя ППО «Кареллеса» уволил директора треста Иванова как «лакея» врагов народа. Обком ратифицировал это решение 16 сентября, одновременно был уволен Никольский и другие выжившие члены ленинградской команды Иркиса¹⁵⁵. В тот же день НКВД арестовал Иванова (в апреле следующего года его приговорили к десяти годам заключения и особо тяжелых принудительных работ). 18 сентября «Красная Карелия» (теперь под руководством нового редактора) опубликовала другую статью о «Кареллесе», на сей раз осуждая не только Иванова и Эпштейна за коррупцию, но также и Шамшина, их обвинителя, который «покрывал их»¹⁵⁶. В октябре «Кареллес», нормальная работа которого была нарушена бесконечными чистками, пребывал на краю краха и был расформирован, вместо него создали два новых треста, один для Северной и другой для Южной Карелии¹⁵⁷. Каж-

¹⁵² Шамшин индустриально-транспортному отделу обкома Карелии, 22 августа // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 182–372. Л. 22–24об. Ганзбурга и Нечаева арестовали 23 июля (первого расстреляли 8 января 1938 г., второго – 3 декабря 1937 г.) // АУФСБ РФ по РК, архивная справка 5–6. Судьба других заключенных неизвестна.

¹⁵³ Стенограмма // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 182–372. Л. 46.

¹⁵⁴ Красная Карелия. 1937. 10 сент. С. 3.

¹⁵⁵ Бюро обкома Карелии, 16 сентября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1970. Л. 134.

¹⁵⁶ Красная Карелия. 1937. 18 сент. С. 3.

¹⁵⁷ Совнарком СССР, 1 октября 1937 г., доклад в: Красная Карелия. 1937. 11 окт. С. 3. Это было предложено и согласовано в конце июля, см.: Бюро обкома Карелии, 31 июля // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1970. Л. 9.

дый из них подчинялся непосредственно Наркомлесу в центре; остаток территориальной экономической целостности республики был таким образом аннулирован.

Параллельно такие же опасные игры с самокритикой, клеветой и обвинениями продолжались на других крупных экономических предприятиях Карелии. На Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, как уже упоминалось, Ирклис преуспел в том, чтобы сместить Ярвимаки и его представителя Бетхера в августе 1936 г., но был вынужден восстановить их в должностях под давлением Москвы и Ленинграда из-за отсутствия подходящих кадров. Но в декабре 1936 г. Ленинградский КПК в очередной раз раскритиковал управление комбината, требуя увольнения руководителей без возможности восстановления в должности¹⁵⁸. Ирклис постепенно выполнил эту директиву, которая дала ему возможность уволить администраторов; в сопроводительном письме в центр он написал: «Немедленно сообщите [главе Ленинградского КПК] Рубену, что вопрос назначения нового управления решен!»¹⁵⁹

Заявление Алексея Стаханова в начале января 1937 г., будто продукция комбината не была «стахановской бумагой» (см. выше), подтверждало, что власти продолжали обращать внимание на его работу и персонал. 14 января «Красная Карелия» объявила: «работа фабрики в 1936 г. служит примером, как не надо управлять и работать» и напонила преемнику Ярвимаки Федорову, что он обещал перевыполнить январский план в течение первого месяца работы¹⁶⁰. Несмотря на усилия нового директора внедрить систему стимулирования заработной платы, преодолеть трудности во внутренней организации фабрики и усилить дисциплину, комбинат снизил свою производительность в январе почти на 60 тонн. Уже 14 февраля местная газета опубликовала вторую статью, обвинявшую Федорова в провале выполнения «обязательств рабочих». «Для нас бумага — это культура социализма»¹⁶¹. Хотя Кондопожский комбинат незначительно перевыполнил план в феврале, газета продолжала свои нападки, обвиняя управление завода в бездействии и нежелании создать условия для стахановцев, улучшить условия жизни рабочих, сократить объем ненужной продукции или повысить качество бумаги¹⁶². В конце марта она стала критиковать

¹⁵⁸ Доклад КПК Ленинграда о Кондопожском целлюлозно-бумажном комбинате, 8 декабря 1936 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 159–170. Л. 84–86.

¹⁵⁹ Замечания Ирклиса, 21 декабря // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 159–170. Л. 83.

¹⁶⁰ Красная Карелия. 1937. 14 янв. С. 3.

¹⁶¹ Там же. 14 февр. С. 1.

¹⁶² Там же. 3 марта. С. 2; 5 марта. С. 3.

Шерешкова и окружной партийный комитет, который обвинялся в защите нового управления комбината так же, как и предыдущего¹⁶³.

В первой половине 1937 г. оставшиеся в живых подчиненные Ярвимаки, новое управление Федорова и районные партийные функционеры, стремясь спасти себя, во весь голос обвиняли прежнего директора в культивировании местного национализма, семейственности в органах и «феодалных замашках»¹⁶⁴. Глава Кондопожского НКВД А. Н. Пушкин однако осудил служащих за «то, что они отказались принять ответственность за участие в сговоре Ярвимаки с Бетхером», в политике прежнего лидера: более 200 человек с иностранными паспортами (главным образом финны) продолжали работать на заводе, его производительность неукоснительно падала, а стахановцы с Украины жаловались на тонкую газетную бумагу, которая постоянно рвалась во время печати¹⁶⁵. В конце июня Пушкин начал аресты¹⁶⁶. Его методы допроса заключенных в течение следующего месяца позволили изготовить два «дела» – против прошлого и действующего управления комбината¹⁶⁷.

В конце июля Ярвимаки и другие были исключены из партии¹⁶⁸. В то же время НКВД продолжал изолировать прежних союзников Ярвимаки при помощи работы своих агентов в рамках операции «Диверсанты». Бетхера арестовали 22 июля¹⁶⁹. К середине августа приблизительно 30 человек из тех, кто работал в предыдущей администрации Кондопоги, были арестованы и расстреляны по обвинению в участии (по национальному принципу) или в «организации шпионско-диверсионного саботажа», раскрытого в 1935 г. чешским специалистом, работавшим на немецкую секретную службу, или в союзнических группах, образованных на комбинате «финским буржуазным националистическим

¹⁶³ Красная Карелия. 1937. 21 марта. С. 2.

¹⁶⁴ См.: Заявление директора Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината Федорова, директора А. Е. Лобачева и начальника Ленлесстроя (отвечал за расширение целлюлозно-бумажного комбината) К. Е. Экмана на IX партийном съезде Кондопожского района 3–8 мая 1937 г. // КГАНИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 185. Л. 3, 10.

¹⁶⁵ Глава НКВД Кондопожского района А. Н. Пушкин на IX партийном съезде Кондопожского района. Там же. Л. 13. О деятельности комбината см.: Красная Карелия. 1937. 12 мая. С. 3.

¹⁶⁶ Главный инженер Б. К. Ландорф был арестован 16 июня, Экман 27 июня. См. АУФСБ РФ по РК. Архивная справка 1–5.

¹⁶⁷ См. Чухин И. Карелия–37. С. 43.

¹⁶⁸ Бюро Кондопожского райкома, 20 июля // КГАНИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 189. Л. 12.

¹⁶⁹ АУФСБ РФ по РК. Архивная справка 2.

центром»¹⁷⁰. Ярвимаки арестовали 11 октября. Он и немногие его союзники были расстреляны в начале 1938 г.¹⁷¹

На сей раз новое управление Кондопоги легко отделось. Тогда, в конце сентября, специальный корреспондент «Правды» Борис Золотов обратил внимание на предприятие. Федоров любит рассказывать истории о деятельности своего предшественника, но за девять месяцев не удосужился сделать ничего, чтобы исправить его ошибки¹⁷². Кондопожский райком (после недавней чистки) был создан в тот же день для обсуждения статьи. Он предупредил Федорова, что если тот не предпримет «соответствующие меры», то дело дойдет до чистки его администрации¹⁷³.

Директор решил взять инициативу на себя. Незамедлительно уволив почти 80 финских рабочих и энергично сотрудничая с НКВД, ему удалось избежать ареста¹⁷⁴. В январе 1938 г. Тенисон сообщил Ежову, что он к настоящему времени арестовал 137 работников Кондопожского комбината и соседней пегматитной фабрики, но признал, что нехватка агентов НКВД среди местного финского сообщества мешала проведению его операции, и подчеркнул, что его приоритетом было расширение антифинской кампании по всей республике¹⁷⁵. Не Тенисон, а его преемник Матузенко отвечал за поимку выживших финнов в Карелии. Это ударило по Кондопоге особенно сильно. Из 739 жителей района, арестованных в течение 1937–1938 гг., финны составляли более 70 % (комбинат и связанные с ним строительные проекты потеряли из-за репрессий 300 сотрудников, большинство из них были управленцами и специалистами)¹⁷⁶.

¹⁷⁰ См. доклад Ирклиса Сталину и др., 7 июля 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 37; доклад Никольского Маленкову, 18 августа 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 174–265. Л. 47.

¹⁷¹ АУФСБ РФ по РК. Архивная справка 1–6.

¹⁷² См.: Красная Карелия. 1937. 20 сент. С. 2.

¹⁷³ Бюро Кондопожского райкома, 20 сентября // КГАНИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 190. Л. 61

¹⁷⁴ См.: Доклад Федорова о комбинате за 1937 г. 3 марта 1938 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 182–78. Л. 26–28. Его дальнейшая судьба неизвестна.

¹⁷⁵ Доклад по директиве № 00447 // АУФСБ РФ по РК. Архивная справка. Фонд секретного делопроизводства. Оп. 1. П. 82. Д. 1938. Л. 51, 67.

¹⁷⁶ Чухин И. Карелия–37. С. 92–93. Из них 494 человека (295 финнов и 72 карелов) были арестованы в ходе «массовых операций», см.: Статистический доклад первого специального отдела НКВД Карелии, 25 июля 1939 г. // АУФСБ РФ по РК. Дело «Статистические сведения и справки». Архив № 169. Т. 1. Л. 17.

Рис. 6.4. Накануне большого террора, Кондопога, лето 1937 г.

Недалеко от Кондопоги, вверх по реке, находился Сунастрой – строилась плотина, которая, по мнению Гюллинга, должна была стать основой для индустриального преобразования республики. Стоит отметить, что красные финские лидеры с начала строительства взяли под свою опеку директора Сунастроля и главного инженера Травкина (русский, родом из Тверской области), оградив его от критики применявшихся методов управления. С середины десятилетия новые ленинградские лидеры республики, не менее заинтересованные в развитии области, подтвердили обязательство защищать проект и его ключевых работников. В начале декабря 1935 г. бюро обкома Карелии приказало Травкину закончить первую стадию строительства к маю 1936 г., одновременно обвинив Бушуева в лоббировании интересов Москвы с целью сохранения Сунастроля в списке проектов всесоюзного значения¹⁷⁷. Хотя новый председатель Совнаркома Карелии обеспечил финансирование проекта из центра еще на год, строительство шло очень медленно (первая стадия была закончена только к концу года) из-за нехватки средств и рабочей силы. В ноябре бюро обкома однако отклонило решение индустриального отдела, осуждающее

¹⁷⁷ Бюро обкома, 4 декабря 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. 1960. Л. 8. Титулярные листы за 1936 г. см. в: Народнохозяйственный план на 1936 г. Т. II. С. 11, 290–291.

Травкина за то, что он не смог уложиться в установленные сроки, и вместо этого три недели спустя приняло решение, указав на «консерватизм со стороны инженерно-технического персонала»¹⁷⁸.

Продвижение Москвой «партийной демократии» на пленуме в феврале–марте 1937 г. воодушевило обком Карелии, а также членов партии Сунастроля на новые нападки на Травкина (который не состоял в партии), несмотря на то или, возможно, из-за того, что он по-прежнему находился под покровительством лидеров республики. В конце апреля после расследования, проведенного обкомом, Травкина и его помощника Г. Д. Рогожина обвинили в растратах, неумелом руководстве, саботаже стахановцев и бесконечной критике, увольнениях и понижениях в должностях. «Аппарат [Сунастроля] не служит государству, – писал следователь, – он служит Травкину». На первом майском параде в 1936 г. инженер Сунастроля приветствовал своих лидеров криками: «Да здравствуют гении строительства Травкин и Рогожин». Когда мужчину обвинили в «подхалимстве», он ответил, что «не знает значения этого слова». В тот же день рабочие Сунастроля выступили против задержек зарплаты¹⁷⁹. На XIII съезде обкома Карелии Травкина обвинили в том, что он вел себя как «царь и бог» по отношению к техническому персоналу и рабочим¹⁸⁰.

В июне управление Сунастроля, пытаясь защитить себя, опубликовало в «Красной Карелии» письмо, обвинив трест Колэнерго, которому оно подчинялось, в преднамеренном удержании средств на финансирование¹⁸¹. В конце августа Травкин написал письмо в бюро обкома, подчеркивая, что проблемы Сунастроля во многом связаны с непрерывным преследованием местных активных членов партии и ее работников¹⁸². Снова партийное руководство поддержало его, согласившись поставить на место младших по званию чиновников и предостеречь их от вмешательства в управление¹⁸³.

Бюро обкома прекратило защищать Травкина 16 сентября, когда преемника Ирклиса Никольского заменил, как упомянуто выше,

¹⁷⁸ Бюро обкома, 2 и 20 ноября 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1965. Л. 150–151, 35–40.

¹⁷⁹ Служебная записка, 22 апреля 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 182–378. Л. 34–35.

¹⁸⁰ Стенограмма, 11 мая 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1914. Л. 95.

¹⁸¹ Красная Карелия. 1937. 12 июня. С. 3; Ответ Колэнерго см.: там же. 17 июля. С. 3.

¹⁸² Бюро обкома, 26 августа 1937 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 182–378. Л. 46–47.

¹⁸³ Бюро обкома, 26 августа 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 21. Д. 1970. Л. 88.

Н. И. Иванов, который заявил о тотальной чистке всего аппарата, имевшего отношение к предыдущему лидеру. Региональная газета, после критики своей деятельности в «Правде» в середине сентября, тоже усилила обличительную риторику в последующие недели. Вскоре после прибытия Иванова «Красная Карелия» послала своего «ленинградского корреспондента» С. Яковлева в Сунастрой.

Двадцатого сентября, на третий день работы II пленума обкома, который должен был утвердить Иванова в его новой должности, «Красная Карелия» опубликовала результаты расследования Яковлева. Управление Сунастроля правильно обвиняло Колэнерго в преступной халатности, но при этом оно пыталось скрыть свои промахи. Вместе с «буржуазным националистом» Ярвимаки с соседнего Кондопожского комбината Травкин создал свою «вотчину», где он управлял как «абсолютный хозяин». Он окружил себя подозрительными элементами, критикующих уволил, отказался нанять молодых специалистов-коммунистов, не занимался условиями жизни рабочих, был не в состоянии эффективно использовать технику, допустил высокую текучку кадров и подделывал годовые финансовые отчеты. Газета критиковала Травкина за задержку строительства и за опасность, которой подвергалась техника из-за слишком быстрого подъема уровня воды на новой дамбе¹⁸⁴.

Несмотря на свои амбиции Иванов понимал всю важность самого крупного гидроэнергетического проекта в республике, поэтому намеренно оттягивал чистку управления Сунастроля. Чтобы выиграть время и дать Травкину завершить вторую стадию строительства, бюро обкома Карелии собрало ряд подкомиссий для обсуждения и проверки достоверности информации, напечатанной в газете¹⁸⁵. Только в конце декабря Иванов заявил о «правдоподобности» статьи и предложил ЦК и НКТП уволить Травкина и Рогожина (в то же время он просил дополнительные 10 млн руб. на строительство)¹⁸⁶.

Семнадцатого января 1938 г., спустя две недели после увольнения, Травкин был арестован НКВД Кондопожского района. 21 марта его расстреляли по обвинению в контрреволюционном саботаже и заговоре. Задержание, а затем и расстрел Травкина повлекли за собой аресты его подчиненных. Рогожин был арестован 26 марта, в апреле его приговорили к десяти годам лишения свободы по обвинению в контр-

¹⁸⁴ Красная карелия. 1937. 29 сент. С. 3.

¹⁸⁵ Бюро обкома, 14 ноября 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1971. Л. 28.

¹⁸⁶ Бюро обкома, 23 декабря 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1971. Л. 109–110.

революционном саботаже. Финны, работавшие на Сунастрое, были уничтожены в ходе операции Матузенко в первой половине года¹⁸⁷.

Репрессии в Карелии оказали существенное влияние на региональную экономику. Кондопожский комбинат, директор которого Федоров активно сдавал своих рабочих НКВД, выполнил за 1937 г. только 45,5 % плана по производству бумаги, как отмечено в последней главе, и только 75 % запланированного строительства¹⁸⁸. «Кареллес» тоже не смог выполнить свой план в том году. Только благодаря существенному увеличению лесозаготовок местного ГУЛАГа автономная республика добилась выполнения 73,5 % годового плана¹⁸⁹. Удивительно, что увольнение Травкина из Сунастроля не привело к остановке или задержке строительства. Хотя его преемник и стремился решить проблему нехватки денег, попросив большую сумму в центре, а проблему недостатка рабочей силы – наняв заключенных ББК, но Москва не смогла выделить требуемые деньги, а администрация лагеря отказывалась отправлять заключенных до тех пор, пока Сунастрой не выплатит долги. За первые восемь месяцев 1938 г. Сунастрой выполнил только 33,1 % годового плана¹⁹⁰.

Террор в ББК

В феврале 1937 г. НКВД передал Соловецкий отдел ББК десятому отделу ГУГБ НКВД как тюрьму с повышенной степенью безопасности¹⁹¹. Так как третий отдел ББК уже подчинялся непосредственно ГУГБ в Москве, а по вопросам «производства» – Ленинградскому и Карельскому представительствам Государственного управления безопасности, это усиливало его автономию и защищало от вмешательства местных лагерных чиновников, отвечавших за производственную деятельность. В действительности ленинградский начальник УНКВД Заковский теперь управлял Соловецкой тюрьмой, и через Тенисона он назначил ключевых работников третьего отдела в управление материкового ББК.

¹⁸⁷ АУФСБ РФ по РК. Архивная справка 9; Дмитриев Ю. А. Поминальные списки Карелии. С. 292–348.

¹⁸⁸ Годовой отчет за 1937 г. // НАРК. Ф. 2034. Оп. 1. Д. 2-10. Л. 1.

¹⁸⁹ Второй пятилетний план Карелии, 1938–1939 гг. // НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 212–1558. Л. 27, 48–51.

¹⁹⁰ Директор Сунастроля Шалов первому секретарю обкома Карелии Куприянову, 4 октября 1938 г. // КГАНИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 199-183. Л. 27.

¹⁹¹ Директива НКВД, 20 февраля 1937 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 35. Д. 1а–2. Л. 3.

К началу весны аппарат безопасности ББК при участии местных партийных чиновников эффективно демонстрировал систему контроля и наблюдения в лагере¹⁹². В конце апреля начальник ББК уволил из управления лагеря всех заключенных, осужденных за контрреволюционные действия (ранее политические заключенные играли важную роль в управлении лагерями)¹⁹³. В июле культурно-воспитательный отдел ББК (КВО) написал письмо в райком ББК, отметив резкий рост контрреволюционной деятельности среди населения лагеря в целом, даже среди уголовников. В письме подчеркивалось, что текущие условия в лагере создают «идеальную почву для фашистов, троцкистов, контрреволюционных элементов, чтобы использовать этих [аполитичных] заключенных против корректирующей трудовой политики советского государства»¹⁹⁴. КВО предложил противостоять этой угрозе, улучшая образовательную работу, но у третьего отдела были другие планы.

Директива Ежова № 00447 от 30 июля установила квоту репрессий в ББК¹⁹⁵. 5 августа нарком отправил закодированную телеграмму Заковскому, Тенисону, исполняющему обязанности руководителя ББК М. М. Чунтонову и начальнику третьего отдела ББК Астрову, требуя уничтожить 800 «самых активных антисоветских элементов среди бывших кулаков, членов отряда Колчака, бандитов, белых, активистов, духовенства и других контрреволюционеров, занимающихся антисоветской пропагандой в лагерях»¹⁹⁶. 17 августа состоялась первая сессия тройки Карельского НКВД, в которой принимали участие Тенисон, Никольский и прокурор Карелии Г. С. Михайлович. Они приговорили к смерти 110 заключенных на основе материалов, представленных главой секретно-политического подразделения третьего отдела ББК П. П. Долинского. Расстрелы были проведены на маленьком острове центрального озера Карелии 22 августа¹⁹⁷. Недавно опубликованные сведения о деятельности тройки в Карелии свидетельствуют о том, что квота в 800 человек была выполнена уже к 21 сентября. Эта тройка, члены которой

¹⁹² См.: Baron N. Production and Terror P. 166–167.

¹⁹³ Директива ББК, 30 апреля 1935 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 2. Д. 4. Л. 324–330.

¹⁹⁴ Доклад КВО в райком ББК, июль 1937 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 9. Л. 18–26.

¹⁹⁵ Чухин И. Карелия-37. С. 123, 160. Подробнее о репрессиях в ББК см.: Baron N. Production and Terror P. 168–173.

¹⁹⁶ Приводится в: Чухин И. Карелия-37. С. 160.

¹⁹⁷ Там же. С. 123–124.

менялись, так как чиновников увольняли, арестовывали или расстреливали, продолжала рассматривать дела ББК с небольшими перерывами вплоть до 10 ноября 1938 г., на год дольше официального завершения операции. Общее число расстрелянных составило 2543 человека и превысило квоту в три раза¹⁹⁸.

В дополнение к этому тройка УНКВД Ленинградской области под управлением Заковского приговорила и расстреляла еще 1116 заключенных из Соловецкой тюрьмы ГУГБ¹⁹⁹. Большая часть расстрелов была проведена в течение пяти дней в конце октября и в начале ноября 1937 г. на дороге между Медвежьегорском в Повенцом около деревни Сандармох; почвы там песчаные с гравием, поэтому их легко копать. Капитан Ленинградского УНКВД М. Матвеев лично проводил около 200–250 расстрелов в день. Этот участок также использовался в 1937–1938 гг. для расстрела жителей Карелии, осужденных во время репрессий. Раскопки братских могил в 1997 г. показали, что там захоронено от 5 до 6 тыс. человек²⁰⁰.

10 и 25 ноября 1937 г. ленинградская тройка УНКВД подписала еще три протокола, содержащие имена 509 соловецких заключенных, которых надо было перевезти в Ленинград для расстрелов в декабре. 14 февраля 1938 г. тройка подписала один заключительный протокол с именами еще 200 заключенных, которые были расстреляны на острове, так как навигация на материк к тому моменту уже была закрыта²⁰¹.

Экономическая мощь НКВД увеличивалась вместе с арестами по всей стране. В сентябре 1937 г. Совнарком СССР декретом передал ГУЛАГу обширные лесные территории в девяти областях советского Севера (они не включали Каре-

¹⁹⁸ Там же. С. 146–147. Отмечу, что неопубликованные данные из докладов УНКВД Карелии в 8-й отдел ГУГБ НКВД в Москве свидетельствуют: в период между 5 августа 1937 г. и 25 января 1938 г. было на 59 казней меньше. Дополнительные 187 казней произошли между 25 января и серединой апреля. Нет данных о количестве расстрелов по директивам № 00485 (поляки) и № 00593 (русские) (АУФСБ РФ по РК. Фонд уголовных дел на лиц, снятых с оперативного учета. Д. 168. Т. 1. Л. 41, 104–110, 114). Списки заключенных ББК см. также: Дмитриев Ю. А. Поминальные списки Карелии. С. 844–1075.

¹⁹⁹ Иоффе В. Соловецкий расстрел 1937 г. // I. Drach et al. *Ostannie Adresa. Do 60-richchia Solovetskoï Tragedii*. Vol. 1. Kiev, 1997. P. 28.

²⁰⁰ Дмитриев Ю. А. Место расстрела Сандармох. Петрозаводск, 1999 (списки 5,5 тыс. казненных здесь человек). См. также: The Times. 1997. 5 июля. С. 14; Merridale C. *Night of Stone. Death and Memory in Russia*. London, 2000 (Introduction).

²⁰¹ Иоффе В. Соловецкий расстрел 1937 г. С. 28.

лию)²⁰². ГУЛАГ учредил семь новых лагерей в этих областях с рабочей силой более чем 100 тыс. человек. В декабре 1937 г. экономический совет при Совнаркоме передал лесные территории в Вологодской, Кировской, Свердловской и Красноярской областях НКВД²⁰³. В июне 1938 г. союзное правительство передало большое количество задолжавших предприятий (включая несколько карельских, которые попали под управление ББК) под контроль НКВД²⁰⁴. На эти предприятия НКВД направлял быстро увеличивающийся контингент заключенных. В течение 1937 г. 636 749 человек прибыли в ГУЛАГ (за 1936 г. население лагерей увеличилось на 47 %). В течение 1938 г. в лагерь попало еще 803 007 новых заключенных. Впервые население лагеря, без учета побегов, смертей и освобожденных лиц, превысило миллион человек²⁰⁵. В ББК также наблюдался стремительный прирост контингента в 1937 и в начале 1938 г., даже несмотря на то, что на это время пришелся пик расстрелов.

Цифры позволяют предположить, что увеличение спроса на принудительный труд, который стал доступен из-за массовых арестов, несмотря на расстрелы ГУТБ и третьего отдела ГУЛАГа, заставили НКВД расширить свою экономическую деятельность в системе лагерей. Конечно, увеличение производства для НКВД означало, что оно должно обеспечиваться необходимым количеством рабочих для выполнения поставленных экономических задач, что предполагало увеличение репрессий. В конце концов, и в 1936, и в 1937 г. более 44 % населения ГУЛАГа освободилось; это были самые высокие показатели с начала десятилетия. Весьма вероятно, что экономические ожидания основывались на увеличивающихся в конце 1937 г. репрессиях²⁰⁶. Однако кажется невероятным, что репрессии были задуманы для того, чтобы увеличить рабочую силу ГУЛАГа. Напротив, лагеря явно оказались не готовы к столь большому потоку заключенных,

²⁰² Совнарком СССР, 23 сентября 1937 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 22а. Д. 139. Л. 23–29, 31–32.

²⁰³ ЭКОСО Совнаркома, 23 сентября 1937 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 20а. Д. 56. Л. 3.

²⁰⁴ Сотрудник НКВД В. В. Чернышев председателю Совнаркома СССР Н. А. Булганину, 27 февраля 1939 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 117. Л. 24–25.

²⁰⁵ Земсков в: Население России в XX веке. Исторические очерки / под ред. В. Б. Жиromской. М., 2000. Т. 1. 1900–1939. С. 314.

²⁰⁶ Экономические аспекты террора см. B: Swianiewicz S. Forced Labour and Economic Development. An Enquiry into the Experience of Soviet Industrialisation. London, 1965 (особенно С. 133–136).

который наблюдался с середины 1937 г. Об этом свидетельствует цитата ББК о плохом финансировании, хроническом невыполнении плана, неполной занятости заключенных и росте числа забастовок и побегов.

Под руководством нового лидера М. М. Тимофеева, который вступил в должность 28 августа 1937 г., ББК больше не интересовался призрачным индустриальным планированием, а сосредоточился на выполнении квот по лесозаготовкам. Приоритетом Тимофеева стало усиление дисциплины среди заключенных и управляющих. В сентябре он сделал выговор отделу по лесозаготовкам за превышение запланированных расходов, заявив, что «необходимо раз и навсегда положить конец этому преступному отношению к неоспоримому принципу социалистической экономики: все средства должны расходоваться в соответствии с согласованными планами и оценками». Такие нарушения больше не наказывались партией: Тимофеев велел третьему отделу расследовать ситуацию и наказать виновных²⁰⁷.

Он намеревался также извлечь максимум прибыли из труда заключенных. Как мы знаем, в 1937 г. ББК потерял более 28 млн руб. в основном из-за низкого уровня дисциплины в лагере (количество сбежавших равнялось примерно 10 % его населения). Тимофеев сразу принял меры для восстановления порядка. Первым делом он издал приказ о замене заключенных, работавших охранниками лагеря (речь шла об осужденных сотрудниках НКВД и солдатах Красной армии, а также уголовных преступниках), на наемных из числа свободных граждан и об увеличении общего количества охранников для введения более строгого режима на объекте²⁰⁸. Однако мгновенно выполнить эту директиву не представлялось возможным, поэтому к концу года 37 % охранников ББК все еще составляли заключенные²⁰⁹. Тимофеев также значительно увеличил расходы на улучшение условий жизни и зарплаты охранников – эти статьи теперь составляли 15 % затрат лагеря²¹⁰.

Восьмого января 1938 г. Тимофеев приказал расстрелять 25 заключенных за попытку побега. Он также проинструктировал всех управляющих лагерей взять такой подход за основу «беспощадной кампании против побегов заключенных»²¹¹. В следующие ме-

²⁰⁷ Директива ББК, 22 сентября 1937 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 2. Д. 16. Л. 239.

²⁰⁸ Доклад о работе ББК за 1937 г., апрель 1938 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 13об.

²⁰⁹ Доклад «Отделы ББК» // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1–8. Л. 8.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 953. Л. 13об.

²¹¹ Цит. по: Семкин В. Белбалтлаг: приказы 1938 г. // Ленинградская правда. 1990. 5 апр. С. 3.

сяцы третий отдел регулярно проводил расстрелы заключенных. 1 января 1938 г. четвертый отдел ББК в Сегеже, который поставил 7019 работников-заключенных (6846 мужчин и 173 женщины) на целлюлозно-бумажный комбинат, поместил 57 из них в изоляционный блок (СИЗО). Четыре месяца спустя, 1 апреля, Сегежский лагерь нанял 8488 заключенных (в СИЗО на тот момент находились 377 человек, число которых увеличилось в пять раз)²¹². Маловероятно, что кто-то из заключенных пытался сбежать в то время; третий отдел, видимо, просто брал фамилии и документы из папок в алфавитном порядке. 18 января, например, было расстреляно семь человек с фамилией, начинающейся на «Г», еще семь на «Д» и двадцать семь на «К» и т. д. В июле, расстреляв уже почти 700 заключенных за попытку побега, Тимофеев хвастался, что квартальный план по лесозаготовкам выполнен на 107 %. К сентябрю 1001 заключенного расстреляли согласно директиве от 8 марта²¹³. Если сложить это с количеством уничтоженных карельской и ленинградской тройками в ходе «массовых репрессий», становится ясно: по меньшей мере 5497 заключенных ББК было расстреляно в 1937–1938 гг. Согласно опубликованным данным, уровень смертности в ББК, включая расстрелы и смерти «от естественных причин», составил 6216 человек (см. табл. 5.11). Поэтому невысокое количество «естественных» смертей может свидетельствовать о том, что Тимофеев использовал свою январскую директиву для устранения наиболее слабых, «непроизводительных» заключенных)²¹⁴.

Кажется, «беспощадная кампания Тимофеева против побегов» имела по крайней мере один неожиданный эффект. Как упоминалось выше, подразделения ВОХР всегда были головной болью: людей не хватало, им мало платили и плохо учили. Теперь они отвечали (вместе с охранниками из числа заключенных) за охрану обитателей лагеря, работавших в более чем 140 отдельных пунктах, рассеянных по обширной территории²¹⁵. Несмотря на попытки Тимофеева улучшить условия их жизни, введенная им жесткая дисциплина окончательно раз-

²¹² Данные на 1 января // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1-8. Л. 49; на 1 апреля // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1-9. Л. 48.

²¹³ Семкин В. Белбалтлаг: приказы 1938 г. С. 3.

²¹⁴ Земсков в: Население России в XX веке. С. 319. См. также Дмитриев Ю. А. Поминальные списки Карелии. 1937–1938. С. 844–1075.

²¹⁵ Первого января 1938 г. в ББК насчитывалось 2381 свободных охранников и 1408 охранников из заключенных, которые должны были следить за 79 428 заключенными (районные военные охраняли около 27 тыс. рабочих поселенцев ББК). См. доклад «Местоположение отделов ББК», 1 января 1938 г. // НАРК. Ф. 865. Оп. 32. Д. 1-8. Л. 38.

рушила моральный дух охранников. Появилось множество докладов о массовых пьянках, буйном поведении, самоубийствах, убийствах и насилии. В Майгубе охранники устроили забастовку, требуя улучшения условий жизни и работы. В результате за первые четыре месяца 1938 г. управление ББК сделало не менее 1526 письменных выговоров более чем одной трети охранников. Как заключили партийные руководители ББК в мае, беспорядки среди охранников облегчали процесс бегства заключенных²¹⁶.

Однако политика Тимофеева имела свои плюсы. В 1938 г. только 1701 заключенный совершили побег (2 % населения лагеря), и все, кроме 132 человек, были арестованы²¹⁷. Кроме того, ББК перевыполнил план по лесозаготовкам на 20 %. Годовой отчет ББК приписывал такой успех «улучшению организации работы», устранению сезонности и удвоению числа заключенных-стахановцев. Но за такое пристальное внимания Тимофеева к лесозаготовкам пришлось заплатить немалую цену: планы ББК по обработке древесины, мебельному производству и т. д. (кроме плана по шитью шапок, который перевыполнили на 338 %) не выполнялись²¹⁸.

СОКРАЩЕНИЕ РАСХОДОВ И ЭКСПАНСИЯ, 1938–1939 гг.

В конце сентября 1937 г. лидеры Карелии решили ввести для населения письменный карельский язык вместо финского и использовать кириллицу²¹⁹. В первую неделю января 1938 г. ЦК приказал закрыть

²¹⁶ Доклад на партийном съезде райкома ББК «О политическом и моральном состоянии военных охранников», май 1938 г. // КГАНИ. Ф. 38. Оп. 1. Д. 13. Л. 186–188.

²¹⁷ НАРК. Ф. 865. Оп. 36. Д. 14. Л. 1–10, опубли. в: ГУЛАГ в Карелии. С. 159–164. По подсчетам число сбежавших из ГУЛАГа составило 58 264 человека (6,4 % годового населения) в 1937 г. и 32 033 человека (2,8 %) в 1938 г. // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1155. Л. 2, цит. по: Население России в XX веке. С. 314.

²¹⁸ Доклад ББК за 1938 г., без даты // ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1125. Л. 18.

²¹⁹ См.: Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии, 1920–1940 гг. // М. И. Шумилов. Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 61; Анттикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е – 1930-е гг. // В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920 – 1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 214–218; Austin P. M. Soviet Finnish: the End of a Dream // East European Quarterly. 1987. № 21 (2) P. 193 (гл. 2, прим. 107 и выше).

республиканскую газету на финском языке и учредил новую – на карельском (издаваемую на кириллице)²²⁰. Обучение в начальной школе также следовало вести на карельском языке вместо финского. Старшие классы должны были учиться по-русски, пока новый письменный язык не достигнет достаточного развития²²¹. Прекращение использования финского языка в Советской Карелии наконец лишило территорию двойного периферийного статуса и трансграничных перспектив пространственного развития.

В то же время первый секретарь обкома Карелии Н. И. Иванов вместе с главой НКВД Матузенко направили усилия на то, чтобы очистить территорию от оставшихся финнов. Как он заявил в своей пятичасовой речи на XIV съезде обкома Карелии 14 июня 1938 г. (день, когда Гюллинг был расстрелян в подвалах Лубянки в Москве), Гюллинг и Ровио сговорились, чтобы передать Карелию Финляндии²²². После 1935 г. Ирклис и другие поддержали мятеж красных финских кадров и объединили их с социалистическими революционерами, меньшевиками и националистическими элементами Карелии. «Если вы русский или карел, оставайтесь с нами, – говорил Иванов, – если вы финн, идите к другим финнам!»²²³ Как член карельской тройки с конца сентября 1937 г., Иванов неоднократно просил Москву увеличить квоту на расстрелы в республике; он собственноручно подписал смертные приговоры более 6 тыс. местных жителей²²⁴. На XIV съезде обкома он сказал, что его целью было превратить Карелию в «неприступную крепость социалистической страны»²²⁵.

Однако к июню 1938 г. компартия Карелии была измучена бесконечными чистками Иванова, который к тому времени истребил большинство руководящих сотрудников и много сотен ключевых экономи-

²²⁰ Оргбюро ЦК, 4 января 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 837. Л. 126–128. ЦК также заявил, что учение марксизма-ленинизма надо перевести на узбекский, таджикский, казахский, татарский, башкирский, армянский, туркменский, киргизский и т. д., и эти языки должны перейти на кириллицу.

²²¹ См.: Речь Н. А. Иванова на XIV региональном партийном съезде Карелии, 14 июня 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1918. Л. 66; Austin P. M. Soviet Karelian: the Language that Failed // *Slavic Review*. 1992. № 51 (1). P. 16–35.

²²² Ровио был расстрелян 21 апреля в Москве. См.: Такала И. Дело Гюллинга–Ровио. С. 54–55. О казне Гюллинга см.: Яровой А. О «карелизации», «финнизации» и «хромом барине». С. 143.

²²³ Стенограмма // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1918. Л. 38–39, 184.

²²⁴ Чухин И. Карелия-37. С. 115.

²²⁵ Стенограмма // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1918. Л. 108.

ческих и административных специалистов республики. Поэтому она попыталась остановить репрессии²²⁶. Один из немногих выживших членов команды Иркиса, руководитель отдела партийных кадров обкома М. Д. Леонинок был раскритикован за то, что дал районным секретарям данные об исключенных во время проверки и замены партийных документов. «Сколько вы исключили? – спросили его. – Восемнадцать человек. – Слишком мало. Надо исключить еще!»²²⁷ Члены партии также начали опасаться антифинской компании, которая напоминала преднамеренную попытку полностью уничтожить их как этническую группу (хотя никакой центральной директивы с такими указаниями не было). Секретарь Кемского райкома напомнила съезду, что ранее Иванова уже расспрашивали об его антифинском фанатизме. «Неужели все финны мерзавцы и среди них нет ни одного честного человека?» Она уже жаловалась на поведение Иванова в ЦК, но так и не получила ответа. Все же Москва, очевидно, согласилась с мнением, которое совпало с возрастающим беспокойством по поводу масштабов репрессий. В конце своей речи секретарь объявила, что получила указание из ЦК уволить Иванова и заменить его Г. Н. Куприяновым, молодым секретарем райкома из Ленинграда²²⁸. Сообщается, что начальник Куприянова второй секретарь Ленинградского обкома А. А. Кузнецов послал его в Карелию со словами: «НКВД в республике перебили все наши кадры. Все, что от тебя требуется, это навести порядок»²²⁹.

Однако репрессии продолжались, достигнув апогея в конце лета. Главными целями Куприянова на тот момент были выполнение военных стратегических задач в дорожном строительстве, предусмотренных третьим пятилетним планом, и подготовка населения Карелии к возможной войне²³⁰. ББК должен был обеспечить основные поставки рабочей силы для оборонного строительства в республике.

²²⁶ Иванов заявил, что с октября 1937 г. чисткам подверглись 485 коммуниста, в т. ч. 136 человек, занимавших руководящие посты (они были репрессированы), см.: Стенограмма // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1920. Л. 4, 83.

²²⁷ Стенограмма. Там же. Л. 13. Леонинок был арестован 20 июня, см.: Чухин И. Карелия-37. С. 114.

²²⁸ Стенограмма // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 1920. Л. 68, 121. См. также: Политбюро, 17 июня 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1000. Л. 17.

²²⁹ Цит. по: Чухин И. Карелия-37. С. 115.

²³⁰ Военные аспекты третьей пятилетки см. в: Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999. С. 115, 166 и т. д.; К. А. Мерецков. На службе народов. Москва, 1969; В. С. Алешин. Партийное руководство оборонно-массовой работы в Карелии в предвоенные годы (1938 – июнь 1940 гг.) // Вопросы истории КПСС: сборник статей кафедры истории КПСС / под ред. Н. Н. Шушкина. Петрозаводск, 1974. С. 34–49.

Тридцатого ноября 1939 г. Молотов объявил, что Советский Союз односторонне разрывает Договор о ненападении с Финляндией. Длвшиеся целый год переговоры, в том числе и советское предложение передать всю восточную Карелию к северу от Ленинграда финнам, закончились неудачей. Тогда же Красная армия совершила «превентивное наступление» через государственную границу в западную Финляндию²³¹. После подстрекательства Жданова 2 декабря Отто Куусинен создал финское правительство, которое должно было рассмотреть декларацию о Финской Народной Республике. Советское правительство согласилось передать новому социалистическому государству все пограничные районы в советской Карелии с карельским населением, что составляло приблизительно половину ее территории. Казалось, мечта Гюллинга об отмене «неестественной» государственной границы, разделявшей карельский и финский народы, над осуществлением которой он работал 15 лет, наконец сбылась, хотя и с применением военных средств. Эти приготовления были однако преждевременны. Финские рабочие не смогли объединиться для поддержки советских сил, поэтому Красной армии не удалось одержать полную военную победу. Поражение советских вооруженных сил в «зимней войне» произошло из-за трудностей по доставке запасов и продовольствия в пограничные районы Карелии, где было по-прежнему мало дорог, несмотря на ускоренное строительство в течение предыдущих двух лет²³².

Вместо этого 31 марта 1940 г., спустя три недели после объявления войны Финляндии, Советская Карелия, территория которой увеличилась после включения района Сортавала финской Западной Карелии к северу от Ладожского озера, была преобразована в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. Новая союзная республика признала карелов частью финского народа, а их язык – диалектом финского языка. Ввиду будущего объединения с остальной частью Финляндии и окончательной отмены государственной границы, российский лидер Карело-Финской Республики Куприянов восстановил национальную политику и систему двойной периферии красных финнов в Советской Карелии. (Конечно, эти территориальные амбиции не могли реализоваться, и Карелия и ее население продолжали далее растворяться в многочисленных славянских поселениях в послевоенные годы. В 1956 г. республике дали статус автономии, ничего не менялось вплоть до распада Советского Союза. Можно только догадываться, какой бы у нее был статус, останься она союзной республикой до 1991 г.)

²³¹ О дипломатических маневрах СССР и подготовке к войне 1939 г. см.: van Dyke. The Soviet Invasion of Finland. Ch. 1.

²³² Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства. С. 181–194, 249.

ББК: модернизация и реформа

С весны 1938 г. советский режим стремился ограничить репрессии, которые начались в предыдущем году²³³. В ноябре Л. П. Берия занял вместо Ежова должность наркома внутренних дел. Под управлением Берии ГУЛАГ провел реформы по трем направлениям: остановил произвольные убийства в трудовых лагерях, начал эффективнее эксплуатировать рабочую силу, сократил и рационализировал экономическую деятельность.

Стратегия Берии упорядочить сложный союз партии и НКВД, чтобы четче распределить функции между политическими и репрессивными органами, привела к роспуску райкома ББК в конце 1938 г. и восстановлению в лагере политотдела, который подчинялся непосредственно ЦК в Москве²³⁴. Новый нарком также принял меры, чтобы уволить чиновников прежней администрации ГУЛАГа. Однако в этом вопросе Берия воспользовался прецедентом. Уже в марте Матузенко приказал арестовать двух работников Тенисона, заместителя начальника третьего отдела ББК А. Ф. Шондыша и начальника пятого подразделения третьего отдела И. А. Бондаренко по обвинению в том, что они подтасовывали результаты следствий, плохо обращались с заключенными и собственностью. В течение 1938 г. многие работники третьего отдела, связанные с Тенисоном и его начальником Заковским, в т. ч. серийный убийца Матвеев, главный следователь Долинский и комендант СИЗО ББК М. А. Андриенко, были арестованы. Они обвинялись, помимо всего прочего, в том, что до смерти забивали заключенных деревянными палками и острыми металлическими прутьями во время казней в начале 1938 г. в Сандармохе. Но дело рассматривалось в течение года, а решение так и не было вынесено. 26 декабря 1938 г. Берия приказал арестовать Матузенко, осужденного не только Ежовым и его помощниками по «антисоветскому заговору», но также и Куприяновым (его бывшим коллегой по республиканской тройке), за «избиение» местных кадров и «большую снисходительность к позорной работе третьего отдела ББК». Это, кажется, дало новый импульс делу о третьем отделе ББК: в мае 1939 г. военный трибунал НКВД приговорил к смерти Шондыша, Бондаренко и других. В октябре приговор был приведен в исполнение в тюрьме Петрозаводска²³⁵.

²³³ Getty J. A., Naumov O. The Road to Terror. P. 491–552.

²³⁴ Очерки истории Карельской организации КПСС / под ред. Я. А. Багаурова. Петрозаводск, 1974. С. 309.

²³⁵ Чухин И. Карелия-37. С. 109–110, 126–127. Матузенко был расстрелян в январе 1940 г., см.: Петров Н. В., Сорокин К. В. Кто руководил

Конечно, реформы Берии не означали либерализации режима, скорее они были направлены на повышение эффективности работы лагеря. Поэтому он распорядился прекратить увольнения заключенных специалистов из управления лагеря, улучшить поставки продовольствия и одежды в лагеря, усилить дисциплину и прекратить практику досрочного освобождения. Следовало увеличить порции для заключенных, занятых на тяжелых работах, а также ужесточить наказания для «нежелающих» работать вплоть до смертной казни²³⁶. Берия также стремился рационализировать экономическую деятельность ГУЛАГа, сконцентрировав усилия на меньшем количестве проектов, а именно на военном строительстве на Дальнем Востоке и на лесной промышленности, а также изменив задачи управления²³⁷. Теперь лагеря специализировались на каком-нибудь одном производстве. Для ББК таким производством были лесозаготовки. Согласно третьему пятилетнему плану ББК получал достаточно инвестиций, чтобы закончить строительство Сегежестроя и Туломской ГЭС. В марте 1939 г. ББК был подчинен Управлению лесной промышленности ГУЛАГа. В феврале 1941 г. комбинат перешел из системы ГУЛАГа под юрисдикцию нового Главного управления лесной промышленности лагерей НКВД (ГУЛЛП), главой которого назначили Тимофеева²³⁸.

К тому времени ББК почти не занимался другими производствами. Во-первых, в декабре 1938 г. Берия попросил передать Беломорканал Наркомводу. Это, по его мнению, должно было объединить управление Больших Северных и Северо-западных водных маршрутов. Недавно уволенный Ежов (который являлся наркомом водного транспорта с апреля 1938 г.) поддержал требование Берии, и в марте 1939 г. Совнарком СССР передал канал²³⁹. Позднее Наркомлес получил управление Сегежским целлюлозно-бумажным комбинатом,

НКВД. С. 293. О Матвееве см.: Иоффе И. Соловецкий расстрел 1937 г. С. 28–29.

²³⁶ Подробнее см.: Baron N. Production and Terror. P. 175–176.

²³⁷ Берия Молотову, 10 декабря 1938 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 59. Л. 18; 24 апреля 1939 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 76. Л. 6–9.

²³⁸ О переводах см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 гг.: справочник / под ред. М. Б. Смирнова. М., 1998. С. 162–163. О назначении Тимофеева см.: Петров Н. В., Сорокин К. В. Кто руководил НКВД. С. 414. О ГУЛЛП см.: Bacon E. The Gulag at War. Stalin's Forced Labour System in the Light of Archives. Basingstoke, 1994. P. 59; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 111–112.

²³⁹ Молотов в политбюро, без даты (начало 1939 г.), и резолюция Совнаркома, 23 марта // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 59. Л. 18–20.

после того как ББК завершил строительство главного завода. Он предпринял меры, чтобы нанятые свободные рабочие трудились отдельно от заключенных, которые заканчивали строительные работы. В октябре 1939 г. ББК передал этих заключенных во вновь учрежденный Сегежский исправительно-трудовой лагерь²⁴⁰.

Особенно поражает символичная реформа структуры ББК, проведенная Берией в конце года. В октябре он попросил Молотова закрыть тюрьму НКВД на главном Соловецком острове: у НКВД было достаточно места и в других тюрьмах, а ежегодное содержание одного заключенного в этой обходилось государству в 14 тыс. руб. в то время как в других местах заключения – 2 тыс. руб. Он предложил передать Соловецкие острова под юрисдикцию Совнаркома Карелии (хотя они принадлежали Архангельской области, несмотря на многочисленные запросы Карелии об их передаче в предыдущие два десятилетия)²⁴¹. Адмирал Н. Г. Кузнецов попросил передать острова Северному флоту, так как они охраняли северный вход в Беломорканал и порты Сорока и Кемь в Белом море, а также залив Кандалакши²⁴². Лидеры Карелии, озабоченные приготовлениями к войне, согласились. Соловецкий архипелаг был передан под юрисдикцию морского флота декретом Совнаркома СССР от 25 ноября 1939 г.²⁴³ Так завершился шестнадцатилетний террор на островах.

После зимней войны 1939–1940 гг. Москва продемонстрировала энтузиазм по поводу развития Карелии, полагая, что недавние территориальные завоевания помогут заложить основу для будущего расширения на запад. Однако ББК не получил второго шанса, чтобы реализовать свои грандиозные индустриальные планы предыдущего десятилетия. В течение 1940 г. управление ГУЛАГа передало заключенных ББК, которые работали на новых строительных объектах, независимым властям лагеря. В следующем году эти лагеря вышли из системы ГУЛАГа и стали подчиняться новому главе управления НКВД. В конце 1940 г. Главное управление лагерей по гидроэлектрическому строительству учредило новую структуру, отдельную от ББК, для строительства алюминиевого завода в Маткоже и ГЭС, первоначально запланированного на начало 1930-х гг., но

²⁴⁰ Чиновник Совнаркома НКВД Г. В. Филаретов Молотову, Наркомлес Молотову, январь 1939 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 59. Л. 8–9; Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 390.

²⁴¹ Берия Молотову, 26 октября 1939 г. // ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 23а. Д. 104. Л. 7–8.

²⁴² Кузнецов Молотову, 29 октября 1939 г. Там же.

²⁴³ Декрет. Там же. Л. 1, 8.

отложенного на середину десятилетия из-за отсутствия инвестиций (см. главу 5)²⁴⁴.

В июне 1941 г. НКВД прекратил всю деятельность в Карелии и эвакуировал заключенных в восточном направлении из-за финского вторжения²⁴⁵. Несколько месяцев спустя ББК окончательно распустили. Это не было концом ГУЛАГа Карелии; заключенные продолжали работать в незахваченных восточных районах, а после войны принудительный труд активно использовали для восстановления экономики и инфраструктуры республики.

²⁴⁴О Мончегорлаге (здание Североникеля на Кольском полуострове) см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. С. 327; о Канда-лакшстрое (алюминий, химическая промышленность, НиваГЭС) там же. С. 283; о Пудожстрое (металлургическая фабрика) там же. С. 365; о Маткожлаге там же. С. 321.

²⁴⁵Во время эвакуации бóльшая часть архивов ББК утонула в Онежском озере, см.: Семкин В. Архипелаг Белбалтлаг // Ленинградская правда. 1989. 17 июня. С. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КАРЕЛИИ

Я решил проследить историю большевистских и сталинских пространственных концепций и политики в надежде, что она покажет некоторую, до настоящего времени незамеченную динамику советского государственного развития в межвоенный период. Помимо осознания того, какие заключения из данного исследования мы можем сделать, важно понять и то, в какой степени по истории Карелии можно судить о строительстве советского государства в целом, развитии территориальной политики и методах управления в этот период. (Конечно, не следует переносить выводы из этого социологического исследования на динамику военного, послевоенного развития или постсталинский период, так как это время не входит в хронологические рамки работы.)

Может показаться, что природа этого исследования до некоторой степени диктует ответ на него. Если бы в 1920-х гг. советское пространство осталось дифференцированным, состоящим из разнообразных и плохо управляемых или в большей или меньшей степени самоуправляемых региональных пространств, таких как автономная республика Карелия, то, изучая этот период, надо было бы ориентироваться на обобщенные данные какого-то регионального социологического исследования. Если бы 1930-е гг. впоследствии признали временем прогрессивной гомогенизации советского пространства, то это означало бы, что мы можем получить адекватные заключения из каждого случая. Но даже относительно 1930-х гг. было бы наивно полагать, что можно что-то обобщать, не учитывая региональные изменения. Даже если использовать одну и ту же политику и процессы, придерживаясь центральной концепции пространственной однородности и не учитывая региональные особенности территории, работы там и взаимодействия в той или иной области, скорее всего, они будут очень отличаться даже в рамках одного государства. Опираясь на теорию производительности современного пространства Лефевра, можно предположить, что специфическая жестокость репрессий в Карелии определенно исходила из этого противоречия между логи-

кой централизованного режима пространственной «последовательности и сплоченности» и региональными реалиями национального и географического различия¹.

Согласно Лефевру, современная «центрированность» отличается от центрированности более ранних пространственных формирований, в которых она «стремится быть полной [и] претендует, неявно или явно, на ведущую политическую рациональность». Сама современность порождает двигатель централизации. В свою очередь, центр придерживается холодного технократического расчета – он «стремится выполнить свою миссию “обобщения” без углубления в философию, чтобы поддержать в первую очередь ее стратегическую составляющую». Его «взаимодействие» с периферией «очень сложное» и хорошо продуманное. «Центрированность может превратиться в прикладную логику (стратегию)». Однако, попадая на периферию, эта «прикладная логика» неизбежно сталкивается с диалектическими противоречиями. Следовательно, центрированность может «также развалиться или потерять свою идентичность в целом»².

Данное исследование рассматривает сталинизм как динамичную систему модернизации. Однако не стоит ставить сталинизм в одну категорию со всеми другими формами государственного правления в XX столетии в соответствии с всеобъемлющим понятием «современность». Сталинский режим в отличие от режимов в либеральных демократических государствах придерживался стратегии централизации с большей интенсивностью и жесткостью, которые можно охарактеризовать как патологические, так как он с самого начала подавлял структурные конфликты, являвшиеся результатом конфронтации центра с периферией³. Как и в других государствах, уже переживших смену государственного строя, сталинская власть преследовала свое «обобщение» целей «без какой-либо философии», – марксизм-ленинизм мог предложить более или менее подходящие решения для постреволюционного строительства государства, хотя

¹ Lefebvre H. *The Production of Space*. Oxford, 1991. P. 333. Отмечу, что Лефевр в основном описывает современный капитализм. Как марксист, он исследует существование явно выраженного «социалистического пространства» (53).

² Там же. С. 332–333, полностью цитируется в начале работы.

³ См.: Fox M. D. *Multiple Modernities vs. Neo-traditionalism: on Recent Debates in Russian and Soviet History* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2006. № 54. S. 535–555. Я не берусь предполагать, произошел ли сталинизм из неотрадиционализма или (революционных) современных тенденций: как всегда, реальность противостоит отдельным концепциям.

идеология использовалась для оправдания предпринятых мер и объяснения трудностей, с которыми можно столкнуться. Пространственная «миссия сталинизма» была в первую очередь обусловлена просто «стратегическим» расчетом, в котором определяющим фактором являлось восприятие безопасности государственной границы (до такой степени система была «центрально-погранична»). «Главная политическая рациональность сталинизма» состояла в обеспечении выживания социалистической родины и мировоззрения (и, учитывая культ личности, также личной власти диктатора) посредством закрытия границы и всеобщей внутренней мобилизации, чтобы государство «не разрывалось» изнутри или не находилось под угрозой иностранного вмешательства.

Если современная «центрированность» исключительна и гомогенна (предположение, которое игнорирует разнообразие конкурирующих интересов, составляющих «центр»), то современная «периферийность» является динамичной, но неустойчивой и переоцененной в диалектической связи с центром. Региональные истории в той или иной мере основаны на разных мнениях о сотрудничестве или конфронтации. В работе прослеживаются истоки, формы и последствия советских отношений по модели центр–регион в одном региональном пространстве. Ниже пойдет речь о том, в какой степени социологическое исследование Карелии доказывает гипотезы, упомянутые в начале этой работы и характеризующие динамику сталинского государственного развития. Еще предстоит изучить в какой-нибудь другой работе, до какой степени мои выводы применимы для других советских территорий, включая не национальные, не приграничные регионы и наиболее развитые в промышленном отношении территории, а также до какой степени применима теория Лефевра о современной государственной центрированности политико-территориальных формирований.

Установить полную изоляцию от внешнего мира (т. е. преобразование пограничных периферий в закрытые пограничные области). Когда большевики пришли к власти, у них не было никаких планов построения революционного строительства государства или какого-либо представления о том, какую территориальную структуру или пространственную форму выбрать. Марксистско-ленинская идеология смогла решить эту проблему. После 1917 г. партия большевиков следовала двум импульсам: к мировой революции, что подразумевало устранение национальных границ и движение к мировому государству, и к консолидации государственности, что требовало защиты территориальных границ. В течение первых лет режим колебался между этими тенденциями, подгоняемый революционными амбициями, но остановленный интервенцией и Гражданской войной. На северо-западе

РСФСР этот конфликт проявился в дебатах об автономии Карелии: в то время как сосланный красный финн Гюллинг видел возможность использования области как основы для социалистического расширения на запад, другие деятели, считавшие приоритетной защиту государственной территории, выступали против предоставления Карелии автономии. Вмешательство В. Ленина гарантировало принятие плана Гюллинга, что также выявило дипломатическую необходимость принять мирное соглашение с Финляндией. Поэтому автономия Карелии с самого начала может характеризоваться как «двойная»: хотя территория находилась в Советской России и была связана политически (первоначально в меньшей степени), административно и экономически с Москвой, ее лидеры рассматривали Скандинавию как «центр» своей национальной культурной специфики (о чем см. далее) и как «центр» будущего территориального объединения.

Захват Сталиным политической власти в середине 1920-х гг. определил в качестве приоритетных задач закрытие границы и защиту государственной территории. Это было предварительным условием для полной мобилизации внутренних ресурсов и консолидации органов политической безопасности и индустриальной власти «окруженной» врагами социалистической родины в подготовке к неизбежной войне в будущем (хотя это не отменяло временное сотрудничество и обмен с капиталистическими странами). В стратегическом значении программа «социализма в одной стране» означала усиление внешней государственной границы как первого оборонительного рубежа против интервенции, а также развитие пограничной области (в политическом и экономическом плане она теперь определялась как особая дискретная «область») – как второго оборонительного рубежа.

Для сталинского руководства пограничная ситуация в Карелии была единственной отличительной особенностью автономной республики, а спокойные отношения с Финляндией между 1923 г. и концом десятилетия означали, что оно обращало минимум внимания на область. Для красных финских лидеров Карелии граница в эти годы имела мало значения; для них она была всего лишь временным территориальным явлением, которое исчезнет после возобновления революции или социалистической реформы в Финляндии. На тот момент декрет разрешал использование финского языка и развитие финской культуры в Карелии для облегчения ее возможного объединения с Финляндией. Приграничное сотрудничество продолжалось, особенно это касалось беспощинного ввоза продукции в пограничные районы из соседних капиталистических стран, а также экспорта древесины, особенно через концессию «Реполалес» (которая просто сплавила лес через государственную границу по западным рекам – экономическое пространство, которое определялось отнюдь не политической географией области).

Двойной статус периферии Карелии сохранился вплоть до 1930-х гг. Однако осознание в СССР растущей опасности с запада и, после 1933 г. новые подозрения о политических и военных отношениях Финляндии с нацистской Германией заставили режим обратить больше внимания на закрытие северо-западной границы. По политическим, стратегическим и географическим причинам граница Карелии всегда играла второстепенную роль по сравнению с украинской и белорусской границами с Польшей и Румынией. Даже в Северо-Западной области (как было определено Ленинградским военным и Ленинградским пограничным округами, которые включали автономную республику) карельский участок государственной границы считался менее существенным, чем ленинградский сектор, на котором советская территория занимала только 12 км непосредственно к северу от города. Однако стратегические проблемы Москвы вызвали радикальное изменение политики по отношению к автономной республике в течение десятилетия. Автономия Карелии была отменена, а ее экономическая роль, в значительной степени ограниченная лесозаготовками и обработкой леса, переориентирована с внешнего на внутренний рынок. Красные финские лидеры Карелии со своими трансграничными перспективами были отстранены, а республика сначала попала под контроль Ленинграда, а затем и Москвы. В то время как советская риторика с середины десятилетия усилилась, что означало обострение классовой борьбы и даже опасность интервенции, подрывной деятельности и вторжения, население и лидеры Карелии подвергались бесконечным репрессиям. Это особенно затрагивало финских иммигрантов и местное население пограничных районов, многие из которых обвинялись в шпионаже, который был зафиксирован органами безопасности в течение предыдущего десятилетия. В то же время советский режим предложил помощь пограничным районам Карелии, чтобы стимулировать их экономическое и культурное развитие, обеспечить лояльность и бдительность местного населения, а также способствовать развитию инфраструктуры для начала военной операции.

Цель сталинской политики 1930-х гг. состояла в том, чтобы устранить все следы двойной периферии Карелии со стороны как пространственного восприятия ее лидерами, так и реальных пространственных отношений республики, а также обеспечить ее абсолютную и исключительную приверженность советскому центру. Социологическое исследование Карелии также показывает, что с середины 1920-х до конца 1930-х гг. сталинский режим стремился к полной пространственной изоляции и присоединению территории республики как основному детерминанту развития периферийных областей и государства в целом. (С конца 1939 г. можно говорить о том, что появилось новое советское

восприятие государственного пространства с момента предоставления новых возможностей, а «общая» энергия режима снова пересекла его границы, переориентировав с внутренней мобилизации на имперское расширение, – процесс, прерванный войной, но возобновленный в Восточной Европе в послевоенный период.)

Таким образом, советская государственная граница не только структурировала и символично отобразила «прикладную логику центра» с ее пространственной составляющей, но и обобщила стратегическое восприятие проблем безопасности, которые породили определенную стратегию (являющуюся своеобразным тестированием для большого диапазона наблюдений и методов безопасности, впоследствии введенных в обиход и ставших неотъемлемой характеристикой сталинизма). В этом отношении сталинскую систему в межвоенный период можно назвать «центральной границей»⁴.

Установить полный административный и политический контроль над перифериями, устранив право на территориальную целостность или автономию (т. е. учреждая региональные подразделения и структуру, подлежащую большему центральному контролю). Как только советским лидерам стало ясно, что некоторая форма временной государственности не была столь необходима для контроля территории, над которой они имели призрачную власть, им нужно было решить, какой станет внутренняя пространственная структура этого государства. Прагматичная большевистская политика национальностей по идеологическим причинам обещала разным народам царской империи автономию вплоть до права на отделение; многие из них с энтузиазмом участвовали в революционном движении (и среди них, безусловно, было много непосредственных лидеров большевиков). Несмотря на одиночные призывы к объединенной государственной структуре, советские лидеры приняли решение об учреждении федерации, которая будет включать иерархию автономных республик, областей и районов. Эта форма региональной организации в 1920-е гг. взяла на себя ответственность за экономический принцип районирования, который, по задумке, должен был основываться на социалистической плановой экономике. Наличие национальных автономий сильно усложнило и запутало процесс экономического планирования, который во второй половине десятилетия развивался медленно.

Для Карелии (как автономной республики) такая территориальная политика означала широкую свободу деятельности в первое де-

⁴ Я развиваю мысль о том, что «центр развивался изнутри» в: Baron N. La revolution et ses limites: conscience de la frontiere sovietique et dynamique du developpement regional, 1918–1928 // La frontiere communiste de l'Europe. De la revolution d'Octobre a la destalinisation / ed. Coeure S., Dullin S. Paris, 2007, 2008.

сятилетие ее существования в смысле управления и экономических прав, которые в большинстве отношений были сопоставимы с такими для союзных республик. Однако региональные границы Карелии в Советской России устанавливались не просто в соответствии с этнографическими критериями и основополагающим национальным принципом, но также при этом учитывались экономические принципы. Территориальная «гибридность» Карелии не только усилила ее экономическую жизнеспособность, но и с самого начала подрывала национальную особенность. С расширением границ Карелии, включением в нее больших руссконаселенных областей и существенной российской внутренней миграцией стратегия «двойной периферии» лидеров республики и трансграничные цели все менее соответствовали демографической действительности.

Целостность республики была подрвана наличием других властей, также имевших территориальную юрисдикцию, в особенности – Мурманской железной дороги, а со второй половины десятилетия – специальной системы лагерей ОГПУ, которая сначала располагалась на Соловецких островах, но со временем распространялась на материковую часть Карелии. Подчинение компартии Карелии Ленинграду (сначала Северо-Западному бюро, потом Ленинградскому обкому) потенциально ограничивало территориальную автономию Карелии, хотя в 1920-х гг. карельская компартия была слабой и мало влияла на региональное развитие.

В течение 1930-х гг. была умело разрушена территориальная целостность Карелии. Во-первых, центральный план предпочитал отраслевую организацию региональной. Противоречия в процессе районирования в предыдущее десятилетие теперь превратились в хаотичное, часто несвязное территориальное планирование. Это лишь отчасти проявлялось в административном подчинении региональных предприятий и трестов центру, что еще больше уменьшило область территориальной власти Карелии. Во-вторых, ББК получил юрисдикцию над огромной областью в центральной Карелии и одну пятую ее лесных ресурсов. В-третьих, увеличивающееся вмешательство контрольных органов режима, особенно КПК и НКВД, в деятельность области лишало ее свободы административного управления на своей территории. Можно говорить, что Карелия с 1935 г. стала «колонией» Ленинграда. С 1937 г. она подчинялась непосредственно Москве. Наконец, в 1938 г. Москва решила передать важный район – Кандалакшу – новой Мурманской области, что имело символический характер для автономной республики. Теперь лидеры Карелии уже не протестовали против такого радикального пересмотра ее границы.

Результаты этого исследования, очевидно, требуют изменения первоначальной гипотезы. Для первого десятилетия советского прав-

ления не была характерна динамика увеличения административного контроля над периферией. Действительно, территориальная структура была задумана так, чтобы внедрить не централизованный контроль, а автономное национальное и региональное развитие. Конечно, централизованная партийная структура должна была смягчить деконцентрацию административной власти: отношения центр–регион в первое десятилетие советского правления в большой степени свидетельствовали о мощи партийных лидеров и организации в различных областях и поэтому не могут обобщаться.

Только в 1930-е гг. можно заметить попытки усилить центральный контроль, который абсолютно обесценил региональную территориальную целостность. Это началось с процессов, описанных выше: стремительное закрытие внешней границы из-за стратегической позиции и проблемы пограничной безопасности, что привело впоследствии к одностороннему восприятию внутреннего административного пространства. Тезис о том, что сталинский режим придерживался единственной стратегии пространственной консолидации, позволяет понять динамику политики центра по отношению к периферии. Однако необходимо сделать три поправки к этому утверждению. Во-первых, необходимо учитывать существование различных, время от времени конфликтующих интересов в «центре». Во-вторых, разные периферии имели отличающиеся представления о своей пространственной роли, поэтому спорили с «позицией» центра, что частично объяснялось местной спецификой. Вмешательство центра в те или иные области носило неодинаковый характер. Пространственное видение Карелии Гюллингом и влияние, которое он временно имел в центре (это дало ему право воплощать свое видение на периферии, несмотря на этнические, территориальные и институциональные интересы, которые ему противоречили) почти уникальны. (Возможно, они сравнимы с пространственным видением Молдавии, хотя посланные румынские коммунисты никогда не имели такого влияния на советское руководство, как красные финны.) Исследуя стремления и амбиции этих разнообразных территорий, которые попадают под определение «периферия», нужно различать пограничные и не пограничные районы, национальные и не национальные области.

В-третьих, Москва внедряла свою стратегию территориальной консолидации и централизовала управление с различной интенсивностью не только в разных местах, но и в разное время. По стратегическим соображениям советские плановые и контрольные органы уделяли первостепенное значение западным и дальневосточным границам государства. Советские лидеры также хотели, чтобы директивы наиболее значимым областям были «сигналом» для других, таким образом устранив или отсрочив необходимость прямого вмешательства

в жизнь каждого региона. Как известно из главы 5, красные финны в Карелии хорошо осознавали те «уроки», которые они должны были усвоить из нападков Москвы в 1933 г. на украинский «местный национализм», даже учитывая то, что более двух лет они продолжали придерживаться своих политики и подхода к решению разных вопросов.

Установить общий культурный контроль над перифериями, лишив их права на национальную особенность (т. е. привив им недифференцированную нормативную политическую культуру). Теперь давайте разберем заявление красных финнов о национальной, этнической и культурной особенности Карелии, а также о расширении центральных прав периферии. Здесь важно напомнить, что в марте 1922 г. Сталин, тогда народный комиссар национальностей, поддержал «революционный национализм Гюллинга», его методы управления и политику, особенно в вопросах использования «финско-карельского» языка в республике. Действительно, в 1920-е гг. советские лидеры поощряли коренизацию местных языков и культур. Единственным пунктом споров по поводу Карелии оставался вопрос, какой язык нужно считать родным (подобный спор возник в Молдавии, но был решен в пользу молдавского, а не румынского языка). Решение этого вопроса зависело от влияния красных финнов в центре, советских амбиций и отношений с Финляндией.

В то же время, как уже говорилось, непреклонность Гюллинга в вопросе национально-экономических границ, объединение против его воли (но с его согласия) российских областей с Карелией и массовая внутренняя миграция некарелов без целенаправленной денационализации политики подорвали национальную специфику автономной республики даже в условиях благоприятного климата 1920-х гг.

Начало 1930-х гг. характеризовалось изменением центральной политики: от продвижения национального различия к усилению культурной однородности всего Союза и автономных республик. Становилось все более очевидным, что центральные нормы должны определяться российской культурной традицией. Красные финны со своей концепцией «местного национализма» были отстранены через два года после увольнения украинского лидера Скрипника (разница во времени объяснялась меньшим стратегическим значением Карелии). В ходе чисток активная поддержка нероссийских культур, особенно в пограничных областях, приравнивалась к предательству; теперь политика включала и культурную составляющую. Ленинградское правление Карелии подверглось репрессиям из-за подозрений в поощрении национализма в Карелии (который из-за событий начала 1920-х гг. приравнивался к сепаратизму). Между 1938 и 1940 г. использование финского языка в Карелии было вне закона; вместо этого был придуман новый сильно русифицированный карельский

язык и использование кириллицы. Многие другие национальные культуры и языки в это время подвергались таким же репрессиям и реформам.

Данное исследование предполагает, что даже в 1930-е гг. не было никакого отдельного, непреклонного стремления к гомогенизации советского культурного и национального пространства. Конечно, после того, как в начале десятилетия Сталин решил бороться с нероссийским национализмом на периферии, он дал начало движению, которое в совокупности с другими тенденциями действительно привело к логичной «советизации» пограничных областей. Но, как уже отмечалось, сталинскую политику в различных сферах нужно рассматривать в контексте единой динамичной системы, которая обуславливалась в основном стратегической необходимостью. Культурная политика была неделимой, инструментальной и субсидиарной. Нападки на нероссийский национализм в пограничных областях (особенно тот, который мог сыграть на руку ирредентистским движениям во враждебных соседних государствах) были определены больше местными вопросами безопасности на границе, чем российским национализмом в центре. Безусловно, российская «нация» была шаблоном для других советских этносов, но эта «советизация» не может сравниваться с предреволюционной «русификацией» на границах империи. Повторное введение финского языка в Карело-Финской Союзной Республике в 1940 г. показало первенство прагматичных и обусловленных местными особенностями стратегий основной политики национальностей. Сталинская система формировала себя изнутри: советизированные, лояльные пограничные области должны были стать показателем и детерминантом основной идентичности общества. Но это никогда не подразумевало полную культурную, национальную или этническую однородность пространства.

Установить полный контроль над разработкой, распределением и использованием ресурсов (т. е. ввести региональную специализацию в общем разделении труда). В 1920-е и 1930-е гг. экономика Карелии не была полностью плановой. Нэп предоставляла лидерам республики большую автономию в определении принципов и параметров регионального развития на основе ее собственных финансовых и материальных ресурсов и отдельного бюджета. Согласно концепции Гюллинга, экономика Карелии должна была объединить государственную и частную деятельность, сельское хозяйство и промышленность, лесозаготовки и новые производства, основанные на использовании гидроэлектрических ресурсов региона. Он предусматривал автономное, долгосрочное, сбалансированное и комплексное развитие республики. В этом Карелия существенно отличалась от других российских ненациональных территорий, таких как Урал, где,

как считал Джеймс Харрис, региональные лидеры стремились к честолюбивым целям и высокой производительности и «были самыми яркими защитниками радикальной политики»⁵. Конечно, Карелия хотела получить поддержку своих главных индустриальных проектов из центра, но больше всего она желала, чтобы ее оставили в покое и она смогла придерживаться собственного пути развития в соответствии с долгосрочными трансграничными перспективами.

С конца 1920-х гг. региональная экономика Карелии все больше подчинялась «единому» центральному плану. Основными критериями для получения инвестиций были стратегическое местоположение и наличие производительных сил. Как считала Москва, Карелия была отдаленной и уязвимой пограничной республикой с относительно небольшим количеством железной руды и других полезных ископаемых, плохой почвой, но большим количеством еще не тронутых лесов. У нее было мало постоянных квалифицированных рабочих, но она имела стабильные поставки рабочей силы из исправительно-трудовых лагерей. Ее «рациональной» ролью во всесоюзной экономике была специализация на производстве и обработке лесоматериалов. Строительство Беломорканала, чьи региональные интересы первоначально должны были создать возможность для развития Центральной Карелии как мультииндустриального производственного центра в общенациональной транспортной сети, позволяло центру продвигать далее региональную специализацию и интеграцию в общем разделении труда. Почти все гидроэнергетическое и индустриальное строительство в республике в тот момент обслуживало лесную отрасль (единственным крупным нелесным индустриальным проектом, законченным в 1930-е гг., был Северный химический комбинат в Кандалакше, который в 1938 г. передали Мурманскому округу). В итоге централизованного планирования Карелия потеряла контроль над своими ресурсами и бюджетную независимость. Что касалось экономической политики, советские периферийные регионы должны были быть внутренне гомогенными, интегрированными в высоко дифференцированное и поэтому взаимозависимое единое всесоюзное пространство.

Централизованное планирование определяло общую структуру, темп и развитие региональных экономических систем, но имело мало влияния на повседневное управление производством. Невозможность планирования коротких и среднесрочных операций объяснялась объективными ограничениями и неэффективностью составления и выполнения планов. Наиболее важны два фактора. Во-первых, неспо-

⁵ Harris J. The great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, 1999. P. 211.

способность органов планирования урегулировать территориальные и отраслевые интересы, что приводило к установлению приоритетов последнего, и господство центрального отраслевого управления в принятии решений относительно даже самых отдаленных областей, о которых в центре практически ничего не знали и которые было сложно или даже невозможно контролировать. Во-вторых, невозможность эксплуатационного планирования исходила из условий деятельности предприятия в контексте бесконечного дефицита, административного вмешательства и все более жестких санкций за невыполнение плана и нарушение законов. Эти факторы присутствовали как в советской гражданской экономике, так и на производствах ГУЛАГа (хотя последнее также должно было справляться с огромными, непредсказуемыми колебаниями в поставках и качестве рабочей силы). Региональные изменения в экономическом поведении и работе явились результатом определенных факторов, таких как географическое местоположение, расстояние до центра, доступность коммуникаций и потоков информации, степень выравнивания между центральными и местными инвестиционными приоритетами, рычагами провинциальных лобби и других «нормальных» факторов, ограничивающих централизованное управление и руководство сложной, пространственно неоднородной экономикой.

Традиционная модель советской командной системы должна быть пересмотрена, но не отменена. Нельзя говорить об однородной динамике усиления центрального контроля или микроуправления экономикой. Действительно, периодически предпринимались попытки деконцентрации производственного управления отраслевыми предприятиями, территориальной администрацией или самими предприятиями (хотя это не сопровождалось децентрализацией власти). В то же время, режим стремился получить полный контроль над макроструктурным развитием экономики, проводя в жизнь общее разделение труда, которое игнорировало региональные интересы и не совпадало с центральным видением, давая привилегию какой-то отрасли, а не территориальному планированию и поддерживая монополию центра на принятие стратегических экономических решений.

Установить полный контроль над составом населения. В середине 1920-х гг. советские лидеры начали новые программы для стимуляции миграции из «перенаселенных» территорий, главным образом в индустриальном центре, в периферийные области с развивающейся экономикой, особенно в отдаленные территории Крайнего Севера и Дальнего Востока, куда рабочие не хотели переселяться невзирая на финансовые стимулы. В конце десятилетия Карелия попала в список приоритетных для переселения областей, но вскоре была исключена из него. Без центрального финансирования собственная демографическая политика

красных финнов, которая основывалась исключительно на стимулировании переселения и миграции карелов, выглядела ничтожно. Мурманская железная дорога в рамках своей собственной программы колонизации передала области некоторых свободных поселенцев, но очевидно они были социально и политически ненадежными элементами или подозреваемыми, и эта попытка не увенчалась успехом из-за конкуренции в республике. Вместо этого массовая, но спонтанная внутренняя миграция в течение первых лет индустриализации и «организованная» вербовка рабочих (по-прежнему крайне хаотичная, конкурирующая и коррумпированная) предприятиями, теперь подчиненных центру, увеличила население Карелии, еще сильнее минимизировав ее национальную особенность. Советскому режиму никогда не удавалось изменить собственное демографическое пространство ни запланированной добровольной колонизацией, ни административным регулированием миграции и расселения, например через паспортизацию пограничной области и определение «режимных» городов.

После неудачи в демографическом расселении ГУЛАГ стал основным представителем государства по заселению и развитию неосвоенных периферий. Здесь предполагалось изолировать самых опасных политических врагов. Переселение маргинальных элементов на периферию, где тяжелый труд не оставил бы им сил для победы над природой (как их собственной, так и дикой местности), одновременно повлияло на пространственную и социальную ассимиляцию. Соловецкая модель использования принудительного труда на периферии позже распространилась на другие системы лагерей по всей советской территории. Сначала СЛОН, а затем Беломорстрой и ББК в течение 1920-х и 1930-х гг. привезли в Карелию по крайней мере 500 тыс. человек, большинство из которых затем были отправлены в другие лагеря в зависимости от экономических потребностей. Через ГУЛАГ и систему специальных поселений в 1930-е гг. сталинское государство было способно руководить работой более 10 млн человек. Однако эта ужасная цифра на самом деле составляла не более 6 % всего населения государства. Хотя исследование Карелии поддерживает гипотезу, что сталинский режим стремился к полному контролю над пространственным распределением и социальным составом поселений, очевидно, что эта цель не была достигнута.

Существует одно исключение. Как мы знаем, руководители страны начали этнические чистки на западной границе в 1929 г. (с началом депортаций ингрийцев). С середины 1930-х гг. эти массовые операции стали важным средством перемещения демографических групп по национальному принципу. Главной целью депортаций было вывезти население из области по стратегическим соображениям безопасности. Восприятие этих людей как трудовой силы имело второ-

степенный характер. Большинство из них проживало в пограничных областях, имело родственников за границей или (как финны) попадало в обе категории. Какие бы меры сталинский режим не использовал против одной из этих групп, приговорив их к ссылке или репрессиям (как финнов в Карелии), он осознавал степень контроля над демографической политикой.

Установить центральную гегемонию в определении законов и произвольном пересмотре нарушений. Как уже отмечалось, плановая дисциплина наряду с ограниченными ресурсами и все более жестокими карательными санкциями за неудачи создавали все условия для того, чтобы нарушение правил стало необходимым компонентом экономики. Поощрение политических приоритетов через плановую экономику (например акцент на тяжелом индустриальном строительстве, изменении промышленности на Востоке и развитии Крайнего Севера) делало бесполезным дальнейшее распределение ресурсов, порождало сомнения в эффективности плана и местный конфликт при его выполнении. Пользуясь термином Мерле Фейнсод, экономические предприятия работали в «атмосфере ненадежности и институционального подозрения», которые способствовали незаконному поведению и защитным стратегиям, еще больше разрушающим экономическую деятельность и подтверждающим рост сопротивления режиму⁶. Это не было результатом центральной политики, а скорее случайным, хотя и неизбежным, побочным продуктом командной системы, усугубленной постоянным центральным вмешательством.

В то же время центральная гегемония над определением политики может действительно восприниматься как сознательная стратегия лидеров для консолидации контроля над подчиненным аппаратом. В частности, поражает роль директив центрального руководства, партийных указов и «сигналов» по отношению к низовым («периферийным») организациям. Удивляет не просто сама политика и поставленные цели, но условия, включая пространственные, в которых они должны были воплощаться в жизнь. Та степень, с которой чиновники (или сталинское руководство) верили тому, что они говорили; другими словами, степень значения политики и реальности для лидеров, а не их риторическое представление, уже давно являются поводом для дебатов в современной истории сталинизма⁷. Но абсолютно очевидна

⁶ Fainsod M. *How Russia is Ruled*. Cambridge, 1953. P. 106.

⁷ О «говорящих большевиках» см.: Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilisation*. Berkeley, 1995. P. 198–237; о советской «субъективности» см.: Hellbeck J. *Revolution on my Mind. Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, 2006; Halfin I. *Terror in my Soul. Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, 2003 (цит. выше, гл. 6, прим. 23).

врожденная двусмысленность и переменность значения в рамках такого обсуждения. Это создало неуверенность среди тех, кто стремился ассимилировать и воспроизвести ее и сохранить за руководством возможность изменять политику, по существу не изменяя политическую риторику. Уже в апреле 1931 г. председатель Президиума Совета Национальностей ЦИК Таджикиев понял это, когда попросил Ровио не «острить», заметив, что «в будущем вам же будет хуже, и скоро вам придется, а возможно, и не раз, официально отречься от своих слов» (см. главу 4). Я предполагаю, что частое и необоснованное перенесение сроков обсуждения составляло преднамеренную стратегию центра в вопросе контроля «периферии». Эта стратегия, предложенная партией, ее контрольными органами и органами безопасности (непосредственно работали также в «двусмысленных пространствах»), все активнее уничтожала альтернативные источники и формы выражения общественного мнения и часто заканчивалась физическим устранением тех, кто был не в состоянии справиться с этим и воспроизвести нормативный политический язык или был отвлечен непредвиденными обстоятельствами.

Совокупная радикализация всей политики и рост насилия. С изменением восприятия сталинским режимом внешнего «окружения» его стремление к внутренней административной власти, политическому контролю, эффективному планированию, демографическому управлению и непоследовательной гегемонии усилилось, а препятствия так и не исчезли. Таким образом, конкурирующие люди и учреждения, агентства безопасности и контрольные органы работали в атмосфере дефицита, неуверенности и хаоса и все увереннее прибегали к принуждению, репрессиям и насилию. «Сигналы» руководства конечно подразумевали, что более радикальные действия повлекут за собой меньше риска, чем пассивность и отсидка. Как говорил Ежов, «лучше больше, чем меньше»⁸.

Как я предполагаю, тенденция к общей радикализации прослеживалась во всех областях политики и регионах, хотя националь-

⁸ См. гл. 6. Также, по сообщениям, Ежов заявил: «Лучше погибнут десять невинных людей, чем скроется один шпион». Цит. в: Medvedev R. Let History Judge. The Origins and Consequences of Stalinism. Oxford, 1989. P. 603. Также Сталин писал 2 июня 1937 г. военному совету Наркомобороны: «Каждый честный, ответственный член партии, да и советский гражданин может, даже обязан докладывать о нарушениях. Если они подтверждаются даже в 5 % случаев, это имеет смысл». Цит. по: Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД, 1937–1938 гг. / под ред. В. Н. Хаустова, В. П. Наумова, Н. С. Плотниковой. М., 2004. С. 209.

ные республики и пограничные области по обозначенным выше причинам подвергались более жесткой политике. Но было ли это сознательным «планом» сталинского руководства? Нет. Как я уже заметил, во всех сферах системные факторы, а не намерения ускоряли динамику развития, а периоды интенсивности или ускорения сменялись периодами расслабления и консолидации. Однако идеологические предположения Сталина (например, относительно классовой борьбы и диалектической неизбежности конфликта), его личные подозрения или паранойя по поводу любой оппозиции собственной абсолютной власти, инстинктивное обращение к насилию как средству преодоления появившихся препятствий, какой бы важной «целью» они не были, означали, что когда у диктатора появлялась возможность прекратить репрессии, он утверждал далее такую же политику, которая давала ему возможность продолжать репрессии, даже если его решения или «сигналы» доходили до системы чуть позже.

В контексте данного исследования восприятие Сталина советской изоляции, его стратегия абсолютной «изоляции» и программа полной мобилизации предрасполагали увеличение насилия «центра» по отношению к сопротивлению на «перифериях». В этой интерпретации большой террор не был неизбежным или необходимым последствием сталинской (или большевистской) идеологии и правления, а был «логическим» результатом динамичной системы, поскольку в этот период он развивался под пристальным наблюдением со всеми изначальными структурными напряженными отношениями и противоречиями.

ТОТАЛИТАРИЗМ И ПРОСТРАНСТВО

Акцент этой работы на теории и практике сталинского принятия пространственных решений позволяет говорить о реконцептуализации «тоталитаризма» в пространственном значении – обязательной, но осужденной и поэтому оправданно раскритикованной теоретической структуре системы. Как известно, для Лefевра сама современность – это процесс обобщения, в котором борьба современного центра за универсальность неизбежно влечет за собой конфликт, жестокость и разрушение. «Такая центрированность, – пишет он, – устраняет все периферийные элементы с жестокостью, которая заимствуется непосредственно у пространства»⁹. Эдвард Шильс также предлагает пространственный отсчет современности, но его модель стремится раз-

⁹ Lefebvre H. The Production of Space. P. 332.

личить либеральные демократические и «тоталитарные» государства. В последних, замечает он, процесс модернизации характеризуется одновременным поглощением «периферии» «центром» и распространением власти центра (или «харизмы») на участки бывших периферий. Однако в последних экспансия центра в периферию хотя и сопровождается определенным демонстрированием харизмы (например, при помощи пробных выборов, конституции или декларации демократии), но центр не передает власть региону. Напротив, включая в свой состав все периферии, центр концентрирует возрастающую власть в собственных руках¹⁰. Чтобы объяснить процессы и принципы сталинского пространственного развития, можно рассматривать «тоталитаризм» как двигатель центра, помогающий осознать унитарность и однородность пространства, по-своему определить и структурировать его через принудительное полное устранение периферии.

Как показало это исследование Карелли, сталинизм стремился к полной централизации и гомогенизации большинства сфер, хотя на практике почти не смог воплотить это в жизнь. Невзирая на тщательность разработок советскими центральными политическими деятелями и плановыми органами постоянной и однородной территории, структурированной с геометрической точностью и совершенством, они не сумели избавиться от пространственного различия. Региональный обструкционизм, протекционизм, корыстность и безапелляционность, ошибочно принимаемые некоторыми историками сталинизма за проявление периферийной оппозиции, автономного действия или даже плюрализма, нужно считать явлениями периферийного сопротивления (в фуколдианском смысле, т. е. не как отрицание, а как утверждение власти: «нет власти без сопротивления») при столкновении с вмешательствами из центра¹¹. Центральная власть и периферийное сопротивление не были отдельными и взаимно противоположными явлениями. Наоборот, они взаимно определяли главные элементы системы развития. Другими словами, одно порождало другое; они не могли существовать обособленно. Как я уже говорил, центральные вмешательства в контексте хаотичного планирования действительно обобщали и унифицировали явления периферийного сопротивления. Затем они легитимировали еще более радикальные вмешательства со стороны центра. «Это составляло «рациональ-

¹⁰ Shils E. *Centre and Periphery. Essays in Macrosociology*. Chicago, 1975 (особенно с. 16, прим. 6). О культурных особенностях российской «центрированности» см. данную работу, гл. 2. С. 19.

¹¹ Foucault M. *Power and Strategies // Power/knowledge: Selected Interviews and other Writings, 1972–1977* / ed. G. Colin. Brighton, 1980. P. 142.

ность» сталинского правления: воздерживаясь от ежедневного контроля, оно расширяло свою власть»¹².

Сопротивление Карелии брало свое начало в самом расположении на периферии союзного и российского пространства как в фигуративном значении его национальной, культурной, лингвистической и экономической специфики, так и в физико-пространственном положении на границе и в отдалении и относительной недоступности для советского центра. В течение 1920-х гг. Карелия позиционировала себя как периферию будущего финского или скандинавского социалистического центра, т. е. как мост на запад. Многогранная, двойственная периферийность Карелии давала ее лидерам автономное управление, но не автономную власть. Москва всегда оставляла за собой право менять статус и ценность периферии и определять принципы ее пространственной реструктуризации в соответствии с центральными приоритетами. В течение 1930-х гг. центр лишил законной силы большинство принципов, которыми Карелия прежде оправдывала свои привилегированные отношения с Москвой и Ленинградом, в особенности дипломатическое и стратегическое значение автономии пограничной области и ее трансграничные перспективы развития. Карельская периферия, используя старые модели в то время как она должна была приспосабливаться к новым директивам, дала импульс для более интенсивных вмешательств и контроля со стороны центра. Она способствовала распространению мнения в центре о периферии как об источнике подрывной деятельности. Таким образом, советская карельская периферия не была настроена против центральной власти, наоборот, участвовала в ней, в ее формировании сталинской «пограничной паранойи», а также отношений и действий, которые «центрально-пограничный» режим впоследствии перенес из периферии в центр¹³.

Специфическая жестокость репрессий в Карелии происходила из того, что называется пространственным парадоксом сталинской власти. С одной стороны, сталинский центр стремился доказать собственную «прикладную логику» унитарного и однородного советского пространства путем включения национальной автономной периферии (Карелии) в центр. С другой стороны, все более напряженная международная ситуация, страх перед немецкими стратегическими намерениями на северо-западе и подозрение в политическом предательстве Финляндии требовали усиливать Карелию как страте-

¹² Baron N. *Stalinist Planning as Political Practice*. P. 457.

¹³ Я воспользовался пограничной концепцией Пааси. См.: Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester, 1996.

гическую пограничную область. Это означало, учитывая ее периферийный статус, не только закрытие и укрепление государственной границы и военную мобилизацию, но также и усиление экономической мощи автономной республики и политического желания центра охранять территорию от иностранного проникновения и подрывной деятельности.

Конечно, было невозможно поддержать централизацию, не повредив или не разрушив периферию: и все же ослабление периферии, особенно когда территория государства окружена врагами, обязательно подвергало бы опасности целостность центра. Таким образом, сталинская политика несла в себе крах собственных стремлений. Согласно Лефевру, логика централизации провалилась из-за противоречий в отношениях центр–регион, развязав «насилие, которое изначально было присуще пространству». Вместо того чтобы увеличить контроль, стратегия централизации государства привела к сопротивлению в атмосфере неуверенности, страха и хаоса и обострила его собственный пространственный парадокс. В конечном счете, в конце 1930-х гг. сталинизм разрушил пространственную логику и различия между настоящим и приобретенным сопротивлением. Столкнувшись с политическими, национальными, культурными и лингвистическими особенностями Карелии и проблемами, связанными с ее отдаленностью и недоступностью и стратегическим значением ее границы, местные прислужники и агенты сталинизма вновь вообразили периферию как пороговое пространство, населенное антисоветскими (антицентрными) «агентами» фашистского интервенционизма, буржуазного национализма, контрреволюции, восстаний, шпионажа и других разрушений. Это также относится ко всем советским национальным пограничным республикам; в некоторой степени – ко всем регионам. Этот пространственный парадокс привел к росту террористического вмешательства, которое по своей цели, масштабам и интенсивности, своей непостижимой логике и одновременно пагубной нелогичности можно оправданно назвать тоталитаризмом.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Я включаю сюда только материалы, которые часто использовал или цитировал в работе. Если цитировалось более двух глав одного издания, я указываю только том этого издания и имя редактора. Для ссылок и дальнейшего чтения материалов см. примечания.

А. АРХИВЫ

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)
 - п. А-2306 Наркомпрос РСФСР
 - п. А-262 Госплан РСФСР
 - п. А-296 Комитет образования национальных меньшинств РСФСР
 - п. А-386 ЭКОСО Совнаркома РСФСР
 - п. А-388 Экспортный совет ЭКОСО Совнаркома РСФСР
 - п. Р-1235 ВЦИК
 - п. Р-130 Совнарком РСФСР (до 1922 г.)
 - п. Р-1318 Наркомнац РСФСР
 - п. Р-3316 ЦИК СССР
 - п. Р-5446 Совнарком СССР
 - п. Р-5674 СТО СССР
 - п. Р-5677 Административная комиссия ВЦИК
 - п. Р-6890 Картографический отдел НКВД
 - п. Р-6892 Комиссия по районированию ЦИК
 - п. Р-6984 Комиссия по районированию ВЦИК
 - п. Р-7523 Верховный Совет СССР (после 1937 г.)
 - п. Р-9414 ГУЛАГ НКВД

2. Российский Государственный архив экономики (РГАЭ)
 - п. 3405 Совет лесных трастов ВСНХ РСФСР
 - п. 3429 ВСНХ СССР и РСФСР
 - п. 4372 Госплан УССР
 - п. 7297 НКТП СССР
 - п. 7637 Наркомлес СССР
 - п. 7758 Главлесбум ВСНХ СССР

3. Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

- п. 17 ЦК
- п. 475 Политическое управление Главсевморпути
- п. 516 Финская коммунистическая партия
- п. 522 О. В. Куусинен
- п. 607 Бюро деятельности РСФСР

- 4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)
 - п. 0135 Референтура по Финляндии (секретные файлы)
 - п. 04 Секретариат Г. В. Чичерина (секретные файлы)
 - п. 05 Секретариат М. М. Литвинова (секретные файлы)
 - п. 135 Референтура по Финляндии

- 5. Карельский Государственный архив новейшей истории (КГАНИ)
 - п. 1631 Партийный архив целлюлозно-бумажного комбината Кон-

допоги

- п. 1690 Районная контрольная комиссия Кондопоги (1930–1934 гг.)
- п. 1692 Райком комсомола Кондопоги
- п. 1783 Райком комсомола Медвежьегорска
- п. 214 Политический отдел ББК
- п. 28 Райком Сороки
- п. 3 Обком
- п. 33 Райком Кондопоги
- п. 38 Райком ББК
- п. 4 Комитет Олонецкой губернии
- п. 59 Партийный колхоз Карплана
- п. 779 Обком комсомола Карелии
- п. 781 Горком комсомола Петрозаводска
- п. 896 Прионежский райком комсомола

- 6. Национальный архив республики Карелия (НАРК)

- п. 1007 Районный исполком Кондопоги
- п. 1019 Исполком Ухтинского уезда
- п. 1564 Народный суд Кондопожского района
- п. 1637 Наркомюст АКССР
- п. 196 Верховный суд АКССР
- п. 202 Исполком Паданского уезда
- п. 2034 Целлюлозно-бумажный комбинат Кондопоги
- п. 205 Комитет по поставкам Кемского уезда
- п. 28 Исполком Олонецкой губернии
- п. 286 «Кареллес»

- п. 2961 Образовательно-производительный комбинат в Надвои-
- цах (ГУЛАГ НКВД)

- п. 351 Исполком Кемского уезда

- п. 3644 Советское поселение Кондопога
- п. 419 Прокурор АКССР
- п. 460 Петрозаводский городской совет
- п. 520 Комитет Совнаркома Карелии по Беломорстрою
- п. 550 Ревком КТК
- п. 571 Управление Кондостроем
- п. 606 Военный комиссариат АКССР
- п. 630 Наркомпрос АКССР
- п. 682 Представитель Совнаркома Карелии в президиуме ВЦИК
- п. 685 Управление по переселению Совнаркома Карелии
- п. 689 ЦИК АКССР
- п. 690 Совнарком АКССР
- п. 700 Госплан АКССР (Карплан)
- п. 711 Представитель Ленинграда в Совнаркоме Карелии
- п. 721 Нарком РКИ АКССР
- п. 794 ЦСНХ АКССР
- п. 841 Наркомтруд АКССР
- п. 865 Беломорско-Балтийский комбинат (ГУЛАГ НКВД)
- п. 966 НКВД АКССР

7. Архив управления федеральной службы безопасности по республике Карелия (АУФСБ РФ по РК)

8. Национальный архив США

Записи департаментов государства, связанные с отношениями России и Советского Союза, 1900–1939 гг. (микрофильм).

Записи военного департамента, военной разведки (микрофильм).

9. Секретариат округа Нью-Йорк, старые записи и доклады разведки

10. Архив Бахметьевых, библиотека Колумбийского Университета, Нью-Йорк. Оригиналы документов.

Б. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПЕРВИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ДОКУМЕНТЫ

Автономная Карельская ССР: ежегодник. Петрозаводск, 1929. Вып. 3, 1928.

Автономная Карельская ССР: ежегодник, 1932–1933 гг. Петрозаводск, 1934.

Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М., 1934. Т. 2. План развития районов.

ГУЛАГ в Карелии. Сб. док. и материалов 1930–1941 гг. / под ред. А. Ю. Жукова, В. Г. Макурова, И. Г. Петуховой. Петрозаводск, 1992.

ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1917–1960 гг. / под ред. А. И. Кукориной, Н. В. Петрова. М., 2002.

Дмитриев Ю. А. Поминальные списки Карелии. 1937–1938 гг.: Уничтоженная Карелия. Петрозаводск, 2002. Ч. 2. Большой террор.

Завершение восстановления промышленности и начало индустриализации Северо-Западного района (1925–1928 гг.) / под ред. С. И. Тюльпанова. Л., 1964.

Из истории раскулачивания в Карелии, 1930–1931 гг.: док. и материалы / под ред. Н. А. Ивницкого, В. Г. Макурова. Петрозаводск, 1991.

Индустриализация Северо-Западного района в годы первой пятилетки (1929–1932 гг.) / под ред. С. И. Тюльпанова. Л., 1967.

Индустриализация Северо-Западного района в годы второй и третьей пятилеток (1933–1941 гг.) / под ред. С. И. Тюльпанова. Л., 1969.

История индустриализации СССР, 1926–1941 гг.: Док. и материалы / под ред. М. П. Ким и др. М., 1969. Т. 1. 1926–1928 гг.

История Карелии в документах и материалах. Советский период / под ред. А. И. Афанасьевой. Петрозаводск, 1992.

Итоги и ближайшие задачи по проведению ленинской национальной политики в Карелии: тезисы Культпропа Каробкома ВКП(б), утвержденные на бюро обкома ВКП(б) 7 марта 1934 г. Петрозаводск, 1934.

Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925 гг. / под ред. А. И. Афанасьевой, В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1979.

Карелия в период Гражданской войны и иностранной интервенции, 1918–1920 гг.: Сб. док. и материалов / под ред. И. Я. Балагурова, В. И. Мешезерского. Петрозаводск, 1964.

Кен О. Н., Рупасов А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х – 1930-е гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000.

Конституция Автономной Карельской ССР: проект. Петрозаводск, 1926.

Красная Карелия: Сб. материалов официального характера, относящихся к истории Карелии со времени образования КТК до преобразования ее в АССР. Петрозаводск, 1925.

Мезенцев Г. И. Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР, 1926 – июнь 1941 г.: Сб. док. и материалов. Петрозаводск, 1984.

Местные бюджеты и бюджеты автономных республик РСФСР на 1929–1930 г.: Статистический сб. М., 1930.

Местные и государственные бюджеты Карельской АССР на 1927/1928 г. Петрозаводск, 1927.

Народное хозяйство Карелии, 1926 – июнь 1941: Док. и материалы / под ред. Л. И. Вавулинской. Петрозаводск, 1991.

Народнохозяйственный план СССР на 1931 год. М., 1931.

Народнохозяйственный план на 1936 год. Четвертый год второй пятилетки. М., 1936. Т. 2. План развития районов.

На фронте мирного труда. Воспоминания участников социалистического строительства в Карелии, 1920–1940 гг. / под ред. А. И. Андрияйна, А. В. Климовой. Петрозаводск, 1976.

Неизвестная Карелия: документы спецорганов о жизни республики, 1921–1940 гг. / под ред. В. Г. Макурова. Петрозаводск, 1997.

План электрификации РСФСР: доклад VIII съезда Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1955.

Пограничные войска СССР: Сб. док. и материалов / под ред. Е. Д. Соловьева, А. И. Чугунова. М., 1973. Т. 1. 1918–1928 гг.

Проект второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.). М., 1934. Т. 2. План развития районов.

Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. 3.

Резолюции и постановления XI Карельской областной конференции ВКП(б). Петрозаводск, 1932.

Республиканский и местный бюджет Автономной Карельской ССР на 1929–1930 год. Петрозаводск, 1930.

Решения XII Карельской областной конференции ВКП(б). Петрозаводск, 1934.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 2. 1929–1940 гг.

Решения Первой партийной конференции ББК НКВД 21–23 июня 1935 года. Медвежьегорск, 1935.

С Лениным вместе. Воспоминания. Документы. Петрозаводск, 1977.

Сборник важнейших правительственных решений по вопросам строительства Карелии (за 1929, 1930 и январь 1931 года). Петрозаводск, 1931.

Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР.

Советская лесная экономика. Москва–Север, 1917–1941 гг.: Сб. док. и материалов / под ред. В. Г. Макурова, А. Т. Филатовой, Н. Барона. Петрозаводск, 2005.

Советы Карелии. 1917–1992 гг.: Док. и материалы / под ред. Л. И. Вавулинской. Петрозаводск, 1993.

Справочная книжка АКССР. Петрозаводск, 1929.

Статистический обзор 1923–1924 года. Петрозаводск, 1925.

Статистический обзор 1925 года. Петрозаводск, 1927.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: док. и материалы / под ред. В. Данилова, Р. Маннинга, И. Виолы. М., 2002. Т. 4. 1934–1936 гг.

Шумейко Н. В. Всекарельский съезд представителей трудящихся карел, 1–3 июля 1920 года. Первый Всекарельский съезд Советов, 11–18 февраля 1921 года: протоколы. Петрозаводск, 1990.

La Question de la Carelie Orientale (Fevrier, 2002), Helsinki, 1922.

Stalin's letters to Molotov / ed. Lih L. T., Naumov O. V., Khlevniuk O. V. New Haven & London, 1995.

Ostannia adresa. Do 60-richchia solovetskoï tragedii / ed. I. Drach et al. Vol. I–III. Kiev, 1997–1998.

В. ГАЗЕТЫ

«Известия»

«Красная Карелия»

«Новая Кондопога»

«Правда»

«Сталинская трасса»

The New York Times

The Times (London)

Г. СОВЕТСКИЕ ЖУРНАЛЫ

«Беломорско-Балтийский комбинат»

«Большевик»

«Карело-Мурманский край»

«Красная летопись»

«Плановое хозяйство»

«Советская Карелия»

«Экономики и статистики Карелии»

Д. ОПУБЛИКОВАННЫЕ КНИГИ И СТАТЬИ (ДО 1941 г.)

Автотдорожное и автотранспортное хозяйство Карелии и перспективы его развития на вторую и третью пятилетки. Л., 1936.

АКССР Мурманский округ. Военно-географический справочник. М., 1931.

Архипов Н. В. Лесное хозяйство и лесная промышленность к 10-летию Карельской автономии // 10 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1930. С. 172–190.

Бубрих Д. В. Карелы и карельский язык. М., 1932.

Вопросы экономического районирования СССР: Сб. материалов и ст. (1917–1929 гг.) / под ред. Г. М. Кржижановского. М., 1957.

Гаврилов В. А. География Ленинградской области и автономной Карельской ССР. М.; Л., 1928.

Гидроэнергетические ресурсы Карело-Мурманского края и пути их использования / под ред. С. В. Григорьева, А. Б. Жигулина. М.; Л., 1933.

Год колонизационной работы Мурманской железной дороги. Отчет о работах колонизационного отдела правления Мурманской железной дороги за 1923–1924 год. Л., 1925.

Горький М. и др. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства, 1931–1934 гг. М., 1934 (переиздан в 1998 г.).

Дашков В. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. СПб., 1842.

Железнодорожный транспорт в пределах АКССР, 1920–1935 гг. К 15-летию автономии Карелии. Л., 1935.

Жилинский А. А. Крайний Север европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919.

Заводовский М. Н. Вымирающие жилища г. Петрозаводска. Петрозаводск, 1925.

Заводовский М. Н. К вопросу о благоустройстве карельского села. Петрозаводск, 1925.

Зорич А. Советская Канада: очерки. М., 1931.

Иванов А. Олонецкий сб. Материалы по истории, географии, статистике и этнографии Олонецкого края. Петрозаводск, 1886.

Кастрен М. А. Путешествие по русской Карелии: этнографический сб., СПб., 1958. Вып. 4. С. 251–262.

Крылов Н. А. Экономическое значение Беломорского канала. Петрозаводск, 1889.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1969–1974.

Ленинградская область и Карельская АССР. Л., 1935.

Ленинградская область: экономический обзор области, округа и районов и Карельской АССР / под ред. С. Н. Нефедова, М. В. Рослякова. Л., 1928.

Михайлов Н. Н. Советская география. Новые промышленные и экономические реалии СССР. Лондон, 1935.

Мурманская железная дорога. Краткий очерк постройки железной дороги на Мурмане с описанием этого района. Петроград, 1916.

Овчинников Н. Я. Карело-Мурманское лесное хозяйство и его перспективы в связи с заселением края. М.; Л., 1928.

Озерецковский Николай. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792.

Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Путевые очерки. Хельсинки, 1917.

Олонецкий сб. Материалы по истории, географии, статистике и этнографии Олонецкого края / под ред. И. И. Благовещенского. Петрозаводск, 1894.

Опыт описания Олонецкой губернии / под ред. К. Бергштрессера. СПб., 1838.

Островский Д. Как финны думают сделать карел финнами? Петрозаводск, 1908.

Очерки по истории колонизации Севера. Петроград, 1922.

Очерки по истории пограничных войск в Карелии / под ред. Н. А. Гущина. Петрозаводск, 1944.

Панфинская пропаганда (по финским источникам). СПб., 1909.

Поляновский Макс. От Онеги до Белого моря. По Карело-Мурманскому краю. М., 1931.

Православная Карелия: очерк. Петроград, 1914.

Путешествие преосвященного Никанора по Карелии. Архангельск, 1895.

Семенов В. П. Россия. Полное географическое описание. СПб., 1900. Т. 3. Озерная область.

Советская Карелия. Очерки партийного, советского и культурного строительства АКСССР / под ред. Г. С. Ровио, Н. А. Ющева, Э. А. Гюллинга. М.; Л., 1933.

Соколов С. Н., Чефранов С. В. Северо-Западная область: первая область Госплана. М.; Л., 1928.

Социалистическая индустриализация Карельской АССР / под ред. Я. К. Берзтыса, Г. Б. Кашарского. М.; Л., 1935.

Сталин И. В. Сочинения. М., 1946–1953 гг.

Тимонов В. Е. О Петроградском узле путей сообщения в связи с вопросом развития и улучшения порта. Петроград, 1918.

Центрографическая лаборатория имени Д. И. Менделеева к пятидесятилетию Октября (1917–1932) / под ред. Е. Е. Святловского. Л., 1933.

Чиркин Г. Ф. «Канадизация» Мурманской железной дороги // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923. С. 225–236.

Чиркин Г. Ф. Пути развития Мурман: после поездки на Мурман главного начальника путей сообщения И. Н. Борисова. Петроград, 1922.

Чиркин Г. Ф. Советская Канада (Карело-Мурманский край). Л. 1929.

Чиркин Г. Ф. Транспортно-промышленно-колониционный комбинат Мурманской железной дороги. Его возникновение, развитие и метод работ. М.; Л., 1929.

Albrecht Karl I. Der Verratene Sozialismus. Zehn Jahre als Hoher Staatsbeamter in der Sowjetunion. Berlin, Leipzig, 1939.

Bessonov J. D. My Twenty-Six Prisons and my Escape from Solovetsky. London, 1929.

Inside Stalin's Russia. The Diaries of Reader Bullard, 1930–1934 гг. / ed. Bullard J., Bullard M. Oxfordshire, 2000.

East Karelia. A Survey of the Country and its Population and a Review of the Karelian Question. Helsinki, 1934.

Florinsky M. T. World Revolution and the USSR. London, 1931.

Henri E. Hitler over Russia? The Coming Fight Between the Fascist and Socialist Armies. London, 1936.

East Karelia and Kola Lapmark / ed. T. Homen. London, 1921.

Kandaoureff P. Le Chemin der Fer de Mourmansk // Revue de Genie Militaire. 1927. № 60.

Kitchin G. Prisoner of the OGPU. New York, 1970.

Kivikovski E. Zur Herkunft der Karelrier und Ihrer Kultur // Acta archeologica. 1944. № 15 (1–2). S. 1–28.

Labry R. La Ligne Mourmane. Son trace, son importance economique, les richesses minerals de la region qu'elle traverse. Petrograd, 1919.

Steward-Murray K. M. Conscription of a People. London, 1931.

Oost-Karelief/La Carelie Orientale / ed. W. Flugt Van der. Helsinki, 1923.

Zolatarev M. D. Les Careliens de L'URSS // Revue Anthropologique. 1930. № 40. P. 1–3.

Е. ОПУБЛИКОВАННЫЕ КНИГИ И СТАТЬИ (ПОСЛЕ 1941 г.)

Алампиев П. М. Экономическое районирование СССР. М, 1959.

Алешин В. С. Партийное руководство оборонно-массовой работы в Карелии в предвоенные годы (1938 – июнь 1941 г.) // Вопросы истории КПСС: Сб. ст. кафедры истории КПСС / под ред Н. Н. Шушкина. Петрозаводск, 1974. С. 34–49.

Афанасьева А. И. Начало. Образование Карельской трудовой коммуны и интернациональная помощь зарубежного пролетариата, 1920–1921 гг. // Краевед Карелии / под ред. В. Н. Верхоглядова. Петрозаводск, 1990. С. 3–11.

Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии, 1920–1940 гг. // Вопросы истории европейского Севера / под ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск, 1986. С. 49–66.

Балагуров Я. А. Борьба за советы в Карельском Поморье. Петрозаводск, 1973.

Балагуров Я. А. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. Петрозаводск, 1955.

Барышников Н. И. и др. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989.

Богданова Г. Н. На хозяйственном фронте, 1918–1920 гг. Хозяйственное строительство в Карелии в годы иностранной интервенции и гражданской войны. Петрозаводск, 1980.

Бугай Н. Север в политике переселения народов // Север. 1991. № 4.

Венедиктов А. Н. Организация государственной промышленности в СССР. Ленинград, 1961. Т. 2, 1921–1934 гг.

Вернадский В. Н., Смирнов И. И., Балагуров Я. А. Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1.

Вопросы истории европейского Севера: история Великого Октября на северо-западе России: Межвуз. сб. / под ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск, 1987.

Вопросы истории европейского Севера: Межвуз. науч. сб. / под ред. И. И. Кайварайнена. Петрозаводск, 1974.

Вопросы истории европейского Севера (проблемы отечественно-политической истории XIX–XX вв.) / под ред. М. И. Шумилова. Петрозаводск, 1991.

Востряков А. П. Кондопога. Петрозаводск, 1975.

В семье единой: национальная политика партии большевиков и ее осуществление на северо-западе России в 1920–1950-е годы / под ред. И. Такала, Т. Вихавайнена. Петрозаводск, 1998.

Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова, В. Б. Жиромской. М., 1992.

Гардин Е. С. Советская Карелия в годы восстановительного периода, 1921–1925. Петрозаводск, 1955.

Гильди Л. А. Расстрелы, ссылки, мучения. СПб., 1996.

«...Границы финские, границы вековые». Мирная дискуссия о «зимней войне» // Родина. 1995. № 12. С. 34–43.

Гусев К. В. К истории карельского мятежа (по материалам комиссии по реабилитации при президенте РФ) // Отечественная история. 1996. № 6. С. 71–84.

Жиромская В. Б. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги М., 1999.

Жиромская В. Б. и др. Полвека под грифом секретно. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М., 1996.

Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6.

История ордена Ленина Ленинградского военного округа / под ред. Н. И. Барышникова, Н. Ф. Брагина. М., 1988.

Их называли КР. Репрессии в Карелии 20-30-х годов / под ред. А. Цыганкова. Петрозаводск, 1992.

Йоффе Б. Соловецкий расстрел 1937 года // Ostannia adresa. Do 60-richchia solovetskoï tragedii / ed. Ivan Drach et al. Kiev, 1997. Т. 1.

Кангаспуру М. Взлет и падение «красных финнов» // Север. 1997. № 11–12. С. 114–123.

Кангаспуру М. На фоне политики «большой ненависти»: партийная чистка 1933 года в Карелии // Teoksessa Kansallisuus ja valtio. Karjala i Komi Neuvostoliiton tasavaltoina 1920-ja 1930-luvuilla / ed. A. Laine. Joensuu, 1995.

Кангаспуру М. Политика национальностей и власть в Советской Карелии в 1920-х и 1930-х гг. // Communism national and international / ed. T. Saarela, K. Rentola. Helisinki, 1998.

Карелы Карельской АССР / под ред. А. С. Жербина. Петрозаводск, 1983.

Карелы. Финны. Проблемы этнической истории: Сб. ст. и докладов / под ред. М. Н. Губолго, Ю. Б. Симченко. М., 1992.

Килин Ю. М. ББК как фактор военной стратегии // Север. 1995. № 7. С. 101–118.

Килин Ю. М. Карелия в политике Советского государства, 1920–1941 гг. Петрозаводск, 1999.

Килин Ю. М. Карельский вопрос в Финляндии и СССР (1920-е годы) // Север. 1997. № 7. С. 115–123.

Коваленко О. П. О составе промышленных рабочих Карелии в начале индустриализации: Уч. зап. Петрозаводского государственного университета им. О. В. Куусинена. 1966. № 14 (6).

Кораблев Н. А. и др. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

Коренева С. Б., Прохоренко А. В. Россия и Финляндия в XX веке. К 80-летию независимости Финляндской Республики. СПб., 1997.

Коронен М. М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969.

Курсков Ю. В. Концессия «Репола-Вуд» (1924–1931 гг.). Из истории советско-финляндских экономических связей // Скандинавский сборник. 1962. № 5. С. 15–33.

Левкоев А. А. Карельская автономия в системе советско-финляндских отношений 1930-х гг. // Новое в изучении истории Карелии / под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Маркурова, Ю. А. Саватеева. Петрозаводск, 1994. С. 101–124.

Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства советской Карелии (1920–1935 гг.): копия доказательств. Петрозаводск, 1992.

Левкоев А. А. Финляндская коммунистическая эмиграция и образование Карельской автономии в составе РСФСР (1918–1923 гг.) // Общественно-политическая история Карелии XX века: очерки и ст. / под ред. Л. И. Вавулинской, Н. А. Кораблева, В. Г. Маркурова. Петрозаводск, 1995. С. 24–49.

Машезерский В. И. Установление Советской власти в Карелии, 1917–1918 гг. Петрозаводск, 1957.

Мерецков К. А. На службе народов. М., 1969.

Морозов Е. М. Карельская организация КПСС в цифрах, 1921–1984 гг. / под ред. Е. М. Морозова. Петрозаводск, 1985.

Население России в XX веке. Исторические очерки / под ред. В. Б. Жиромской. М., 2000. Т. 1. 1900–1939.

Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 гг.) / под ред. А. А. Попова. Сыктывкар, 1996.

Очерки истории Карелии / под ред. В. И. Машезерского. Петрозаводск, 1964. Т. 2

Очерки истории Карельской организации КПСС / под ред. Я. А. Балагурова. Петрозаводск, 1974.

Панчинский А. А. Репрессии в органах НКВД в середине 1930-х годов // Политический сыск в России: история и современность. СПб., 1997. С. 284–294.

Петров Н. В., Сорокин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941 гг.: Справочник. М., 1999.

Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы / под ред. А. Г. Волкова, Г. К. Оксенойт, В. Н. Барановского. М., 1990.

Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917–1941 гг.). Томск, 1976.

Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск, 1978.

Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Похлебкин В. В. СССР – Финляндия. 260 лет отношений, 1713–1973. М., 1975.

Промышленные рабочие Карелии в XX веке / под ред. Ю. М. Килина, Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова. Петрозаводск, 1991.

Розанов М. Соловецкий концлагерь в монастыре, 1922–1939 гг. Факты. Домыслы. «Параши»: Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. В 2 кн. и 8 ч. Изд. автора, 1979.

Репухова О. Дело о контрреволюционном заговоре в Карелии в 1932–1933 гг. (Заговор финского генштаба) // Корни травы. Сб. ст. молодых историков / под ред. Л. С. Еремина, Е. Б. Жемкова. М., 1996. С. 35–44.

Россия и Финляндия в XVIII–XX вв. Специфика границы / под ред. Т. Вихавайнена. СПб., 1999.

Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность / под ред. С. Б. Кореневой, А. В. Прохоренко. СПб., 1996.

Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Соловецко-финляндская граница, 1918–1939 гг. СПб., 2000.

Семенов Ю. И. Национальная политика в императорской России. Цивилизованные окраины. М., 1997.

Семкин В. Архипелаг Белбалтлаг // Ленинградская правда. 1989. 17 июня. С. 3.

Семкин В. Белбалтлаг: приказы 1938 года // Ленинградская правда. 1990. 5 апр. С. 3.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960 гг.: Справочник / под ред. М. Б. Смирнова. М., 1998.

Сорокин В. В. К истории разработки постановления СТО об освоении Карельско-Мурманского края // История СССР. 1970. № 4.

Такала И. В поисках Эльдорадо. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Вопросы истории европейского Севера: Сб. науч. ст. / под ред. И. А. Дороховой, В. М. Ершова, И. П. Такала, М. И. Шумилова и др. Петрозаводск, 1993. С. 91–110.

Такала И. Идейные истоки национального движения в Финляндии // Вопросы истории европейского Севера: Межвуз. сб. / под ред. И. И. Каварайнен. Петрозаводск, 1980. С. 96–103.

Такала И. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Славянская финляндская студия. 1994. С. 119–140.

Филимончик С. Н. О деятельности плановой комиссии Карелии в 20-е годы. Вопросы истории европейского Севера (проблемы экономики и культуры XX в.). Петрозаводск, 1994.

Финны в России: история, культура, судьбы: Сб. науч. ст. / под ред. Е. С. Кьюрю. Петрозаводск, 1998.

Хлевнюк О. В. 1937 год. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.

Холодовский В. М. Финляндия и советская Россия, 1918–1920 гг. М., 1975.

Чухин И. Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990.

Чухин И. Карелия-37. Идеология и практика террора. Петрозаводск, 1999.

Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове. 1930–1936 гг. Мурманск, 1993.

Шумилов М. И. Карельская организация КПСС. Хроника, 1895–1987 гг. Петрозаводск, 1988.

Юргенс Б. А. Карелия в плане ГОЭЛРО // История СССР. 1964. № 2. С. 118–125.

Юргенс Б. А. Первая гидростройка на Суне: Уч. зап. Петрозаводского университета. 1962. № 11 (1). С. 60–74.

Юссила О. и др. Политическая история Финляндии. М., 1998.

Яровой А. Две повести о чекистах. Петрозаводск, 1989.

- Яровой А. О «карелизации», «финнизации» и «хромом барине» // Север. 1991. № 11. С. 137–144.
- Algvere K. V. Forest Economy in the USSR. An Analysis of Soviet Competitive Potentialities. Stockholm, 1966.
- Argenbright R. The Soviet Agitational Vehicle: State Power on the Social Frontier // Political Geography. 1998. Vol. 17. № 3. P. 255–256.
- Armstrong T. The Northern Sea Route. Soviet Exploitation of the North-East Passage. Cambridge, 1952.
- Austin P. M. Soviet Finnish: the End of a Dream // East European quarterly. 1987. № 21 (2). P. 183–205.
- Austin P. M. Soviet Karelian: the Language that Failed // Slavic review. 1992. № 51 (1). P. 16–35.
- Autio S. Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa, 1928-1941: paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki, 2002.
- Autio S. Soviet Karelian Forests in the Planned Economy of the Soviet Union, 1928–1937 // Rise and fall of Soviet Karelia / ed. A. Laine, M. Ylikangas. Helsinki, 2002. P. 70–90.
- Bacon E. The GULAG at War. Stalin's Forced Labor System in the Light of the Archives. Basingstoke, 2004.
- Bahry D. Outside Moscow. Power, Politics and Budgetary Policy in the Soviet Republics. New York, 1987.
- Baron Nick. Conflict and Complicity: the Expansion of the Karelian GULAG, 1923–1933 // Cahiers du monde russe / 2002 / № 43 (1). P. 139–180.
- Baron N. Stalinist Planning as Political Practice: Control and Repression on the Soviet Periphery. 1935–1938 // Europe-Asia studies. 2004. № 56 (3). P. 439–462.
- Baron N. The King of Karelia. Col. P. J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918–1919. A History and Memoir. London, 2007.
- Baron N. Nature, Nationalism and Revolutionary Regionalism: Constructing Soviet Karelia, 1920–1923 // Journal of Historical Geography. 2007. № 33 (3). P. 565–595.
- Baron N. New Spatial Histories of Twentieth Century Russia and the Soviet Union: Surveying the Landscape // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. 2007. № 55 (3). S. 374–400.
- Baron N. La revolution et ses limites: conscience de la frontiere sovietique et dynamique du developpement regional, 1918–1928 // La frontiere communiste de l'Europe. De la revolution d'Octobre a la destalinisation / ed. S. Coeure, S. Dullin. Paris, 2008.
- Baykov A. The Development of the Soviet Economic System. An Essay on the Experience of Planning in the USSR. Cambridge, 1946.
- Berliner J. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, 1957.

Beyond the Limits. The Concept of Space in Russian History and Culture / ed. J. Smith. Helsinki: Finnish Historical Society, 1999.

Binner R., Junge M. Wie der Terror «Gross» wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447 // *Cahiers du Monde russe*. 2001. № 42 (2) 4. P. 557–613.

Binner R., Junge M. «С этой публикой церемониться не следует». Die Zielgruppen des Befehls № 00447 und der grosse Terror aus der Sicht des Befehls № 00447 // *Cahiers du Monde russe*. 2002. № 43 (1). P. 181–228.

Carr E. H. The Bolshevik Revolution, 1917–1923. London, 1966. Vol. 1–3.

Carr E. H. Socialism in One Country, 1924–1926. London, 1966. vol. 2.

Carr E. H., Davies R. W. Foundations of a Planned Economy, 1926–1929. Harmondsworth, 1974–1976. Vol. 1–3.

Chandler A. Institutions of Isolation. Border Controls in the Soviet Union and its Successor States, 1917–1993. Montreal, Kingston, 1998.

Conquest R. The Great Terror. A Reassessment. London, 1990.

Dallin D. J., Nicolaevsky B. I. Forced Labor in Soviet Russia. New York, 1974.

Davies R. W. The Development of the Soviet Budgetary System. Cambridge, 1958.

Davies R. W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Basingstoke, 1989.

Davies R. W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. London, 1996.

Easter G. M. Reconstructing the State. Personal Networks and Elite Identity in Soviet Russia. Cambridge, 2000.

Engman M. State Terrorism as Diplomacy: Aspects of Finnish-Soviet Relations, 1918–1920 // *Studia Baltica Stockholmensia*. 1991. № 8.

Engman M. Carelians Between East and West // *Ethnicity and Nation Building in the Nordic World* / ed. S. Tagil. London, 1995. P. 217–245.

Fainsod M. Smolensk Under Soviet Rule. London, 1959.

Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivisation. Oxford, 1994.

GULAG. Il sistema dei lager in URSS / ed. M. Flores, F. Gori. Milan, 1999.

Gelb M. Karelian fever: the Finnish Immigrant Community During Stalin's Purges // *Europe-Asia studies*. 1993. № 45 (6). P. 1091–1116.

Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // *Nationalities papers*. 1996. № 24 (2). P. 237–268.

Getty J. A. The Origins of the Great Purges. The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. Cambridge, 1985.

Getty J. A. Excesses are not permitted: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *The Russian review*. 2002. № 61 (1). P. 113–138.

Goodman E. R. *The Soviet Design for a World State*. New York, 1960.

Centre and Periphery. *Spatial Variation in Politics* / ed. J. Gottman. Beverly Hills, 1980.

Hakli J. Cultures of Demarcation: Territory and National Identity in Finland // *Nested Identities. Nationalism, Territory and Scale* / ed. G. H. Herb, D. H. Kaplan. Lanham, 1999. P. 123–149.

Harris J. The Growth of GULAG: Forced Labour in the Urals Region, 1929–1931 // *Russian Review*. 1997. № 56 (2). P. 265–280.

Harris J. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, 1999.

Haslam J. *Soviet Foreign Policy. 1930–1933. The Impact of the Depression*. London, 1983.

Haslam J. *The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939*. London, 1984.

Hirsch F. Towards an Empire of Nations: Border-Making and the Formation of Soviet National Identities // *Russian Review*. 2000. № 59. P. 201–226.

Hirsch F. *Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005.

Hodgson J. H. *Communism in Finland. A History and Interpretation*. Princeton, 1967.

Hokkanen L., S. Karelia. *A Finnish-American Couple in Stalin's Russia, 1934–1941*. St. Cloud, 1991.

Ivanova G. *Labor Camp Socialism. The GULAG in the Soviet Totalitarian System*. Armonk, New York, 2000.

Jaaskelainen M. *Die ostkarelische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogramms und die Versuche zu seiner Verwicklung in der Aussenpolitik Finnlands in den Jahren 1918–1920*. Helsinki, 1965.

Jakobson M. *Origins of the Gulag. The Soviet Prison Camp System, 1917–1934*. Kentucky, 1993.

Jansen M., Petrov N. *Stalin's Loyal Executioner: People's Commissar Nikolai Ezhov, 1895–1940*. Stanford, 2002.

Kangaspuro M. *Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta: nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankayytossa 1920–1939*. Helsinki, 2000.

Kastner H. *Die sozialistischer Industrialisierung des europaischen Nordens der UdSSR (1925–1937)* // *Jahrbuch für Geschichte (DDR)*. 1987. № 34.

Kauppala P. *Die qualvolle Geburt und das kurze Aufbluhen des autonomen Sowjet-Karelien. Ost-Karelien, 1917–1930* // *Finnland-Studien* / ed. E. Hosch. Wiesbaden, 1990. S. 204–207.

Kauppala P., Vitukhnovskaia M. Ost-Karelien am Vorabend der Grossen Russischen Revolution. Immobiler Staatsmonopolismus und innere Einmauerung // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Russland in der Spatphase des Zarenreiches / ed. H. Haumann, S. Plaggenborg. Frankfurt-am-Main, 1994.

Keel J. A. Mystery Aeroplanes of the 1930's // Flying Saucer Review. 1970. Vol. 16. Part 3. P. 10–13. Part 4. P. 9–14.

Kero R. The Role of the Finnish Settlers from North America in the Nationality Question in Soviet Karelia in the 1930's // Scandinavian journal of history. 1981. № 6. P. 229–241.

Kero R. Neuvosto-Karjalaa Rakentamassa. Pohjois-Amerikan suomalaiset tekniikan tuojina 1930-luvun Neuvosto-Karjalassa. Helsinki, 1983.

Khlevniuk O. V. The History of the Gulag. From Collectivization to the Great Terror. New Haven, London, 2004.

Kirkinen H., Nevalainen P., Sihvo H. Karjalan Kansan Historia. Porvoo, 1994; Аббревиатуры как в кн. «История карельского народа» (Петрозаводск, 1998).

Kostiainen A. Die ungebetenen Gäste. Wie die Sowjetunion die während der grossen Wirtschaftskrise illegal aus Finnland gekommenen Arbeitskräfte nutzte // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1989. № 37. S. 175–195.

Kostiainen A. Loikkarit. Suuren Lamakauden Laiton Siirtolaisuus Neuvostoliiton. Helsinki, 1998.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as Civilisation. Berkeley, 1995.

Kuusinen A. Before and after Stalin. A Personal Account of Soviet Russia from the 1920's to the 1960's. London, 1974.

Kuziakina N. Theatre in the Solovki Prison Camp. Luxembourg, 1995.

Rise and Fall of the Soviet Karelia / ed. A. Laine, Y. Mikko. Helsinki, 2002.

Lefebvre H. The Production of Space. Oxford, 1992.

Likhachev D. S. Reflections on the Russian Soul. A Memoir. Budapest, New York, 2000.

Lorimer F. The Population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946.

McCannon J. Red Arctic. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union. Oxford, 1998.

Martin T. The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cambridge, 2001.

Mazour A. G. Finland Between East and West. Westport, 1956.

Merridale C. Night of Stone. Death and Memory in Russia. London, 2000.

- Moon D. *The Russian Peasantry, 1600–1930. The World the Peasants Made*. London, 1999.
- Nordlander D. J. *Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s* // *Slavic review*. 1998. № 57 (4). P. 791–812.
- Nove A. *An Economic History of the USSR, 1917–1991*. London, 1992.
- Paasi A. *Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. Chichester, 1996.
- Paasivirta J. *Finland and Europe. The Early Years of Independence, 1917–1939*. Helsinki, 1988.
- Paastela J. *Finnish Communism under Soviet Totalitarianism*. Helsinki, 2003.
- Pallot J., Shaw D. J. B. *Planning in the Soviet Union*. London, 1981.
- Plumper J. *Abolishing Ambiguity: Soviet Censorship Practices in the 1930s* // *Russian review*. 2001. № 60. P. 526–544.
- Polvinen T. *Die finnischen Eisenbahnen in den militarischen und politischen Planen Russlands vor der ersten Weltkrieg*. Helsinki, 1962.
- Centre-Local Relations in the Stalinist State, 1928–1941* / ed. E. A. Rees. London, 2002.
- Rieber A. J. *Zhdanov in Finland* // *Carl Beck Papers in Russian and East European studies*. 1995. № 1107.
- Ruder C A. *Making History for Stalin. The Story of the Belomor Canal*. Gainesvill, 1998.
- Scott J. C. *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Conditions have Failed*. New Haven, London, 1998.
- Sevander M. *Red Exodus: Finnish-American Emigration to Russia*. Duluth, Minnesota, 1993.
- Shils E. *Centre and Periphery. Essays in Macrosociology*. Chicago, 1973.
- Sihvo H. *Karelia: Battlefield, Bridge, Myth* // *Finland: People, Nation, State* / ed. M. Engman, D. Kirby. London, 1989. P. 57–72.
- Sihvo H. *Karelia: History, Ideals, Identity. Karelian History from the Finnish Point of View* // *Karelia and St Petersburg. From Lakeland Interior to European Metropolis* / ed. E. Varis, S. Porter. Joensuu, 1996. P. 11–25.
- Stalinism. New Directions* / ed. Sh. Fitzpatrick. London, 2000.
- Smith J. *The Bolsheviks and the National Question, 1917–1923*. London, 2001.
- Solzhenitsyn A. *The Gulag Archipelago, 1918–1956. An Experimenting Literary Investigation*. London, 1975. Part 3.
- Stettner R. *«Arkipel Gulag»: Stalins Zwangslager. Terrorinstrument und Wirtschaftsgigant*. Paderborn, 1996.
- Stora N. *Ostkarelsche Wanderhandler als Kulturvermittler in Finnland* // *Jahrbuch für Volkskunde und kulturgeschichte*. 1989. № 32. S. 34–43.

Sunderland W. Images of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für geschichte Osteuropas*. 2000. № 48. S. 210–232.

Swianiewicz S. Forced Labour and Economic Development. An Enquiry into the Experience of Soviet Industrialization. London, 1965.

The Dividing Line. Borders and National Peripheries / ed. L.-F. Landgren, M. Hayrynen. Helsinki, 1996.

The Landscape of Stalinism: the Art and Ideology of the Soviet Space / ed. E. Dobrenko, E. Naiman. Seattle, London, 2003.

Tucker R. C. Stalin in Power. The Revolution from above, 1928–1941. New York, 1992.

Tuominen A. The Bells of the Kremlin. An Experience in Communism. Hannover, London, 1983.

Upton A. F. The Finnish Revolution, 1917–1918. Minneapolis, 1980.

Vihavainen T. Internationalists Ordeal. The Peculiar Story of the Red Finns in Soviet Russia // *Scandinavian Journal of History*. 1985. № 10 (1). P. 55–74.

Vitukhovskaia M. Cultural and Political Reaction in Russian Karelia in 1906–1907. State Power, the Orthodox Church and the “black hundreds” against Karelian Nationalism // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2001. № 48. S. 24–44.

Von Geldern J. The Centre and the Periphery: Cultural Social Geography in the Mass Culture of the 1930's // *New Directions in Soviet History* / ed. S. White. Cambridge, 1992. P. 62–80.

Widdis E. Visions of a New Land. Soviet Film from the Revolution to the Second World War. New Haven, London, 2003.

Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004.

Zaleski E. Planning for Economic Growth in the Soviet Union, 1918–1932. Chapel Hill, 1971.

Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. London, 1980.

Ж. НЕИЗДААННЫЕ РУКОПИСИ, ДИССЕРТАЦИИ И РАБОТЫ

Достоевская Е. Тюрьмы, ссылки и концлагеря СССР. Мемуары, неизданные диссертации, рукописи, Бахметьевский архив, б-ка Колумбийского Университета, Нью-Йорк.

Никитина О. А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии: диссертация. М., 1993.

Хмелев А. Н. История административно-территориального деления России. Опыт введения и изучение вопроса: неизданная работа // ГА РФ. Ф. 6984. Оп. 1. Д. 217. Л. 127.

Baron N. Sources, Methods and the Practice and Malpractice of History. The historiography of the Soviet Union in the 1930's: MPhil Thesis. University of Oxford, 1995.

Baron N. Soviet Karelia, 1920–1937. A Study of Space and Power in Stalinist Russia: PhD Thesis, University of Birmingham, 2001.

Churchill S. The East European Autonomy Question in Finnish-Soviet Relations, 1917–1922: PhD Thesis. University of London, 1967.

Kangaspuro M. Suomalainen vai Venäläinen Karjala. Neuvosto-Karjala kansallisten aatteiden taistelulenttana vuosina 1920–1939: licentiate thesis. University of Joensuu, 1996.

Kangaspuro M. Karelian Nationalism on the Path to Communism – Finnish Communists and the Workers Commune of Karelia in 1920–1923 (неизданная работа, представленная на конференции БАСВЕИ. Кембридж, 1999).

Kauppalä P. Sowjet-Karelien, 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regional experiments: PhD thesis. Albert-Ludwig University, Freiburg-im-Breisgau, 1993.

Osborn R. J. Soviet Karelia: a Case History in Soviet Nationality Policy and the Pattern of Russian Expansion: MA Thesis. Columbia University, 1953.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Советская Карелия	5
Благодарности	6
Примечания	9
Сокращения и акронимы	10
Введение	15
Новые учения о пространстве	19
Структура работы	22
ГЛАВА 1. «НЕРАЗВИТАЯ, ОТСТАЛАЯ И УГНЕТЕННАЯ ПЕРИФЕРИЯ»: ИСТОРИЯ КАРЕЛИИ	23
Территориальная форма и статус	24
Экономические отношения и демографическая структура	31
Карелия в начале XX в.	35
ГЛАВА 2. «ЦЕНТР СКАНДИНАВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАНИЦА, ГРАНИЦА КРАЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АМБИЦИИ, 1920–1928 гг.	39
Красная финская модель Карельской автономии	39
Карелия как советская пограничная область	45
Карелия в советском пространстве	62
ГЛАВА 3. ОГРАНИЧЕНИЕ АВТОНОМИИ: ФИНАНСЫ, ПЛАНИРОВАНИЕ И НАСЕЛЕНИЕ В 1920–1928 гг.	91
Образование Карельской экономической автономии	91
Население и власть на приграничной территории	123
Истоки и расширение ГУЛАГа в Карелии	138
ГЛАВА 4. «ВОПРОС ВЫЖИВАНИЯ»: ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ, 1928–1932 гг.	146
Эволюция карельской государственной границы	148
Закат экономической независимости Карелии	162

Заселяя периферию: переселение и вербовка	185
Расширение ГУЛАГа Карелии	195

ГЛАВА 5. «УРАЛО-КУЗНЕЦКИЙ КОМБИНАТ В МЕНЬШЕМ МАСШТАБЕ»: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТИ

ПЕРИФЕРИЙНОГО РАЗВИТИЯ, 1933–1937 гг.	223
Воплощение карты в жизнь: концепция карельского пространства	225
Миф второго пятилетнего плана	250
Реструктурирование власти на периферии	261
Реструктурирование населения на периферии	285

ГЛАВА 6. «РЕСПУБЛИКАНСКИЙ НКВД УНИЧТОЖИЛ ВСЕ НАШИ КАДРЫ»: ТЕРРОР НА ПЕРИФЕРИИ,

1935–1939 гг.	300
Центральный контроль и переход к террору, 1935–1936 гг. ...	300
Большой террор, 1937–1938 гг.	322
Сокращение расходов и экспансия, 1938–1939 гг.	351

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	359
Пространственная динамика развития Карелии	359
Тоталитаризм и пространство.	374

Избранная библиография	378
-------------------------------------	-----

Научное издание

История сталинизма

Барон Ник

**Власть и пространство.
Автономная Карелия в Советском государстве,
1920–1939**

Ведущий редактор *Е. Ю. Кандрашина*

Редактор *М. И. Лейко*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *Н. А. Ищик*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 02.09.2010.

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25.

Тираж 1200 экз. Заказ 10142

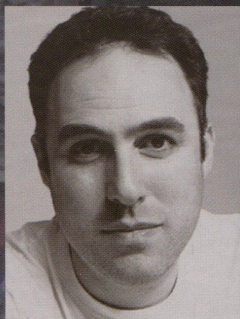
Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ВЛАСТЬ И ПРОСТРАНСТВО

Ник Барон —

адъюнкт-профессор в Школе истории Ноттингемского университета (Великобритания). Автор книги «Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России, 1918–1919. История и память» (2007; в настоящее время переводится на русский язык); редактор сборника «Воспитание нации: Перемещенные дети, государственная идеология и социальная идентичность в Восточной Европе и СССР, 1918–1953» (2011); один из редакторов изданий: «Фронтальная полоса: Возвращение гражданского населения и восстановление государства на границе СССР и Восточной Европы, 1945–1950» (2009); «Родина: Война, население и государственность в Восточной Европе и России, 1918–1924» (2004); «Советская лесная экономика. Москва – Север. 1917–1941: Сборник документов и материалов» (2005). Опубликовал много статей по российской и восточноевропейской истории XX в., а также по исторической географии. В настоящее время работает над исследованием, посвященным советской картографии.

